

АННА АХМАТОВА

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

АННА АХМАТОВА

советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

АННА АХМАТОВА

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Вступительная статья
А. А. Суркова

Составление, подготовка текста
и примечания
В. М. Жирмунского

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1976

Р 2
А 95

Настоящее издание является наиболее полным и первым научно подготовленным собранием произведений А. Ахматовой (1889—1966). В него вошли книги «Вечер», «Четки», «Белая стая», «Подорожник», «Anno Domini», а также «Тростник» и «Седьмая книга», опубликованные в сборнике «Бег времени», и поэмы. Ряд стихотворений печатается впервые по рукописям из архива А. Ахматовой.

А $\frac{70402-332}{083(02)-76}$ 354—75

ПОЭЗИЯ АННЫ АХМАТОВОЙ

Предлагаемая вниманию читателей книга наиболее полно представляет стихотворное наследие Анны Андреевны Ахматовой, голос которой на протяжении полустолетия выделялся в многоголосом хоре русской поэзии XX века.

Первые полтора десятилетия нашего века, когда Ахматова представила на суд читателей свои первые книги, были тяжелыми, трагическими годами в истории России.

Свинцовое удушье столыпинской реакции с карательными экспедициями, виселицами, расстрелами парализовало духовную жизнь страны. С трудом оправляясь от потерь, нанесенных поражением революции 1905 года, рабочий класс России, ведомый большевиками, в глубоком подполье строил ряды для будущих боев. Ренегатство и перебежки временных попутчиков революции в лагерь реакции стали в те годы повседневным явлением в жизни русской буржуазной интеллигенции.

Все виды религиозного, философского, литературного мракобесия расцветали махровым цветом.

С мистикой, «богостроительством» и «богоискательством» сосуществовало грязное порнографическое чтиво вроде арцыбашевского «Санина», романов Вербицкой, Анатолия Каменского и им подобных.

Возникшая в конце XIX века поэтическая школа символистов переживала жесточайший духовный и творческий кризис, распадаясь от внутренней дряхлости и под ударами возникших в десятые годы новых литературных течений.

Но ни акмеизм, ни футуризм, воинственно противопоставлявшие себя символизму, по самой своей природе не способны были принести обновление русской поэзии, сделать ее рупором передовых идей времени.

Вышедшие в эти годы первые книги Ахматовой сразу принесли ей всероссийскую славу, сделали ее имя самым популярным из круга

ее соратников по «Цеху поэтов», объявившему себя новой литературной школой — «акмеисты».

«Школа» эта, которой была уготована скоротечная жизнь и уход в историческое небытие, объединяла поэтов, разных по характеру дарований, степени творческой одаренности и манере письма.

К акмеизму причисляли себя Николай Гумилев, Михаил Кузмин, Сергей Городецкий, Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Владимир Нарбут, Михаил Зенкевич и некоторые другие, чьи имена давно затерялись во времени.

Рядом со склонным к экзотике и словесной бутафории Гумилевым, не чуждым стилизации Городецким, «антологическим» Мандельштамом, подчеркнуто натуралистическими Нарбутом и Зенкевичем Анна Ахматова выделялась и отделялась строгой простотой и ясностью стиха, «земным» характером своей очень автобиографической лирики, при общем и для акмеистов и для их предшественников стремлении отгородить поэзию от больших животрепещущих тем времени, ограничить творчество узким, замкнутым кругом личных переживаний и душевных движений.

Всеми этими чертами отмечены стихи Ахматовой, составившие ее первые книги «Вечер», «Четки», «Белая стая».

Эти сборники, как и вышедшие в послеоктябрьские годы книги «Подорожник» и «Anno Domini», были высоко оценены любителями поэзии и такими серьезными исследователями, как Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум, В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский.

В. М. Жирмунский, посвятивший творчеству Ахматовой многие годы своей исследовательской работы, в одной из ранних статей, выделив Ахматову как самую яркую представительницу тогдашнего молодого поколения поэтов, отмечал, что его как исследователя интересуют «те особенности времени, которые ставят стихи Ахматовой в период иных художественных стремлений и иных душевных настроений, чем те, которые господствовали в литературе последней четверти века. Эти черты, принципиально новые, принципиально отличные от лирики русских символистов, заставляют... видеть в Ахматовой лучшую и самую типичную представительницу молодой поэзии». *

Б. М. Эйхенбаум, напоминая, что «1912 год, год появления первой книги стихов Анны Ахматовой, знаменателен в истории русской поэзии как момент образования новых поэтических групп», считал,

---

* В. М. Жирмунский, Преодолевшие символизм. — В кн.: «Вопросы теории литературы», Л., 1928, с. 289.

что «популярность Ахматовой не знаменует собой начала новых больших движений, а свидетельствует о достигнутом ею равновесии, к которому с самого начала стремились акмеисты, — равновесии между стихом и словом, между стихией ритма и стихией слова». *

Ю. Н. Тынянов в написанной в 1924 году статье «Промежуток» писал, что в начальную пору своего творчества Ахматова была «в плену у собственных тем», но «была нова и ценна не своими темами, а *несмотря* на свои темы», что был «новым явлением ее камерный стиль, ее по-домашнему угловатое слово». **

Надо отметить, что большинство исследователей, посвятивших свои труды творчеству Анны Ахматовой, и в начале ее пути и в последующие годы как правило рассматривали его в замкнутом литературном ряду, вне обстоятельств исторической действительности того времени. Читая эти труды, создаешь ясное представление об особенностях ее творческого почерка, ее словесного инструментария, но не получаешь ответа на вопрос, какими обстоятельствами времени обусловлен выбор ею темы, жанра, вся совокупность средств выражения.

Современному читателю импонирует афористическая краткость, выпуклая выразительность лирики Ахматовой, убедительно раскрываемые в ее лишенных и тени украшательства стихах большой поэтический дар и сильный лирический характер. И современный читатель ищет объяснения тому, чем вызвана сковывающая талант, стеснившая и сузившая границы духовного мира замкнутость в кругу бесконечных вариаций сменяющих одна другую влюбленностей, любовных разочарований, разрывов и новых влюбленностей, составляющих главное содержание переживаний лирической героини. Ведь только ясный, самобытный, сильный талант Ахматовой спасал ее лирику от унылой монотонности повторения по существу только одной темы, поднимая личное, автобиографическое до высоты общечеловеческого.

Завороженная в начальные годы своей литературной судьбы узколичной, сугубо интимной темой, Ахматова в значительнейшей части лирики находилась вне потока времени, которому она была современницей.

Погруженная в мир интимных переживаний лирическая героиня Ахматовой, вновь и вновь переживая миги любовного экстаза и горечь разрывов, перемежаемые вспышками экзальтированной право-

---

* Б. Эйхенбаум, Анна Ахматова. Опыт анализа, Пбг., 1923, с. 9 и 26.

** Юрий Тынянов, Промежуток. — В кн.: «Архаисты и новаторы», Л., 1929, с. 550, 551.

славно-религиозной мистики, не слышит того, что в эти годы по России прокатываются огромные волны жесточайших классовых схваток, что неотвратимо надвигаются, чтобы взорваться летом 1914 года, трагические бедствия первой мировой войны, чреватой для судьбы России предвестиями великого революционного взрыва.

Первая мировая война не могла не оставить следа в творчестве Ахматовой. Она почувствовала ее как великую народную беду.

В дни, когда страницы газет и журналов захлестывал ливень псевдопатриотических стихов, Ахматова в стихотворении «Июль 1914» пишет о том, как в канун войны

Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затменья небесных светил...»

А когда это пророчество сбылось, до слуха поэтессы донеслось, что по русским деревням

Над ребятами стонут солдатки,
Вдовий плач по деревне звенит,

что в несущий несчастья «сухой» год

Красной влагой тепло окропились
Затоптанные поля...

И потому, что кровавые кошмары войны больно ранили сердце, среди стихов Ахматовой тех дней возникли строки:

Из памяти, как груз отныне лишний,
Исчезли тени песен и страстей.
Ей — опустевшей — приказал всевышний
Стать страшной книгой грозовых вестей.

(«Памяти 19 июля 1914»)

Однако этот прорыв к большой, трагической теме времени не нашел продолжения в том, что написано Ахматовой в последующие годы.

В тысяча девятьсот шестнадцатом году, когда русские армии истекали кровью на полях Белоруссии и Украины, Ахматова в слепневском имении писала дышащие душевным спокойствием строки:

Течет река неспешно по долине,
Многооконный на пригорке дом.
А мы живем как при Екатерине:
Молебны служим, урожая ждем.

Этими и подобными им стихами заполнены страницы книг, датируемых 1914—1916 годами. Вряд ли они могли быть случайными в творчестве поэтессы, которая делилась с читателями признанием:

А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.

(«Ива»)

Великая Октябрьская революция сделала невозвратным прошлым все, что с детства окружало поэтессу, входило в ее духовный мир, было источником пафоса ее лирики.

Канули в историческое небытие «идиллии» околопридворной жизни Царского Села. Суровая действительность революции разметала по свету публику, съезжавшуюся на концерты в Павловском вокзале, участников прогулочных поездок на острова.

А ведь всего за два года до надвигавшейся социальной катастрофы, в дни, когда совершалась кровавая трагедия мировой войны, под пером поэтессы рождались восторженные строки:

Что сталось с нашей столицей,
Кто солнце на землю низвел?
Казался летящей птицей
На штандарте черный орел.

На дикий лагерь похожим
Стал город пышных смотров,
Слепило глаза прохожим
Сверканье пик и штыков.

И серые пушки гремели
На Троицком гулком мосту,
А липы еще зеленели
В таинственном Летнем саду.

*(«Тот август
как желтое пламя...»)*

Картины этого прошлого, милого сердцу, вновь возникают в памяти Ахматовой в стихах, датированных 1919 годом:

Зажженных рано фонарей
Шары висячие скрежещут,
Всё праздничнее, всё светлей
Снежинки, пролетая, блещут.

И, ускоряя ровный бег,
Как бы в предчувствии погони,
Сквозь мягко падающий снег
Под синей сеткой мчатся кони.

И раззолоченный гайдук
Стоит недвижно за санями,
И странно царь глядит вокруг
Пустыми светлыми глазами.

(«Призрак»)

Эти видения прошлого, обступая поэтессу, мешают ей понять и принять то, что чуткий к движению истории Александр Блок назвал музыкой революции.

Еще в июне 1917 года, наблюдая происходящее в столице, Ахматова пишет:

Не ласки жду я, не любовной лести,
В предчувствии неотвратимой тьмы...

(«Я слышу иволги всегда печальный голос...»)

Такой «неотвратимой тьмой» представилась ей впоследствии революция, совершенная рабочим классом России. Ей казалось, что «всё расхищено, предано, продано», что «черной смерти мелькало крыло», что «всё голодной тоскою изглодано».

Неприятие происходящего отчетливо выразилось в начальных строках, впоследствии отброшенных самой Ахматовой, стихотворения «Мне голос был. Он звал утешно...», написанного в 1917 году. Тот же мотив прозвучал и в стихах, написанных в июле 1921 года:

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам,

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

Эти и другие строки, написанные Ахматовой в первые послеоктябрьские годы, показывают, что, тысячами нитей связанная со старой Россией, она не поняла того, что принесла ее родине Октябрьская революция.

Симптоматично, однако, что в том же 1921 году Ахматова возвращается к стихотворению «Мне голос был. Он звал утешно...» и создает новую его редакцию. Она переделывает начало и завершает стихотворение строками, решительно отвергающими недостойные речи тех, кто предлагает ей покинуть родную землю:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Отвергая «утешные» голоса, зовущие на чужбину, куда ушли ее современники — Иван Бунин, Константин Бальмонт, Вячеслав Иванов, «младшие» акмеисты — Георгий Иванов и Георгий Адамович, не желая есть «пахнущий полынью» чужой хлеб, Ахматова осталась

на родине с готовностью разделить ее пусть пока еще непонятную и страшащую поэтессу судьбу.

Стихи, написанные Ахматовой между 1917 и 1941 годами, наглядно показывают, что не сразу, не вдруг лирическая муза ее освоилась с новой действительностью, начала звучать в унисон с чувствами, которыми жил народ в бурную первую четверть века своей послеоктябрьской истории.

Читая стихи тех лет, чувствуешь, как трудно духовно сложившемуся, глубоко органическому лирику разрывать связи с прошлым, преодолевать инерцию долголетнего пребывания в мире сугубо интимных переживаний, понять, принять и перелить в лирическую строку то новое, что происходит в окружающем его обществе.

Оценивая написанное Ахматовой в первую четверть новой истории ее родины, нельзя скидывать со счета сложность и трагичность ее жизненного и литературного пути.

Важнейшим рубежом на творческом пути Ахматовой стал 1941 год — начало Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

Великое бедствие долгой истребительной войны, обрушившейся на голову нашего народа, застало Анну Ахматову в Ленинграде, который к осени стал фронтовым городом и пронес сквозь девятьсот дней блокады невиданные в истории человечества мужество и стойкость.

В Ленинграде осенью 1941 года Анна Ахматова всем сердцем ощутила испепеляющий зной дыхания большой войны.

Любовь к России спасла поэтессу в 1917 году от соблазна уехать за границу, в эмиграцию. Любовь к родной земле, попираемой пятой чужеземца, любовь, укрепленная опытом и мудростью прожитых трудных лет, ввела *русскую* поэтессу Анну Ахматову в круг русских *советских* поэтов.

Страницы истории русской поэзии первой половины двадцатого века, на которых вписаны названия и дооктябрьских и послеоктябрьских книг Ахматовой, обогатились записью, знаменующей новый этап в ее жизни и творчестве.

Замкнутая отрешенность интимно-лирической темы, свойственная всем этапам творческого пути Ахматовой в довоенные годы, отступает перед горячей патриотической, общественной взволнованностью, уступает место благородному гуманизму человека, потрясенного судьбой родины, участью своих сограждан, их страданиями и болью.

На смену стихам, милым сердцу утонченных ценителей и ревнителей интимной лирики, приходят строки, внятные сердцам миллионов соотечественников.

В феврале 1942 года, когда фашистские полчища сжимали Ленинград в стальном кольце блокады, когда они рвались на юг и юго-восток страны, когда только-только удалось отбросить вражьи армии от ближних подступов к Москве, на страницах «Правды», рядом с военными сводками и фронтовыми корреспонденциями, появляется за подписью Анны Ахматовой стихотворение «Мужество»:

Мы знаем, чтó ныне лежит на весах
И чтó совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Помню, как читал я это стихотворение в Колонном зале Дома Союзов, во время воздушной тревоги в прифронтовой Москве, и какими горячими аплодисментами ответила на эти строки строгая, на две трети солдатская, аудитория того незабываемого литературного вечера.

Вчитываясь в лирические стихи Ахматовой, навеянные событиями военных лет, ощущая в них неизменную ахматовскую интонацию, чувствуешь, как при всем этом контрастируют они с содержанием ее довоенных книг.

Без подписи можно угадать, чьим пером написано четверостишие:

И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

(«Клятва»)

Читая эти строки, нельзя не заметить новую, волевую энергию, ими движущую.

Образ России, страдающей, вынужденной отступать на восток, но непобежденной и непобедимой, встает перед читателем в строках, обдуманных и прочувствованных в тяжелые дни осени 1941 года:

От того, что сделалось прахом,
Не сраженная смертным страхом
И отмщения зная срок,
Опустивши глаза сухие
И сжимая уста, Россия
    В это время шла на восток.
И себе же самой навстречу,
Непреклонно, в грозную сечу,
    Как из зеркала наяву,
Ураганом — с Урала, Алтая,
Долгу верная, молодая,
Шла Россия спасать Москву.

Много глубокой скорби в стихах, написанных Ахматовой в дни ташкентской эвакуации. Много материнской печали о загубленных детях, о согражданах-ленинградцах, сраженных холодом и голодом блокадных дней.

Птицы смерти в зените стоят.
Кто идет выручать Ленинград?

Не шумите вокруг — он дышит,
Он живой еще, он всё слышит:

Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,

Как из недр его вопли: «Хлеба!» —
До седьмого доходят неба...

Горькие, терпкие строки! Но нет в них ни безнадежности, ни отчаянья. В них звучит гнев и уверенность в неизбежном, неотвратимом возмездии. И вера в будущее, олицетворенное в детях, спасенных от смерти:

Победа у наших стоит дверей...
Как гостью желанную встретим?
Пусть женщины выше поднимут детей,
Спасенных от тысячи тысяч смертей, —
Так мы долгожданной ответим.

(«Победа»)

И голос материнской гордости звучит в строках, рожденных вестью о ленинградской победе:

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки, —
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки, —
Внуки, братики, сыновья!

(«Победителям»)

Невиданные испытания, перенесенные народом, обострили духовное зрение Ахматовой, безгранично расширили круг ее видения.

И может быть, впервые в своей жизни она ощутила во всей полноте свою слиянность с землей, на которой родилась, на которой вкусила и от радостей и от горестей бытия.

На сотни верст, на сотни миль,
На сотни километров
Лежала соль, шумел ковыль,
Чернели рощи кедров.
Как в первый раз я на нее.
На Родину, глядела.
Я знала: это всё мое —
Душа моя и тело.

(«С самолета»)

И так же впервые пришло «чувство семьи единой» как один из могучих источников нашей победы. Встречая третью весну под добрым небом Узбекистана, Ахматова писала:

...Не забуду я никогда
До часа смерти,
Как был отраден мне звук воды
В тени древесной.
Персик зацвел, а фиалок дым
Всё благовонней.
Кто мне посмеет сказать, что здесь
Я на чужбине?!

(«Третью весну встречаю вдали...»)

Это же чувство родства, обретенного в беде, диктует поэтессе строки:

Он прочен, мой азийский дом,
И беспокоиться не надо...
Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.

(«Я не была здесь лет семьсот...»)

А предчувствие близящейся победы уже за год до ее свершения, в мае 1944 года, рождает высокий мажор строк:

И весеннего аэродрома
Шелестит под ногой трава.
Дома, дома, — ужели дома!
Как всё ново и как знакомо,
И такая в сердце истома,
Сладко кружится голова...
В свежем грохоте майского грома —
Победительница Москва!

(«С самолета»)

Говоря о стихах Ахматовой, написанных в годы войны, отмечая и выделяя их гражданский и патриотический пафос, было бы неправильно умолчать о том, что в эти же годы и месяцы нередко, как отзвуки прошлого, прорывались стихи, продиктованные отчаянием и острым ощущением трагического одиночества.

Но тот порыв в большой мир народной жизни, выражением которого была патриотическая лирика Ахматовой 1941—1945 годов, не прошел бесследно в ее творческой биографии.

Как закономерное продолжение патриотической лирики военных лет прозвучали в иное, мирное время написанные в 1950 году стихи «Говорят дети», «В пионерлагере», «Песня мира», «Прошло пять лет, — и залечила раны...», «Приморский парк Победы».

Вера в будущее, олицетворенное в детях, чья «золотая пора» обожжена, но не испепелена губительным огнем войны, звучит в этих стихах. Над воспоминаниями о только что пережитой человечеством трагедии, поднимается тот,

Кто спрашивал:
«Когда отца убили?»
Ему никто не смеет возразить,
Остановить его и переспорить.

Вот он, светлоголовый, ясноглазый,
Всеобщий сын, всеобщий внук.
Клянемся,
Его мы сохраним для счастья мира!

Ту же непоколебимую уверенность в радостном будущем «всея земли» излучают строки увенчанного пушкинским эпиграфом «Здравствуй, племя младое, незнакомое» стихотворения «В пионерском лагере»:

Под ярко-голубыми небесами
Огромный парк был полон голосами,
И даже эхо стало молодым...
...Там дети шли с знаменами своими,
И Родина сама,
любуясь ими,
Незримое чело склонила к ним.

Радуясь вместе со своими согражданами тому, что «для мирной жизни юных поколений, От Каспия и до полярных льдов, Как памятники выжженных селений, Встают громады новых городов», радуясь тому, что в Ленинграде «каждый посадил по деревцу на той косе, и топкой и пустынной, на память о великом Дне Победы», Анна Ахматова пишет «Песню мира»:

Качаясь на волнах эфира,
Минуя горы и моря,
Лети, лети голубкой мира,
О песня звонкая моя!
И расскажи тому, кто слышит,
Как близок долгожданный век,
Чем ныне и живет и дышит
В твоей Отчизне человек.
Ты не одна — их будет много,
С тобой летящих голубей, —
Вас у далекого порога
Ждет сердце ласковых друзей.
Лети в закат багрово-алый,
В удушливый фабричный дым
И в негритянские кварталы,
И к водам Ганга голубым.

Этими и подобными им стихами, написанными в военные и послевоенные годы, Ахматова заняла свое особое, не купленное ценой

каких-либо моральных и социальных компромиссов место в современной русской *советской* поэзии.

За рамками предлагаемой вниманию читателей книги остается обширное наследие Анны Ахматовой — переводчицы мировой поэтической классики, народной поэзии, стихов современных поэтов братских народов Советского Союза.

Среди этого наследия многое замечательно высоким мастерством и неповторимой творческой индивидуальностью взыскательного мастера стиха.

* * *

Нелегок, отмечен глубокими, не лишенными трагизма противоречиями полустолетний путь Анны Ахматовой в русской поэзии.

Отзвуки крушения мира, лирическим выразителем которого вошла в русскую дооктябрьскую поэзию Анна Ахматова, давали себя чувствовать в ее стихах всех послеоктябрьских лет.

Слыша в пооктябрьском творчестве поэтессы только эти отзвуки, зарубежные «ходатаи по делам русской литературы» пытаются убедить читателей своих нечистоплотных «штудий» в том, что Ахматова была и осталась до последнего дня своей жизни внутренней эмигранткой, враждебной обществу, в котором протекала большая половина ее жизни.

И в послевоенные годы, после опубликования постановления ЦК партии о журналах «Звезда» и «Ленинград», и в шестидесятые годы, когда поэтесса, удостоенная звания почетного доктора Оксфордского университета и итальянской международной литературной премии, выезжала за рубеж — в Италию, Англию, Францию, — она твердо и решительно отстраняла всех непрошеных «адвокатов», надеявшихся услышать жалобы на превратности судьбы, слова обиды и осуждения того нового, что внесла Октябрьская революция в жизнь ее родины.

Как итог сложно прожитой жизни звучат заключительные строки автобиографии, предпосланные Ахматовой изданному в 1961 году сборнику ее избранных стихов. Ими завершается также ее автобиографическая заметка, написанная незадолго до смерти, в 1965 году (Анна Андреевна Ахматова скончалась 5 марта 1966 года):

«Я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных».

Ал. Сурков

КОРОТКО О СЕБЕ

Я родилась 11 (23) июня 1889 года под Одессой (Большой Фонтан). Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота. Годовалым ребенком я была перевезена на север — в Царское Село. Там я прожила до шестнадцати лет.

Мои первые воспоминания — царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в «Царскосельскую оду».

Каждое лето я проводила под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих лет — древний Херсонес, около которого мы жили.

Читать я училась по азбуке Льва Толстого. В пять лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, я тоже начала говорить по-французски.

Первое стихотворение я написала, когда мне было одиннадцать лет. Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина («На рождение порфирородного отрока») и Некрасова («Мороз, Красный Нос»). Эти вещи знала наизусть моя мама.

Училась я в Царскосельской женской гимназии. Сначала плохо, потом гораздо лучше, но всегда неохотно.

В 1905 году мои родители расстались, и мама с детьми уехала на юг. Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу и писала великое множество беспомощных стихов. Отзвуки революции Пятого года глухо доходили до отрезанной от мира Евпатории. Последний класс проходила в Киеве, в Фундуклеевской гимназии, которую и окончила в 1907 году.

Я поступила на юридический факультет Высших женских курсов в Киеве. Пока приходилось изучать историю права и особенно латынь, я была довольна; когда же пошли чисто юридические предметы, я к курсам охладела.

В 1910-м (25 апреля ст. ст.) я вышла замуж за Н. С. Гумилева, и мы поехали на месяц в Париж.

Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа (которую описал Золя) была еще не совсем закончена (бульвар Raspail). Вернер, друг Эдисона, показал мне в «Taverne de Pantéon» два стола и сказал: «А это ваши социал-демократы, тут — большевики, а там — меньшевики». Женщины с переменным успехом пытались носить то штаны (jupes-cullottes), то почти пеленали ноги (jupes-entravées). Стихи были в полном запустении, и их покупали только из-за виньеток более или менее известных художников. Я уже тогда понимала, что парижская живопись съела французскую поэзию.

Переехав в Петербург, я училась на Высших историко-литературных курсах Раева. В это время я уже писала стихи, вошедшие потом в мою первую книгу.

Когда мне показали корректуру «Кипарисового ларца» Иннокентия Анненского, я была поражена и читала ее, забыв все на свете.

В 1910 году явно обозначился кризис символизма, и начинающие поэты уже не примыкали к этому течению. Одни шли в футуризм, другие — в акмеизм. Вместе с моими товарищами по Первому Цеху поэтов — Мандельштамом, Зенкевичем и Нарбутом — я сделалась акмеисткой.

Весну 1911 года я провела в Париже, где была свидетельницей первых триумфов русского балета. В 1912 году проехала по Северной Италии (Генуя, Пиза, Флоренция, Болонья, Падуя, Венеция). Впечатление от итальянской живописи и архитектуры было огромно: оно похоже на сновидение, которое помнишь всю жизнь.

В 1912 году вышел мой первый сборник стихов — «Вечер». Напечатано было всего триста экземпляров. Критика отнеслась к нему благосклонно.

Первого октября 1912 года родился мой единственный сын Лев.

В марте 1914 года вышла вторая книга — «Четки». Жизни ей было отпущено примерно шесть недель. В начале мая петербургский сезон начинал замирать, все понемногу разъезжались. На этот раз расставание с Петербургом оказалось вечным. Мы вернулись не в Петербург, а в Петроград, из XIX века сразу попали в XX, все стало иным, начиная с облика города. Казалось, маленькая книга любовной лирики начинающего автора должна была потонуть в мировых событиях. Время распорядилось иначе.

Каждое лето я проводила в бывшей Тверской губернии, в пятнадцати верстах от Бежецка. Это не живописное место: распаханные

ровными квадратами на холмистой местности поля, мельницы, трясины, осушенные болота, «воротца», хлеба, хлеба... Там я написала очень многие стихи «Четок» и «Белой стаи». «Белая стая» вышла в сентябре 1917 года.

К этой книге читатели и критика несправедливы. Почему-то считается, что она имела меньше успеха, чем «Четки». Этот сборник появился при еще более грозных обстоятельствах. Транспорт замирал — книгу нельзя было послать даже в Москву, она вся разошлась в Петрограде. Журналы закрывались, газеты тоже. Поэтому в отличие от «Четок» у «Белой стаи» не было шумной прессы. Голод и разруха росли с каждым днем. Как ни странно, ныне все эти обстоятельства не учитываются.

После Октябрьской революции я работала в библиотеке Агрономического института. В 1921 году вышел сборник моих стихов «Подорожник», в 1922 году — книга «Anno Domini».

Примерно с середины 20-х годов я начала очень усердно и с большим интересом заниматься архитектурой старого Петербурга и изучением жизни и творчества Пушкина. Результатом моих пушкинских штудий были три работы — о «Золотом петушке», об «Адольфе» Бенжамена Констана и о «Каменном госте». Все они в свое время были напечатаны.

Работы «Александрина», «Пушкин и Невское взморье», «Пушкин в 1828 году», которыми я занимаюсь почти двадцать последних лет, по-видимому, войдут в книгу «Гибель Пушкина» ⟨...⟩

Отечественная война 1941 года застала меня в Ленинграде. В конце сентября, уже во время блокады, я вылетела на самолете в Москву.

До мая 1944 года я жила в Ташкенте, жадно ловила вести о Ленинграде, о фронте. Как и другие поэты, часто выступала в госпиталях, читала стихи раненым бойцам. В Ташкенте я впервые узнала, что такое в палящий жар древесная тень и звук воды. А еще я узнала, что такое человеческая доброта: в Ташкенте я много и тяжело болела.

В мае 1944 года я прилетела в весеннюю Москву, уже полную радостных надежд и ожидания близкой победы. В июне вернулась в Ленинград.

Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так поразил меня, что я описала эту мою с ним встречу в прозе. Тогда же возникли очерки «Три сирени» и «В гостях у смерти» — последнее о чтении стихов на фронте в Териоках. Проза всегда казалась мне и тайной и соблазном. Я с самого начала все знала про стихи — я никогда ничего не знала о прозе. Первый мой опыт все очень хвалили, но я,

конечно, не верила. Позвала Зощенку. Он велел кое-что убрать и сказал, что с остальным согласен. Я была рада ⟨...⟩

Меня давно интересовали вопросы художественного перевода. В послевоенные годы я много переводила. Перевожу и сейчас.

В 1962 году я закончила «Поэму без героя», которую писала двадцать два года.

Прошлой зимой, накануне дантовского года, я снова услышала звуки итальянской речи — побывала в Риме и на Сицилии. Весной 1965 года я поехала на родину Шекспира, увидела британское небо и Атлантику, повидалась со старыми друзьями и познакомилась с новыми, еще раз посетила Париж.

Я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных.

1965

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВЕЧЕР

1912

LA FLEUR DES VIGNES POUSSE,
ET J'AI VINGT ANS CE SOIR.

André Theuriet *

I

1. ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,

То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.

24 ноября 1911
Царское Село

---

* Цветок виноградных лоз растет, и мне двадцать лет сегодня вечером. Андре Тёрье (франц.). — *Ред.*

2—4. *В ЦАРСКОМ СЕЛЕ*

1

По аллее проводят лошадок,
Длинны волны расчесанных грив.
О пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.

Странно вспомнить: душа тосковала,
Задыхалась в предсмертном бреду.
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду.

Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь, в глаза погляди.
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».

22 февраля 1911
Царское Село

2

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.

И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.

1911

3

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

24 сентября 1911
Царское Село

5

И мальчик, что играет на волынке,
И девочка, что свой плетет венок,
И две в лесу скрестившихся тропинки,
И в дальнем поле дальний огонек, —

Я вижу всё. Я всё запоминаю,
Любовно-кротко в сердце берегу,
Лишь одного я никогда не знаю
И даже вспомнить больше не могу.

Я не прошу ни мудрости, ни силы.
О, только дайте греться у огня!
Мне холодно... Крылатый иль бескрылый,
Веселый бог не посетит меня.

30 ноября 1911
Царское Село

6

Любовь покоряет обманно
Напевом простым, неискусным.
Еще так недавно-странно
Ты не был седым и грустным.

И когда она улыбалась
В садах твоих, в доме, в поле,
Повсюду тебе казалось,
Что вольный ты и на воле.

Был светел ты, взятый ею
И пивший ее отравы.
Ведь звезды были крупнее,
Ведь пахли иначе травы,
Осенние травы.

Осень 1911
Царское Село

7

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Всё, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

8 января 1911
Киев

8

Память о солнце в сердце слабеет.
Желтей трава.
Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.

В узких каналах уже не струится —
Стынет вода.
Здесь никогда ничего не случится, —
О, никогда!

Ива на небе пустом распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.

Память о солнце в сердце слабеет.
Что это? Тьма?
Может быть!.. За ночь прийти успеет
Зима.

30 января 1911
Киев

9

Высоко в небе облачко серело,
Как беличья расстеленная шкурка.
Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!»

В пушистой муфте руки холодели.
Мне стало страшно, стало как-то смутно.
О, как вернуть вас, быстрые недели
Его любви, воздушной и минутной!

Я не хочу ни горечи, ни мщенья,
Пускай умру с последней белой вьюгой.
О нем гадала я в канун Крещенья.
Я в январе была его подругой.

Весна 1911
Царское Село

10

Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.

Круг от лампы желтый...
Шорохам внимаю.
Отчего ушел ты?
Я не понимаю...

Радостно и ясно
Завтра будет утро.
Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро.

Ты совсем устало.
Бьешься тише, глуше. . .
Знаешь, я читала,
Что бессмертны души.

17 февраля 1911
Царское Село

11

Хочешь знать, как всё это было? —
Три в столовой пробило,
И, прощаясь, держась за перила,
Она словно с трудом говорила:
«Это всё. . . Ах нет, я забыла,
Я люблю вас, я вас любила
Еще тогда!»
— «Да».

21 октября 1910
Киев

12. ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала — их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!

Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой. . .»

Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

29 сентября 1911
Царское Село

13

Как соломинкой, пьешь мою душу.
Знаю, вкус ее горек и хмелен.
Но я пытку мольбой не нарушу,
О, покой мой многонеделен.

Когда кончишь, скажи. Не печально,
Что души моей нет на свете.
Я пойду дорогой недальней
Посмотреть, как играют дети.

На кустах зацветает крыжовник,
И везут кирпичи за оградой.
Кто ты: брат мой или любовник,
Я не помню, и помнить не надо.

Как светло здесь и как бесприютно,
Отдыхает усталое тело...
А прохожие думают смутно:
Верно, только вчера овдовела.

10 февраля 1911
Царское Село

14

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в три часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.

Я ее нечаянно прижала,
И, казалось, умерла она,
Но конец отравленного жала
Был острей веретена.

О тебе ли я заплачу, странном,
Улыбнется ль мне твое лицо?
Посмотри! На пальце безымянном
Так красиво гладкое кольцо.

18—19 марта 1911
Царское Село

15

Мне больше ног моих не надо,
Пусть превратятся в рыбий хвост!
Плыву, и радостна прохлада,
Белеет тускло дальний мост.

Не надо мне души покорной,
Пусть станет дымом, легок дым,
Взлетев над набережной черной,
Он будет нежно-голубым.

Смотри, как глубоко ныряю,
Держусь за водоросль рукой,
Ничьих я слов не повторяю
И не пленюсь ничьей тоской...

А ты, мой дальний, неужели
Стал бледен и печально-нем?
Что слышу? Целых три недели
Всё шепчешь: «Бедная, зачем?!»

⟨1911⟩

II

16—19. *ОБМАН*

М. А. Змунчилла

1

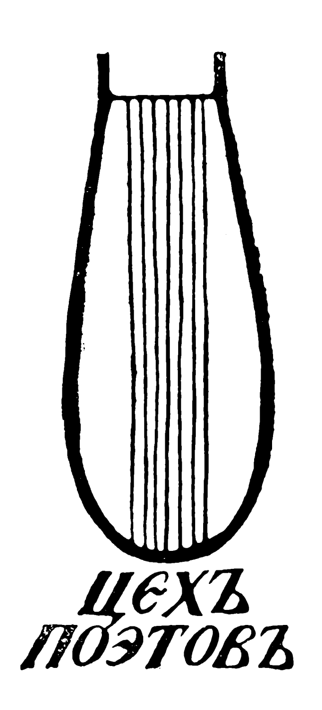
Весенним солнцем это утро пьяно,
И на террасе запах роз слышней,
А небо ярче синего фаянса.
Тетрадь в обложке мягкого сафьяна;
Читаю в ней элегии и стансы,
Написанные бабушке моей.

Дорогу вижу до ворот, и тумбы
Белеют четко в изумрудном дерне.

АННА АХМАТОВА

ВЕЧЕРЪ

СТИХИ

ЦЕХЪ
ПОЭТОВЪ

О, сердце любит сладостно и слепо!
И радуют пестреющие клумбы,
И резкий крик вороны в небе черной,
И в глубине аллеи арка склепа.

2 ноября 1910
Киев

2

Жарко веет ветер душный,
Солнце руки обожгло,
Надо мною свод воздушный,
Словно синее стекло;

Сухо пахнут иммортели
В разметавшейся косе.
На стволе корявой ели
Муравьиное шоссе.

Пруд лениво серебрится,
Жизнь по-новому легка...
Кто сегодня мне приснится
В пестрой сетке гамака?

Январь 1910
Киев

3

Синий вечер. Ветры кротко стихли,
Яркий свет зовет меня домой.
Я гадаю: кто там? — не жених ли,
Не жених ли это мой?..

На террасе силуэт знакомый,
Еле слышен тихий разговор.
О, такой пленительной истомы
Я не знала до сих пор.

Тополя тревожно прошуршали,
Нежные их посетили сны.
Небо цвета вороненой стали,
Звезды матово-бледны.

Я несу букет левкоев белых.
Для того в них тайный скрыт огонь,
Кто, беря цветы из рук несмелых,
Тронет теплую ладонь.

Сентябрь 1910
Царское Село

4

Я написала слова,
Что долго сказать не смела.
Тупо болит голова,
Странно немеет тело.

Смолк отдаленный рожок,
В сердце всё те же загадки,
Легкий осенний снежок
Лег на крокетной площадке.

Листьям последним шуршать!
Мыслям последним томиться!
Я не хотела мешать
Тому, кто привык веселиться.

Милым простила губам
Я их жестокую шутку...
О, вы приедете к нам
Завтра по первопутку.

Свечи в гостиной зажгут,
Днем их мерцанье нежнее,
Целый букет принесут
Роз из оранжереи.

Август 1910
Царское Село

20

Мне с тобою пьяным весело —
Смысла нет в твоих рассказах.
Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах.

Оба мы в страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачем улыбкой странною
И застывшей улыбаемся?

Мы хотели муки жалящей
Вместо счастья безмятежного...
Не покину я товарища
И беспутного и нежного.

1911
Париж

21

Муж хлестал меня узорчатым,
Вдвое сложенным ремнем.
Для тебя в окошке створчатом
Я всю ночь сижу с огнем.

Рассветает. И над кузницей
Подымается дымок.
Ах, со мной, печальной узницей,
Ты опять побыть не мог.

Для тебя я долю хмурую,
Долю-муку приняла.
Или любишь белокурую,
Или рыжая мила?

Как мне скрыть вас, стоны звонкие!
В сердце темный, душный хмель,
А лучи ложатся тонкие
На несмятую постель.

Осень 1911

22

Сердце к сердцу не приковано,
Если хочешь — уходи.
Много счастья уготовано
Тем, кто волен на пути.

Я не плачу, я не жалуюсь,
Мне счастливой не бывать,
Не целуй меня, усталую, —
Смерть придет поцеловать.

Дни томлений острых прожиты
Вместе с белою зимой.
Отчего же, отчего же ты
Лучше, чем избранник мой?

Весна 1911

23. ПЕСЕНКА

Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду полю.

Вырываю и бросаю —
Пусть простит меня.
Вижу, девочка босая
Плачет у плетня.

Страшно мне от звонких воплей
Голоса беды,
Всё сильнее запах теплый
Мертвой лебеды.

Будет камень вместо хлеба
Мне наградой злой.
Надо мною только небо,
А со мною голос твой.

11 марта 1911
Царское Село

24

Я пришла сюда, бездельница,
Всё равно мне, где скучать!
На пригорке дремлет мельница.
Годы можно здесь молчать.

Над засохшей повиликою
Мягко плавает пчела;
У пруда русалку кликаю,
А русалка умерла.

Затянулся ржавой тиною
Пруд широкий, обмелел,
Над трепещущей осиною
Легкий месяц заблестел.

Замечаю всё как новое.
Влажно пахнут тополя.
Я молчу. Молчу, готовая
Снова стать тобой, земля.

23 февраля 1911
Царское Село

25. БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Ах, дверь не запирала я,
Не зажигала свеч,
Не знаешь, как, усталая,
Я не решалась лечь.

Смотреть, как гаснут полосы
В закатном мраке хвой,
Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой.

И знать, что всё потеряно,
Что жизнь — проклятый ад!
О, я была уверена,
Что ты придешь назад.

6 февраля 1911
Царское Село

26

Под навесом темной риги жарко,
Я смеюсь, а в сердце злобно плачу.
Старый друг бормочет мне: «Не каркай!
Мы ль не встретим на пути удачу!»

Но я другу старому не верю.
Он смешной, незрячий и убогий,
Он всю жизнь свою шагами мерил
Длинные и скучные дороги.

И звенит, звенит мой голос ломкий,
Звонкий голос не узнавших счастья:
«Ах, пусты дорожные котомки,
А на завтра голод и ненастье!»

24 сентября 1911
Царское Село

27

Хорони, хорони меня, ветер!
Родные мои не пришли,
Надо мною блуждающий вечер
И дыханье тихой земли.

Я была, как и ты, свободной,
Но я слишком хотела жить.
Видишь, ветер, мой труп холодный,
И некому руки сложить.

Закрой эту черную рану
Покровом вечерней тьмы
И вели голубому туману
Надо мною читать псалмы.

Чтобы мне легко, одинокой,
Отойти к последнему сну,
Прошуми высокой осокой
Про весну, про мою весну.

Декабрь 1909
Киев

28

Ты поверь, не змеиное острое жало,
А тоска мою выпила кровь.
В белом поле я тихою девушкой стала,
Птичьим голосом кличу любовь.

И давно мне закрыта дорога иная,
Мой царевич в высоком кремле.
Обману ли его, обману ли? — Не знаю!
Только ложью живу на земле.

Не забыть, как пришел он со мной проститься:
Я не плакала; это судьба.
Ворожу, чтоб царевичу ночью присниться,
Но бессильна моя ворожба.

Оттого ль его сон безмятежен и мирен,
Что я здесь у закрытых ворот,
Иль уже светлоокая, нежная Сирин
Над царевичем песню поет?

⟨1912⟩

III

29. МУЗЕ

Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд ее ясен и ярок.
И отняла золотое кольцо,
Первый весенний подарок.

Муза! ты видишь, как счастливы все —
Девушки, женщины, вдовы. . .
Лучше погибну на колесе,
Только не эти оковы.

Знаю: гадая, и мне обрывать
Нежный цветок маргаритку.
Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.

Жгу до зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.

Завтра мне скажут, смеясь, зеркала:
«Взор твой не ясен, не ярок...»
Тихо отвечу: «Она отняла
Божий подарок».

10 октября 1911
Царское Село

30—31. ⟨*АЛИСА*⟩

1

Всё тоскует о забытом,
О своем весеннем сне,
Как Пьеретта о разбитом
Золотистом кувшине...

Все осколочки собрала,
Не умела их сложить...
«Если б ты, Алиса, знала,
Как мне скучно, скучно жить!

Я за ужином зеваю,
Забываю есть и пить,
Ты поверишь, забываю
Даже брови подводить.

О Алиса! дай мне средство,
Чтоб вернуть его опять;
Хочешь, всё ⟨мое⟩ наследство,
Дом и платья можешь взять.

Он приснился ⟨мне⟩ в короне,
Я боюсь моих ночей!»
У Алисы в медальоне
Темный локон — знаешь, чей?!.

2

«Как поздно! Устала, зеваю...»
— «Миньона, спокойно лежи,
Я рыжий парик завиваю
Для стройной моей госпожи.

Он будет весь в лентах зеленых,
А сбоку жемчужный аграф;
Читала записку: «У клена
Я жду вас, таинственный граф!»

Сумеет под кружевом маски
Лукавая смех заглушить,
Велела мне даже подвязки
Сегодня она надушить».

Луч утра на черное платье
Скользнул, из окошка упав...
«Он мне открывает объятья
Под кленом, таинственный граф».

⟨1912⟩

32. МАСКАРАД В ПАРКЕ

Луна освещает карнизы,
Блуждает по гребням реки...
Холодные руки маркизы
Так ароматны-легки.

«О принц! — улыбаясь, присела, —
В кадрили вы наш vis-à-vis», — *
И томно под маской бледнела
От жгучих предчувствий любви.

Вход скрыл серебрящийся тополь
И низко спадающий хмель.
«Багдад или Константинополь
Я вам завоюю, ma belle!» **

«Как вы улыбаетесь редко,
Вас страшно, маркиза, обнять!»
Темно и прохладно в беседке.
«Ну что же! пойдем танцевать?»

---

* Визави (франц.). — *Ред.*
** Моя красавица! (франц.). — *Ред.*

Выходят. На вязах, на кленах
Цветные дрожат фонари,
Две дамы в одеждах зеленых
С монахами держат пари.

И бледный, с букетом азалий,
Их смехом встречает Пьеро:
«Мой принц! О, не вы ли сломали
На шляпе маркизы перо?»

⟨1912⟩

33. ВЕЧЕРНЯЯ КОМНАТА

Я говорю сейчас словами теми,
Что только раз рождаются в душе.
Жужжит пчела на белой хризантеме,
Так душно пахнет старое саше.

И комната, где окна слишком узки,
Хранит любовь и помнит старину,
А над кроватью надпись по-французски
Гласит: «Seigneur, ayez pitié de nous».*

Ты сказки давней горестных заметок,
Душа моя, не тронь и не ищи...
Смотрю, блестящих севрских статуэток
Померкли глянцевитые плащи.

Последний луч, и желтый и тяжелый,
Застыл в букете ярких георгин,
И, как во сне, я слышу звук виолы
И редкие аккорды клавесин.

⟨1912⟩

---

* «Господь, смилуйся над нами» (франц.). — *Ред*

34. СЕРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.

Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:

«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».

Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.

Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.

А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»

11 декабря 1910
Царское Село

35. РЫБАК

Руки голы выше локтя,
А глаза синей, чем лед.
Едкий, душный запах дегтя,
Как загар, тебе идет.

И всегда, всегда распахнут
Ворот куртки голубой,
И рыбачки только ахнут,
Закрасневшись пред тобой.

Даже девочка, что ходит
В город продавать камсу,
Как потерянная бродит
Вечерами на мысу.

Щеки бледны, руки слабы,
Истомленный взор глубок,
Ноги ей щекочут крабы,
Выползая на песок.

Но она уже не ловит
Их протянутой рукой.
Всё сильней биенье крови
В теле, раненном тоской.

23 апреля 1911

36. ОН ЛЮБИЛ...

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенье, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

9 ноября 1910
Киев

37

Сегодня мне письма́ не принесли:
Забыл он написать, или уехал;
Весна как трель серебряного смеха,
Качаются в заливе корабли.
Сегодня мне письма не принесли...

Он был со мной еще совсем недавно,
Такой влюбленный, ласковый и мой,
Но это было белою зимой,
Теперь весна, и грусть весны отравна,
Он был со мной еще совсем недавно...

Я слышу: легкий трепетный смычок,
Как от предсмертной боли, бьется, бьется,
И страшно мне, что сердце разорвется,
Не допишу́ я этих нежных строк...

⟨1912⟩

38. НАДПИСЬ НА НЕОКОНЧЕННОМ ПОРТРЕТЕ

О, не вздыхайте обо мне,
Печаль преступна и напрасна,
Я здесь, на сером полотне,
Возникла странно и неясно.

Взлетевших рук излом больной,
В глазах улыбка исступленья,
Я не могла бы стать иной
Пред горьким часом наслажденья.

Он так хотел, он так велел
Словами мертвыми и злыми.
Мой рот тревожно заалел,
И щеки стали снеговыми.

И нет греха в его вине,
Ушел, глядит в глаза другие,
Но ничего не снится мне
В моей предсмертной летаргии.

⟨1912⟩

39

Сладок запах синих виноградин...
Дразнит опьяняющая даль.
Голос твой и глух и безотраден.
Никого мне, никого не жаль.

Между ягод сети-паутинки,
Гибких лоз стволы еще тонки,
Облака плывут, как льдинки, льдинки
В ярких водах голубой реки.

Солнце в небе. Солнце ярко светит.
Уходи к волне про боль шептать.
О, она наверное ответит,
А быть может, будет целовать.

⟨1912⟩

40. ПОДРАЖАНИЕ И. Ф. АННЕНСКОМУ

И с тобой, моей первой причудой,
Я простился. Восток голубел.
Просто молвила: «Я не забуду».
Я не сразу поверил тебе.

Возникают, стираются лица,
Мил сегодня, а завтра далек.
Отчего же на этой странице
Я когда-то загнул уголок?

И всегда открывается книга
В том же месте. И странно тогда:
Всё как будто с прощального мига
Не прошли невозвратно года.

О, сказавший, что сердце из камня,
Знал наверно: оно из огня...
Никогда не пойму, ты близка мне
Или только любила меня.

1911

41

Вере Ивановой-Шварсалон

Туманом легким парк наполнился,
И вспыхнул на воротах газ.
Мне только взгляд один запомнился
Незнающих, спокойных глаз.

Твоя печаль, для всех неявная,
Мне сразу сделалась близка,
И поняла ты, что отравная
И душная во мне тоска.

Я этот день люблю и праздную,
Приду, как только позовешь.
Меня, и грешную и праздную,
Лишь ты одна не упрекнешь.

Апрель 1911

42

Я живу, как кукушка в часах,
Не завидую птицам в лесах.
Заведут — и кукую.
Знаешь, долю такую
Лишь врагу
Пожелать я могу.

7 марта 1911
Царское Село

43. ПОХОРОНЫ

Я места ищу для могилы.
Не знаешь ли, где светлей?
Так холодно в поле. Унылы
У моря груды камней.

А она привыкла к покою
И любит солнечный свет.
Я келью над ней построю,
Как дом наш на много лет.

Между окнами будет дверца,
Лампадку внутри зажжем,
Как будто темное сердце
Алым горит огнем.

Она бредила, знаешь, больная,
Про иной, про небесный край,
Но сказал монах, укоряя:
«Не для вас, не для грешных рай».

И тогда, побелев от боли,
Прошептала: «Уйду с тобой».
Вот одни мы теперь, на воле,
И у ног голубой прибой.

22 сентября 1911

44. САД

Он весь сверкает и хрустит,
Обледенелый сад.
Ушедший от меня грустит,
Но нет пути назад.

И солнца бледный тусклый лик —
Лишь круглое окно;
Я тайно знаю, чей двойник
Приник к нему давно.

Здесь мой покой навеки взят
Предчувствием беды,
Сквозь тонкий лед еще сквозят
Вчерашние следы.

Склонился тусклый мертвый лик
К немому сну полей,
И замирает острый крик
Отсталых журавлей.

1911
Царское Село

45. НАД ВОДОЙ

Стройный мальчик пастушок,
Видишь, я в бреду.
Помню плащ и посошок
На свою беду.
Если встану — упаду.
Дудочка поет: ду-ду!

Мы прощались, как во сне,
Я сказала: «Жду».
Он, смеясь, ответил мне:
«Встретимся в аду».
Если встану — упаду.
Дудочка поет: ду-ду!

О глубокая вода
В мельничном пруду,

Не от горя, от стыда
Я к тебе приду.
И без крика упаду,
А вдали звучит: ду-ду.

‹1911›

46

Три раза пытать приходила.
Я с криком тоски просыпалась
И видела тонкие руки
И темный насмешливый рот:
«Ты с кем на заре целовалась,
Клялась, что погибнешь в разлуке,
И жгучую радость таила,
Рыдая у черных ворот?
Кого ты на смерть проводила,
Тот скоро, о, скоро умрет».
Был голос как крик ястребиный,
Но странно на чей-то похожий.
Всё тело мое изгибалось,
Почувствовав смертную дрожь,
И плотная сеть паутины
Упала, окутала ложе...
О, ты не напрасно смеялась,
Моя непрощенная ложь!

16 февраля 1911
Царское Село

‹ДОПОЛНЕНИЯ›

47

Молюсь оконному лучу —
Он бледен, тонок, прям.
Сегодня я с утра молчу,
А сердце — пополам.
На рукомойнике моем

Позеленела медь,
Но так играет луч на нем,
Что весело глядеть.
Такой невинный и простой
В вечерней тишине,
Но в этой храмине пустой
Он словно праздник золотой
И утешенье мне.

1909

48—49. *ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ*

1

Подушка уже горяча
С обеих сторон.
Вот и вторая свеча
Гаснет, и крик ворон
Становится всё слышней.
Я эту ночь не спала,
Поздно думать о сне. . .
Как нестерпимо бела
Штора на белом окне.
Здравствуй!

2

Тот же голос, тот же взгляд,
Те же волосы льняные.
Всё, как год тому назад.
Сквозь стекло лучи дневные
Известь белых стен пестрят. . .
Свежих лилий аромат,
И слова твои простые.

1909

50—51. *ЧИТАЯ «ГАМЛЕТА»*

1

У кладбища направо пылил пустырь,
А за ним голубела река.
Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь
Или замуж за дурака...»
Принцы только такое всегда говорят,
Но я эту запомнила речь.
Пусть струится она сто веков подряд
Горностаевой мантией с плеч.

1909
Киев

2

И как будто по ошибке
Я сказала: «Ты...»
Озарила тень улыбки
Милые черты.

От подобных оговорок
Всякий вспыхнет взор...
Я люблю тебя, как сорок
Ласковых сестер.

1909

52

И когда друг друга проклинали
В страсти, раскаленной добела,
Оба мы еще не понимали,
Как земля для двух людей мала,
И что память яростная мучит,
Пытка сильных — огненный недуг! —
И в ночи бездонной сердце учит
Спрашивать: о, где ушедший друг?
А когда сквозь волны фимиама
Хор гремит, ликуя и грозя,
Смотрят в душу строго и упрямо
Те же неизбежные глаза.

1909

53. ПЕРВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

На землю саван тягостный возложен,
Торжественно гудят колокола,
И снова дух смятен и потревожен
Истомной скукой Царского Села.
Пять лет прошло. Здесь всё мертво и немо,
Как будто мира наступил конец.
Как навсегда исчерпанная тема,
В смертельном сне покоится дворец.

1910

54

Я и плакала и каялась,
Хоть бы с неба грянул гром!
Сердце темное измаялось
В нежилом дому твоем.
Боль я знаю нестерпимую,
Стыд обратного пути...
Страшно, страшно к нелюбимому,
Страшно к тихому войти.
А склонюсь к нему, нарядная,
Ожерельями звеня, —
Только спросит: «Ненаглядная!
Где молилась за меня?»

1911

55

Меня покинул в новолунье
Мой друг любимый. Ну так что ж!
Шутил: «Канатная плясунья!
Как ты до мая доживешь?»

Ему ответила, как брату,
Я, не ревнуя, не ропща,
Но не заменят мне утрату
Четыре новые плаща.

Пусть страшен путь мой, пусть опасен,
Еще страшнее путь тоски...
Как мой китайский зонтик красен,
Натерты мелом башмачки!

Оркестр веселое играет,
И улыбаются уста.
Но сердце знает, сердце знает,
Что ложа пятая пуста!

Ноябрь 1911
Царское Село

56

Мурка, не ходи, там сыч
На подушке вышит,
Мурка серый, не мурлычь,
Дедушка услышит.
Няня, не горит свеча,
И скребутся мыши.
Я боюсь того сыча,
Для чего он вышит?

1911 (?)

Ч Е Т К И

1914

*ПРОСТИ Ж НАВЕК! НО ЗНАЙ,
ЧТО ДВУХ ВИНОВНЫХ,
НЕ ОДНОГО, НАЙДУТСЯ ИМЕНА
В СТИХАХ МОИХ, В ПРЕДАНИЯХ
ЛЮБОВНЫХ.*

Баратынский

I

57—59. *СМЯТЕНИЕ*

1

Было душно от жгучего света,
А взгляды его — как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.
Наклонился — он что-то скажет...
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.

2

Не любишь, не хочешь смотреть?
О, как ты красив, проклятый!
И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой.
Мне очи застит туман,
Сливаются вещи и лица,
И только красный тюльпан,
Тюльпан у тебя в петлице.

3

Как велит простая учтивость,
Подошел ко мне, улыбнулся,
Полуласково, полулениво
Поцелуем руки коснулся —
И загадочных, древних ликов
На меня поглядели очи...

Десять лет замираний и криков,
Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слово
И сказала его — напрасно.
Отошел ты, и стало снова
На душе и пусто и ясно.

1913

60. ПРОГУЛКА

Перо задело о верх экипажа.
Я поглядела в глаза его.
Томилось сердце, не зная даже
Причины горя своего.

Безветрен вечер и грустью скован
Под сводом облачных небес,
И словно тушью нарисован
В альбоме старом Булонский лес.

Бензина запах и сирени,
Насторожившийся покой...
Он снова тронул мои колени
Почти не дрогнувшей рукой.

Май 1913

61. ВЕЧЕРОМ

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Он мне сказал: «Я верный друг!» —
И моего коснулся платья.
Как не похожи на объятья
Прикосновенья этих рук.

Так гладят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных,
Под легким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса —
Ты первый раз одна с любимым».

Март 1913

62

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.

Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.

Навсегда забиты окошки.
Что там — изморозь или гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.

О, как сердце мое тоскует!
Не смертного ль часа жду?
А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду.

1 января 1913

63

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня.
Там за сердцем я не уследила,
И его украли у меня.

Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз,
А в груди моей уже не слышно
Трепетания стрекоз.

Ах, не трудно угадать мне вора,
Я его узнала по глазам.
Только страшно так, что скоро, скоро
Он вернет свою добычу сам.

Январь 1914

64

...И на ступеньки встретить
Не вышли с фонарем.
В неверном лунном свете
Вошла я в тихий дом.

Под лампою зеленой,
С улыбкой неживой,
Друг шепчет: «Сандрильона!
Как странен голос твой!»

В камине гаснет пламя,
Томя, трещит сверчок.
Ах! кто-то взял на память
Мой белый башмачок

И дал мне три гвоздики,
Не подымая глаз.
О милые улики,
Куда мне спрятать вас?

И сердцу горько верить,
Что близок, близок срок,
Что всем он станет мерить
Мой белый башмачок.

1913

65

Безвольно пощады просят
Глаза. Что мне делать с ними,
Когда при мне произносят
Короткое, звонкое имя?

Иду по тропинке в поле,
Вдоль серых сложенных бревен.
Здесь легкий ветер на воле
По-весеннему свеж, неровен.

И томное сердце слышит
Тайную весть о дальнем.
Я знаю: он жив, он дышит,
Он смеет быть не печальным.

1912
Царское Село

66

Покорно мне воображенье
В изображеньи серых глаз.
В моем тверском уединенье
Я горько вспоминаю вас.

Прекрасных рук счастливый пленник,
На левом берегу Невы,
Мой знаменитый современник,
Случилось, как хотели вы,

Вы, приказавший мне: довольно,
Поди, убей свою любовь!

И вот я таю, я безвольна,
Но всё сильней скучает кровь.

И если я умру, то кто же
Мои стихи напишет вам,
Кто стать звенящими поможет
Еще не сказанным словам?

Июль 1913
Слепнево

67. ОТРЫВОК

...И кто-то, во мраке дерев незримый,
Зашуршал опавшей листвой
И крикнул: «Что сделал с тобой любимый,
Что сделал любимый твой!

Словно тронуты черной, густою тушью
Тяжелые веки твои.
Он предал тебя тоске и удушью
Отравительницы любви.

Ты давно перестала считать уколы —
Грудь мертва под острой иглой.
И напрасно стараешься быть веселой —
Легче в гроб тебе лечь живой!..»

Я сказала обидчику: «Хитрый, черный,
Верно, нет у тебя стыда.
Он тихий, он нежный, он мне покорный,
Влюбленный в меня навсегда!»

1912

68

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.

И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои!

Декабрь 1913
Царское Село

69

Не будем пить из одного стакана
Ни воду мы, ни сладкое вино,
Не поцелуемся мы утром рано,
А ввечеру не поглядим в окно.
Ты дышишь солнцем, я дышу луною,
Но живы мы любовию одною.

Со мной всегда мой верный, нежный друг,
С тобой твоя веселая подруга,
Но мне понятен серых глаз испуг,
И ты виновник моего недуга.
Коротких мы не учащаем встреч.
Так наш покой нам суждено беречь.

Лишь голос твой поет в моих стихах,
В твоих стихах мое дыханье веет.
О, есть костер, которого не смеет
Коснуться ни забвение, ни страх...
И если б знал ты, как сейчас мне любы
Твои сухие, розовые губы!

1913

70

У меня есть улыбка одна:
Так, движенье чуть видное губ.
Для тебя я ее берегу —
Ведь она мне любовью дана.

Всё равно, что ты наглый и злой,
Всё равно, что ты любишь других.
Предо мной золотой аналой,
И со мной сероглазый жених.

1913

71

Столько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает.
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.

И я стану — Христос помоги! —
На покров этот, светлый и ломкий,
А ты письма мои береги,
Чтобы нас рассудили потомки,

Чтоб отчетливей и ясней
Ты был виден им, мудрый и смелый.
В биографии славной твоей
Разве можно оставить пробелы?

Слишком сладко земное питье,
Слишком плотны любовные сети.
Пусть когда-нибудь имя мое
Прочитают в учебнике дети,

И, печальную повесть узнав,
Пусть они улыбнутся лукаво...
Мне любви и покоя не дав,
Подари меня горькою славой.

1913

72

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались.
Была в Неве высокая вода,
И наводненья в городе боялись.

Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине — нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость! —

Затем что воздух был совсем не наш,
А как подарок божий — так чудесен.
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен.

Январь 1914

73

Здравствуй! Легкий шелест слышишь
Справа от стола?
Этих строчек не допишешь —
Я к тебе пришла.
Неужели ты обидишь
Так, как в прошлый раз, —
Говоришь, что рук не видишь,
Рук моих и глаз.
У тебя светло и просто.
Не гони меня туда,
Где под душным сводом моста
Стынет грязная вода.

Октябрь 1913

II

74

Цветов и неживых вещей
Приятен запах в этом доме.
У грядок груды овощей
Лежат, пестры, на черноземе.

Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.

А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха.

1913

75

Каждый день по-новому тревожен,
Всё сильнее запах спелой ржи.
Если ты к ногам моим положен,
Ласковый, лежи.

Иволги кричат в широких кленах,
Их ничем до ночи не унять.
Любо мне от глаз твоих зеленых
Ос веселых отгонять.

На дороге бубенец зазвякал —
Памятен нам этот легкий звук.
Я спою тебе, чтоб ты не плакал,
Песенку о вечере разлук.

1913

76

Мальчик сказал мне: «Как это больно!»
И мальчика очень жаль...
Еще так недавно он был довольным
И только слыхал про печаль.

А теперь он знает всё не хуже
Мудрых и старых вас.
Потускнели и, кажется, стали у́же
Зрачки ослепительных глаз.

Я знаю: он с болью своей не сладит,
С горькой болью первой любви.
Как беспомощно, жадно и жарко гладит
Холодные руки мои.

Октябрь 1913

АННА АХМАТОВА.

ЧЕТКИ.

СТИХИ.

77

Высокие своды костела
Синей, чем небесная твердь...
Прости меня, мальчик веселый,
Что я принесла тебе смерть —

За розы с площадки круглой,
За глупые письма твои,
За то, что, дерзкий и смуглый,
Мутно бледнел от любви.

Я думала: ты нарочно —
Как взрослые хочешь быть.
Я думала: томно-порочных
Нельзя, как невест, любить.

Но всё оказалось напрасно.
Когда пришли холода,
Следил ты уже бесстрастно
За мной везде и всегда,

Как будто копил приметы
Моей нелюбви. Прости!
Зачем ты принял обеты
Страдальческого пути?

И смерть к тебе руки простерла...
Скажи, что было потом?
Я не знала, как хрупко горло
Под синим воротником.

Прости меня, мальчик веселый,
Совенок замученный мой!
Сегодня мне из костела
Так трудно уйти домой.

Ноябрь 1913

78

М. Лозинскому

Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!
Как невозможна грусть, как тщетно ожиданье!
И снова голосом серебряным олень
В зверинце говорит о северном сиянье.
И я поверила, что есть прохладный снег,
И синяя купель для тех, кто нищ и болен,
И санок маленьких такой неверный бег
Под звоны древние далеких колоколен.

1913

79. ГОЛОС ПАМЯТИ

О. А. Глебовой-Судейкиной

Что ты видишь, тускло на стену смотря,
В час, когда на небе поздняя заря?

Чайку ли на синей скатерти воды,
Или флорентийские сады?

Или парк огромный Царского Села,
Где тебе тревога путь пересекла?

Иль того ты видишь у своих колен,
Кто для белой смерти твой покинул плен?

Нет, я вижу стену только — и на ней
Отсветы небесных гаснущих огней.

18 июня 1913
Слепнево

80

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильней,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.

Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

1912

81

Здесь всё то же, то же, что и прежде,
Здесь напрасным кажется мечтать.
В доме у дороги непроезжей
Надо рано ставни запирать.

Тихий дом мой пуст и неприветлив,
Он на лес глядит одним окном.
В нем кого-то вынули из петли
И бранили мертвого потом.

Был он грустен или тайно весел,
Только смерть — большое торжество.
На истертом красном плюше кресел
Изредка мелькает тень его.

И часы с кукушкой ночи рады,
Всё слышней их четкий разговор.
В щелочку смотрю я: конокрады
Зажигают под холмом костер.

И, пророча близкое ненастье,
Низко, низко стелется дымок.
Мне не страшно. Я ношу на счастье
Темно-синий шелковый шнурок.

Май 1912

82. БЕССОННИЦА

Где-то кошки жалобно мяукают,
Звук шагов я издали ловлю. . .
Хорошо твои слова баюкают:
Третий месяц я от них не сплю.

Ты опять, опять со мной, бессонница!
Неподвижный лик твой узнаю.
Что, красавица, что, беззаконница?
Разве плохо я тебе пою?

Окна тканью белою завешены,
Полумрак струится голубой. . .
Или дальней вестью мы утешены?
Отчего мне так легко с тобой?

Зима 1912
Царское Село

83

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти господа моля.
Но всё мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных, загорелых баб.

Осень 1913

84

Углем наметил на левом боку
Место, куда стрелять,
Чтоб выпустить птицу — мою тоску
В пустынную ночь опять.

Милый! не дрогнет твоя рука,
И мне недолго терпеть.
Вылетит птица — моя тоска,
Сядет на ветку и станет петь.

Чтоб тот, кто спокоен в своем дому,
Раскрывши окно, сказал:
«Голос знакомый, а слов не пойму», —
И опустил глаза.

31 января 1914
Петербург

III

85

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе,
Ты, в своих путях всегда уверенный,
Свет узревший в шалаше.

И тебе, печально-благодарная,
Я за это расскажу потом,
Как меня томила ночь угарная,
Как дышало утро льдом.

В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела
И сестры не предала.

Отчего же бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас?

Май 1912
Флоренция

86

Вижу выцветший флаг над таможней
И над городом желтую муть.
Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.

Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованным голосом петь.

Всё глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.

Осень 1913

87

Плотно сомкнуты губы сухие.
Жарко пламя трех тысяч свечей.
Так лежала княжна Евдокия
На душистой сапфирной парче.

И, согнувшись, бесслезно молилась
Ей о слепеньком мальчике мать,
И кликуша без голоса билась,
Воздух силясь губами поймать.

А пришедший из южного края
Черноглазый, горбатый старик,
Словно к двери небесного рая,
К потемневшей ступеньке приник.

Осень 1913

88

Дал Ты мне молодость трудную.
Столько печали в пути.
Как же мне душу скудную
Богатой Тебе принести?
Долгую песню, льстивая,
О славе поет судьба.
Господи! я нерадивая,
Твоя скупая раба.
Ни розою, ни былинкою
Не буду в садах Отца.
Я дрожу над каждой соринкою,
Над каждым словом глупца.

19 декабря 1912

89. 8 НОЯБРЯ 1913

Солнце комнату наполнило
Пылью желтой и сквозной.
Я проснулась и припомнила:
Милый, нынче праздник твой.
Оттого и оснеженная
Даль за окнами тепла,
Оттого и я, бессонная,
Как причастница спала.

90

Ты пришел меня утешить, милый,
Самый нежный, самый кроткий...
От подушки приподняться нету силы,
А на окнах частые решетки.

Мертвой, думал, ты меня застанешь,
И принес веночек неискусный.
Как улыбкой сердце больно ранишь,
Ласковый, насмешливый и грустный.

Что теперь мне смертное томленье!
Если ты еще со мной побудешь,
Я у бога вымолю прощенье
И тебе, и всем, кого ты любишь.

Май 1913
Петербург

91

Умирая, томлюсь о бессмертьи.
Низко облако пыльной мглы...
Пусть хоть голые красные черти,
Пусть хоть чан зловонной смолы.

Приползайте ко мне, лукавьте,
Угрозы из ветхих книг,
Только память вы мне оставьте,
Только память в последний миг.

Чтоб в томительной веренице
Не чужим показался ты,
Я готова платить сторицей
За улыбки и за мечты.

Смертный час, наклонясь, напоит
Прозрачною сулемой.
А люди придут, зароют
Мое тело и голос мой.

1912
Царское Село

92

Ты письмо мое, милый, не комкай.
До конца его, друг, прочти.
Надоело мне быть незнакомкой,
Быть чужой на твоем пути.

Не гляди так, не хмурься гневно,
Я любимая, я твоя.
Не пастушка, не королевна
И уже не монашенка я —

В этом сером будничном платье,
На стоптанных каблуках...
Но, как прежде, жгуче объятье,
Тот же страх в огромных глазах.

Ты письмо мое, милый, не комкай,
Не плачь о заветной лжи.
Ты его в твоей бедной котомке
На самое дно положи.

1912
Царское Село

93. ИСПОВЕДЬ

Умолк простивший мне грехи.
Лиловый сумрак гасит свечи,
И темная епитрахиль
Накрыла голову и плечи.

Не тот ли голос: «Дева! встань...»
Удары сердца чаще, чаще.
Прикосновение сквозь ткань
Руки, рассеянно крестящей.

1911
Царское Село

94

В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой веселый.

Только, ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.
А на жизнь мою лучом нетленным
Грусть легла, и голос мой незвонок.

1912
Царское Село

95

Со дня Купальницы-Аграфены
Малиновый платок хранит.
Молчит, а ликует, как царь Давид.
В морозной келье белы стены,
И с ним никто не говорит.

Приду и стану на порог,
Скажу: «Отдай мне мой платок!»

Осень 1913
Царское Село

96

Я с тобой не стану пить вино,
Оттого что ты мальчишка озорной.
Знаю я — у вас заведено
С кем попало целоваться под луной.

А у нас — тишь да гладь,
Божья благодать.

А у нас — светлых глаз
Нет приказу подымать.

Декабрь 1913

97

Вечерние часы перед столом,
Непоправимо белая страница,
Мимоза пахнет Ниццей и теплом,
В луче луны летит большая птица.

И, туго косы на ночь заплетя,
Как будто завтра нужны будут косы,
В окно гляжу я, больше не грустя,
На море, на песчаные откосы.

Какую власть имеет человек,
Который даже нежности не просит!
Я не могу поднять усталых век,
Когда мое он имя произносит.

Лето 1913

IV

98

Как вплелась в мои темные косы
Серебристая нежная прядь, —
Только ты, соловей безголосый,
Эту муку сумеешь понять.

Чутким слухом далекое слышишь
И на тонкие ветки ракит,
Весь нахохлившись, смотришь — не дышишь,
Если песня чужая звучит.

А еще так недавно, недавно
Замирали вокруг тополя,
И звенела и пела отравно
Несказанная радость твоя.

1912

99

«Я пришла тебя сменить, сестра,
У лесного, у высокого костра.

Поседели твои волосы. Глаза
Замутила, затуманила слеза.

Ты уже не понимаешь пенья птиц,
Ты ни звезд не замечаешь, ни зарниц.

И давно удары бубна не слышны,
А я знаю, ты боишься тишины.

Я пришла тебя сменить, сестра,
У лесного, у высокого костра».

«Ты пришла меня похоронить.
Где же заступ твой, где лопата?
Только флейта в руках твоих.
Я не буду тебя винить,
Разве жаль, что давно, когда-то,
Навсегда мой голос затих.

Мои одежды надень,
Позабудь о моей тревоге,
Дай ветру кудрями играть.
Ты пахнешь, как пахнет сирень,
А пришла по трудной дороге,
Чтобы здесь озаренной стать».

И одна ушла, уступая,
Уступая место другой.
И неверно брела, как слепая,
Незнакомой узкой тропой.
И всё чудилось ей, что пламя
Близко... бубен держит рука.

И она, как белое знамя,
И она, как свет маяка.

24 октября 1912
Царское Село

100—101. *СТИХИ О ПЕТЕРБУРГЕ*

1

Вновь Исакий в облаченьи
Из литого серебра.
Стынет в грозном нетерпеньи
Конь Великого Петра.

Ветер душный и суровый
С черных труб сметает гарь...
Ах! своей столицей новой
Недоволен государь.

2

Сердце бьется ровно, мерно,
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.

Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной,
И в руке твоей навеки
Нераскрытый веер мой.

Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес, —

Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий —
Вся любовь утолена.

Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера, —
Над Невою темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.

1913

102

Знаю, знаю — снова лыжи
Сухо заскрипят.
В синем небе месяц рыжий,
Луг так сладостно покат.

Во дворце горят окошки,
Тишиной удалены.
Ни тропинки, ни дорожки,
Только проруби темны.

Ива, дерево русалок,
Не мешай мне на пути!
В снежных ветках черных галок,
Черных галок приюти.

Октябрь 1913
Царское Село

103. ВЕНЕЦИЯ

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой;
Заметает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.

Столько нежных, странных лиц в толпе,
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.

Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое...
Но не тесно в этой тесноте,
И не душно в сырости и зное.

Август 1912

104

Протертый коврик под иконой,
В прохладной комнате темно,
И густо плющ темно-зеленый
Завил широкое окно.

От роз струится запах сладкий,
Трещит лампадка, чуть горя.
Пестро расписаны укладки
Рукой любовной кустаря.

И у окна белеют пяльцы...
Твой профиль тонок и жесток.

Ты зацелованные пальцы
Брезгливо прячешь под платок.

А сердцу стало страшно биться,
Такая в нем теперь тоска...
И в косах спутанных таится
Чуть слышный запах табака.

1912

105. ГОСТЬ

Всё, как раньше: в окна столовой
Бьется мелкий метельный снег,
И сама я не стала новой,
А ко мне приходил человек.

Я спросила: «Чего ты хочешь?»
Он сказал: «Быть с тобой в аду».
Я смеялась: «Ах, напророчишь
Нам обоим, пожалуй, беду».

Но, поднявши руку сухую,
Он слегка потрогал цветы:
«Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты».

И глаза, глядевшие тускло,
Не сводил с моего кольца.
Ни один не двинулся мускул
Просветленно-злого лица.

О, я знаю: его отрада —
Напряженно и страстно знать,
Что ему ничего не надо,
Что мне не в чем ему отказать.

1 января 1914

106

Александру Блоку

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз

И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!

У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен,
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.

Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.

Январь 1914

⟨ДОПОЛНЕНИЯ⟩

107

Проводила друга до передней,
Постояла в золотой пыли.
С колоколенки соседней
Звуки важные текли.
Брошена! Придуманное слово —
Разве я цветок или письмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо.

1913
Царское Село

108

Простишь ли мне эти ноябрьские дни?
В каналах приневских дрожат огни.
Трагической осени скудны убранства.

Ноябрь 1913
Петербург

109

Я не любви твоей прошу.
Она теперь в надежном месте.
Поверь, что я твоей невесте
Ревнивых писем не пишу.
Но мудрые прими советы:
Дай ей читать мои стихи,
Дай ей хранить мои портреты, —
Ведь так любезны женихи!
А этим дурочкам нужней
Сознанье полное победы,
Чем дружбы светлые беседы
И память первых нежных дней...
Когда же счастия гроши
Ты проживешь с подругой милой
И для пресыщенной души
Всё станет сразу так постыло —
В мою торжественную ночь
Не приходи. Тебя не знаю.
И чем могла б тебе помочь?
От счастья я не исцеляю.

1914

110

«Горят твои ладони,
В ушах пасхальный звон,
Ты, как святой Антоний,
Виденьем искушен».

«Зачем во дни святые
Ворвался день один,
Как волосы густые
Безумных Магдалин».

«Так любят только дети
И то лишь первый раз».
— «Сильней всего на свете
Лучи спокойных глаз».

«То дьявольские сети,
Нечистая тоска».
— «Белей всего на свете
Была ее рука».

1915
Царское Село

111

Будешь жить, не зная лиха,
Править и судить,
Со своей подругой тихой
Сыновей растить.

И во всем тебе удача,
Ото всех почет,
Ты не знай, что я от плача
Дням теряю счет.

Много нас таких бездомных,
Сила наша в том,
Что для нас, слепых и темных,
Светел божий дом,

И для нас, склоненных долу,
Алтари горят,
Наши к божьему престолу
Голоса летят.

1915

БЕЛАЯ СТАЯ
1917

Горю и ночью дорога светла.
Анненский

112

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так что сделался каждый день
Поминальным днем, —
Начали песни слагать
О великой щедрости божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

1915

113

Твой белый дом и тихий сад оставлю.
Да будет жизнь пустынна и светла.
Тебя, тебя в моих стихах прославлю,
Как женщина прославить не могла.
И ты подругу помнишь дорогую
В тобою созданном для глаз ее раю,
А я товаром редкостным торгую —
Твою любовь и нежность продаю.

1913
Царское Село

114. УЕДИНЕНИЕ

Так много камней брошено в меня,
Что ни один из них уже не страшен,
И стройной башней стала западня,
Высокою среди высоких башен.
Строителей ее благодарю,
Пусть их забота и печаль минует.
Отсюда раньше вижу я зарю,
Здесь солнца луч последний торжествует.
И часто в окна комнаты моей
Влетают ветры северных морей,
И голубь ест из рук моих пшеницу...
А не дописанную мной страницу,
Божественно спокойна и легка,
Допишет Музы смуглая рука.

6 июня 1914
Слепнево

115. ПЕСНЯ О ПЕСНЕ

Она сначала обожжет,
Как ветерок студеный,
А после в сердце упадет
Одной слезой соленой.

И злому сердцу станет жаль
Чего-то. Грустно будет.
Но эту легкую печаль
Оно не позабудет.

Я только сею. Собирать
Придут другие. Что же!
И жниц ликующую рать
Благослови, о боже!

А чтоб тебя благодарить
Я смела совершенней,
Позволь мне миру подарить
То, что любви нетленней.

1916
Слепнево

116

Слаб голос мой, но воля не слабеет,
Мне даже легче стало без любви.
Высоко небо, горный ветер веет,
И непорочны помыслы мои.

Ушла к другим бессонница-сиделка,
Я не томлюсь над серою золой,
И башенных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется стрелой.

Как прошлое над сердцем власть теряет!
Освобожденье близко. Всё прощу,
Следя, как луч взбегает и сбегает
По влажному весеннему плющу.

Весна 1912

117

Был он ревнивым, тревожным и нежным,
Как божье солнце, меня любил,
А чтобы она не запела о прежнем,
Он белую птицу мою убил.

Промолвил, войдя на закате в светлицу:
«Люби меня, смейся, пиши стихи!»
И я закопала веселую птицу
За круглым колодцем у старой ольхи.

Ему обещала, что плакать не буду,
Но каменным сделалось сердце мое,
И кажется мне, что всегда и повсюду
Услышу я сладостный голос ее.

Осень 1914

118

Тяжела ты, любовная память!
Мне в дыму твоем петь и гореть,
А другим — это только пламя,
Чтоб остывшую душу греть.

Чтобы греть пресыщенное тело,
Им надобны слезы мои. . .
Для того ль я, господи, пела,
Для того ль причастилась любви!

Дай мне выпить такой отравы,
Чтобы сделалась я немой,
И мою бесславную славу
Осиянным забвением смой.

18 июля 1914
Слепнево

119

Потускнел на небе синий лак,
И слышнее песня окарины.
Это только дудочка из глины,
Не на что ей жаловаться так.
Кто ей рассказал мои грехи
И зачем она меня прощает? . .
Или этот голос повторяет
Мне твои последние стихи?

1912

120

В. С. Срезневской

Вместо мудрости — опытность, пресное,
Неутоляющее питье.
А юность была — как молитва воскресная. . .
Мне ли забыть ее?

Столько дорог пустынных исхожено
С тем, кто мне не был мил,
Столько поклонов в церквах положено
За того, кто меня любил...

Стала забывчивей всех забывчивых,
Тихо плывут года.
Губ нецелованных, глаз неулыбчивых
Мне не вернуть никогда.

1914

121

А! Это снова ты. Не отроком влюбленным,
Но мужем дерзостным, суровым, непреклонным
Ты в этот дом вошел и на меня глядишь.
Страшна моей душе предгрозовая тишь.
Ты спрашиваешь, что я сделала с тобою,
Врученным мне навек любовью и судьбою.
Я предала тебя. И это повторять —
О, если бы ты мог когда-нибудь устать!
Так мертвый говорит, убийцы сон тревожа,
Так ангел смерти ждет у рокового ложа.
Прости меня теперь. Учил прощать господь.
В недуге горестном моя томится плоть,
А вольный дух уже почиет безмятежно.
Я помню только сад, сквозной, осенний, нежный,
И крики журавлей, и черные поля...
О, как была с тобой мне сладостна земля!

Июль 1916
Слепнево

122

Муза ушла по дороге
Осенней, узкой, крутой,
И были смуглые ноги
Обрызганы крупной росой.

Я долго ее просила
Зимы со мной подождать.
Но сказала: «Ведь здесь могила,
Как ты можешь еще дышать?»

Я голубку ей дать хотела,
Ту, что всех в голубятне белей,
Но птица сама полетела
За стройной гостьей моей.

Я, глядя ей вслед, молчала,
Я любила ее одну,
А в небе заря стояла,
Как ворота в ее страну.

15 декабря 1915
Царское Село

123

Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.
И эту песню я невольно
Отдам на смех и поруганье,
Затем что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье.

Апрель 1915
Царское Село

124

М. Лозинскому

Они летят, они еще в дороге,
Слова освобожденья и любви,
А я уже в предпесенной тревоге,
И холоднее льда уста мои.

Но скоро там, где жидкие березы,
Прильнувши к окнам, сухо шелестят, —

Венцом червонным заплетутся розы
И голоса незримых прозвучат.

А дальше — свет невыносимо щедрый,
Как красное горячее вино...
Уже душистым, раскаленным ветром
Сознание мое опалено.

Лето 1916
Слепнево

125

О, это был прохладный день
В чудесном городе Петровом!
Лежал закат костром багровым,
И медленно густела тень.

Пусть он не хочет глаз моих,
Пророческих и неизменных,
Всю жизнь ловить он будет стих,
Молитву губ моих надменных.

Зима 1913

126

Я так молилась: «Утоли
Глухую жажду песнопенья!»
Но нет земному от земли
И не было освобожденья.

Как дым от жертвы, что не мог
Взлететь к престолу сил и славы,
А только стелется у ног,
Молитвенно целуя травы, —

Так я, господь, простерта ниц:
Коснется ли огонь небесный
Моих сомкнувшихся ресниц
И немоты моей чудесной?

1913

127

Н. В. Н.

Есть в близости людей заветная черта,
Ее не перейти влюбленности и страсти, —
Пусть в жуткой тишине сливаются уста
И сердце рвется от любви на части.

И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.

Стремящиеся к ней безумны, а ее
Достигшие — поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего мое
Не бьется сердце под твоей рукою.

Май 1915
Петербург

128

Всё отнято: и сила, и любовь.
В немилый город брошенное тело
Не радо солнцу. Чувствую, что кровь
Во мне уже совсем похолодела.

Веселой Музы нрав не узнаю:
Она глядит и слова не проронит,
А голову в веночке темном клонит,
Изнеможенная, на грудь мою.

И только совесть с каждым днем страшней
Беснуется: великой хочет дани.
Закрыв лицо, я отвечала ей...
Но больше нет ни слез, ни оправданий.

Осень 1916
Севастополь

129

Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, что живописцу — зренье,
Или актеру — голос и движенье,
А женщине прекрасной — красоту?

Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены — и это знаем сами —
Мы расточать, а не копить.

Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжелый час сомненья
Учеников злорадное глумленье
И равнодушие толпы.

23 июня 1915
Слепнево

130. ОТВЕТ

В. А. Комаровскому

Какие странные слова
Принес мне тихий день апреля.
Ты знал, во мне еще жива
Страстная страшная неделя.

Я не слыхала звонов тех,
Что плавали в лазури чистой.
Семь дней звучал то медный смех,
То плач струился серебристый.

А я, закрыв лицо мое,
Как перед вечною разлукой,
Лежала и ждала ее,
Еще не названную мукой.

Весна 1914
Царское Село

131

Был блаженной моей колыбелью
Темный город у грозной реки
И торжественной брачной постелью,
Над которой держали венки
Молодые твои серафимы, —
Город, горькой любовью любимый.

Солеёю молений моих
Был ты, строгий, спокойный, туманный.
Там впервые предстал мне жених,
Указавши мой путь осиянный,
И печальная Муза моя,
Как слепую, водила меня.

1914

II

132. 9 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА

Самые темные дни в году
Светлыми стать должны.
Я для сравнения слов не найду —
Так твои губы нежны.

Только глаза подымать не смей,
Жизнь мою храня.
Первых фиалок они светлей,
А смертельные для меня.

Вот поняла, что не надо слов,
Оснеженные ветки легки...
Сети уже разостлал птицелов
На берегу реки.

⟨1915⟩

133

Как ты можешь смотреть на Неву,
Как ты можешь всходить на мосты?..
Я недаром печальной слыву
С той поры, как привиделся ты.
Черных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд,
И малиновые костры,
Словно розы, в снегу растут.

1914

134

Под крышей промерзшей пустого жилья
Я мертвенных дней не считаю,
Читаю посланья апостолов я,
Слова псалмопевца читаю.
Но звезды синеют, но иней пушист,
И каждая встреча чудесней, —
А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней.

Зима 1915

135

Н. В. Н.

Целый год ты со мной неразлучен,
А как прежде и весел и юн!
Неужели же ты не измучен
Смутной песней затравленных струн, —

Тех, что прежде, тугие, звенели,
А теперь только стонут слегка,
И моя их терзает без цели
Восковая, сухая рука...

Верно, мало для счастия надо
Тем, кто нежен и любит светло,

Что ни ревность, ни гнев, ни досада
Молодое не тронут чело.

Тихий, тихий, и ласки не просит,
Только долго глядит на меня
И с улыбкой блаженной выносит
Страшный бред моего забытья.

Весна 1915
Слепнево

136. КИЕВ

Древний город словно вымер,
Странен мой приезд.
Над рекой своей Владимир
Поднял черный крест.

Липы шумные и вязы
По садам темны,
Звезд иглистые алмазы
К богу взнесены.

Путь мой жертвенный и славный
Здесь окончу я,
И со мной лишь ты, мне равный,
Да любовь моя.

Лето 1914

137

Еще весна таинственная млела,
Блуждал прозрачный ветер по горам,
И озеро глубокое синело —
Крестителя нерукотворный храм.

Ты был испуган нашей первой встречей,
А я уже молилась о второй.
И вот сегодня снова жаркий вечер, —
Как низко солнце стало над горой...

Ты не со мной, но это не разлука:
Мне каждый миг — торжественная весть.
Я знаю, что в тебе такая мука,
Что ты не можешь слова произнесть.

Весна 1917
Петербург

138. РАЗЛУКА

Вечерний и наклонный
Передо мною путь.
Вчера еще, влюбленный,
Молил: «Не позабудь».
А нынче только ветры
Да крики пастухов,
Взволнованные кедры
У чистых родников.

Весна 1914
Петербург

139

Чернеет дорога приморского сада,
Желты и свежи фонари.
Я очень спокойная. Только не надо
Со мною о нем говорить.
Ты милый и верный, мы будем друзьями...
Гулять, целоваться, стареть...
И легкие месяцы будут над нами,
Как снежные звезды, лететь.

Март 1914

140

Не в лесу мы, довольно аукать, —
Я насмешек таких не люблю...
Что же ты не приходишь баюкать
Уязвленную совесть мою?

У тебя заботы другие,
У тебя другая жена...
И глядит мне в глаза сухие
Петербургская весна.

Трудным кашлем, вечерним жаром
Наградит по заслугам, убьет.
На Неве под млеющим паром
Начинается ледоход.

Весна 1914

141

Господь немилостив к жнецам и садоводам.
Звеня, косые падают дожди
И прежде небо отражавшим водам
Пестрят широкие плащи.

В подводном царстве и луга, и нивы,
А струи вольные поют, поют,
На взбухших ветках лопаются сливы,
И травы легшие гниют.

И сквозь густую водяную сетку
Я вижу милое твое лицо,
Притихший парк, китайскую беседку
И дома круглое крыльцо.

Лето 1915
Царское Село

142

Всё обещало мне его:
Край неба, тусклый и червонный,
И милый сон под Рождество,
И Пасхи ветер многозвонный,

И прутья красные лозы,
И парковые водопады,
И две большие стрекозы
На ржавом чугуне ограды.

И я не верить не могла,
Что будет дружен он со мною,
Когда по горным склонам шла
Горячей каменной тропою.

Осень 1916
Севастополь

143

Как невеста, получаю
Каждый вечер по письму,
Поздно ночью отвечаю
Другу моему.

«Я гощу у смерти белой
По дороге в тьму.
Зла, мой ласковый, не делай
В мире никому».

И стоит звезда большая
Между двух стволов,
Так спокойно обещая
Исполненье снов.

Октябрь 1915
Хювинккя

144

Божий ангел, зимним утром
Тайно обручивший нас,
С нашей жизни беспечальной
Глаз не сводит потемневших.

Оттого мы любим небо,
Тонкий воздух, свежий ветер
И чернеющие ветки
За оградою чугунной.

Оттого мы любим строгий,
Многоводный, темный город,
И разлуки наши любим,
И часы недолгих встреч.

Зима 1914

145

Ведь где-то есть простая жизнь и свет,
Прозрачный, теплый и веселый...
Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчелы
Нежнейшую из всех бесед.

А мы живем торжественно и трудно
И чтим обряды наших горьких встреч,
Когда с налету ветер безрассудный
Чуть начатую обрывает речь, —

Но ни на что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды,
Широких рек сияющие льды,
Бессолнечные, мрачные сады
И голос Музы еле слышный.

23 июня 1915
Слепнево

146

Подошла. Я волненья не выдал,
Равнодушно глядя в окно.
Села, словно фарфоровый идол,
В позе, выбранной ею давно.

Быть веселой — привычное дело,
Быть внимательной — это трудней...
Или томная лень одолела
После мартовских пряных ночей?

Утомительный гул разговоров,
Желтой люстры безжизненный зной,
И мельканье искусных проборов
Над приподнятой легкой рукой.

Улыбнулся опять собеседник
И с надеждой глядит на нее...
Мой счастливый, богатый наследник,
Ты прочти завещанье мое.

1914

147. ПОБЕГ

О. А. Кузьминой-Караваевой

«Нам бы только до взморья добраться,
Дорогая моя!» — «Молчи. . .»
И по лестнице стали спускаться,
Задыхаясь, искали ключи.

Мимо зданий, где мы когда-то
Танцевали, пили вино,
Мимо белых колонн Сената
Туда, где темно, темно.

«Что ты делаешь, ты безумный!»
— «Нет, я только тебя люблю!
Этот ветер — широкий и шумный,
Будет весело кораблю!»

Горло тесно ужасом сжато,
Нас в потемках принял челнок. . .
Крепкий запах морского каната
Задрожавшие ноздри обжег.

«Скажи, ты знаешь наверно:
Я не сплю? Так бывает во сне. . .»
Только весла плескались мерно
По тяжелой невской волне.

А черное небо светало,
Нас окликнул кто-то с моста,
Я руками обеими сжала
На груди цепочку креста.

Обессиленную, на руках ты,
Словно девочку, внес меня,
Чтоб на палубе белой яхты
Встретить свет нетленного дня.

Июнь 1914

148

О тебе вспоминаю я редко
И твоей не пленяюсь судьбой,
Но с души не стирается метка
Незначительной встречи с тобой.

Красный дом твой нарочно миную,
Красный дом твой над мутной рекой,
Но я знаю, что горько волную
Твой пронизанный солнцем покой.

Пусть не ты над моими устами
Наклонялся, моля о любви,
Пусть не ты золотыми стихами
Обессмертил томленья мои, —

Я над будущим тайно колдую,
Если вечер совсем голубой,
И предчувствую встречу вторую,
Неизбежную встречу с тобой.

1913

149. ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Н. В. Н.

Уже кленовые листы
На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины.

И, ослепительно стройна,
Поджав незябнущие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.

Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой.
Играли на ее плечах
Лучи скудеющего света.

И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.

Осень 1916

150

Вновь подарен мне дремотой
Наш последний звездный рай —
Город чистых водометов,
Золотой Бахчисарай.

Там, за пестрою оградой,
У задумчивой воды,
Вспоминали мы с отрадой
Царскосельские сады,

И орла Екатерины
Вдруг узнали — это тот!
Он слетел на дно долины
С пышных бронзовых ворот.

Чтобы песнь прощальной боли
Дольше в памяти жила,
Осень смуглая в подоле
Красных листьев принесла

И посыпала ступени,
Где прощалась я с тобой
И откуда в царство тени
Ты ушел, утешный мой!

Осень 1916
Севастополь

БѢЛАЯ СТАЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

АННЫ АХМАТОВОЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Издательство Гиперборей.
1917.

151

Н. В. Н.

Всё мне видится Павловск холмистый,
Круглый луг, неживая вода,
Самый томный и самый тенистый,
Ведь его не забыть никогда.

Как в ворота чугунные въедешь,
Тронет тело блаженная дрожь,
Не живешь, а ликуешь и бредишь,
Иль совсем по-иному живешь.

Поздней осенью свежий и колкий
Бродит ветер, безлюдию рад.
В белом инее черные елки
На подтаявшем снеге стоят.

И, исполненный жгучего бреда,
Милый голос как песня звучит,
И на медном плече Кифареда
Красногрудая птичка сидит.

1915
Царское Село

152

Бессмертник сух и розов. Облака
На свежем небе вылеплены грубо.
Единственного в этом парке дуба
Листва еще бесцветна и тонка.

Лучи зари до полночи горят.
Как хорошо в моем затворе тесном!
О самом нежном, о всегда чудесном
Со мной сегодня птицы говорят.

Я счастлива. Но мне всего милей
Лесная и пологая дорога,
Убогий мост, скривившийся немного,
И то, что ждать осталось мало дней.

Лето 1916
Слепнево

III

153. МАЙСКИЙ СНЕГ

Прозрачная ложится пелена
На свежий дерн и незаметно тает.
Жестокая, студеная весна
Налившиеся почки убивает.
И ранней смерти так ужасен вид,
Что не могу на божий мир глядеть я.
Во мне печаль, которой царь Давид
По-царски одарил тысячелетья.

Май 1916
Слепнево

154

Зачем притворяешься ты
То ветром, то камнем, то птицей?
Зачем улыбаешься ты
Мне с неба внезапной зарницей?

Не мучь меня больше, не тронь!
Пусти меня к вещим заботам...
Шатается пьяный огонь
По высохшим серым болотам.

И Муза в дырявом платке
Протяжно поет и уныло.
В жестокой и юной тоске
Ее чудотворная сила.

Июль 1915
Слепнево

155

Пустых небес прозрачное стекло,
Большой тюрьмы белесое строенье
И хода крестного торжественное пенье
Над Волховом, синеющим светло.

Сентябрьский вихрь, листы с березы свеяв,
Кричит и мечется среди ветвей,
А город помнит о судьбе своей:
Здесь Марфа правила и правил Аракчеев.

Сентябрь 1914
Новгород

156—157. *ИЮЛЬ 1914*

1

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затменья небесных светил.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».

2

Можжевельника запах сладкий
От горящих лесов летит.
Над ребятами стонут солдатки,
Вдовий плач по деревне звенит.

Не напрасно молебны служились,
О дожде тосковала земля!
Красной влагой тепло окропились
Затоптанные поля.

Низко, низко небо пустое,
И голос молящего тих:
«Ранят тело твое пресвятое,
Мечут жребий о ризах твоих».

20 июля 1914
Слепнево

158

Тот голос, с тишиной великой споря,
Победу одержал над тишиной.
Во мне еще, как песня или горе,
Последняя зима перед войной.

Белее сводов Смольного собора,
Таинственней, чем пышный Летний сад,
Она была. Не знали мы, что скоро
В тоске предельной поглядим назад.

Январь 1917

159

Мы не умеем прощаться, —
Всё бродим плечо к плечу,
Уже начинает смеркаться,
Ты задумчив, а я молчу.

В церковь войдем, увидим
Отпеванье, крестины, брак,
Не взглянув друг на друга, выйдем...
Отчего всё у нас не так?

Или сядем на снег примятый
На кладбище, легко вздохнем,
И ты палкой чертишь палаты,
Где мы будем всегда вдвоем.

1917

160. УТЕШЕНИЕ

Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою.

Н. Гумилев

Вестей от него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
В объятой пожарами, скорбной Польше
Не найдешь могилы его.

Пусть дух твой станет тих и покоен,
Уже не будет потерь:
Он божьего воинства новый воин,
О нем не грусти теперь.

И плакать грешно, и грешно томиться
В милом, родном дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику своему.

Сентябрь 1914
Царское Село

161

Лучше б мне частушки задорно выкликать,
А тебе на хриплой гармонике играть,

И, уйдя обнявшись на ночь за овсы,
Потерять бы ленту из тугой косы.

Лучше б мне ребеночка твоего качать,
А тебе полтинник в сутки выручать,

И ходить на кладбище в поминальный день,
Да смотреть на белую божию сирень.

1914

162. МОЛИТВА

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Май 1915. Духов день
Петербург

163

«Где, высокая, твой цыганенок,
Тот, что плакал под черным платком,
Где твой маленький первый ребенок,
Что ты знаешь, что помнишь о нем?»

«Доля матери — светлая пытка,
Я достойна ее не была.
В белый рай растворилась калитка,
Магдалина сыночка взяла.

Каждый день мой — веселый, хороший,
Заблудилась я в длинной весне,
Только руки тоскуют по ноше,
Только плач его слышу во сне.

Станет сердце тревожным и томным,
И не помню тогда ничего,
Всё брожу я по комнатам темным,
Всё ищу колыбельку его».

11 апреля 1914
Петербург

164

Столько раз я проклинала
Это небо, эту землю,
Этой мельницы замшелой
Тяжко машущие руки!
А во флигеле покойник,
Прям и сед, лежит на лавке,
Как тому назад три года.
Так же мыши книги точат,
Так же влево пламя клонит
Стеариновая свечка.
И поет, поет постылый
Бубенец нижегородский
Незатейливую песню
О моем веселье горьком.
А раскрашенные ярко
Прямо стали георгины
Вдоль серебряной дорожки,
Где улитки и полынь.
Так случилось: заточенье
Стало родиной второю,
А о первой я не смею
И в молитве вспоминать.

Июль 1915
Слепнево

165

Ни в лодке, ни в телеге
Нельзя попасть сюда.
Стоит на гиблом снеге
Глубокая вода,
Усадьбу осаждает
Уже со всех сторон...
Ах! близко изнывает
Такой же Робинзон.
Пойдет взглянуть на сани,
На лыжи, на коня,
А после на диване
Сидит и ждет меня,

И шпорою короткой
Рвет коврик пополам.
Теперь улыбки кроткой
Не видеть зеркалам.

Осень 1916
Слепнево

166

Вижу, вижу лунный лук
Сквозь листву густых ракит,
Слышу, слышу ровный стук
Неподкованных копыт.

Что? И ты не хочешь спать,
В год не мог меня забыть,
Не привык свою кровать
Ты пустою находить?

Не с тобой ли говорю
В остром крике хищных птиц,
Не в твои ль глаза смотрю
С белых, матовых страниц?

Что же кружишь, словно вор,
У затихшего жилья?
Или помнишь уговор
И живую ждешь меня?

Засыпаю. В душный мрак
Месяц бросил лезвие.
Снова стук. То бьется так
Сердце теплое мое.

⟨1914⟩

167

Бесшумно ходили по дому,
Не ждали уже ничего.
Меня привели к больному,
И я не узнала его.

Он сказал: «Теперь слава богу, —
И еще задумчивей стал. —
Давно мне пора в дорогу,
Я только тебя поджидал.

Так меня ты в бреду тревожишь,
Все слова твои берегу.
Скажи: ты простить не можешь?»
И я сказала: «Могу».

Казалось, стены сияли
От пола до потолка.
На шелковом одеяле
Сухая лежала рука.

А закинутый профиль хищный
Стал так страшно тяжел и груб,
И было дыханья не слышно
У искусанных темных губ.

Но вдруг последняя сила
В синих глазах ожила:
«Хорошо, что ты отпустила,
Не всегда ты доброй была».

И стало лицо моложе,
Я опять узнала его
И сказала: «Господи боже,
Прими раба твоего».

Июль 1914
Слепнево

168. МОЕЙ СЕСТРЕ

Подошла я к сосновому лесу.
Жар велик, да и путь не короткий.
Отодвинул дверную завесу,
Вышел седенький, светлый и кроткий.

Поглядел на меня прозорливец
И промолвил: «Христова невеста!

Не завидуй удаче счастливиц,
Там тебе уготовано место.

Позабудь о родительском доме,
Уподобься небесному крину.
Будешь, хворая, спать на соломе
И блаженную примешь кончину».

Верно, слышал святитель из кельи,
Как я пела обратной дорогой
О моем несказанном весельи,
И дивяся, и радуясь много.

Июль 1914
Дарница

169

Так раненого журавля
Зовут другие: курлы, курлы! —
Когда осенние поля
И рыхлы, и теплы...

И я, больная, слышу зов,
Шум крыльев золотых
Из плотных, низких облаков
И зарослей густых:

«Пора лететь, пора лететь
Над полем и рекой.
Ведь ты уже не можешь петь
И слезы со щеки стереть
Ослабнувшей рукой».

Февраль 1915

170

Буду тихо на погосте
Под доской дубовой спать,
Будешь, милый, к маме в гости
В воскресенье прибегать —

Через речку и по горке,
Так что взрослым не догнать,
Издалека, мальчик зоркий,
Будешь крест мой узнавать.
Знаю, милый, можешь мало
Обо мне припоминать:
Не бранила, не ласкала,
Не водила причащать.

1915

171

Высокомерьем дух твой помрачен,
И оттого ты не познаешь света.
Ты говоришь, что вера наша — сон
И марево — столица эта.

Ты говоришь — моя страна грешна,
А я скажу — твоя страна безбожна.
Пускай на нас еще лежит вина, —
Всё искупить и всё исправить можно.

Вокруг тебя — и воды, и цветы.
Зачем же к нищей грешнице стучишься?
Я знаю, чем так тяжко болен ты:
Ты смерти ищешь и конца боишься.

1 января 1917
Слепнево

172

Приду туда, и отлетит томленье.
Мне ранние приятны холода.
Таинственные, темные селенья —
Хранилища бессмертного труда.

Спокойной и уверенной любови
Не превозмочь мне к этой стороне:
Ведь капелька новогородской крови
Во мне — как льдинка в пенистом вине.

И этого никак нельзя поправить,
Не растопил ее великий зной,
И что бы я ни начинала славить —
Ты, тихая, сияешь предо мной.

1916

173. ПАМЯТИ 19 ИЮЛЯ 1914

Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один:
Короткое уже кончалось лето,
Дымилось тело вспаханных равнин.

Вдруг запестрела тихая дорога,
Плач полетел, серебряно звеня...
Закрыв лицо, я умоляла бога
До первой битвы умертвить меня.

Из памяти, как груз отныне лишний,
Исчезли тени песен и страстей.
Ей — опустевшей — приказал всевышний
Стать страшной книгой грозовых вестей.

Лето 1916
Слепнево

IV

174

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.
И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

Весна 1915
Слепнево

175

То пятое время года,
Только его славословь.
Дыши последней свободой,
Оттого что это — любовь.
Высоко небо взлетело,
Легки очертанья вещей,
И уже не празднует тело
Годовщину грусти своей.

1913

176

Выбрала сама я долю
Другу сердца моего:
Отпустила я на волю
В Благовещенье его.
Да вернулся голубь сизый,
Бьется крыльями в стекло.
Как от блеска дивной ризы,
Стало в горнице светло.

Весна 1915
Петербург

177. СОН

Я знала, я снюсь тебе,
Оттого не могла заснуть.
Мутный фонарь голубел
И мне указывал путь.

Ты видел царицын сад,
Затейливый белый дворец
И черный узор оград
У каменных гулких крылец.

Ты шел, не зная пути,
И думал: «Скорей, скорей,

О, только б ее найти,
Не проснуться до встречи с ней».

А сторож у красных ворот
Окликнул тебя: «Куда!»
Хрустел и ломался лед,
Под ногой чернела вода.

«Это озеро, — думал ты, —
На озере есть островок. . .»
И вдруг из темноты
Поглядел голубой огонек.

В жестком свете скудного дня
Проснувшись, ты застонал
И в первый раз меня
По имени громко назвал.

Март 1915
Царское Село

178. БЕЛЫЙ ДОМ

Морозное солнце. С парада
Идут и идут войска.
Я полдню январскому рада,
И тревога моя легка.

Здесь помню каждую ветку
И каждый силуэт.
Сквозь инея белую сетку
Малиновый каплет свет.

Здесь дом был почти что белый,
Стеклянное крыльцо.
Столько раз рукой помертвелой
Я держала звонок-кольцо.

Столько раз. . . Играйте, солдаты,
А я мой дом отыщу,
Узнаю по крыше покатой,
По вечному плющу.

Но кто его отодвинул,
В чужие унес города
Или из памяти вынул
Навсегда дорогу туда...

Волынки вдали замирают,
Снег летит, как вишневый цвет...
И, видно, никто не знает,
Что белого дома нет.

Лето 1914
Слепнево

179

Долго шел через поля и села,
Шел и спрашивал людей:
«Где она, где свет веселый
Серых звезд — ее очей?

Ведь настали, тускло пламенея,
Дни последние весны.
Всё мне чаще снится, всё нежнее
Мне о ней бывают сны!»

И пришел в наш град угрюмый
В предвечерний тихий час.
О Венеции подумал
И о Лондоне зараз.

Стал у церкви темной и высокой
На гранит блестящих ступеней
И молил о наступленьи срока
Встречи с первой радостью своей.

А над смуглым золотом престола
Разгорался божий сад лучей:
«Здесь она, здесь свет веселый
Серых звезд — ее очей».

Май 1915

180

Широк и желт вечерний свет,
Нежна апрельская прохлада.
Ты опоздал на много лет,
Но все-таки тебе я рада.

Сюда ко мне поближе сядь,
Гляди веселыми глазами:
Вот эта синяя тетрадь —
С моими детскими стихами.

Прости, что я жила скорбя
И солнцу радовалась мало.
Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.

Весна 1915
Царское Село

181

Я не знаю, ты жив или умер, —
На земле тебя можно искать
Или только в вечерней думе
По усопшем светло горевать.

Всё тебе: и молитва дневная,
И бессонницы млеющий жар,
И стихов моих белая стая,
И очей моих синий пожар.

Мне никто сокровенней не был,
Так меня никто не томил,
Даже тот, кто на муку предал,
Даже тот, кто ласкал и забыл.

Лето 1915
Слепнево

182

Нет, царевич, я не та,
Кем меня ты видеть хочешь.
И давно мои уста
Не целуют, а пророчат.

Не подумай, что в бреду
И замучена тоскою
Громко кличу я беду:
Ремесло мое такое.

А умею научить,
Чтоб нежданное случилось,
Как навеки приручить
Ту, что мельком полюбилась.

Славы хочешь? — у меня
Попроси тогда совета,
Только это — западня,
Где ни радости, ни света.

Ну, теперь иди домой
Да забудь про нашу встречу,
А за грех твой, милый мой,
Я пред господом отвечу.

10 июля 1915

183

Из памяти твоей я выну этот день,
Чтоб спрашивал твой взор беспомощно-
туманный:
Где видел я персидскую сирень,
И ласточек, и домик деревянный?

О, как ты часто будешь вспоминать
Внезапную тоску неназванных желаний
И в городах задумчивых искать
Ту улицу, которой нет на плане!

При виде каждого случайного письма,
При звуке голоса за приоткрытой дверью
Ты будешь думать: «Вот она сама
Пришла на помощь моему неверью».

4 апреля 1915
Царское Село

184

Не хулил меня, не славил,
Как друзья и как враги.
Только душу мне оставил
И сказал: побереги.

И одно меня тревожит:
Если он теперь умрет,
Ведь ко мне архангел божий
За душой его придет.

Как тогда ее я спрячу,
Как от бога утаю?
Та, что так поет и плачет,
Быть должна в его раю.

Июль 1915

185

Там тень моя осталась и тоскует,
Всё в той же синей комнате живет,
Гостей из города запóлночь ждет
И образок эмалевый целует.
И в доме не совсем благополучно:
Огонь зажгут, а все-таки темно. . .
Не оттого ль хозяйке новой скучно,
Не оттого ль хозяин пьет вино
И слышит, как за тонкою стеною
Пришедший гость беседует со мною?

Январь 1917
Слепнево

186

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.

И от лености или со скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.

Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор всё как будто больна.

1917
Петербург

187

Небо мелкий дождик сеет
На зацветшую сирень.
За окном крылами веет
Белый, белый Духов день.

Нынче другу возвратиться
Из-за моря — крайний срок.
Всё мне дальний берег снится,
Камни, башни и песок.

На одну из этих башен
Я взойду, встречая свет...
Да в стране болот и пашен
И в помине башен нет.

Только сяду на пороге,
Там еще густая тень.
Помоги моей тревоге,
Белый, белый Духов день!

Май 1916
Слепнево

188

Я знаю, ты моя награда
За годы боли и труда,
За то, что я земным отрадам
Не предавалась никогда,
За то, что я не говорила
Возлюбленному: «Ты любим».
За то, что всем я всё простила,
Ты будешь ангелом моим.

1916

189. МИЛОМУ

Голубя ко мне не присылай,
Писем беспокойных не пиши,
Ветром мартовским в лицо не вей.
Я вошла вчера в зеленый рай,
Где покой для тела и души
Под шатром тенистых тополей.

И отсюда вижу городок,
Будки и казармы у дворца,
Надо льдом китайский желтый мост.
Третий час меня ты ждешь — продрог,
А уйти не можешь от крыльца
И дивишься, сколько новых звезд.

Серой белкой прыгну на ольху,
Ласочкой пугливой пробегу,
Лебедью тебя я стану звать,
Чтоб не страшно было жениху
В голубом кружащемся снегу
Мертвую невесту поджидать.

27 февраля 1915
Царское Село

190

Юнии Анреп

Судьба ли так моя переменилась,
Иль вправду кончена игра?
Где зимы те, когда я спать ложилась
В шестом часу утра?

По-новому, спокойно и сурово,
Живу на диком берегу.
Ни праздного, ни ласкового слова
Уже промолвить не могу.

Не верится, что скоро будут святки.
Степь трогательно зелена.
Сияет солнце. Лижет берег гладкий
Как будто теплая волна.

Когда от счастья томной и усталой
Бывала я, то о такой тиши
С невыразимым трепетом мечтала,
И вот таким себе я представляла
Посмертное блуждание души.

Декабрь 1916
Севастополь (Бельбек)

191

Как белый камень в глубине колодца,
Лежит во мне одно воспоминанье.
Я не могу и не хочу бороться:
Оно — веселье и оно — страданье.

Мне кажется, что тот, кто близко взглянет
В мои глаза, его увидит сразу.
Печальней и задумчивее станет
Внимающего скорбному рассказу.

Я ведаю, что боги превращали
Людей в предметы, не убив сознанья,
Чтоб вечно жили дивные печали.
Ты превращен в мое воспоминанье.

5 июня 1916
Слепнево

192

Первый луч — благословенье бога —
По лицу любимому скользнул,
И дремавший побледнел немного,
Но еще покойнее уснул.

Верно, поцелуем показалась
Теплота небесного луча...
Так давно губами я касалась
Милых губ и смуглого плеча...

А теперь, усопших бестелесней,
В неутешном странствии моем,
Я к нему влетаю только песней
И ласкаюсь утренним лучом.

14 мая 1916
Слепнево

⟨ДОПОЛНЕНИЯ⟩

193

И мнится — голос человека
Здесь никогда не прозвучит,
Лишь ветер каменного века
В ворота черные стучит.
И мнится мне, что уцелела
Под этим небом я одна —
За то, что первая хотела
Испить смертельного вина.

Лето 1917
Слепнево

194

Когда в мрачнейшей из столиц
Рукою твердой, но усталой
На чистой белизне страниц
Я отречение писала

И ветер в круглое окно
Вливался влажною струею, —
Казалось, небо сожжено
Червонно-дымною зарею.

Я не взглянула на Неву,
На озаренные граниты,
И мне казалось — наяву
Тебя увижу, незабытый...

Но неожиданная ночь
Покрыла город предосенний.
Чтоб бегству моему помочь,
Расплылись пепельные тени.

Я только крест с собой взяла,
Тобою данный в день измены, —
Чтоб степь полынная цвела,
А ветры пели, как сирены.

И вот он на пустой стене
Хранит меня от горьких бредней,
И ничего не страшно мне
Припомнить — даже день последний.

Август 1916
Песочная бухта

195

Как площади эти обширны,
Как гулки и круты мосты!
Тяжелый, беззвездный и мирный
Над нами покров темноты.

И мы, словно смертные люди,
По свежему снегу идем.
Не чудо ль, что нынче пробудем
Мы час предразлучный вдвоем?

Безвольно слабеют колени,
И кажется, нечем дышать...
Ты — солнце моих песнопений,
Ты — жизни моей благодать.

Вот черные зданья качнутся,
И на землю я упаду, —
Теперь мне не страшно очнуться
В моем деревенском саду.

10 марта 1917
Петербург

196

Для того ль тебя носила
Я когда-то на руках,
Для того ль сияла сила
В голубых твоих глазах!
Вырос стройный и высокий,
Песни пел, мадеру пил,
К Анатолии далекой
Миноносец свой водил.

На Малаховом кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на божий свет.

1918
Петербург

197

Родилась я ни поздно, ни рано,
Это время блаженно одно,
Только сердцу прожить без обмана
Было господом не дано.

Оттого и темно в светлице,
Оттого и друзья мои,
Как вечерние грустные птицы,
О небывшей поют любви.

1913

198

Мне не надо счастья малого,
Мужа к милой провожу
И, довольного, усталого,
Спать ребенка уложу.

Снова мне в прохладной горнице
Богородицу молить...
Трудно, трудно жить затворницей,
Да трудней веселой быть.

Только б сон приснился пламенный,
Как войду в нагорный храм,
Пятиглавый, белый, каменный,
По запомненным тропам.

Май 1914
Петербург

199

Город сгинул, последнего дома
Как живое взглянуло окно...
Это место совсем незнакомо,
Пахнет гарью, и в поле темно.

Но когда грозовую завесу
Нерешительный месяц рассек,
Мы увидели: на гору, к лесу
Пробирался хромой человек.

Было страшно, что он обгоняет
Тройку сытых веселых коней,
Постоит и опять ковыляет
Под тяжелою ношей своей.

Мы заметить почти не успели,
Как он возле кибитки возник.
Словно звезды глаза голубели,
Освещая измученный лик.

Я к нему протянула ребенка,
Поднял руку со следом оков
И промолвил мне благостно-звонко:
«Будет сын твой и жив и здоров!»

1916
Слепнево

200

О, есть неповторимые слова,
Кто их сказал — истратил слишком много.
Неистощима только синева
Небесная и милосердье бога.

Зима 1916
Севастополь

201

Стал мне реже сниться, слава богу,
Больше не мерещится везде.
Лег туман на белую дорогу,
Тени побежали по воде.

И весь день не замолкали звоны
Над простором вспаханной земли,
Здесь всего сильнее от Ионы
Колокольни Лаврские вдали.

Подстригаю на кустах сирени
Ветки те, что нынче отцвели;
По валам старинных укреплений
Два монаха медленно прошли.

Мир родной, понятный и телесный,
Для меня, незрячей, оживи.
Исцелил мне душу царь небесный
Ледяным покоем нелюбви.

1912
Киев

202

Не тайны и не печали,
Не мудрой воли судьбы —
Эти встречи всегда оставляли
Впечатление борьбы.

Я, с утра угадав минуту,
Когда ты ко мне войдешь,
Ощущала в руках согнутых
Слабо колющую дрожь.

И сухими пальцами мяла
Пеструю скатерть стола...
Я тогда уже понимала,
Как эта земля мала.

1914 или 1915

203

Будем вместе, милый, вместе,
Знают все, что мы родные,
А лукавые насмешки,
Как бубенчик отдаленный,
И обидеть нас не могут,
И не могут огорчить.

Где венчались мы — не помним,
Но сверкала эта церковь
Тем неистовым сияньем,
Что лишь ангелы умеют
В белых крыльях приносить.

А теперь пора такая,
Страшный год и страшный город.
Как же можно разлучиться
Мне с тобой, тебе со мной?

Весна 1915
Петербург

204

Черная вилась дорога,
Дождик моросил,
Проводить меня немного
Кто-то попросил.
Согласилась, да забыла
На него взглянуть,
А потом так странно было
Вспомнить этот путь.
Плыл туман, как фимиамы
Тысячи кадил.
Спутник песенкой упрямо
Сердце бередил.
Помню древние ворота
И конец пути —
Там со мною шедший кто-то
Мне сказал: «Прости. . .»
Медный крестик дал мне в руки,
Словно брат родной. . .
И я всюду слышу звуки
Песенки степной.
Ах, я дома как не дома —
Плачу и грущу.
Отзовись, мой незнакомый,
Я тебя ищу!

1913 (?)

205

Как люблю, как любила глядеть я
На закованные берега,
На балконы, куда столетья
Не ступала ничья нога.

И воистину ты, столица —
Для безумных и светлых нас;
Но когда над Невою длится
Тот особенный, чистый час
И проносится ветер майский
Мимо всех надводных колонн,
Ты — как грешник, видящий райский
Перед смертью сладчайший сон...

1916

ПОДОРОЖНИК
1921

УЗНАЙ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ЗВУКИ,
БЫВАЛО, МИЛЫЕ ТЕБЕ.

Пушкин

206

Сразу стало тихо в доме,
Облетел последний мак,
Замерла я в долгой дреме
И встречаю ранний мрак.

Плотно заперты ворота,
Вечер черен, ветер тих.
Где веселье, где забота,
Где ты, ласковый жених?

Не нашелся тайный перстень,
Прождала я много дней,
Нежной пленницею песня
Умерла в груди моей.

Июль 1917
Слепнево

207

Ты — отступник: за остров зеленый
Отдал, отдал родную страну,
Наши песни, и наши иконы,
И над озером тихим сосну.

Для чего ты, лихой ярославец,
Коль еще не лишился ума,
Загляделся на рыжих красавиц
И на пышные эти дома?

Так теперь и кощунствуй, и чванься,
Православную душу губи,
В королевской столице останься
И свободу свою полюби.

Для чего ж ты приходишь и стонешь
Под высоким окошком моим?
Знаешь сам, ты и в море не тонешь,
И в смертельном бою невредим.

Да, не страшны ни море, ни битвы
Тем, кто сам потерял благодать.
Оттого-то во время молитвы
Попросил ты тебя поминать.

Лето 1917
Слепнево

208

Просыпаться на рассвете
Оттого, что радость душит,
И глядеть в окно каюты
На зеленую волну,
Иль на палубе в ненастье,
В мех закутавшись пушистый,
Слушать, как стучит машина,
И не думать ни о чем,
Но, предчувствуя свиданье
С тем, кто стал моей звездою,
От соленых брызг и ветра
С каждым часом молодеть.

Июль 1917
Слепнево

209

И в тайную дружбу с высоким,
Как юный орел темноглазым,
Я, словно в цветник предосенний,
Походкою легкой вошла.
Там были последние розы,
И месяц прозрачный качался
На серых, густых облаках...

Лето 1917
Петербург

210

Словно ангел, возмутивший воду,
Ты взглянул тогда в мое лицо,
Возвратил и силу, и свободу,
А на память чуда взял кольцо.
Мой румянец жаркий и недужный
Стерла богомольная печаль.
Памятным мне будет месяц вьюжный,
Северный встревоженный февраль.

Февраль 1916
Царское Село

211

Когда о горькой гибели моей
Весть поздняя его коснется слуха,
Не станет он ни строже, ни грустней,
Но, побледневши, улыбнется сухо.
И сразу вспомнит зимний небосклон
И вдоль Невы несущуюся вьюгу,
И сразу вспомнит, как поклялся он
Беречь свою восточную подругу.

1917

212

А ты теперь тяжелый и унылый,
Отрекшийся от славы и мечты,
Но для меня непоправимо милый,
И чем темней, тем трогательней ты.

Ты пьешь вино, твои нечисты ночи,
Что наяву, не знаешь, что во сне,
Но зелены мучительные очи, —
Покоя, видно, не нашел в вине.

И сердце только скорой смерти просит,
Кляня медлительность судьбы.
Всё чаще ветер западный приносит
Твои упреки и твои мольбы.

Но разве я к тебе вернуться смею?
Под бледным небом родины моей
Я только петь и вспоминать умею,
А ты меня и вспоминать не смей.

Так дни идут, печали умножая.
Как за тебя мне господа молить?
Ты угадал: моя любовь такая,
Что даже ты не мог ее убить.

22 июля 1917
Слепнево

213

Пленник чужой! Мне чужого не надо,
Я и своих-то устала считать.
Так отчего же такая отрада
Эти вишневые видеть уста?

Пусть он меня и хулит, и бесславит,
Слышу в словах его сдавленный стон.
Нет, он меня никогда не заставит
Думать, что страстно в другую влюблен.

И никогда не поверю, что можно
После небесной и тайной любви
Снова смеяться и плакать тревожно
И проклинать поцелуи мои.

1917

214

Я спросила у кукушки,
Сколько лет я проживу...
Сосен дрогнули верхушки,
Желтый луч упал в траву,
Но ни звука в чаще свежей...
Я иду домой,
И прохладный ветер нежит
Лоб горячий мой.

1 июня 1919
Царское Село

215

По неделе ни слова ни с кем не скажу,
Всё на камне у моря сижу,
И мне любо, что брызги зеленой волны,
Словно слезы мои, солоны.
Были весны и зимы, да что-то одна
Мне запомнилась только весна.
Стали ночи теплее, подтаивал снег,
Вышла я поглядеть на луну,
И спросил меня тихо чужой человек,
Между сосенок встретив одну:
«Ты не та ли, кого я повсюду ищу,
О которой с младенческих лет,
Как о милой сестре, веселюсь и грущу?»
Я чужому ответила: «Нет!»
А как свет поднебесный его озарил,
Я дала ему руки мои,
И он перстень таинственный мне подарил,
Чтоб меня уберечь от любви.

И назвал мне четыре приметы страны,
Где мы встретиться снова должны:
Море, круглая бухта, высокий маяк,
А всего непременней — полынь...
И как жизнь началась, пусть и кончится так.
Я сказала, что знаю: аминь!

Осень 1916
Севастополь

216

В каждых сутках есть такой
Смутный и тревожный час.
Громко говорю с тоской,
Не раскрывши сонных глаз,
И она стучит, как кровь,
Как дыхание тепла,
Как счастливая любовь,
Рассудительна и зла.

1917

217

Земная слава как дым,
Не этого я просила.
Любовникам всем моим
Я счастие приносила.
Один и сейчас живой,
В свою подругу влюбленный,
И бронзовым стал другой
На площади оснеженной.

Зима 1914

218

Это просто, это ясно,
Это всякому понятно,
Ты меня совсем не любишь,
Не полюбишь никогда.

Для чего же так тянуться
Мне к чужому человеку,
Для чего же каждый вечер
Мне молиться за тебя?
Для чего же, бросив друга
И кудрявого ребенка,
Бросив город мой любимый
И родную сторону,
Черной нищенкой скитаюсь
По столице иноземной?
О, как весело мне думать,
Что тебя увижу я!

Лето 1917
Слепнево

219

О нет, я не тебя любила,
Палима сладостным огнем,
Так объясни, какая сила
В печальном имени твоем.

Передо мною на колени
Ты стал, как будто ждал венца,
И смертные коснулись тени
Спокойно-юного лица.

И ты ушел. Не за победой,
За смертью. Ночи глубоки!
О ангел мой, не знай, не ведай
Моей теперешней тоски.

Но если белым солнцем рая
В лесу осветится тропа,
Но если птица полевая
Взлетит с колючего снопа,

Я знаю: это ты, убитый,
Мне хочешь рассказать о том.
И снова вижу холм изрытый
Над окровавленным Днестром.

Забуду дни любви и славы,
Забуду молодость мою.
Душа темна, пути лукавы,
Но образ твой, твой подвиг правый
До часа смерти сохраню.

19 июля 1917
Слепнево

220

Я слышу иволги всегда печальный голос
И лета пышного приветствую ущерб,
А к колосу прижатый тесно колос
С змеиным свистом срезывает серп.

И стройных жниц короткие подолы,
Как флаги в праздник, по ветру летят.
Теперь бы звон бубенчиков веселых,
Сквозь пыльные ресницы долгий взгляд.

Не ласки жду я, не любовной лести
В предчувствии неотвратимой тьмы,
Но приходи взглянуть на рай, где вместе
Блаженны и невинны были мы.

27 июля 1917
Слепнево

221

Как страшно изменилось тело,
Как рот измученный поблек!
Я смерти не такой хотела,
Не этот назначала срок.

Казалось мне, что туча с тучей
Сшибется где-то в высоте
И молнии огонь летучий
И голос радости могучей,
Как ангелы, сойдут ко мне.

1913

Анна
Ахматова
Подорожник
Стихотворения
Петрополис
1921

222

Я окошка не завесила,
Прямо в горницу гляди.
Оттого мне нынче весело,
Что не можешь ты уйти.
Называй же беззаконницей,
Надо мной глумись со зла:
Я была твоей бессонницей,
Я тоской твоей была.

5 марта 1916

223

Эта встреча никем не воспета,
И без песен печаль улеглась.
Наступило прохладное лето,
Словно новая жизнь началась.

Сводом каменным кажется небо,
Уязвленное желтым огнем,
И нужнее насущного хлеба
Мне единое слово о нем.

Ты, росой окропляющий травы,
Вестью душу мою оживи, —
Не для страсти, не для забавы,
Для великой земной любви.

17 мая 1916
Слепнево

224

И вот одна осталась я
Считать пустые дни.
О вольные мои друзья,
О лебеди мои!

И песней я не скличу вас,
Слезами не верну.
Но вечером в печальный час
В молитве помяну.

Настигнут смертною стрелой,
Один из вас упал,
И черным вороном другой,
Меня целуя, стал.

Но так бывает: раз в году,
Когда растает лед,
В Екатеринином саду
Стою у чистых вод

И слышу плеск широких крыл
Над гладью голубой.
Не знаю, кто окно раскрыл
В темнице гробовой.

1917

225

Чем хуже этот век предшествующих? Разве
Тем, что в чаду печали и тревог
Он к самой черной прикоснулся язве,
Но исцелить ее не мог.

Еще на западе земное солнце светит
И кровли городов в его лучах блестят,
А здесь уж белая дома крестами метит
И кличет воронов, и вороны летят.

Зима 1919

226

Теперь никто не станет слушать песен.
Предсказанные наступили дни.
Моя последняя, мир больше не чудесен,
Не разрывай мне сердца, не звени.

Еще недавно ласточкой свободной
Свершала ты свой утренний полет,
А ныне станешь нищенкой голодной,
Не достучишься у чужих ворот.

1917

227

По твердому гребню сугроба
В твой белый, таинственный дом
Такие притихшие оба
В молчании нежном идем.
И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон,
Качание веток задетых
И шпор твоих легонький звон.

Январь 1917

228

Теперь прощай, столица,
Прощай, весна моя,
Уже по мне томится
Корельская земля.

Поля и огороды
Спокойно зелены,
Еще глубоки воды
И небеса бледны.

Болотная русалка,
Хозяйка этих мест,
Глядит, вздыхая жалко,
На колокольный крест.

А иволга, подруга
Моих безгрешных дней,
Вчера вернувшись с юга,
Кричит среди ветвей,

Что стыдно оставаться
До мая в городах,
В театре задыхаться,
Скучать на островах.

Но иволга не знает,
Русалке не понять,

Как сладко мне бывает
Его поцеловать!

И все-таки сегодня
На тихом склоне дня
Уйду. Страна господня,
Прими к себе меня!

1917

229

Ждала его напрасно много лет.
Похоже это время на дремоту.
Но воссиял неугасимый свет
Тому три года в Вербную субботу.
Мой голос оборвался и затих —
С улыбкой предо мной стоял жених.

А за окном со свечками народ
Неспешно шел. О, вечер богомольный!
Слегка хрустел апрельский тонкий лед,
И над толпою голос колокольный,
Как утешенье вещее, звучал,
И черный ветер огоньки качал.

И белые нарциссы на столе,
И красное вино в бокале плоском
Я видела как бы в рассветной мгле.
Моя рука, закапанная воском,
Дрожала, принимая поцелуй,
И пела кровь: блаженная, ликуй!

1916

230. НОЧЬЮ

Стоит на небе месяц, чуть живой,
Средь облаков струящихся и мелких,
И у дворца угрюмый часовой
Глядит, сердясь, на башенные стрелки.

Идет домой неверная жена,
Ее лицо задумчиво и строго,
А верную в тугих объятьях сна
Сжигает негасимая тревога.

Что мне до них? Семь дней тому назад,
Вздохнувши, я прости сказала миру,
Но душно там, и я пробралась в сад
Взглянуть на звезды и потрогать лиру.

Осень 1918
Москва

231

Течет река неспешно по долине,
Многооконный на пригорке дом.
А мы живем как при Екатерине:
Молебны служим, урожая ждем.
Перенеся двухдневную разлуку,
К нам едет гость вдоль нивы золотой,
Целует бабушке в гостиной руку
И губы мне на лестнице крутой.

Лето 1917
Слепнево

232

На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.

И кажется лицо бледней
От лиловеющего шелка,
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка.

И непохожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета.

А бледный рот слегка разжат.
Неровно трудное дыханье,
И на груди моей дрожат
Цветы небывшего свиданья.

1913

233. ПЕСЕНКА

Бывало, я с утра молчу
О том, что сон мне пел.
Румяной розе, и лучу,
И мне — один удел.
С покатых гор ползут снега,
А я белей, чем снег,
Но сладко снятся берега
Разливных мутных рек.
Еловой рощи свежий шум
Покойнее рассветных дум.

Март 1916

234

И целый день, своих пугаясь стонов,
В тоске смертельной мечется толпа,
А за рекой на траурных знаменах
Зловещие смеются черепа.
Вот для чего я пела и мечтала,
Мне сердце разорвали пополам,
Как после залпа сразу тихо стало,
Смерть выслала дозорных по дворам.

Лето 1917

235

Ты мог бы мне сниться и реже,
Ведь часто встречаемся мы,
Но грустен, взволнован и нежен
Ты только в святилище тьмы.

И слаще хвалы серафима
Мне губ твоих милая лесть...
О, там ты не путаешь имя
Мое. Не вздыхаешь, как здесь.

1914

236

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Осень 1917

⟨ДОПОЛНЕНИЕ⟩

237. ЗА́РЕ

(С португальского)

Тот счастлив, кто прошел среди мучений,
Среди тревог и страсти жизни шумной,
Подобно розе, что цветет бездумно,
И легче по водам бегущей тени.
Так жизнь твоя была чужда заботе,
Как тонкий сон, но сладостный и нежный:
Проснулась... улыбнулась... и небрежно
Вернулась ты к нарушенной дремоте.

Июль 1920

ANNO DOMINI
1921—1922

В ТЕ БАСНОСЛОВНЫЕ ГОДА...
Тютчев

I. ПОСЛЕ ВСЕГО

238. ПЕТРОГРАД, 1919

И мы забыли навсегда,
Заключены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.

Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

239. БЕЖЕЦК

Там белые церкви и звонкий, светящийся лед,
Там милого сына цветут васильковые очи.
Над городом древним алмазные русские ночи
И серп поднебесный желтее, чем липовый мед.
Там строгая память, такая скупая теперь,
Свои терема мне открыла с глубоким поклоном;
Но я не вошла, я захлопнула страшную дверь...
И город был полон веселым рождественским звоном.

26 декабря 1921

240. ПРЕДСКАЗАНИЕ

Видел я тот венец златокованый...
Не завидуй такому вéнцу!
Оттого, что и сам он ворованный
И тебе он совсем не к лицу.
Туго согнутой веткой терновою
Мой венец на тебе заблестит.
Ничего, что росою багровою
Он изнеженный лоб освежит.

8 мая 1922

241—242. *ДРУГОЙ ГОЛОС*

1

Я с тобой, мой ангел, не лукавил,
Как же вышло, что тебя оставил
За себя заложницей в неволе
Всей земной непоправимой боли?
Под мостами полыньи дымятся,
Над кострами искры золотятся,
Грузный ветер окаянно воет,
И шальная пуля за Невою
Ищет сердце бедное твое.
И, одна в дому оледенелом,
Белая лежишь в сияньи белом,
Славя имя горькое мое.

7 декабря 1921
Петербург

2

В тот давний год, когда зажглась любовь,
Как крест престольный, в сердце обреченном,
Ты кроткою голубкой не прильнула
К моей груди, но коршуном когтила.
Изменой первою, вином проклятья
Ты напоила друга своего.
Но час настал в зеленые глаза
Тебе глядеться, у жестоких губ
Молить напрасно сладостного дара
И клятв таких, каких ты не слыхала,
Каких еще никто не произнес.
Так отравивший воду родника
Для вслед за ним идущего в пустыне
Сам заблудился и, возжаждав сильно,
Источника во мраке не узнал.
Он гибель пьет, прильнув к воде прохладной,
Но гибелью ли жажду утолить?

8 декабря 1921
Петербург

243

Сказал, что у меня соперниц нет.
Я для него не женщина земная,
А солнца зимнего утешный свет
И песня дикая родного края.
Когда умру, не станет он грустить,
Не крикнет, обезумевши: «Воскресни!» —
Но вдруг поймет, что невозможно жить
Без солнца телу и душе без песни.
...А что теперь?

1921

244

Земной отрадой сердца не томи,
Не пристращайся ни к жене, ни к дому,
У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому.

И будь слугой смиреннейшим того,
Кто был твоим кромешным супостатом,
И назови лесного зверя братом,
И не проси у бога ничего.

Декабрь 1921
Петербург

245

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час. . .
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

Июль 1922
Петербург

246—251. *ЧЕРНЫЙ СОН*

1

Косноязычно славивший меня
Еще топтался на краю эстрады.
От дыма сизого и тусклого огня
Мы все уйти, конечно, были рады.

Но в путаных словах вопрос зажжен,
Зачем не стала я звездой любовной,
И стыдной болью был преображен
Над нами лик жестокий и бескровный.

Люби меня, припоминай и плачь!
Все плачущие не равны ль пред богом?
Прощай, прощай! меня ведет палач
По голубым предутренним дорогам.

1913

2

Ты всегда таинственный и новый.
Я тебе послушней с каждым днем,
Но любовь твоя, о друг суровый,
Испытание железом и огнем.

Запрещаешь петь и улыбаться,
А молиться запретил давно.
Только б мне с тобою не расстаться,
Остальное всё равно!

Так, земле и небесам чужая,
Я живу и больше не пою,
Словно ты у ада и у рая
Отнял душу вольную мою.

Декабрь 1917

3

От любви твоей загадочной,
Как от боли, в крик кричу,
Стала желтой и припадочной,
Еле ноги волочу.

Новых песен не насвистывай,
Песней долго ль обмануть,
Но когти, когти неистовей
Мне чахоточную грудь,

Чтобы кровь из горла хлынула
Поскорее на постель,
Чтобы смерть из сердца вынула
Навсегда проклятый хмель.

Июль 1918

4

Проплывают льдины, звеня,
Небеса безнадежно бледны.
Ах, за что ты караешь меня,
Я не знаю моей вины.

Если надо — меня убей,
Но не будь со мною суров.
От меня не хочешь детей
И не любишь моих стихов.

Всё по-твоему будет: пусть!
Обету верна своему,
Отдала тебе жизнь, — но грусть
Я в могилу с собою возьму.

Апрель 1918

5

ТРЕТИЙ ЗАЧАТЬЕВСКИЙ

Переулочек, переул...
Горло петелькой затянул.

Тянет свежесть с Москва-реки,
В окнах теплятся огоньки.

Как по левой руке — пустырь,
А по правой руке — монастырь,

А напротив — высокий клен
Ночью слушает долгий стон.

Покосился гнилой фонарь —
С колокольни идет звонарь...

Мне бы тот найти образок,
Оттого что мой близок срок.

Мне бы снова мой черный платок,
Мне бы невской воды глоток.

1940

6

Тебе покорной? Ты сошел с ума!
Покорна я одной господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж — палач, а дом его — тюрьма.

Но видишь ли! Ведь я пришла сама...
Декабрь рождался, ветры выли в поле,
И было так светло в твоей неволе,
А за окошком сторожила тьма.

Так птица о прозрачное стекло
Всем телом бьется в зимнее ненастье,
И кровь пятнает белое крыло.

Теперь во мне спокойствие и счастье.
Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил
За то, что в дом свой странницу пустил.

Август 1921

252

Что ты бродишь неприкаянный,
Что глядишь ты не дыша?
Верно, понял: крепко спаяна
На двоих одна душа.

Будешь, будешь мной утешенным,
Как не снилось никому,
А обидишь словом бешеным —
Станет больно самому.

Декабрь 1921
Петербург

253

Веет ветер лебединый,
Небо синее в крови.
Наступают годовщины
Первых дней твоей любви.

Ты мои разрушил чары,
Годы плыли, как вода.
Отчего же ты не старый,
А такой, как был тогда?

Даже звонче голос нежный,
Только времени крыло
Осенило славой снежной
Безмятежное чело.

1922

254

Ангел, три года хранивший меня,
Вознесся в лучах и огне,
Но жду терпеливо сладчайшего дня,
Когда он вернется ко мне.

Как щеки запали, бескровны уста,
Лица не узнать моего;
Ведь я не прекрасная больше, не та,
Что песней смутила его.

Давно на земле ничего не боюсь,
Прощальные помня слова.
Я в ноги ему, как войдет, поклонюсь,
А прежде кивала едва.

1922

255

Шепчет: «Я не пожалею
Даже то, что так люблю, —
Или будь совсем моею,
Или я тебя убью».

Надо мной жужжит, как овод,
Непрестанно столько дней
Этот самый скучный довод
Черной ревности твоей.
Горе душит — не задушит,
Вольный ветер слезы сушит,
А веселье, чуть погладит,
Сразу с бедным сердцем сладит.

Февраль 1922

256

Слух чудовищный бродит по городу,
Забирается в домы, как тать.
Уж не сказку ль про Синюю Бороду
Перед тем, как засну, почитать?

Как седьмая всходила на лестницу,
Как сестру молодую звала,
Милых братьев иль страшную вестницу,
Затаивши дыханье, ждала...

Пыль взметается тучею снежною,
Скачут братья на замковый двор,
И над шеей безвинной и нежною
Не подымется скользкий топор.

Этой сказкою нынче утешена,
Я, наверно, спокойно усну.
Что же сердце колотится бешено,
Что же вовсе не клонит ко сну?

Зима 1922

257

Заболеть бы как следует, в жгучем бреду
Повстречаться со всеми опять,
В полном ветра и солнца приморском саду
По широким аллеям гулять.

Даже мертвые нынче согласны прийти,
И изгнанники в доме моем.
Ты ребенка за ручку ко мне приведи,
Так давно я скучаю о нем.

Буду с милыми есть голубой виноград,
Буду пить ледяное вино
И глядеть, как струится седой водопад
На кремнистое влажное дно.

Весна 1922

258

За озером луна остановилась
И кажется отворенным окном
В притихший, ярко освещенный дом,
Где что-то нехорошее случилось.

Хозяина ли мертвым привезли,
Хозяйка ли с любовником сбежала,
Иль маленькая девочка пропала
И башмачок у заводи нашли...

С земли не видно. Страшную беду
Почувствовав, мы сразу замолчали.
Заупокойно филины кричали,
И душный ветер буйствовал в саду.

1922

259

В. К. Шилейко

Как мог ты, сильный и свободный,
Забыть у ласковых колен,
Что грех карают первородный
Уничтожение и тлен.

Зачем ты дал ей на забаву
Всю тайну чудотворных дней, —
Она твою развеет славу
Рукою хищною своей.

Стыдись, и творческой печали
Не у земной жены моли.
Таких в монастыри ссылали
И на кострах высоких жгли.

1922

260—262. *БИБЛЕЙСКИЕ СТИХИ*

1

РАХИЛЬ

> И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее.
>
> *Книга Бытия*

И встретил Иаков в долине Рахиль,
Он ей поклонился, как странник бездомный.
Стада подымали горячую пыль,
Источник был камнем завален огромным.
Он камень своею рукой отвалил
И чистой водою овец напоил.

Но стало в груди его сердце грустить,
Болеть, как открытая рана,
И он согласился за деву служить
Семь лет пастухом у Лавана.
Рахиль! Для того, кто во власти твоей,
Семь лет словно семь ослепительных дней.

Но много премудр сребролюбец Лаван,
И жалость ему незнакома.
Он думает: каждый простится обман
Во славу Лаванова дома.
И Лию незрячую твердой рукой
Приводит к Иакову в брачный покой.

Течет над пустыней высокая ночь,
Роняет прохладные росы,
И стонет Лаванова младшая дочь,
Терзая пушистые косы,

Сестру проклинает и бога хулит,
И ангелу смерти явиться велит.

И снится Иакову сладостный час:
Прозрачный источник долины,
Веселые взоры Рахилиных глаз
И голос ее голубиный:
Иаков, не ты ли меня целовал
И черной голубкой своей называл?

25 декабря 1921 (ст. ст.)

2

ЛОТОВА ЖЕНА

Жена же Лотова оглянулась позади его и стала соляным столпом.

Книга Бытия

И праведник шел за посланником бога,
Огромный и светлый, по черной горе,
Но громко жене говорила тревога:
Не поздно, ты можешь еще посмотреть

На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.

Взглянула, и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.

Кто женщину эту оплакивать будет,
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

24 февраля 1924

АННА АХМАТОВА

ANNO DOMINI MCMXXI

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОПОЛИС • ПЕТЕРБУРГ
ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ
ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОД

3

МЕЛХОЛА

> Но Давида полюбила... дочь Саула, Мелхола. Саул думал: отдам ее за него, и она будет ему сетью.
>
> *Первая книга Царств*

И отрок играет безумцу царю,
И ночь беспощадную рушит,
И властно победную кличет зарю,
И призраки ужаса душит.
И царь благосклонно ему говорит:
«Огонь в тебе, юноша, дивный горит,
И я за такое лекарство
Отдам тебе дочку и царство».
А царская дочка глядит на певца,
Ей песен не нужно, не нужно венца,
В душе ее скорбь и обида,
Но хочет Мелхола Давида.
Бледнее, чем мертвая; рот ее сжат;
В зеленых глазах исступленье;
Сияют одежды, и стройно звенят
Запястья при каждом движенье.
Как тайна, как сон, как праматерь Лилит...
Не волей своею она говорит:
«Наверно, с отравой мне дали питье,
И мой помрачается дух.
Бесстыдство мое! Униженье мое!
Бродяга! Разбойник! Пастух!
Зачем же никто из придворных вельмож,
Увы, на него непохож?
А солнца лучи... а звезды в ночи...
А эта холодная дрожь...»

1959—1961

263. ПРИЧИТАНИЕ

В. А. Щеголевой

Господеви поклонитеся
Во святем дворе его.
Спит юродивый на паперти,
На него глядит звезда.

И, крылом задетый ангельским,
Колокол заговорил,
Не набатным, грозным голосом,
А прощаясь навсегда.
И выходят из обители,
Ризы древние отдав,
Чудотворцы и святители,
Опираясь на клюки.
Серафим — в леса Саровские
Стадо сельское пасти,
Анна — в Кашин, уж не княжити,
Лен колючий теребить.
Провожает богородица,
Сына кутает в платок,
Старой нищенкой оброненный
У господнего крыльца.

24 мая 1922
Петербург

264

Вот и берег северного моря,
Вот граница наших бед и слав, —
Не пойму, от счастья или горя
Плачешь ты, к моим ногам припав.
Мне не надо больше обреченных —
Пленников, заложников, рабов,
Только с милым мне и непреклонным
Буду я делить и хлеб и кров.

Осень 1922

265

Хорошо здесь: и шелест, и хруст;
С каждым утром сильнее мороз,
В белом пламени клонится куст
Ледяных ослепительных роз.
И на пышных парадных снегах
Лыжный след, словно память о том,
Что в каких-то далеких веках
Здесь с тобою прошли мы вдвоем.

1922

266. СКАЗКА О ЧЕРНОМ КОЛЬЦЕ

1

Мне от бабушки-татарки
Были редкостью подарки;
И зачем я крещена,
Горько гневалась она.
А пред смертью подобрела
И впервые пожалела,
И вздохнула: «Ах, года!
Вот и внучка молода».
И, простивши нрав мой вздорный,
Завещала перстень черный.
Так сказала: «Он по ней,
С ним ей будет веселей».

2

Я друзьям моим сказала:
«Горя много, счастья мало», —
И ушла, закрыв лицо;
Потеряла я кольцо.
И друзья мои сказали:
«Мы кольцо везде искали,
Возле моря на песке
И меж сосен на лужке».
И, догнав меня в аллее,
Тот, кто был других смелее,
Уговаривал меня
Подождать до склона дня.
Я совету удивилась
И на друга рассердилась,
Что глаза его нежны:
«И на что вы мне нужны?
Только можете смеяться,
Друг пред другом похваляться
Да цветы сюда носить».
Всем велела уходить.

3

И, придя в свою светлицу,
Застонала хищной птицей,
Повалилась на кровать
Сотый раз припоминать:
Как за ужином сидела,
В очи темные глядела,
Как не ела, не пила
У дубового стола,
Как под скатертью узорной
Протянула перстень черный,
Как взглянул в мое лицо,
Встал и вышел на крыльцо.

. . . .

Не придут ко мне с находкой!
Далеко над быстрой лодкой
Заалели небеса,
Забелели паруса.

1917—1936

267

Небывалая осень построила купол высокий,
Был приказ облакам этот купол собой не темнить.
И дивилися люди: проходят сентябрьские сроки,
А куда провалились студеные, влажные дни?..
Изумрудною стала вода замутненных каналов,
И крапива запахла, как розы, но только сильней,
Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых,
Их запомнили все мы до конца наших дней.
Было солнце таким, как вошедший в столицу мятежник,
И весенняя осень так жадно ласкалась к нему,
Что казалось — сейчас забелеет прозрачный подснежник...
Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу моему.

Сентябрь 1922

II. MCMXXI

268

Наталии Рыковой

Всё расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Всё голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес, —

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.

Июнь 1921

269

Путник милый, ты далече,
Но с тобою говорю.
В небесах зажглися свечи
Провожающих зарю.

Путник мой, скорей направо
Обрати свой светлый взор:
Здесь живет дракон лукавый,
Мой властитель с давних пор.

А в пещере у дракона
Нет пощады, нет закона,
И висит на стенке плеть,
Чтобы песен мне не петь.

И дракон крылатый мучит,
Он меня смиренью учит,

Чтоб забыла дерзкий смех,
Чтобы стала лучше всех.

Путник милый, в город дальний
Унеси мои слова,
Чтобы сделался печальней
Тот, кем я еще жива.

22 июня 1921
Петербург

270

Сослужу тебе верную службу, —
Ты не бойся, что горько люблю!
Я за нашу веселую дружбу
Всех святителей нынче молю.

За тебя отдала первородство
И взамен ничего не прошу,
Оттого и лохмотья сиротства
Я, как брачные ризы, ношу.

Июль 1921

271

Нам встречи нет. Мы в разных станах,
Туда ль зовешь меня, наглец,
Где брат поник в кровавых ранах,
Принявши ангельский венец?

И ни молящие улыбки,
Ни клятвы дикие твои,
Ни призрак млеющий и зыбкий
Моей счастливейшей любви
Не обольстят...

Июнь 1921

272

Страх, во тьме перебирая вещи,
Лунный луч наводит на топор.
За стеною слышен стук зловещий —
Что там, крысы, призрак или вор?

В душной кухне плещется водою,
Половицам шатким счет ведет,
С глянцевитой черной бородою
За окном чердачным промелькнет —

И притихнет. Как он зол и ловок,
Спички спрятал и свечу задул.
Лучше бы поблескиванье дул
В грудь мою направленных винтовок,

Лучше бы на площади зеленой
На помост некрашеный прилечь
И под клики радости и стоны
Красной кровью до конца истечь.

Прижимаю к сердцу крестик гладкий:
Боже, мир душе моей верни!
Запах тленья обморочно сладкий
Веет от прохладной простыни.

27—28 августа 1921
Царское Село

273

Ты мне не обещан ни жизнью, ни богом,
Ни даже предчувствием тайным моим.
Зачем же в ночи перед темным порогом
Ты медлишь, как будто счастьем томим?
Не выйду, не крикну: «О, будь единым,
До смертного часа будь со мной!»
Я только голосом лебединым
Говорю с неправедною луной.

1915

274

О, жизнь без завтрашнего дня!
Ловлю измену в каждом слове,
И убывающей любови
Звезда восходит для меня.

Так незаметно отлетать,
Почти не узнавать при встрече.
Но снова ночь. И снова плечи
В истоме влажной целовать.

Тебе я милой не была,
Ты мне постыл. А пытка длилась,
И, как преступница, томилась
Любовь, исполненная зла.

То словно брат. Молчишь, сердит.
Но если встретимся глазами —
Тебе клянусь я небесами,
В огне расплавится гранит.

29 августа 1921

275

Кое-как удалось разлучиться
И постылый огонь потушить.
Враг мой вечный, пора научиться
Вам кого-нибудь вправду любить.

Я-то вольная. Всё мне забава, —
Ночью Муза слетит утешать,
А наутро притащится слава
Погремушкой над ухом трещать.

Обо мне и молиться не стоит,
И, уйдя, оглянуться назад...
Черный ветер меня успокоит,
Веселит золотой листопад.

Как подарок, приму я разлуку
И забвение, как благодать.
Но, скажи мне, на крестную муку
Ты другую посмеешь послать?

Август 1921

276

А, ты думал — я тоже такая,
Что можно забыть меня
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.

Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе страшный подарок —
Мой заветный душистый платок.

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.

Июль 1921
Петербург

277

Пусть голоса органа снова грянут,
Как первая весенняя гроза:
Из-за плеча твоей невесты глянут
Мои полузакрытые глаза.

Прощай, прощай, будь счастлив, друг прекрасный,
Верну тебе твой сладостный обет,
Но берегись твоей подруге страстной
Поведать мой неповторимый бред, —

Затем что он пронижет жгучим ядом
Ваш благостный, ваш радостный союз...
А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз.

Август 1921

278

Чугунная ограда,
Сосновая кровать.
Как сладко, что не надо
Мне больше ревновать.

Постель мне стелют эту
С рыданьем и мольбой;
Теперь гуляй по свету,
Где хочешь, бог с тобой!

Теперь твой слух не ранит
Неистовая речь,
Теперь никто не станет
Свечу до утра жечь.

Добились мы покою
И непорочных дней...
Ты плачешь — я не стою
Одной слезы твоей.

27 августа 1921
Царское Село

279

А Смоленская нынче именинница,
Синий ладан над травою стелется,
И струится пенье панихидное,
Не печальное нынче, а светлое.
И приводят румяные вдовушки
На кладбище мальчиков и девочек
Поглядеть на могилы отцовские,

А кладбище — роща соловьиная,
От сиянья солнечного замерло.
Принесли мы Смоленской заступнице,
Принесли пресвятой богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее, —
Александра, лебедя чистого.

Август 1921

280

О. А. Глебовой-Судейкиной

Пророчишь, горькая, и руки уронила,
Прилипла прядь волос к бескровному челу,
И улыбаешься — о, не одну пчелу
Румяная улыбка соблазнила
И бабочку смутила не одну.

Как лунные глаза светлы, и напряженно
Далеко видящий остановился взор.
То мертвому ли сладостный укор,
Или живым прощаешь благосклонно
Твое изнеможенье и позор?

27 августа 1921

281

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.

Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.

16 августа 1921

282

Пока не свалюсь под забором
И ветер меня не добьет,
Мечта о спасении скором
Меня, как проклятие, жжет.

Упрямая, жду, что случится,
Как в песне случится со мной, —
Уверенно в дверь постучится
И, прежний, веселый, дневной,

Войдет он и скажет: «Довольно,
Ты видишь, я тоже простил», —
Не будет ни страшно, ни больно. . .
Ни роз, ни архангельских сил.

Затем и в беспамятстве смуты
Я сердце мое берегу,
Что смерти без этой минуты
Представить себе не могу.

30 августа 1921

283

На пороге белом рая,
Оглянувшись, крикнул: «Жду!»
Завещал мне, умирая,
Благостность и нищету.

И когда прозрачно небо,
Видит, крыльями звеня,
Как делюсь я коркой хлеба
С тем, кто просит у меня.

А когда, как после битвы,
Облака плывут в крови,
Слышит он мои молитвы
И слова моей любви.

Июль 1921

284

Я гибель накликала милым,
И гибли один за другим.
О, горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим.
Как вороны кружатся, чуя
Горячую свежую кровь,
Так дикие песни, ликуя,
Моя насылала любовь.

С тобою мне сладко и знойно,
Ты близок, как сердце в груди.
Дай руки мне, слушай спокойно.
Тебя заклинаю: уйди.
И пусть не узнаю я, где ты.
О Муза, его не зови,
Да будет живым, невоспетым
Моей не узнавший любви.

Осень 1921
Петербург

285

Долгим взглядом твоим истомленная,
И сама научилась томить.
Из ребра твоего сотворенная,
Как могу я тебя не любить?

Быть твоею сестрою отрадною
Мне завещано древней судьбой,
А я стала лукавой и жадною
И сладчайшей твоею рабой.

Но когда замираю, смиренная,
На груди твоей снега белей,
Как ликует твое умудренное
Сердце — солнце отчизны моей!

25 сентября 1921

286. КЛЕВЕТА

И всюду клевета сопутствовала мне,
Ее ползучий шаг я слышала во сне
И в мертвом городе под беспощадным небом,
Скитаясь наугад за кровом и за хлебом.
И отблески ее горят во всех глазах,
То как предательство, то как невинный страх.
Я не боюсь ее. На каждый вызов новый
Есть у меня ответ достойный и суровый.
Но неизбежный день уже предвижу я, —
На утренней заре придут ко мне друзья,
И мой сладчайший сон рыданьем потревожат,
И образок на грудь остывшую положат.
Никем не знаема, тогда она войдет,
В моей крови ее неутоленный рот
Считать не устает небывшие обиды,
Вплетая голос свой в моленья панихиды.
И станет внятен всем ее постыдный бред,
Чтоб на соседа глаз не мог поднять сосед,
Чтоб в страшной пустоте мое осталось тело,
Чтобы в последний раз душа моя горела
Земным бессилием, летя в рассветной мгле,
И дикой жалостью к оставленной земле.

1 (14) января 1922

III. ГОЛОС ПАМЯТИ

287

Широко распахнуты ворота,
Липы нищенски обнажены,
И темна сухая позолота
Нерушимой вогнутой стены.

Гулом полны алтари и склепы,
И за Днепр широкий звон летит.
Так тяжелый колокол Мазепы
Над Софийской площадью гудит.

Всё грозней бушует, непреклонный,
Словно здесь еретиков казнят,
А в лесах заречных, примиренный,
Веселит пушистых лисенят.

15 сентября 1921

288

Почернел, искривился бревенчатый мост,
И стоят лопухи в человеческий рост,
И крапивы дремучей поют леса,
Что по ним не пройдет, не блеснет коса.
Вечерами над озером слышен вздох,
И по стенам расползся корявый мох.

Я встречала там
Двадцать первый год,
Сладок был устам
Черный, душный мед.

Сучья рвали мне
Платья белый шелк,
На кривой сосне
Соловей не молк.

На условный крик
Выйдет из норы,
Словно леший дик,
А нежней сестры.

Нá гору бегом,
Через речку вплавь,
Да зато потом
Не скажу: оставь.

1917

289

Тот август как желтое пламя,
Пробившееся сквозь дым,
Тот август поднялся над нами,
Как огненный серафим.

И в город печали и гнева
Из тихой Корельской земли
Мы двое — воин и дева —
Студеным утром вошли.

Что сталось с нашей столицей,
Кто солнце на землю низвел?
Казался летящей птицей
На штандарте черный орел.

На дикий лагерь похожим
Стал город пышных смотров,
Слепило глаза прохожим
Сверканье пик и штыков.

И серые пушки гремели
На Троицком гулком мосту,
А липы еще зеленели
В таинственном Летнем саду.

И брат мне сказал: настали
Для меня великие дни.
Теперь ты наши печали
И радость одна храни.

Как будто ключи оставил
Хозяйке усадьбы своей,
А ветер восточный славил
Ковыли приволжских степей.

1915

290. ПРИЗРАК

Зажженных рано фонарей
Шары висячие скрежещут,
Всё праздничнее, всё светлей
Снежинки, пролетая, блещут.

И, ускоряя ровный бег,
Как бы в предчувствии погони,
Сквозь мягко падающий снег
Под синей сеткой мчатся кони.

И раззолоченный гайдук
Стоит недвижно за санями,
И странно царь глядит вокруг
Пустыми светлыми глазами.

Зима 1919

291—293. *ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ*

1

Да, я любила их, те сборища ночные, —
На маленьком столе стаканы ледяные,
Над черным кофеем пахучий, тонкий пар,
Камина красного тяжелый, зимний жар,
Веселость едкую литературной шутки
И друга первый взгляд, беспомощный и жуткий.

2

Соблазна не было. Соблазн в тиши живет,
Он постника томит, святителя гнетет

И в полночь майскую над молодой черницей
Кричит истомно раненой орлицей.

А сим распутникам, сим грешницам любезным
Неведомо объятье рук железных.

3

Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой,
Смотрю взволнованно на темные палаты?
Уже привыкшая к высоким, чистым звонам,
Уже судимая не по земным законам,
Я, как преступница, еще влекусь туда,
На место казни долгой и стыда.
И вижу дивный град, и слышу голос милый,
Как будто нет еще таинственной могилы,
Где, день и ночь, склонясь, в жары и холода,
Должна я ожидать последнего суда.

Январь 1917

294. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Далеко в лесу огромном,
Возле синих рек,
Жил с детьми в избушке темной
Бедный дровосек.

Младший сын был ростом с пальчик, —
Как тебя унять,
Спи, мой тихий, спи, мой мальчик,
Я дурная мать.

Долетают редко вести
К нашему крыльцу,
Подарили белый крестик
Твоему отцу.

Было горе, будет горе,
Горю нет конца,
Да хранит святой Егорий
Твоего отца.

1915

295

Заплаканная осень, как вдова
В одеждах черных, все сердца туманит..
Перебирая мужнины слова,
Она рыдать не перестанет.
И будет так, пока тишайший снег
Не сжалится над скорбной и усталой...
Забвенье боли и забвенье нег —
За это жизнь отдать не мало.

15 сентября 1921
Царское Село

296

Буду черные грядки холить,
Ключевой водой поливать;
Полевые цветы на воле,
Их не надо трогать и рвать.

Пусть их больше, чем звезд зажженных
В сентябрьских небесах, —
Для детей, для бродяг, для влюбленных
Вырастают цветы на полях.

А мои — для святой Софии
В тот единственный светлый день,
Когда возгласы литургии
Возлетят под дивную сень.

И, как волны приносят на сушу
То, что сами на смерть обрекли,
Принесу покаянную душу
И цветы из Русской земли.

Лето 1916
Слепнево

297. НОВОГОДНЯЯ БАЛЛАДА

И месяц, скучая в облачной мгле,
Бросил в горницу тусклый взор.
Там шесть приборов стоят на столе,
И один только пуст прибор.

Это муж мой, и я, и друзья мои
Встречаем новый год.
Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отрава, жжет?

Хозяин, поднявши полный стакан,
Был важен и недвижим:
«Я пью за землю родных полян,
В которой мы все лежим!»

А друг, поглядевши в лицо мое
И вспомнив бог весть о чем,
Воскликнул: «А я за песни ее,
В которых мы все живем!»

Но третий, не знавший ничего,
Когда он покинул свет,
Мыслям моим в ответ
Промолвил: «Мы выпить должны за того,
Кого еще с нами нет».

1923

298

О, знала ль я, когда в одежде белой
Входила Муза в тесный мой приют,
Что к лире, навсегда окаменелой,
Мои живые руки припадут.

О, знала ль я, когда неслась, играя,
Моей души последняя гроза,
Что лучшему из юношей, рыдая,
Закрою я орлиные глаза.

О, знала ль я, когда, томясь успехом,
Я искушала дивную судьбу,
Что скоро люди беспощадным смехом
Ответят на предсмертную мольбу.

1925

299. МНОГИМ

Я — голос ваш, жар вашего дыханья,
Я — отраженье вашего лица,
Напрасных крыл напрасны трепетанья,
Ведь всё равно я с вами до конца.

Вот отчего вы любите так жадно
Меня в грехе и в немощи моей;
Вот отчего вы дали неоглядно
Мне лучшего из ваших сыновей;
Вот отчего вы даже не спросили
Меня ни слова никогда о нем
И чадными хвалами задымили
Мой навсегда опустошенный дом.
И говорят — нельзя теснее слиться,
Нельзя непоправимее любить...

Как хочет тень от тела отделиться,
Как хочет плоть с душою разлучиться,
Так я хочу теперь — забытой быть.

Сентябрь 1922

ТРОСТНИК

1924—1940

Я играю в них во всех пяти.
Б. П.

---

300. НАДПИСЬ НА КНИГЕ

М. Лозинскому

Почти от залетейской тени
В тот час, как рушатся миры,
Примите этот дар весенний
В ответ на лучшие дары,
Чтоб та, над временами года,
Несокрушима и верна,
Души высокая свобода,
Что дружбою наречена, —
Мне улыбнулась так же кротко,
Как тридцать лет тому назад...
И сада Летнего решетка,
И оснеженный Ленинград
Возникли, словно в книге этой
Из мглы магических зеркал,
И над задумчивою Летой
Тростник оживший зазвучал.

Май 1940

301. МУЗА

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

1924

302. ХУДОЖНИКУ

Мне всё твоя мерещится работа,
Твои благословенные труды:
Лип, навсегда осенних, позолота
И синь сегодня созданной воды.

Подумай, и тончайшая дремота
Уже ведет меня в твои сады,
Где, каждого пугаясь поворота,
В беспамятстве ищу твои следы.

Войду ли я под свод преображенный,
Твоей рукою в небо превращенный,
Чтоб остудился мой постылый жар?..

Там стану я блаженною навеки,
И, раскаленные смежая веки,
Там снова обрету я слезный дар.

1924

303

Здесь Пушкина изгнанье началось
И Лермонтова кончилось изгнанье.
Здесь горных трав легко благоуханье,
И только раз мне видеть удалось
У озера, в густой тени чинары,
В тот предвечерний и жестокий час —
Сияние неутоленных глаз
Бессмертного любовника Тамары.

1927
Кисловодск

304

Если плещется лунная жуть,
Город весь в ядовитом растворе.
Без малейшей надежды заснуть
Вижу я сквозь зеленую муть
И не детство мое, и не море,
И не бабочек брачный полет
Над грядой белоснежных нарциссов
В тот какой-то шестнадцатый год...
А застывший навек хоровод
Надмогильных твоих кипарисов.

1 октября 1928

305

Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.

Всё, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать —

Всё унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...
И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.

Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.

И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг от века милый
Всходил со мною на крыльцо.

1929

306. ДВУСТИШИЕ

От других мне хвала — что зола,
От тебя и хула — похвала.

1931

307. ЗАКЛИНАНИЕ

Из высоких ворот,
Из заохтенских болот,
Путем нехоженым,
Лугом некошеным,
Сквозь ночной кордон,
Под пасхальный звон,
Незваный,
Несуженый, —
Приди ко мне ужинать.

15 апреля 1936

308

Не прислал ли лебедя за мною,
Или лодку, или черный плот?
Он в шестнадцатом году весною
Обещал, что скоро сам придет.
Он в шестнадцатом году весною
Говорил, что птицей прилечу
Через мрак и смерть к его покою,
Прикоснусь крылом к его плечу.
Мне его еще смеются очи
И теперь шестнадцатой весной.
Что мне делать! Ангел полуночи
До зари беседует со мной.

Февраль 1936
Москва

309

Одни глядятся в ласковые взоры,
Другие пьют до солнечных лучей,
А я всю ночь веду переговоры
С неукротимой совестью своей.

Я говорю: «Твое несу я бремя
Тяжелое, ты знаешь, сколько лет».
Но для нее не существует время,
И для нее пространства в мире нет.

И снова черный масленичный вечер,
Зловещий парк, неспешный бег коня
И полный счастья и веселья ветер,
С небесных круч слетевший на меня.

А надо мной спокойный и двурогий
Стоит свидетель... о, туда, туда,
По древней подкапризовой дороге,
Где лебеди и мертвая вода.

3 ноября 1935
Фонтанный Дом

310

От тебя я сердце скрыла,
Словно бросила в Неву...
Прирученной и бескрылой
Я в дому твоем живу.
Только... ночью слышу скрипы.
Что там — в сумраках чужих?
Шереметевские липы...
Перекличка домовых...
Осторожно подступает,
Как журчание воды,
К уху жарко приникает
Черный шепоток беды —
И бормочет, словно дело
Ей всю ночь возиться тут:
«Ты уюта захотела,
Знаешь, где он — твой уют?»

1936

311. ПОЭТ

Он, сам себя сравнивший с конским глазом,
Косится, смотрит, видит, узнает,
И вот уже расплавленным алмазом
Сияют лужи, изнывает лед.

В лиловой мгле покоятся задворки,
Платформы, бревна, листья, облака.
Свист паровоза, хруст арбузной корки,
В душистой лайке робкая рука.

Звенит, гремит, скрежещет, бьет прибоем
И вдруг притихнет — это значит, он
Пугливо пробирается по хвоям,
Чтоб не спугнуть пространства чуткий сон.

И это значит, он считает зерна
В пустых колосьях, это значит, он
К плите дарьяльской, проклятой и черной,
Опять пришел с каких-то похорон.

И снова жжет московская истома,
Звенит вдали смертельный бубенец...
Кто заблудился в двух шагах от дома,
Где снег по пояс и всему конец?

За то, что дым сравнил с Лаокооном,
Кладбищенский воспел чертополох,
За то, что мир наполнил новым звоном
В пространстве новом отраженных строф, —

Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил.

19 января 1936

Тростник

И было темно. И это был пруд
И волны. . .

Борис Пастернак.

312. ВОРОНЕЖ

О. М.

И город весь стоит оледенелый.
Как под стеклом деревья, стены, снег.
По хрусталям я прохожу несмело.
Узорных санок так неверен бег.
А над Петром воронежским — вороны,
Да тополя, и свод светло-зеленый,
Размытый, мутный, в солнечной пыли,
И Куликовской битвой веют склоны
Могучей, победительной земли.
И тополя, как сдвинутые чаши,
Над нами сразу зазвенят сильней,
Как будто пьют за ликованье наше
На брачном пире тысячи гостей.

А в комнате опального поэта
Дежурят страх и Муза в свой черед.
И ночь идет,
Которая не ведает рассвета.

4 марта 1936

313

Годовщину последнюю празднуй —
Ты пойми, что сегодня точь-в-точь
Нашей первой зимы — той, алмазной —
Повторяется снежная ночь.

Пар валит из-под царских конюшен,
Погружается Мойка во тьму,
Свет луны как нарочно притушен,
И куда мы идем — не пойму.

Меж гробницами внука и деда
Заблудился взъерошенный сад.
Из тюремного вынырнув бреда,
Фонари погребально горят.

В грозных айсбергах Марсово поле,
И Лебяжья лежит в хрусталях...
Чья с моею сравняется доля,
Если в сердце веселье и страх.

И трепещет, как дивная птица,
Голос твой у меня над плечом.
И внезапным согретый лучом
Снежный прах так тепло серебрится.

1939

314

Привольем пахнет дикий мед,
Пыль — солнечным лучом,
Фиалкою — девичий рот,
А золото — ничем.
Водою пахнет резеда,
И яблоком — любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь...

И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом,
Под зловещие крики черни;
И шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома...

1933

315

Всё это разгадаешь ты один...
Когда бессонный мрак вокруг клокочет,
Тот солнечный, тот ландышевый клин
Врывается во тьму декабрьской ночи.
И по тропинке я к тебе иду.
И ты смеешься беззаботным смехом.

Но хвойный лес и камыши в пруду
Ответствуют каким-то странным эхом...
О, если этим мертвого бужу,
Прости меня, я не могу иначе:
Я о тебе, как о своем, тужу
И каждому завидую, кто плачет,
Кто может плакать в этот страшный час
О тех, кто там лежит на дне оврага...
Но выкипела, не дойдя до глаз,
Глаза мои не освежила влага.

1938

316

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари...
Ночь.

1940

317

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

А не то... Горячий шелест лета
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

22 июня 1939
Фонтанный Дом

318—319. *РАСПЯТИЕ*

Не рыдай Мене, Мати,
во гробе сущу.

1

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто меня оставил!»
А Матери: «О, не рыдай Мене...»

1940
Фонтанный Дом

2

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

1943
Ташкент

320. ДАНТЕ

Il mio bel San Giovanni.
Dante *

Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть, —
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, низкой, долгожданной...

17 августа 1936

* Мой прекрасный Сан-Джованни. Данте (итал.). — *Ред.*

321. КЛЕОПАТРА

Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.

Пушкин

Уже целовала Антония мертвые губы,
Уже на коленях пред Августом слезы лила...
И предали слуги. Грохочут победные трубы
Под римским орлом, и вечерняя стелется мгла.
И входит последний плененный ее красотою,
Высокий и статный, и шепчет в смятении он:
«Тебя — как рабыню... в триумфе пошлет пред собою...»
Но шеи лебяжьей всё так же спокоен наклон.

А завтра детей закуют. О, как мало осталось
Ей дела на свете — еще с мужиком пошутить
И черную змейку, как будто прощальную жалость,
На смуглую грудь равнодушной рукой положить.

7 февраля 1940

322. ИВА

И дряхлый пук дерев.

Пушкин

А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.
Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И, благодарная, она жила
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овеивала снами.
И — странно! — я ее пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... Как будто умер брат.

18 января 1940

323. ИЗ ЦИКЛА «ЮНОСТЬ»

Мои молодые руки
Тот договор подписали
Среди цветочных киосков
И граммофонного треска,
Под взглядом косым и пьяным
Газовых фонарей.
И старше была я века
Ровно на десять лет.

А на закат наложен
Был белый траур черемух,
Что осыпался мелким
Душистым сухим дождем...
И облака сквозили
Кровавой цусимской пеной,
И плавно ландо катили
Теперешних мертвецов...

А нам бы тогдашний вечер
Показался бы маскарадом,
Показался бы карнавалом,
Феерией grand gala... *

От дома того — ни щепки,
Та вырублена аллея,
Давно опочили в музее
Те шляпы и башмачки.
Кто знает, как пусто небо
На месте упавшей башни,
Кто знает, как тихо в доме,
Куда не вернулся сын.

Ты неотступен, как совесть,
Как воздух, всегда со мною,
Зачем же зовешь к ответу?
Свидетелей знаю твоих.

* Пышное торжество (франц.). — *Ред.*

То Павловского вокзала
Раскаленный музыкой купол
И водопад белогривый
У Баболовского дворца.

1940

324. ПОДВАЛ ПАМЯТИ

Но сущий вздор, что я живу грустя
И что меня воспоминанье точит.
Не часто я у памяти в гостях,
Да и она меня всегда морочит.
Когда спускаюсь с фонарем в подвал,
Мне кажется — опять глухой обвал
Уже по узкой лестнице грохочет.
Чадит фонарь, вернуться не могу,
А знаю, что иду туда, к врагу.
И я прошу, как милости... Но там
Темно и тихо. Мой окончен праздник!
Уж тридцать лет, как проводили дам,
От старости скончался тот проказник...
Я опоздала. Экая беда!
Нельзя мне показаться никуда.
Но я касаюсь живописи стен
И у камина греюсь. Что за чудо!
Сквозь эту плесень, этот чад и тлен
Сверкнули два зеленых изумруда.
И кот мяукнул. Ну, идем домой!

Но где мой дом и где рассудок мой?

18 января 1940

325

Так отлетают темные души...
«Я буду бредить, а ты не слушай.

Зашел ты нечаянно, ненароком,
Ты никаким ведь не связан сроком,

Побудь же со мною теперь подольше.
Помнишь, мы были с тобою в Польше?

Первое утро в Варшаве... Кто ты?
Ты уж другой или третий?» — «Сотый».

«А голос совсем такой, как прежде.
Знаешь, я годы жила в надежде,

Что ты вернешься, и вот — не рада.
Мне ничего на земле не надо:

Ни громов Гомера, ни Дантова дива.
Скоро я выйду на берег счастливый,

И Троя не пала, и жив Эабани.
И всё потонуло в душистом тумане.

Я б задремала под ивой зеленой,
Да нет мне покоя от этого звона.

Что он? — то с гор возвращается стадо?
Только в лицо не дохнула прохлада.

Или идет священник с дарами?
А звезды на небе и ночь над горами...

Или сзывают народ на вече?»
— «Нет, это твой последний вечер».

1940

326

Когда человек умирает,
Изменяются его портреты.
По-другому глаза́ глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой.
Я заметила это, вернувшись
С похорон одного поэта.
И с тех пор проверяла часто,
И моя догадка подтвердилась.

21 мая 1940

327—329. *Разрыв*

1

Не недели, не месяцы — годы
Расставались. И вот наконец
Холодок настоящей свободы
И седой над висками венец.

Больше нет ни измен, ни предательств,
И до света не слушаешь ты,
Как струится поток доказательств
Несравненной моей правоты.

1940

2

И, как всегда бывает в дни разрыва,
К нам постучался призрак первых дней,
И ворвалась серебряная ива
Седым великолепием ветвей.

Нам, исступленным, горьким и надменным,
Не смеющим глаза поднять с земли,
Запела птица голосом блаженным
О том, как мы друг друга берегли.

25 сентября 1944

3

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем
И за тебя я пью, —
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что бог не спас.

27 июня 1934

330. МАЯКОВСКИЙ В 1913 ГОДУ

Я тебя в твоей не знала славе,
Помню только бурный твой рассвет,
Но, быть может, я сегодня вправе
Вспомнить день тех отдаленных лет.
Как в стихах твоих крепчали звуки,
Новые роились голоса...
Не ленились молодые руки,
Грозные ты возводил леса.
Всё, чего касался ты, казалось
Не таким, как было до тех пор,
То, что разрушал ты, — разрушалось,
В каждом слове бился приговор.
Одинок и часто недоволен,
С нетерпеньем торопил судьбу,
Знал, что скоро выйдешь весел, волен
На свою великую борьбу.
И уже отзывный гул прилива
Слышался, когда ты нам читал,
Дождь косил свои глаза гневливо,
С городом ты в буйный спор вступал.
И еще не слышанное имя
Молнией влетело в душный зал,
Чтобы ныне, всей страной хранимо,
Зазвучать, как боевой сигнал.

3—10 марта 1940

331. НАДПИСЬ НА КНИГЕ «ПОДОРОЖНИК»

Совсем не тот таинственный художник,
Избороздивший Гофмановы сны, —
Из той далекой и чужой весны
Мне чудится смиренный подорожник.

Он всюду рос, им город зеленел,
Он украшал широкие ступени,
И с факелом свободных песнопений
Психея возвращалась в мой придел.

А в глубине четвертого двора
Под деревом плясала детвора
В восторге от шарманки одноногой,

И била жизнь во все колокола...
А бешеная кровь меня к тебе вела
Сужденной всем, единственной дорогой.

18 января 1941

332. ЛЕНИНГРАД В МАРТЕ 1941 ГОДА

Cadran solaire * на Меньшиковом доме.
Подняв волну, проходит пароход.
О, есть ли что на свете мне знакомей,
Чем шпилей блеск и отблеск этих вод!
Как щелочка, чернеет переулок.
Садятся воробьи на провода.
У наизусть затверженных прогулок
Соленый привкус — тоже не беда.

1941

---

* Солнечные часы (франц.). — *Ред.*

СЕДЬМАЯ КНИГА
⟨1936—1964⟩

ПАЛА СЕДЬМАЯ ЗАВЕСА ТУМАНА, —
ТА, ЗА КОТОРОЙ ПРИХОДИТ ВЕСНА.

Т. К.

333—342. *ТАЙНЫ РЕМЕСЛА*

1

ТВОРЧЕСТВО

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, всё победивший звук.
Так вкруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже послышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, —
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

5 ноября 1936

2

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах всё быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

21 января 1940

3

МУЗА

Как и жить мне с этой обузой,
А еще называют Музой,
Говорят: «Ты с ней на лугу...»
Говорят: «Божественный лепет...»
Жестче, чем лихорадка, оттреплет,
И опять весь год ни гу-гу.

4

ПОЭТ

Подумаешь, тоже работа —
Беспечное это житье:
Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за свое.

И, чье-то веселое скерцо
В какие-то строки вложив,
Поклясться, что бедное сердце
Так стонет средь блещущих нив.

А после подслушать у леса,
У сосен, молчальниц на вид,
Пока дымовая завеса
Тумана повсюду стоит.

Налево беру и направо,
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой,
И всё — у ночной тишины.

Лето 1959
Комарово

5

ЧИТАТЕЛЬ

Не должен быть очень несчастным
И, главное, скрытным. О нет!
Чтоб быть современнику ясным,
Весь настежь распахнут поэт.

И рампа торчит под ногами,
Всё мертвенно, пусто, светло,
Лайм-лайта холодное пламя
Его заклеймило чело.

А каждый читатель как тайна,
Как в землю закопанный клад,
Пусть самый последний, случайный,
Всю жизнь промолчавший подряд.

Там всё, что природа запрячет,
Когда ей угодно, от нас.
Там кто-то беспомощно плачет
В какой-то назначенный час.

И сколько там сумрака ночи,
И тени, и сколько прохлад,
Там те незнакомые очи
До света со мной говорят,

За что-то меня упрекают
И в чем-то согласны со мной...
Так исповедь льется немая,
Беседы блаженнейший зной.

Наш век на земле быстротечен
И тесен назначенный круг,
А он неизменен и вечен —
Поэта неведомый друг.

Лето 1959
Комарово

6

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Одно, словно кем-то встревоженный гром,
С дыханием жизни врывается в дом,
Смеется, у горла трепещет,
И кружится, и рукоплещет.

Другое, в полночной родясь тишине,
Не знаю откуда крадется ко мне,
Из зеркала смотрит пустого
И что-то бормочет сурово.

А есть и такие: средь белого дня,
Как будто почти что не видя меня,
Струятся по белой бумаге,
Как чистый источник в овраге.

А вот еще: тайное бродит вокруг —
Не звук и не цвет, не цвет и не звук,
Гранится, меняется, вьется,
А в руки живым не дается.

Но это!.. по капельке выпило кровь,
Как в юности злая девчонка — любовь,
И, мне не сказавши ни слова,
Безмолвием сделалось снова.

И я не знавала жесточе беды.
Ушло, и его протянулись следы
К какому-то крайнему краю,
А я без него... умираю.

1 декабря 1959
Ленинград

7

ЭПИГРАММА

Могла ли Биче, словно Дант, творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить...
Но, боже, как их замолчать заставить!

1958

8

ПРО СТИХИ

Владимиру Нарбуту

Это — выжимки бессонниц,
Это — свеч кривых нагар,
Это — сотен белых звонниц
Первый утренний удар...
Это — теплый подоконник
Под черниговской луной,
Это — пчелы, это — донник,
Это — пыль, и мрак, и зной.

Апрель 1940
Москва

9

Осипу Мандельштаму

О, как пряно дыханье гвоздики,
Мне когда-то приснившейся там —
Там, где кружатся Эвридики,
Бык Европу везет по волнам;

Там, где наши проносятся тени,
Над Невой, над Невой, над Невой;
Там, где плещет Нева о ступени, —
Это пропуск в бессмертие твой.

1957

10

Многое еще, наверно, хочет
Быть воспетым голосом моим:
То, что, бессловесное, грохочет,
Иль во тьме подземный камень точит,
Или пробивается сквозь дым.
У меня не выяснены счеты
С пламенем, и ветром, и водой...
Оттого-то мне мои дремоты
Вдруг такие распахнут ворота
И ведут за утренней звездой.

1942
Ташкент

343

А в книгах я последнюю страницу
Всегда любила больше всех других, —
Когда уже совсем неинтересны
Герой и героиня, и прошло
Так много лет, что никого не жалко,
И, кажется, сам автор
Уже начало повести забыл,
И даже «вечность поседела»,
Как сказано в одной прекрасной книге,
Но вот сейчас, сейчас
Всё кончится, и автор снова будет
Бесповоротно одинок, а он
Еще старается быть остроумным
Или язвит — прости его господь! —
Прилаживая пышную концовку,
Такую, например:
...И только в двух домах
В том городе (название неясно)

Остался профиль (кем-то обведенный
На белоснежной извести стены),
Не женский, не мужской, но полный тайны.
И, говорят, когда лучи луны —
Зеленой, низкой, среднеазиатской —
По этим стенам в полночь пробегают,
В особенности в новогодний вечер,
То слышится какой-то легкий звук,
Причем одни его считают плачем,
Другие разбирают в нем слова.
Но это чудо всем поднадоело,
Приезжих мало, местные привыкли,
И, говорят, в одном из тех домов
Уже ковром закрыт проклятый профиль.

25 ноября 1943
Ташкент

344. ПУШКИН

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?..

7 марта 1943
Ташкент

345

Наше священное ремесло
Существует тысячи лет...
С ним и без света миру светло.
Но еще ни один не сказал поэт,
Что мудрости нет, и старости нет,
А может, и смерти нет.

25 июня 1944
Ленинград

346. УЧИТЕЛЬ

Памяти Иннокентия Анненского

А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не оставил,
Весь яд впитал, всю эту одурь выпил,
И славы ждал, и славы не дождался,
Кто был предвестьем, предзнаменованьем,
Всех пожалел, во всех вдохнул томленье —
И задохнулся...

16 января 1945

347—351. *В СОРОКОВОМ ГОДУ*

1

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, господи, тихо,
Что слышно, как время идет.
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке, —
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске.
И клонятся головы ниже,
Как маятник, ходит луна.

Так вот — над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.

5 августа 1940

2

ЛОНДОНЦАМ

Двадцать четвертую драму Шекспира
Пишет время бесстрастной рукой.
Сами участники грозного пира,

Лучше мы Гамлета, Цезаря, Лира
Будем читать над свинцовой рекой;
Лучше сегодня голубку Джульетту
С пеньем и факелом в гроб провожать,
Лучше заглядывать в окна к Макбету,
Вместе с наемным убийцей дрожать, —
Только не эту, не эту, не эту,
Эту уже мы не в силах читать!

1940

3

ТЕНЬ

Что знает женщина одна
о смертном часе?

О. Мандельштам

Всегда нарядней всех, всех розовей и выше,
Зачем всплываешь ты со дна погибших лет
И память хищная передо мной колышет
Прозрачный профиль твой за стеклами карет?
Как спорили тогда — ты ангел или птица!
Соломинкой тебя назвал поэт.
Равно на всех сквозь черные ресницы
Дарьяльских глаз струился нежный свет.
О тень! Прости меня, но ясная погода,
Флобер, бессонница и поздняя сирень
Тебя — красавицу тринадцатого года —
И твой безоблачный и равнодушный день
Напомнили... А мне такого рода
Воспоминанья не к лицу. О тень!

9 августа 1940. Вечером

4

Уж я ль не знала бессонницы
Все пропасти и тропы́,
Но эта как топот конницы
Под вой одичалой трубы.
Вхожу в дома опустелые,
В недавний чей-то уют.

Всё тихо, лишь тени белые
В чужих зеркалах плывут.
И что там в тумане — Дания,
Нормандия или тут
Сама я бывала ранее,
И это — переиздание
Навек забытых минут?

1940

5

Но я предупреждаю вас,
Что я живу в последний раз.
Ни ласточкой, ни кленом,
Ни тростником и ни звездой,
Ни родниковою водой,
Ни колокольным звоном —
Не буду я людей смущать
И сны чужие навещать
Неутоленным стоном.

1940

352—368. *ВЕТЕР ВОЙНЫ*

1

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

Июль 1941
Ленинград

2

Важно с девочками простились,
На ходу целовали мать,
Во всё новое нарядились,
Как в солдатики шли играть.

Ни плохих, ни хороших, ни средних...
Все они по своим местам,
Где ни первых нет, ни последних...
Все они опочили там.

1943

3

ПЕРВЫЙ ДАЛЬНОБОЙНЫЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

И в пестрой суете людской
Всё изменилось вдруг.
Но это был не городской,
Да и не сельский звук.
На грома дальнего раскат
Он, правда, был похож, как брат,
Но в громе влажность есть
Высоких свежих облаков
И вожделение лугов —
Веселых ливней весть.
А этот был, как пекло, сух,
И не хотел смятенный слух
Поверить — по тому,
Как расширялся он и рос,
Как равнодушно гибель нес
Ребенку моему.

Сентябрь 1941

4

Птицы смерти в зените стоят.
Кто идет выручать Ленинград?

Не шумите вокруг — он дышит,
Он живой еще, он всё слышит:

Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,

Как из недр его вопли: «Хлеба!» —
До седьмого доходят неба...

Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон — смерть.

28 сентября 1941 (самолет)

5

МУЖЕСТВО

Мы знаем, чтó ныне лежит на весах
И чтó совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

23 февраля 1942
Ташкент

6—7

1

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детóньки мои!
Под землей не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.

2

Постучись кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предам никогда...
Твоего я не слышала стона,
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинок зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

23 апреля 1942
Ташкент

8

NOX

СТАТУЯ «НОЧЬ» В ЛЕТНЕМ САДУ

Ноченька!
В звездном покрывале,
В траурных маках, с бессонной совой...
Доченька!
Как мы тебя укрывали
Свежей садовой землей.
Пусты теперь Дионисовы чаши,
Заплаканы взоры любви...
Это проходят над городом нашим
Страшные сестры твои.

30 мая 1942

9

ПОБЕДИТЕЛЯМ

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «берт».

Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки, —
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки, —
Внуки, братики, сыновья!

29 февраля 1944
Ташкент

10

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена!
Ведь всё равно — вы с нами!..
Все на колени, все!
Багряный хлынул свет!
И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами —
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет.

Август 1942
Дюрмень

11

Справа раскинулись пустыри
С древней, как мир, полоской зари.

Слева, как виселица, фонари.
Раз, два, три...

А надо всем еще галочий крик
И помертвелого месяца лик
Совсем ни к чему возник.

Это — из жизни не той и не той,
Это — когда будет век золотой,

Это — когда окончится бой,
Это — когда я встречусь с тобой.

29 апреля 1944
Ташкент

12—16

ПОБЕДА

1

Славно начато славное дело
В грозном грохоте, в снежной пыли,
Где томится пречистое тело
Оскверненной врагами земли.
К нам оттуда родные березы
Тянут ветки, и ждут, и зовут,
И могучие деды-морозы
С нами сомкнутым строем идут.

Январь 1942

2

Вспыхнул над молом первый маяк,
Других маяков предтеча, —
Заплакал и шапку снял моряк,
Что плавал в набитых смертью морях
Вдоль смерти и смерти навстречу.

3

Победа у наших стоит дверей...
Как гостью желанную встретим?
Пусть женщины выше поднимут детей,
Спасенных от тысячи тысяч смертей, —
Так мы долгожданной ответим.

1942—1945

‹4›. 27 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА

И в ночи январской беззвездной,
Сам дивясь небывалой судьбе,
Возвращенный из смертной бездны,
Ленинград салютует себе.

‹5›. ОСВОБОЖДЕННАЯ

Чистый ветер ели колышет,
Чистый снег заметает поля.
Больше вражьего шага не слышит,
Отдыхает моя земля.

Февраль 1945

17

ПАМЯТИ ДРУГА

И в День Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево, красна,
Вдовою у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна.
Она с колен подняться не спешит,
Дохнет на почку и траву погладит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.

8 ноября 1945

369—376. *ЛУНА В ЗЕНИТЕ*

ТАШКЕНТ 1942—1944

1

Заснуть огорченной,
Проснуться влюбленной,
Увидеть, как красен мак.
Какая-то сила
Сегодня входила
В твое святилище, мрак!
Мангалочий дворик,
Как дым твой горек
И как твой тополь высок...
Шехерезада
Идет из сада...
Так вот ты какой, Восток!

Апрель 1942

2

С грозных ли площадей Ленинграда
Иль с блаженных летейских полей
Ты прислал мне такую прохладу,
Тополями украсил ограды
И азийских светил мириады
Расстелил над печалью моей?

Март 1942

3

Всё опять возвратится ко мне:
Раскаленная ночь и томленье
(Словно Азия бредит во сне),
Халимы соловьиное пенье,
И библейских нарциссов цветенье,
И незримое благословенье
Ветерком шелестнет по стране.

10 декабря 1943

4

И в памяти, словно в узорной укладке:
Седая улыбка всезнающих уст,
Могильной чалмы благородные складки
И царственный карлик — гранатовый куст.

16 марта 1944

5

Третью весну встречаю вдали
От Ленинграда.
Третью? И кажется мне, она
Будет последней.
Но не забуду я никогда
До часа смерти,
Как был отраден мне звук воды
В тени древесной.

Персик зацвел, а фиалок дым
Всё благовонней.
Кто мне посмеет сказать, что здесь
Я на чужбине?!

1944—1956

6

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Всё так же льется божья милость
С непререкаемых высот,

Всё те же хоры звезд и вод,
Всё так же своды неба черны,
И так же ветер носит зерна,
И ту же песню мать поет.

Он прочен, мой азийский дом,
И беспокоиться не надо...
Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.

5 мая 1944

7

ЯВЛЕНИЕ ЛУНЫ

А. К.

Из перламутра и агата,
Из задымленного стекла,
Так неожиданно покато
И так торжественно плыла, —
Как будто «Лунная соната»
Нам сразу путь пересекла.

25 сентября 1944

8

Как в трапезной — скамейки, стол, окно
С огромною серебряной луною.
Мы кофе пьем и черное вино,
Мы музыкою бредим...
                                        Всё равно...
И зацветает ветка над стеною.
И в этом сладость острая была,
Неповторимая, пожалуй, сладость.
Бессмертных роз, сухого винограда
Нам родина пристанище дала.

Май 1945

377. ЕЩЕ ОДНО ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Всё небо в рыжих голубях,
Решетки в окнах — дух гарема...
Как почка, набухает тема.
Мне не уехать без тебя —
Беглянка, беженка, поэма.

Но, верно, вспомню на лету,
Как запылал Ташкент в цвету,
Весь белым пламенем объят,
Горяч, пахуч, замысловат,
Невероятен...

Так было в том году проклятом,
Когда опять мамзель Фифи
Хамила, как в семидесятом.
А мне переводить Лютфи
Под огнедышащим закатом.

И яблони, прости их боже,
Как от венца, в любовной дрожи.
Арык на местном языке,
Сегодня пущенный, лепечет.
А я дописываю «Нечет»,
Опять в предпесенной тоске.

До середины мне видна
Моя поэма. В ней прохладно,
Как в доме, где душистый мрак
И окна заперты от зноя,
И где пока что нет героя,
Но кровлю кровью залил мак.

8 ноября 1943
Ташкент. Балахана

378—379. *Смерть*

1

Я была на краю чего-то,
Чему верного нет названья...
Зазывающая дремота,
От себя самой ускользанье...

2

А я уже стою на подступах к чему-то,
Что достается всем, но разною ценой...
На этом корабле есть для меня каюта
И ветер в парусах — и страшная минута
Прощания с моей родной страной.

1942
Дюрмень

380

Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни
На краешке окна и духота кругом,
Когда закрыта дверь, и заколдован дом
Воздушной веткой голубых глициний,
И в чашке глиняной холодная вода,
И полотенца снег, и свечка восковая
Горит, как в детстве, мотыльков сзывая,
Грохочет тишина, моих не слыша слов, —
Тогда из черноты рембрандтовских углов

Склубится что-то вдруг и спрячется туда же,
Но я не встрепенусь, не испугаюсь даже...
Здесь одиночество меня поймало в сети.
Хозяйкин черный кот глядит, как глаз столетий,
И в зеркале двойник не хочет мне помочь.
Я буду сладко спать. Спокойной ночи, ночь.

28 марта 1944
Ташкент

381

Это рысьи глаза твои, Азия,
Что-то высмотрели во мне,
Что-то выдразнили подспудное
И рожденное тишиной,
И томительное, и трудное,
Как полдневный термезский зной.
Словно вся прапамять в сознание
Раскаленной лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней пила.

1945

382—383. *ТАШКЕНТ ЗАЦВЕТАЕТ*

1

Словно по чьему-то повеленью,
Сразу стало в городе светло —
Это в каждый двор по привиденью
Белому и легкому вошло.
И дыханье их понятней слова,
А подобье их обречено
Среди неба жгуче-голубого
На арычное ложиться дно.

2

Я буду помнить звездный кров
В сиянье вечных слав
И маленьких баранчуков
У чернокосых матерей
На молодых руках.

1944

384—386. *С самолета*

1

На сотни верст, на сотни миль,
На сотни километров
Лежала соль, шумел ковыль,
Чернели рощи кедров.
Как в первый раз я на нее,
На Родину, глядела.
Я знала: это всё мое —
Душа моя и тело.

2

Белым камнем тот день отмечу,
Когда я о победе пела,
Когда я победе навстречу,
Обгоняя солнце, летела.

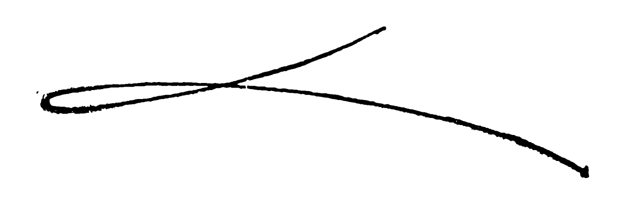
3

И весеннего аэродрома
Шелестит под ногой трава.
До́ма, до́ма — ужели дома!
Как всё ново и как знакомо,
И такая в сердце истома,
Сладко кружится голова...
В свежем грохоте майского грома —
Победительница Москва!

Май 1944

Седьмая Книга

Анны Ахматовой

1960

387—390. *НОВОСЕЛЬЕ*

1

ХОЗЯЙКА

Е. С. Булгаковой

В этой горнице колдунья
До меня жила одна:
Тень ее еще видна
Накануне новолунья.
Тень ее еще стоит
У высокого порога,
И уклончиво и строго
На меня она глядит.
Я сама не из таких,
Кто чужим подвластен чарам,
Я сама... Но, впрочем, даром
Тайн не выдаю своих.

5 августа 1943
Ташкент

2

ГОСТИ

«...ты пьян,
И всё равно пора нах хауз...»
Состарившийся Дон Жуан
И вновь помолодевший Фауст
Столкнулись у моих дверей —
Из кабака и со свиданья!..
Иль это было лишь ветвей
Под черным ветром колыханье,
Зеленой магией лучей,
Как ядом, залитых, и всё же —
На двух знакомых мне людей
До отвращения похожих?

11 ноября 1943

3

ИЗМЕНА

Не оттого, что зеркало разбилось,
Не оттого, что ветер выл в трубе,
Не оттого, что в мысли о тебе
Уже чужое что-то просочилось, —
Не оттого, совсем не оттого
Я на пороге встретила его.

27 февраля 1944

4

ВСТРЕЧА

Как будто страшной песенки
Веселенький припев —
Идет по шаткой лесенке,
    Разлуку одолев.
Не я к нему, а он ко мне —
И голуби в окне...
И двор в плюще, и ты в плаще
    По слову моему.
Не он ко мне, а я к нему —
    во тьму,
        во тьму,
            во тьму.

16 октября 1943
Ташкент

391—402. ***ВЕРЕНИЦА ЧЕТВЕРОСТИШИЙ***

‹1›

Что войны, что чума? — конец им виден скорый,
Их приговор почти произнесен.
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?

1962

⟨2⟩

Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор. К смерти всё готово.
Всего прочнее на земле — печаль
И долговечней — царственное слово.

1945

⟨3⟩

В каждом древе распятый господь,
В каждом колосе тело Христово,
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть.

1946

⟨4⟩

К СТИХАМ

Вы так вели по бездорожью,
Как в мрак падучая звезда.
Вы были горечью и ложью,
А утешеньем — никогда.

⟨5⟩

...И на этом сквозняке
Исчезают мысли, чувства...
Даже вечное искусство
Нынче как-то налегке.

Ташкент

⟨6⟩

И скупо оно и богато,
То сердце... богатство таи!
Чего ж ты молчишь виновато?
Глаза б не глядели мои!

Десятые годы

‹7›

ИМЯ

Татарское, дремучее
Пришло из никуда,
К любой беде липучее,
Само оно — беда.

‹8›

КОНЕЦ ДЕМОНА

Словно Врубель наш вдохновенный,
Лунный луч тот профиль чертил.
И поведал ветер блаженный
То, что Лермонтов утаил.

1961

‹9›

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной.

‹10›

О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.

1962

‹11›

Взоры огненней огня
И усмешка Леля...
Не обманывай меня,
Первое апреля!

1963

‹12›

И слава лебедью плыла
Сквозь золотистый дым.
А ты, любовь, всегда была
Отчаяньем моим.

Десятые годы

403. ТРИ ОСЕНИ

Мне летние просто невнятны улыбки,
И тайны в зиме не найду.
Но я наблюдала почти без ошибки
Три осени в каждом году.

И первая — праздничный беспорядок
Вчерашнему лету назло,
И листья летят, словно клочья тетрадок,
И запах дымка так ладанно-сладок,
Всё влажно, пестро и светло.

И первыми в танец вступают березы,
Накинув сквозной убор,
Стряхнув второпях мимолетные слезы
На соседку через забор.

Но эта бывает — чуть начата повесть.
Секунда, минута — и вот
Приходит вторая, бесстрастна, как совесть,
Мрачна, как воздушный налет.

Все кажутся сразу бледнее и старше,
Разграблен летний уют,
И труб золотых отдаленные марши
В пахучем тумане плывут...

И в волнах холодных его фимиама
Закрыта высокая твердь,
Но ветер рванул, распахнулось — и прямо
Всем стало понятно: кончается драма,
И это не третья осень, а смерть.

6 ноября 1943
Ташкент

404. ПОД КОЛОМНОЙ

Шервинским

...Где на четырех высоких лапах
Колокольни звонкие бока
Поднялись, где в поле мятный запах,
И гуляют маки в красных шляпах,
И течет московская река, —
Всё бревенчато, дощато, гнуто...
Полноценно цедится минута
На часах песочных. Этот сад
Всех садов и всех лесов дремучей,
И над ним, как над бездонной кручей,
Солнца древнего из сизой тучи
Пристален и нежен долгий взгляд.

1 сентября 1943
Ташкент

405

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать. Царскосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.

У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.

Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей как будто место есть.
А этот дождик, солнечный и редкий,
Мне утешенье и благая весть.

1921

406

Пятым действием драмы
Веет воздух осенний,
Каждая клумба в парке
Кажется свежей могилой.
Справлена чистая тризна,
И больше нечего делать.
Что же я медлю, словно
Скоро свершится чудо?
Так тяжелую лодку долго
У пристани слабой рукою
Удерживать можно, прощаясь
С тем, кто остался на суше.

1921
Царское Село

407. ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА

Нет, я не выплакала их.
Они внутри скипелись сами.
И всё проходит пред глазами
Давно без них, всегда без них.

Без них меня томит и душит
Обиды и разлуки боль.
Проникла в кровь — трезвит и сушит
Их всесжигающая соль.

Но мнится мне: в сорок четвертом,
И не в июня ль первый день,
Как на шелку возникла стертом
Твоя страдальческая тень.

Еще на всем печать лежала
Великих бед, недавних гроз, —
И я свой город увидала
Сквозь радугу последних слез.

31 мая 1946
Ленинград

408. ПОСЛЕДНЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

У меня одна дорога:
От окна и до порога.

Песня

День шел за днем — и то и се
Как будто бы происходило
Обыкновенно — но чрез всё
Уж одиночество сквозило.
Припахивало табаком,
Мышами, сундуком открытым
И обступало ядовитым
Туманцем...

25 июля 1944
Ленинград

409. НАДПИСЬ НА ПОРТРЕТЕ

Т. В—ой

Дымное исчадье полнолунья,
Белый мрамор в сумраке аллей,
Розовая девочка, плясунья,
Лучшая из всех камей.
От таких и погибали люди,
За такой Чингиз послал посла,
И такая на кровавом блюде
Голову Крестителя несла.

Лето 1946

410

Прошло пять лет, — и залечила раны,
Жестокой нанесенные войной,
Страна моя,
и русские поляны
Опять полны студеной тишиной.

И маяки сквозь мрак приморской ночи,
Путь указуя моряку, горят.
На их огонь, как в дружеские очи,
Далеко с моря моряки глядят.

Где танк гремел — там ныне мирный трактор,
Где выл пожар — благоухает сад,
И по изрытому когда-то тракту
Автомобили легкие летят.

Где елей искалеченные руки
Взывали к мщенью — зеленеет ель,
И там, где сердце ныло от разлуки, —
Там мать поет, качая колыбель.

Ты стала вновь могучей и свободной,
Страна моя!
Но живы навсегда
В сокровищнице памяти народной
Войной испепеленные года.

Для мирной жизни юных поколений,
От Каспия и до полярных льдов,
Как памятники выжженных селений,
Встают громады новых городов.

Май 1950

411. ПРИМОРСКИЙ ПАРК ПОБЕДЫ

Еще недавно плоская коса,
черневшая уныло в невской дельте,
как при Петре, была покрыта мхом
и ледяною пеною омыта.

Скучали там две-три плакучих ивы,
и дряхлая рыбацкая ладья
в песке прибрежном грустно догнивала.
И буйный ветер гостем был единым
безлюдного и мертвого болота.

Но ранним утром вышли ленинградцы
бесчисленными толпами на взморье.
И каждый посадил по деревцу
на той косе, и топкой и пустынной,
на память о великом Дне Победы.

И вот сегодня — это светлый сад,
привольный, ясный, под огромным небом:
курчавятся и зацветают ветки,
жужжат шмели, и бабочки порхают,
и соком наливаются дубки,
а лиственницы нежные и липы
в спокойных водах тихого канала,
как в зеркале, любуются собой...
И там, где прежде парус одинокий
белел в серебряном тумане моря, —
десятки быстрокрылых, легких яхт
на воле тешатся...
Издалека
восторженные клики с стадиона
доносятся...
Да, это парк Победы.

1950

412. ПЕСНЯ МИРА

Качаясь на волнах эфира,
Минуя горы и моря,
Лети, лети голубкой мира,
О песня звонкая моя!
И расскажи тому, кто слышит,
Как близок долгожданный век,
Чем ныне и живет и дышит
В твоей Отчизне человек.
Ты не одна — их будет много,
С тобой летящих голубей, —
Вас у далекого порога
Ждет сердце ласковых друзей.
Лети в закат багрово-алый,
В удушливый фабричный дым,
И в негритянские кварталы,
И к водам Ганга голубым.

1950

413. ГОВОРЯТ ДЕТИ

В садах впервые загорелись маки,
И лету рад, и вольно дышит город
Приморским ветром свежим и соленым.
По рекам лодки пестрые скользят,
И юных липок легонькие тени —
Пришелиц милых — на сухом асфальте,
Как свежая улыбка...
Вдруг горькие ворвались в город звуки,
Из хора эти голоса — из хора сирот, —
И звуков нет возвышенней и чище,
Негромкие, но слышны на весь мир.
И в рупоре сегодня этот голос,
Пронзительный, как флейта. Он несется
Из-под каштанов душного Парижа,
Из опустевших рейнских городов,
Из Рима древнего.
                                        И он доходчив,
Как жаворонка утренняя песня.
Он — всем родной и до конца понятный...
О, это тот сегодня говорит,
Кто над своей увидел колыбелью
Безумьем искаженные глаза,
Что прежде на него всегда глядели,
Как две звезды, —
                                        и это тот,
Кто спрашивал:
                                «Когда отца убили?»
Ему никто не смеет возразить,
Остановить его и переспорить.

Вот он, светлоголовый, ясноглазый,
Всеобщий сын, всеобщий внук.
                                                        Клянемся,
Его мы сохраним для счастья мира!

1 июня 1950

414. В ПИОНЕРЛАГЕРЕ

Ане Каминской

Здравствуй, племя младое,
незнакомое...

Пушкин

Как будто заблудившись в нежном лете,
Бродила я вдоль липовых аллей
И увидала, как плясали дети
Под легкой сеткой молодых ветвей.
Среди деревьев этот резвый танец,
И сквозь загар пробившийся румянец,
И быстрые движенья смуглых рук
На миг заворожили всё вокруг.
Алмазами казались солнца блики,
Волшебный ветерок перелетал
И то лесною веял земляникой,
То соснами столетними дышал.
Под ярко-голубыми небесами
Огромный парк был полон голосами,
И даже эхо стало молодым...
...Там дети шли с знаменами своими,
И Родина сама,
любуясь ими,
Незримое чело склонила к ним.

Июль 1950
Павловск

415—419. CINQUE*

Autant que toi sans doute il te
sera fidèle
Et constant jusques à la mort.

Baudelaire **

1

Как у облака на краю,
Вспоминаю я речь твою,

А тебе от речи моей
Стали ночи светлее дней.

---

* Пять (пятерка) (итал.). — *Ред.*
** Как ты сама, несомненно, будет он тебе верным и постоянным до смерти. Бодлер (франц.). — *Ред.*

Так, отторгнутые от земли,
Высоко мы, как звезды, шли.

Ни отчаянья, ни стыда
Ни теперь, ни потом, ни тогда.

Но живого и наяву,
Слышишь ты, как тебя зову.

И ту дверь, что ты приоткрыл,
Мне захлопнуть не хватит сил.

26 ноября 1945

2

Истлевают звуки в эфире,
И заря притворилась тьмой.
В навсегда онемевшем мире
Два лишь голоса: твой и мой.
И под ветер с незримых Ладог,
Сквозь почти колокольный звон,
В легкий блеск перекрестных радуг
Разговор ночной превращен.

20 декабря 1945

3

Я не любила с давних дней,
Чтобы меня жалели,
А с каплей жалости твоей
Иду, как с солнцем в теле.
Вот отчего вокруг заря.
Иду я, чудеса творя,
Вот отчего!

20 декабря 1945

4

Знаешь сам, что не стану славить
Нашей встречи горчайший день.
Что тебе на память оставить?
Тень мою? На что тебе тень?
Посвященье сожженной драмы,
От которой и пепла нет,
Или вышедший вдруг из рамы
Новогодний страшный портрет?
Или слышимый еле-еле
Звон березовых угольков,
Или то, что мне не успели
Досказать про чужую любовь?

6 января 1946

5

Не дышали мы сонными маками,
И своей мы не знаем вины.
Под какими же звездными знаками
Мы на горе себе рождены?

И какое кромешное варево
Поднесла нам январская тьма?
И какое незримое зарево
Нас до света сводило с ума?

11 января 1946

420—433. *ШИПОВНИК ЦВЕТЕТ*
ИЗ СОЖЖЕННОЙ ТЕТРАДИ

And thou art distant in Humanity.

Keats *

Вместо праздничного поздравленья
Этот ветер, жесткий и сухой,
Принесет вам только запах тленья,
Привкус дыма и стихотворенья,
Что моей написаны рукой.

24 декабря 1961

* А ты находишься далеко среди людей. Китс (англ.) — *Ред.*

1

СОЖЖЕННАЯ ТЕТРАДЬ

Уже красуется на книжной полке
Твоя благополучная сестра,
А над тобою звездных стай осколки,
И под тобою угольки костра.
Как ты молила, как ты жить хотела,
Как ты боялась едкого огня!
Но вдруг твое затрепетало тело,
А голос, улетая, клял меня.
И сразу все зашелестели сосны
И отразились в недрах лунных вод.
А вкруг костра священнейшие весны
Уже вели надгробный хоровод.

1961

2

НАЯВУ

И время прочь, и пространство прочь,
Я всё разглядела сквозь белую ночь:
И нарцисс в хрустале у тебя на столе,
И сигары синий дымок,
И то зеркало, где, как в чистой воде,
Ты сейчас отразиться мог.
И время прочь, и пространство прочь...
Но и ты мне не можешь помочь.

13 июня 1946

3

ВО СНЕ

Черную и прочную разлуку
Я несу с тобою наравне.
Что ж ты плачешь? Дай мне лучше руку,
Обещай опять прийти во сне.

Мне с тобою как горе с горою...
Мне с тобой на свете встречи нет.
Только б ты полночною порою
Через звезды мне прислал привет.

15 февраля 1946

4

ПЕРВАЯ ПЕСЕНКА

Таинственной невстречи
Пустынны торжества,
Несказанные речи,
Безмолвные слова.
Нескрещенные взгляды
Не знают, где им лечь.
И только слезы рады,
Что можно долго течь.
Шиповник Подмосковья,
Увы! при чем-то тут...
И это всё любовью
Бессмертной назовут.

1956

5

ДРУГАЯ ПЕСЕНКА

> Несказанные речи
> Я больше не твержу,
> Но в память той
> невстречи
> Шиповник посажу.

Как сияло там и пело
Нашей встречи чудо,
Я вернуться не хотела
Никуда оттуда.
Горькой было мне усладой
Счастье вместо долга,
Говорила с кем не надо,
Говорила долго.

Пусть влюбленных страсти душат,
Требуя ответа,
Мы же, милый, только души
У предела света.

1956

6

СОН

Сладко ль видеть неземные сны?

А. Блок

Был вещим этот сон или не вещим...
Марс воссиял среди небесных звезд,
Он алым стал, искрящимся, зловещим, —
А мне в ту ночь приснился твой приезд.

Он был во всем... И в баховской Чаконе,
И в розах, что напрасно расцвели,
И в деревенском колокольном звоне
Над чернотой распаханной земли.

И в осени, что подошла вплотную
И вдруг, раздумав, спряталась опять.
О август мой, как мог ты весть такую
Мне в годовщину страшную отдать!

Чем отплачу за царственный подарок?
Куда идти и с кем торжествовать?
И вот пишу, как прежде без помарок,
Мои стихи в сожженную тетрадь.

14 августа 1956
Под Коломной

7

По той дороге, где Донской
Вел рать великую когда-то,
Где ветер помнит супостата,
Где месяц желтый и рогатый, —

Я шла, как в глубине морской...
Шиповник так благоухал,
Что даже превратился в слово,
И встретить я была готова
Моей судьбы девятый вал.

8

Ты выдумал меня. Такой на свете нет,
Такой на свете быть не может.
Ни врач не исцелит, ни утолит поэт, —
Тень призрака тебя и день и ночь тревожит.
Мы встретились с тобой в невероятный год,
Когда уже иссякли мира силы,
Всё было в трауре, всё никло от невзгод,
И были свежи лишь могилы.
Без фонарей как смоль был черен невский вал,
Глухая ночь вокруг стеной стояла...
Так вот когда тебя мой голос вызывал!
Что делала — сама еще не понимала.
И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом,
По осени трагической ступая,
В тот навсегда опустошенный дом,
Откуда унеслась стихов сожженных стая.

18 августа 1956
Старки

9

В РАЗБИТОМ ЗЕРКАЛЕ

Непоправимые слова
Я слушала в тот вечер звездный,
И закружилась голова,
Как над пылающею бездной.
И гибель выла у дверей,
И ухал черный сад, как филин,
И город, смертно обессилен,
Был Трои в этот час древней.
Тот час был нестерпимо ярок
И, кажется, звенел до слез.

Ты отдал мне не тот подарок,
Который издалека вез.
Казался он пустой забавой
В тот вечер огненный тебе.
И стал он медленной отравой
В моей загадочной судьбе.
И он всех бед моих предтеча, —
Не будем вспоминать о нем!..
Несостоявшаяся встреча
Еще рыдает за углом.

1956

10

Ты опять со мной, подруга осень!

Ин. Анненский

Пусть кто-то еще отдыхает на юге
И нежится в райском саду.
Здесь северно очень — и осень в подруги
Я выбрала в этом году.

Живу, как в чужом, мне приснившемся доме,
Где, может быть, я умерла,
Где странное что-то в вечерней истоме
Хранят для себя зеркала.

Иду между черных приземистых елок,
Там вереск на ветер похож,
И светится месяца тусклый осколок,
Как старый зазубренный нож.

Сюда принесла я блаженную память
Последней невстречи с тобой —
Холодное, чистое, легкое пламя
Победы моей над судьбой.

1956
Комарово

11

Против воли я твой, царица,
берег покинул.

«Энеида», песнь 6

Не пугайся, — я еще похожей
Нас теперь изобразить могу.
Призрак ты — иль человек прохожий,
Тень твою зачем-то берегу.

Был недолго ты моим Энеем, —
Я тогда отделалась костром.
Друг о друге мы молчать умеем.
И забыл ты мой проклятый дом.

Ты забыл те, в ужасе и в муке,
Сквозь огонь протянутые руки
И надежды окаянной весть.

Ты не знаешь, что́ тебе простили...
Создан Рим, плывут стада флотилий,
И победу славословит лесть.

1962
Комарово

12

Ты стихи мои требуешь прямо...
Как-нибудь проживешь и без них.
Пусть в крови не осталось и грамма,
Не впитавшего горечи их.

Мы сжигаем несбыточной жизни
Золотые и пышные дни,
И о встрече в небесной отчизне
Нам ночные не шепчут огни.

И от наших великолепий
Холодочка струится волна,
Словно мы на таинственном склепе
Чьи-то, вздрогнув, прочли имена.

Не придумать разлуку бездонней,
Лучше б сразу тогда — наповал...
И, наверное, нас разлученней
В этом мире никто не бывал.

1962
Москва

13

И это станет для людей
Как времена Веспасиана,
А было это — только рана
И муки облачко над ней.

18 декабря 1964. Ночь
Рим

434

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.
А я иду — за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

1940

435

Н. П.

И сердце то уже не отзовется
На голос мой, ликуя и скорбя.
Всё кончено... И песнь моя несется
В пустую ночь, где больше нет тебя.

1953

436

...А человек, который для меня
Теперь никто, а был моей заботой
И утешеньем самых горьких лет, —
Уже бредет как призрак по окрайнам,
По закоулкам и задворкам жизни,
Тяжелый, одурманенный безумьем,
С оскалом волчьим...
Боже, боже, боже!
Как пред тобой я тяжко согрешила!
Оставь мне жалость хоть...

13 января 1945

437

Вот она, плодоносная осень!
Поздновато ее привели.
А пятнадцать блаженнейших весен
Я подняться не смела с земли.
Я так близко ее разглядела,
К ней припала, ее обняла,
А она в обреченное тело
Силу тайную тайно лила.

13 сентября 1962
Комарово

438. ПРИ НЕПОСЫЛКЕ ПОЭМЫ

Приморские порывы ветра,
И дом, в котором не живем,
И тень заветнейшего кедра
Перед запретнейшим окном...
На свете кто-то есть, кому бы
Послать все эти строки. Что ж!
Пусть горько улыбнутся губы,
А сердце снова тронет дрожь.

1963

439—441. *ТРИЛИСТНИК МОСКОВСКИЙ*

1

ПОЧТИ В АЛЬБОМ

Услышишь гром и вспомнишь обо мне,
Подумаешь: она грозы желала...
Полоска неба будет твердо-алой,
А сердце будет как тогда — в огне.
Случится это в тот московский день,
Когда я город навсегда покину
И устремлюсь к желанному притину,
Свою меж вас еще оставив тень.

2

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Среди морозной праздничной Москвы,
Где протекает наше расставанье
И где, наверное, прочтете вы
Прощальных песен первое изданье —
Немного удивленные глаза:
«Что? Что? Уже?.. Не может быть!»
— «Конечно!..»
И святочного неба бирюза,
И всё кругом блаженно и безгрешно...

Нет, так не расставался никогда
Никто ни с кем, и это нам награда
За подвиг наш.

3

ЕЩЕ ТОСТ

За веру твою! И за верность мою!
За то, что с тобою мы в этом краю!
Пускай навсегда заколдованы мы,
Но не было в мире прекрасней зимы,

И не было в небе узорней крестов,
Воздушней цепочек, длиннее мостов...
За то, что всё плыло, беззвучно скользя.
За то, что нам видеть друг друга нельзя.

1961—1963

442—450. *ПОЛНОЧНЫЕ СТИХИ*

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит...

Решка

ВМЕСТО ПОСВЯЩЕНИЯ

По волнам блуждаю и прячусь в лесу,
Мерещусь на чистой эмали,
Разлуку, наверно, неплохо снесу,
Но встречу с тобою — едва ли.

Лето 1963

1

ПРЕДВЕСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

...toi qui m'as consolée.

Gerard de Nerval *

Меж сосен метель присмирела,
Но, пьяная и без вина,
Там, словно Офелия, пела
Всю ночь нам сама тишина.

А тот, кто мне только казался,
Был с той обручен тишиной,
Простившись, он щедро остался,
Он насмерть остался со мной.

10 марта 1963
Комарово

---

* ...ты, который утешил меня. Жерар де Нерваль (франц.). — *Ред.*

2

ПЕРВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Какое нам, в сущности, дело,
Что всё превращается в прах,
Над сколькими безднами пела
И в скольких жила зеркалах.
Пускай я не сон, не отрада
И меньше всего благодать,
Но, может быть, чаще, чем надо,
Придется тебе вспоминать —
И гул затихающих строчек,
И глаз, что скрывает на дне
Тот ржавый колючий веночек
В тревожной своей тишине.

6 июля 1963
Москва

3

В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

O quae beatam, Diva, tenes Cyprum
et Memphin...

Hor. *

Красотка очень молода,
Но не из нашего столетья,
Вдвоем нам не бывать — та, третья,
Нас не оставит никогда.
Ты подвигаешь кресло ей,
Я щедро с ней делюсь цветами...
Что делаем — не знаем сами,
Но с каждым мигом нам страшней.
Как вышедшие из тюрьмы,
Мы что-то знаем друг о друге
Ужасное. Мы в адском круге,
А может, это и не мы.

5 июля 1963
Комарово

---

* О, богиня, которая владычествует над счастливым Кипром и Мемфисом. Гор⟨аций⟩ (лат.). — *Ред.*

4

ТРИНАДЦАТЬ СТРОЧЕК

И наконец ты слово произнес
Не так, как те... что на одно колено, —
А так, как тот, кто вырвался из плена
И видит сень священную берез
Сквозь радугу невольных слез.
И вкруг тебя запела тишина,
И чистым солнцем сумрак озарился,
И мир на миг один преобразился,
И странно изменился вкус вина.
И даже я, кому убийцей быть
Божественного слова предстояло,
Почти благоговейно замолчала,
Чтоб жизнь благословенную продлить.

8—12 августа 1963

5

ЗОВ

В которую-то из сонат
Тебя я спрячу осторожно.
О! как ты позовешь тревожно,
Непоправимо виноват
В том, что приблизился ко мне
Хотя бы на одно мгновенье...
Твоя мечта — исчезновенье,
Где смерть лишь жертва тишине.

1 июля 1963

6

НОЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

Все ушли, и никто не вернулся.

Не на листопадовом асфальте
Будешь долго ждать.
Мы с тобой в Адажио Вивальди
Встретимся опять.

Снова свечи станут тускло-желты
И закляты сном,
Но смычок не спросит, как вошел ты
В мой полночный дом.
Протекут в немом смертельном стоне
Эти полчаса,
Прочитаешь на моей ладони
Те же чудеса.
И тогда тебя твоя тревога,
Ставшая судьбой,
Уведет от моего порога
В ледяной прибой.

10—13 сентября 1963
Комарово

7

И ПОСЛЕДНЕЕ

Была над нами, как звезда над морем,
Ища лучом девятый смертный вал.
Ты называл ее бедой и горем,
А радостью ни разу не назвал.

Днем перед нами ласточкой кружила,
Улыбкой расцветала на губах,
А ночью ледяной рукой душила
Обоих разом. В разных городах.

И, никаким не внемля славословьям,
Перезабыв все прежние грехи,
К бессоннейшим припавши изголовьям,
Бормочет окаянные стихи.

23—25 июля 1963

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

А там, где сочиняют сны,
Обоим — разных не хватило,
Мы видели один, но сила
Была в нем, как приход весны.

1965

НЕЧЕТ

451. ПРИМОРСКИЙ СОНЕТ

Здесь всё меня переживет,
Всё, даже ветхие скворешни,
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.

И голос вечности зовет
С неодолимостью нездешней,
И над цветущею черешней
Сиянье легкий месяц льет.

И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...

Там средь стволов еще светлее,
И всё похоже на аллею
У царскосельского пруда.

Июнь 1958
Комарово

452. МУЗЫКА

Д. Д. Ш.

В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах ее края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.
Когда последний друг отвел глаза,
Она была со мной в моей могиле
И пела словно первая гроза
Иль будто все цветы заговорили.

1957—1958

453. ОТРЫВОК

...И мне показалось, что это огни
Со мною летят до рассвета,
И я не дозналась — какого они,
Глаза эти странные, цвета.

И всё трепетало и пело вокруг,
И я не узнала — ты враг или друг,
Зима это или лето.

21 июня 1959
Москва

454. ЛЕТНИЙ САД

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,

Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.

В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.

А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.

И всё перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

9 июля 1959
Ленинград

455

М. З.

Словно дальнему голосу внемлю,
А вокруг ничего, никого.
В эту черную добрую землю
Вы положите тело его.
Ни гранит, ни плакучая ива
Прах легчайший не осенят,
Только ветры морские с залива,
Чтоб оплакать его, прилетят...

Лето 1958
Комарово

456

Не стращай меня грозной судьбой
И великою северной скукой.
Нынче праздник наш первый с тобой,
И зовут этот праздник — разлукой.
Ничего, что не встретим зарю,
Что луна не блуждала над нами,
Я сегодня тебя одарю
Небывалыми в мире дарами:
Отраженьем моим на воде
В час, как речке вечерней не спится,
Взглядом тем, что падучей звезде
Не помог в небеса возвратиться,
Эхом голоса, что изнемог,
А тогда был и свежий и летний, —
Чтоб ты слышать без трепета мог
Воронья подмосковного сплетни,
Чтобы сырость октябрьского дня
Стала слаще, чем майская нега...
Вспоминай же, мой ангел, меня,
Вспоминай хоть до первого снега.

15 октября 1959
Ярославское шоссе

457—458. *ГОРОДУ ПУШКИНА*

И царскосельские хранительные сени...
Пушкин

1

О, горе мне! Они тебя сожгли...
О, встреча, что разлуки тяжелее!..
Здесь был фонтан, высокие аллеи,
Громада парка древнего вдали,
Заря была себя самой алее,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

8 ноября 1945

2

Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли,
Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ.
Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
А лицейские гимны всё так же заздравно звучат.

Полстолетья прошло... Щедро взыскана дивной судьбою,
Я в беспамятстве дней забывала теченье годов, —
И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов.

4 октября 1957
Москва

459—462. *ПЕСЕНКИ*

1

ДОРОЖНАЯ, ИЛИ ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ

Кто чего боится,
То с тем и случится, —
Ничего бояться не надо.
Эта песня пета,

Пета, да не эта,
А другая, тоже
На нее похожа...
Боже!

1943
Ташкент

2

ЛИШНЯЯ

Тешил — ужас. Грела — вьюга.
Вел вдоль смерти — мрак.
Отняты мы друг у друга...
Разве можно так?

Если хочешь — расколдую,
Доброй быть позволь:
Выбирай себе любую,
Но не эту боль.

Июль 1959
Комарово

3

ПРОЩАЛЬНАЯ

Не смеялась и не пела,
Целый день молчала,
А всего с тобой хотела
С самого начала:
Беззаботной первой ссоры,
Полной светлых бредней,
И безмолвной, черствой, скорой
Трапезы последней.

1959

4

ПОСЛЕДНЯЯ

Услаждала бредами,
Пением могил.
Наделяла бедами
Свыше всяких сил.
Занавес неподнятый,
Хоровод теней, —
Оттого и отнятый
Был мне всех родней.
Это всё поведано
Самой глуби роз.
Но забыть мне не дано
Вкус вчерашних слез.

1964

463. ИЗ ЦИКЛА «ТАШКЕНТСКИЕ СТРАНИЦЫ»

В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,
Светила нам только зловещая тьма,
Свое бормотали арыки,
И Азией пахли гвоздики.

И мы проходили сквозь город чужой,
Сквозь дымную песнь и полуночный зной, —
Одни под созвездием Змея,
Взглянуть друг на друга не смея.

То мог быть Стамбул или даже Багдад,
Но, увы! не Варшава, не Ленинград,
И горькое это несходство
Душило, как воздух сиротства.

И чудилось: рядом шагают века,
И в бубен незримая била рука,
И звуки, как тайные знаки,
Пред нами кружились во мраке.

Мы были с тобою в таинственной мгле,
Как будто бы шли по ничейной земле,
Но месяц алмазной фелукой
Вдруг выплыл над встречей-разлукой...

И если вернется та ночь и к тебе
В твоей для меня непонятной судьбе,
Ты знай, что приснилась кому-то
Священная эта минута.

1 декабря 1959
Ленинград

464. МАРТОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Прошлогодних сокровищ моих
Мне надолго, к несчастию, хватит.
Знаешь сам, половины из них
Злая память никак не истратит:
Набок сбившийся куполок,
Грай вороний, и вопль паровоза,
И как будто отбывшая срок
Ковылявшая в поле береза,
И огромных библейских дубов
Полуночная тайная сходка,
И из чьих-то приплывшая снов
И почти затонувшая лодка...
Побелив эти пашни чуть-чуть,
Там предзимье уже побродило,
Дали все в непроглядную муть
Ненароком оно превратило.
И казалось, что после конца
Никогда ничего не бывает...
Кто же бродит опять у крыльца
И по имени нас окликает?
Кто приник к ледяному стеклу
И рукою, как веткою, машет?..
А в ответ в паутинном углу
Зайчик солнечный в зеркале пляшет.

Февраль 1960
Ленинград

465. РИСУНОК НА КНИГЕ СТИХОВ

Он не траурный, он не мрачный,
Он почти как сквозной дымок,
Полуброшенной новобрачной
Черно-белый легкий венок.
А под ним тот профиль горбатый,
И парижской челки атлас,
И зеленый, продолговатый,
Очень зорко видящий глаз.

1958

466. ЭХО

В прошлое давно пути закрыты,
И на что мне прошлое теперь?
Что там? — окровавленные плиты,
Или замурованная дверь,
Или эхо, что еще не может
Замолчать, хотя я так прошу...
С этим эхом приключилось то же,
Что и с тем, что в сердце я ношу.

1960

467—469. *ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ*

1

Пора забыть верблюжий этот гам
И белый дом на улице Жуковской.
Пора, пора к березам и грибам,
К широкой осени московской.
Там всё теперь сияет, всё в росе,
И небо забирается высоко,
И помнит Рогачевское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока...

1944—1950

2

И, в памяти черной пошарив, найдешь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах и душный, и сладкий.

И ветер с залива. А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнется презрительно Блок —
Трагический тенор эпохи.

1960 (?)

3

Он прав — опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит —
Когда он Пушкинскому Дому,
Прощаясь, помахал рукой
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.

7 июня 1946

470—471. *АНТИЧНАЯ СТРАНИЧКА*

1

СМЕРТЬ СОФОКЛА

Тогда царь понял, что умер Софокл.

Легенда

На дом Софокла в ночь слетел с небес орел,
И мрачно хор цикад вдруг зазвенел из сада.
А в этот час уже в бессмертье гений шел,
Минуя вражий стан у стен родного града.
Так вот когда царю приснился странный сон:
Сам Дионис ему снять повелел осаду,
Чтоб шумом не мешать обряду похорон
И дать афинянам почтить его отраду.

1961

2

АЛЕКСАНДР У ФИВ

Наверно, страшен был и грозен юный царь,
Когда он произнес: «Ты уничтожишь Фивы».
И старый вождь узрел тот город горделивый,
Каким он знал его еще когда-то встарь.
Всё, всё предать огню! И царь перечислял
И башни, и врата, и храмы — чудо света,
Но вдруг задумался и, просветлев, сказал:
«Ты только присмотри, чтоб цел был Дом Поэта».

Октябрь 1961
Ленинград. Больница в Гавани

472

Опять подошли «незабвенные даты»,
И нет среди них ни одной не проклятой.

Но самой проклятой восходит заря...
Я знаю: колотится сердце не зря —

От звонкой минуты пред бурей морскою
Оно наливается мутной тоскою.

На прошлом я черный поставила крест,
Чего же ты хочешь, товарищ зюйд-вест,

Что ломятся в комнату липы и клены,
Гудит и бесчинствует табор зеленый

И к брюху мостов подкатила вода?
И всё, как тогда, и всё, как тогда.

16 июня 1945
Ленинград. Фонтанный Дом

473

Если б все, кто помощи душевной
У меня просил на этом свете,
Все юродивые и немые,
Брошенные жены и калеки,

Каторжники и самоубийцы
Мне прислали б по одной копейке, —
Стала б я богаче всех в Египте,
Как говаривал Кузмин покойный.
Но они не слали мне копейки,
А со мной своей делились силой.
И я стала всех сильней на свете,
Так что даже *это* мне не трудно.

1960

474

Б. П.

И снова осень валит Тамерланом,
В арбатских переулках тишина.
За полустанком или за туманом
Дорога непроезжая черна.

Так вот она, последняя! И ярость
Стихает. Всё равно что мир оглох...
Могучая евангельская старость
И тот горчайший гефсиманский вздох.

1947
Фонтанный Дом

475—476. *ПАМЯТИ ПОЭТА*

Как птица мне ответит эхо.

Б. П.

1

Умолк вчера неповторимый голос,
И нас покинул собеседник рощ.
Он превратился в жизнь дающий колос
Или в тончайший, им воспетый дождь.
И все цветы, что только есть на свете,
Навстречу этой смерти расцвели.
Но сразу стало тихо на планете,
Носящей имя скромное... Земли.

11 июня 1960
Москва. Боткинская больница

2

Словно дочка слепого Эдипа,
Муза к смерти провидца вела.
И одна сумасшедшая липа
В этом траурном мае цвела —
Прямо против окна, где когда-то
Он поведал мне, что перед ним
Вьется путь золотой и крылатый,
Где он вышнею волей храним.

11 июня 1960
Москва. Боткинская больница

477. ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ОДА
ДЕВЯТИСОТЫЕ ГОДЫ

А в переулке забор дощатый...
Н. Г.

Настоящую оду
Нашептало... Постой,
Царскосельскую одурь
Прячу в ящик пустой,
В роковую шкатулку,
В кипарисный ларец,
А тому переулку
Наступает конец.
Здесь не Темник, не Шуя —
Город парков и зал,
Но тебя опишу я,
Как свой Витебск — Шагал.
Тут ходили по струнке,
Мчался рыжий рысак,
Тут еще до чугунки
Был знатнейший кабак.
Фонари на предметы
Лили матовый свет,
И придворной кареты
Промелькнул силуэт.
Так мне хочется, чтобы
Появиться могли

Голубые сугробы
С Петербургом вдали.
Здесь не древние клады,
А дощатый забор,
Интендантские склады
И извозчичий двор.
Шепелявя неловко
И с грехом пополам,
Молодая чертовка
Там гадает гостям.
Там солдатская шутка
Льется, желчь не тая...
Полосатая будка
И махорки струя.
Драли песнями глотку
И клялись попадьей,
Пили допоздна водку,
Заедали кутьей.
Ворон криком прославил
Этот призрачный мир...
А на розвальнях правил
Великан-кирасир.

3 августа 1961
Комарово

478. РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

И в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

1922

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем,
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.
Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.

И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

1961
Ленинград. Больница в Гавани

479. КОМАРОВСКИЕ НАБРОСКИ

О Муза Плача...
М. Цветаева

...И отступилась я здесь от всего,
От земного всякого блага.
Духом, хранителем «места сего»
Стала лесная коряга.

Все мы немного у жизни в гостях,
Жить — это только привычка.
Чудится мне на воздушных путях
Двух голосов перекличка.

Двух? А еще у восточной стены,
В зарослях крепкой малины,
Темная, свежая ветвь бузины...
Это — письмо от Марины.

19—20 ноября 1961
Гавань (больница)

480. ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять.

Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Всё возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

9 августа 1962
Комарово

481

Всем обещаньям вопреки
И перстень сняв с моей руки,
Забыл меня на дне...
Ничем не мог ты мне помочь.
Зачем же снова в эту ночь
Свой дух прислал ко мне?
Он строен был, и юн, и рыж,
Он женщиною был,
Шептал про Рим, манил в Париж,
Как плакальщица выл...
Он больше без меня не мог:
Пускай позор, пускай острог...

Я без него могла.

1961
Комарово

482. ПАМЯТИ В. С. СРЕЗНЕВСКОЙ

Почти не может быть, ведь ты была всегда:
В тени блаженных лип, в блокаде и в больнице,
В тюремной камере и там, где злые птицы,
И травы пышные, и страшная вода.
О, как менялось всё, но ты была всегда,
И мнится, что души отъяли половину,
Ту, что была тобой, — в ней знала я причину
Чего-то главного. И всё забыла вдруг...
Но звонкий голос твой зовет меня оттуда
И просит не грустить и смерти ждать, как чуда.
Ну что ж! попробую.

9 сентября 1964
Комарово

483. В ВЫБОРГЕ

О. А. Л-ской

Огромная подводная ступень,
Ведущая в Нептуновы владенья, —
Там стынет Скандинавия, как тень,
Вся — в ослепительном одном виденье.
Безмолвна песня, музыка нема,
Но воздух жжется их благоуханьем,
И на коленях белая зима
Следит за всем с молитвенным вниманьем.

24 сентября 1964
Комарово (Озерная, днем)

484

Земля хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная
И несоленая вода.

На дне песок белее мела,
А воздух пьяный, как вино,
И сосен розовое тело
В закатный час обнажено.

А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять.

1964

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

485

На руке его много блестящих колец —
Покоренных им девичьих нежных сердец.

Там ликует алмаз и мечтает опал,
И красивый рубин так причудливо ал.

Но на бледной руке нет кольца моего,
Никому, никогда не отдам я его.

Мне сковал его месяца луч золотой
И, во сне надевая, шепнул мне с мольбой:

«Сохрани этот дар, будь мечтою горда!»
Я кольца не отдам никому никогда.

1907
Киев

486

Ночь моя — бред о тебе,
День — равнодушное: пусть!
Я улыбнулась судьбе,
Мне посылающей грусть.
Тяжек вчерашний угар,
Скоро ли я догорю,
Кажется, этот пожар
Не превратится в зарю.

Долго ль мне биться в огне,
Дальнего тайно пленя?..
В страшной моей западне
Ты не увидишь меня.

1907
Киев

487. ИЗ ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ

Отрывок

Всю ночь не давали заснуть,
Говорили тревожно, звонко,
Кто-то ехал в далекий путь,
Увозил больного ребенка,
А мать в полутемных сенях
Ломала иссохшие пальцы
И долго искала впотьмах
Чистый чепчик и одеяльце...

1909
Киев

488

То ли я с тобой осталась,
То ли ты ушел со мной,
Но оно не состоялось,
Разлученье, ангел мой!
И не вздох печали томной,
Не затейливый укор,
Мне внушает ужас темный
Твой спокойный ясный взор.

1909 (?)

489

1

Пришли и сказали: «Умер твой брат».
Не знаю, что это значит...
Как долго сегодня алый закат
Над морем вечерним плачет.

. . . .

Брата из странствий вернуть могу,
Любимого брата найду я.
Я прошлое в доме моем берегу,
Над прошлым тайно колдую.

2

«Брат! Дождалася я светлого дня,
В каких ты скитался странах?»
— «Сестра, отвернись, не смотри на меня,
Эта грудь в кровавых ранах».

25 января 1910
Киев

490

На столике чай, печения сдобные,
В серебряной вазочке драже.
Подобрала ноги, села удобнее,
Равнодушно спросила: «Уже?»
Протянула руку. Мои губы дотронулись
До холодных гладких колец.
О будущей встрече мы не условились.
Я знал, что это конец.

9 ноября 1910
Киев

491

«Я смертельна для тех, кто нежен и юн.
Я птица печали. Я — Гамаюн.
Но тебя, сероглазый, не трону, иди.
Глаза я закрою, я крылья сложу на груди,
Чтоб, меня не заметив, ты верной дорогой пошел.
Я замру, я умру, чтобы ты свое счастье нашел. . .»
Так пел Гамаюн среди черных осенних ветвей,
Но путник свернул с осиянной дороги своей.

7 декабря 1910
Царское Село

492. В ЛЕСУ

Четыре алмаза — четыре глаза,
Два совиных и два моих.
О, страшен, страшен конец рассказа
О том, как умер мой жених.

Лежу в траве я, густой и влажной,
Бессвязно-звонки мои слова,
А сверху смотрит такою важной,
Их чутко слушает сова.

Нас ели тесно обступили,
Над ними небо — черный квадрат.
Ты знаешь, знаешь, его убили,
Его убил мой старший брат —

Не на кровавом поединке
И не в сраженьи, не на войне,
А на пустынной лесной тропинке,
Когда влюбленный шел ко мне.

⟨*1911*⟩

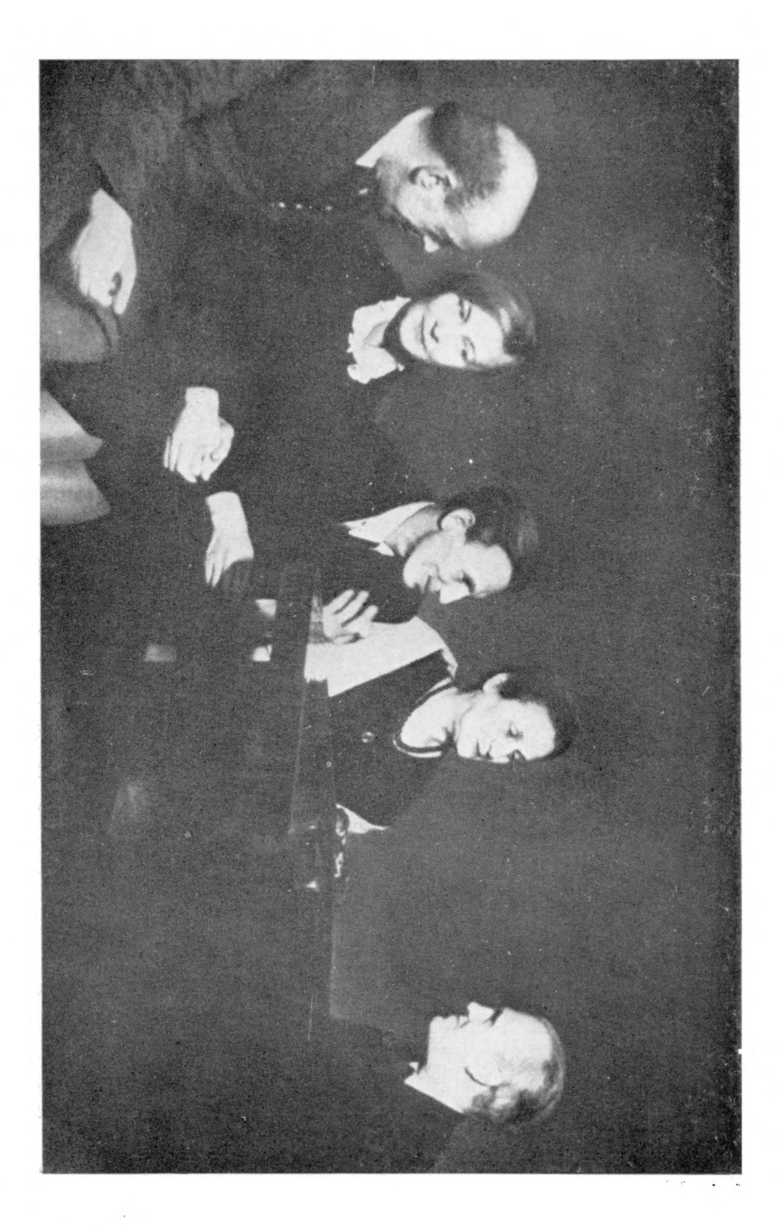
493. СТАРЫЙ ПОРТРЕТ

Сжала тебя золотистым овалом
Узкая, старая рама;
Негр за тобой с голубым опахалом,
Стройная белая дама.

Тонки, по-девичьи, нежные плечи,
Смотрит надменно-упрямо;
Тускло мерцают высокие свечи,
Словно в преддверии храма.

Возле на бронзовом столике цитра,
Роза в граненом бокале...
В чьих это пальцах дрожала палитра,
В этом торжественном зале?

И для кого твои жуткие губы
Стали смертельной отравой?
Негр за тобою, нарядный и грубый,
Смотрит лукаво.

⟨1911⟩
Киев

494

Шелестит о прошлом старый дуб.
Лунный луч лениво протянулся.
Я твоих благословенных губ
Никогда мечтою не коснулся.

Бледный лоб чадрой лиловой сжат.
Ты со мною. Тихая, больная.
Пальцы холодеют и дрожат,
Тонкость рук твоих припоминая.

Я молчал так много тяжких лет.
Пытка встреч еще неотвратима.
Как давно я знаю твой ответ:
Я люблю и не была любима.

Февраль (?) 1911

495

Снова со мной ты. О мальчик-игрушка!
Буду ли нежной опять, как сестра?
В старых часах притаилась кукушка.
Выглянет скоро. И скажет: «Пора».

Чутко внимаю бездумным рассказам.
Не научился ты только молчать.
Знаю, таким вот, как ты, сероглазым
Весело жить и легко умирать.

Март (?) 1911
Царское Село

496

В углу старик, похожий на барана,
Внимательно читает «Фигаро».
В моей руке просохшее перо,
Идти домой еще как будто рано.

Тебе велела я, чтоб ты ушел.
Мне сразу всё твои глаза сказали...
Опилки густо устилают пол
И пахнет спиртом в полукруглой зале.

И это юность — светлая пора
. . . .
Да лучше б я повесилась вчера
Или под поезд бросилась сегодня.

Весна 1911
Париж

497

Целый день провела у окошка
И томилась: «Скорей бы гроза».
Раз у дикой затравленной кошки
Я такие заметил глаза.

Верно, тот, кого ждешь, не вернется
И последние сроки прошли.
Душный зной, словно олово, льется
От небес до иссохшей земли.

Ты тоской только сердце измучишь,
Глядя в серую тусклую мглу.
И мне кажется — вдруг замяучишь,
Изгибаясь на грязном полу.

Лето 1911
Слепнево

498

Словно тяжким огромным молотом
Раздробили слабую грудь.
Откупиться бы ярким золотом, —
Только раз, только раз отдохнуть!
Приподняться бы над подушками,
Снова видеть широкий пруд,
Снова видеть, как над верхушками
Сизых елей тучи плывут.
Всё приму я: боль и отчаянье,
Даже жалости острие.
Только пыльный свой плащ раскаянья
Не клади на лицо мое!

Осень 1911

499

Приходи на меня посмотреть.
Приходи. Я живая. Мне больно.
Этих рук никому не согреть,
Эти губы сказали: «Довольно!»
Каждый вечер подносят к окну
Мое кресло. Я вижу дороги.
О, тебя ли, тебя ль упрекну
За последнюю горечь тревоги!
Не боюсь на земле ничего,
В задыханьях тяжелых бледнея.
Только ночи страшны оттого,
Что глаза твои вижу во сне я.

⟨1912⟩

500. ⟨Ф. К. СОЛОГУБУ⟩

Твоя свирель над тихим миром пела,
И голос смерти тайно вторил ей,
А я, безвольная, томилась и пьянела
От сладостной жестокости твоей.

16 марта 1912
Царское Село

501

Загорелись иглы венчика
Вкруг безоблачного лба.
Ах! улыбчивого птенчика
Подарила мне судьба.

Октябрь 1912

502

Георгию Иванову

Бисерным почерком пишете, Lise,
Уже не подруге, не старой тетке.
Голуби взлетели на карниз,
Луч заиграл на балконной решетке.

Ваше окошко опять найду
Под веночком, длинной стрелой пронзенным.
Как хорошо в осеннем саду!
Как хорошо быть совсем влюбленным!

Желтое солнце светло блестит,
Желтое платье в окне золотится...
Знаю — она никогда не простит,
Если осмелюсь я ей поклониться.

⟨*1913*⟩

503

Ничего не скажу, ничего не открою.
Буду молча смотреть, наклонившись, в окно.
Как-то раз и меня повели к аналою,
С кем — не знаю. Но помню — давно...

Из окна моего вижу красные трубы,
А над трубами легкий клубящийся дым.
Но глаза я закрою. И нежные губы
Прикоснулись к ресницам моим.

То не сон, утешитель тревоги влюбленной,
И не тихий привет ветерка...
Это — ранивший душу взглянул напряженно,
Так ли рана, как прежде, ярка.

⟨*1913*⟩

504. ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

О спутник мой неосторожный,
Мой друг ревнивый и тревожный,
Ты не пришел за мной сюда.
Сентябрь, печаль и холода,
А возвращенье невозможно
В таинственные города —
Их два, один другому равен
Суровой красотой своей
И памятью священной славен,
Улыбкой освящен твоей.
Несносен ты и своенравен,
Но почему-то всех милей.
Мне нестерпимо здесь томиться,
По четкам костяным молиться
И точно знать, что на обед
Ко мне приедет мой сосед.
Подумай, день идет за днем,
Снег выпал, к вечеру растает,
И за последним журавлем
Моя надежда улетает.
К моей тоске сосед приучен,
И часто сам вздыхает он:
«Простите, грустен я и скучен».
А в самом деле он влюблен.
В саду под шум берез корельских
О днях мечтаю царскосельских,
О долгих спорах, о стихах
И о пленительных губах.
Но чувствую у локтя руку
Ведущего меня домой
И снова слышу, что со мной
Нельзя перенести разлуку;

Какою страшною виной
Я заслужила эту скуку?
Когда камин в гостиной топят
И гость мой стройный не торопит
Свою коляску подавать,
А словно что-то вспоминая,
Глядит на пламя не мигая,
И я люблю припоминать...
Уже, друзья, мою божницу
Устали видеть вы пустой,
И каждый новую царицу
Подводит к двери золотой.
А ты, конечно, всех проворней,
Твоя избранница покорней
Других; и скоро фимиам
Волной прильнет к ее ногам...
Тогда припомни час единый,
Вечерний удаленный час,
И крик печали лебединой,
И взор моих прощальных глаз.
Мне больше ничего не надо —
Мне это верная отрада.

Осень 1913
Слепнево

505

Я видел поле после града
И зачумленные стада,
Я видел грозди винограда,
Когда настали холода.

Еще я помню, как виденье,
Степной пожар в ночной тиши...
Но страшно мне опустошенье
Твоей замученной души.

Так много нищих. Будь же нищей —
Открой бесслезные глаза.
Да озарит мое жилище
Их неживая бирюза!

1913

506

И жар по вечерам, и утром вялость,
И губ растрескавшихся вкус кровавый.
Так вот она — последняя усталость,
Так вот оно — преддверье царства славы.
Гляжу весь день из круглого окошка:
Белеет потеплевшая ограда
И лебедою заросла дорожка,
И мне б идти по ней — такая радость.
Чтобы песок хрустел и лапы елок,
И черные и влажные, шуршали,
Чтоб месяца бесформенный осколок
Опять увидеть в голубом канале.

Декабрь 1913

507

Я любимого нигде не встретила:
Столько стран прошла напрасно.
И, вернувшись, я Отцу ответила:
«Да, Отец! — твоя земля прекрасна.

Нежило мне тело море синее,
Звонко, звонко пели птицы томные.
А в родной стране от ласки инея
Поседели сразу косы темные.

Там в глухих скитах монахи молятся
Длинными молитвами, искусными...
Знаю я, когда земля расколется,
Поглядишь ты вниз очами грустными.

Я завет твой, господи, исполнила
И на зов твой радостно ответила,
На твоей земле я всё запомнила,
И любимого нигде не встретила».

⟨1914⟩

508

Вечерний звон у стен монастыря,
Как некий благовест самой природы...
И бледный лик в померкнувшие воды
Склоняет сизокрылая заря.

Над дальним лугом белые челны
Нездешние сопровождают тени...
Час горьких дум, о, час разуверений
При свете возникающей луны.

⟨1914⟩

509

Цветы, холодные от рос
И близкой осени дыханья,
Я рву для пышных, жарких кос,
Еще не знавших увяданья.

В их ночи душно-смоляной,
Повитой сладостною тайной,
Они надышатся весной
Ее красы необычайной.

Но в вихре звуков и огней
С главы сияющей, порхая,
Они падут — и перед ней
Умрут, едва благоухая.

И, движим верною тоской,
Их усладит мой взор покорный, —
Благоговеющей рукой
Сберет любовь их прах тлетворный.

⟨1914⟩

510

Ал. Блоку

Ты первый, ставший у источника
С улыбкой мертвой и сухой,
Как нас измучил взор пустой,
Твой взор тяжелый — полунощника.
Но годы страшные пройдут,
Ты скоро будешь снова молод,
И сохраним мы тайный холод
Тебе отсчитанных минут.

Между 1912 и 1914

511

Пустые белые святки.
Мети, метель, мети.
Пусть дороги гладки, —
Мне не к кому идти!

Январь 1914

512. ТАМАРЕ ПЛАТОНОВНЕ КАРСАВИНОЙ

Как песню, слагаешь ты легкий танец —
О славе он нам сказал, —
На бледных щеках розовеет румянец,
Темней и темней глаза.

И с каждой минутой всё больше пленных,
Забывших свое бытие,
И клонится снова в звуках блаженных
Гибкое тело твое.

Март 1914

513. БЕЛАЯ НОЧЬ

Небо бело страшной белизною,
А земля как уголь и гранит.
Под иссохшей этою луною
Ничего уже не заблестит.

Женский голос, хриплый и задорный,
Не поет, кричит, кричит.
Надо мною близко тополь черный
Ни одним листком не шелестит.

Для того ль тебя я целовала,
Для того ли мучилась, любя,
Чтоб теперь спокойно и устало
С отвращеньем вспоминать тебя?

17 июня 1914
Слепнево

514

На Казанском или на Волковом
Время землю пришло покупать.
Ах! под небом северным шелковым
Так легко, так прохладно спать.

Новый мост еще не достроят,
Не вернется еще зима,
Как руки мои покроет
Парчовая бахрома.

Ничьего не вспугну веселья,
Никого к себе не зову.
Мне одной справлять новоселье
В свежевыкопанном рву.

8 июля 1914
Слепнево

515

Кому-то желтый гроб несут,
Счастливый кто-то будет с богом,
А я забочусь о немногом,
И тесен мой земной приют.

1914

516

За то, что я грех прославляла,
Отступника жадно хваля,
Я с неба ночного упала
На эти сухие поля.

И встала. И к дому чужому
Пошла, притворилась своей,
И терпкую злую истому
Принесла с июльских полей.

И матерью стала ребенку,
Женою тому, кто пел.
Но гневно и хрипло вдогонку
Мне горный ветер свистел.

1914

517

В промежутке между грозами,
Мрачной яркостью богатые,
Над притихшими березами
Облака стоят крылатые.
Чуть гроза на запад спрячется
И настанет тишь чудесная,
А с востока снова катится
Колесница поднебесная.

1915
Слепнево

518. ОТРЫВОК

. . . .
О боже, за себя я всё могу простить,
Но лучше б ястребом ягненка мне когтить
Или змеей уснувших жалить в поле,
Чем человеком быть и видеть поневоле,
Что люди делают, и сквозь тлетворный срам
Не сметь поднять глаза к высоким небесам.

1916 (?)

519

С первым звуком, слетевшим с рояля,
Я шепчу тебе: «Здравствуй, князь».
Это ты, веселя и печаля,
Надо мною стоишь, наклонясь.

Но во взоре упорном и странном
Угадать ничего не могу,
Только в сердце моем окаянном
Золотые слова берегу.

Ты когда-нибудь, скукой томимый,
Их прочтешь на чужом языке
И подумаешь, мне серафимы
Оснащают корабль на реке.

1917

520

Я горькая и старая. Морщины
Покрыли сетью желтое лицо,
Спина согнулась, и трясутся руки.
А мой палач глядит веселым взором
И хвалится искусною работой,
Рассматривая на поблекшей коже
Следы побоев. Господи, прости!

1919
Петербург. Шереметевский дом

521

За узором дымным стекол
Хвойный лес под снегом бел.
Отчего мой ясный сокол
Не простившись улетел?

Слушаю людские речи.
Говорят, что ты колдун.
Стал мне узок с нашей встречи
Голубой шушун.

А дорога до погоста
Во сто раз длинней,
Чем тогда, когда я просто
Шла бродить по ней.

1910-е годы

522. ИЗ СТАРЫХ СТИХОВ
(10-е ГОДЫ)

Сочтенных дней осталось мало,
Уже не страшно ничего,
Но как забыть, что я слыхала
Биенье сердца твоего?
Спокойно знаю — в этом тайна
Неугасимого огня.
Пусть мы встречаемся случайно
И ты не смотришь на меня.

1910-е годы

523

Не смущаюсь речью обидною,
Никого ни в чем не виню.
Ты кончину мне дай не постыдную
За постыдную жизнь мою.

1910-е годы

524

И через всё и каждый миг,
Через дела, через безделье
Сквозит, как тайное веселье,
Один непостижимый лик.
О боже! Для чего возник
Он в одинокой этой келье.

1910-е годы

525

Улыбнулся, вставши на пороге,
Умерло мерцание свечи.
Сквозь него я вижу пыль дороги
И косые лунные лучи.

1910-е годы

526

Как вышедший из западных ворот
Родного города и землю обошедший
К восточным воротам смущенно подойдет
И думает: «Где дух, меня так мудро ведший?» —
Так я...

1910-е годы
Слепнево

527

Не странно ли, что знали мы его?
Был скуп на похвалы, но чужд хулы и гнева,
И Пресвятая охраняла Дева
Прекрасного поэта своего.

Август 1921

528

Вечер тот казни достоин,
С ним я не справлюсь никак.
Будь совершенно спокоен —
Ты ведь мужчина и враг,

Тот, что молиться мешает,
Муке не хочет помочь,
Тот, что твой сон нарушает,
Тихая, каждую ночь.

Ты ль не корил маловерных
И обличал, и учил!
Ты ли от всякия скверны
Избавить тебя не молил!

Сам я не знаю, что сталось,
К гибели, что ли, иду?
Ведь как ребенок металась
Передо мною в бреду.

Выпил я светлые капли
С глаз ее — слезы стыда.
Верно, от них и ослабли
Руки твои навсегда.

⟨1922⟩

529

Дьявол не выдал. Мне всё удалось.
Вот и могущества явные знаки.
Вынь из груди мое сердце и брось
Самой голодной собаке.

Больше уже ни на что не гожусь,
Ни одного я не вымолвлю слова.
Нет настоящего, — прошлым горжусь
И задохнулась от срама такого.

Сентябрь 1922

530

Скучно мне оберегать
От себя людей,
Скучно кликать благодать
На чужих друзей.

1922 (?)
(Из альбома
Е. Султановой-Летковой)

531

И ты мне всё простишь:
И даже то, что я не молодая,
И даже то, что с именем моим,
Как с благостным огнем тлетворный дым,
Слилась навеки клевета глухая.

1925

532. КАВКАЗСКОЕ

Десять лет и год твоя подруга
Не слыхала, как поет гроза.
Десять лет и год святого юга
Не видали грешные глаза.

1927
Кисловодск

533

И неоплаканною тенью
Я буду здесь блуждать в ночи,
Когда зацветшею сиренью
Играют звездные лучи.

1920-е годы
Шереметевский сад

534

. . . .
Я знаю, с места не сдвинуться
От тяжести Виевых век.
О, если бы вдруг откинуться
В какой-то семнадцатый век.

С душистою веткой березовой
Под Троицу в церкви стоять,
С боярынею Морозовой
Сладимый медок попивать.

А после на дровнях, в сумерки,
В навозном снегу тонуть.
Какой сумасшедший Суриков
Мой последний напишет путь?

1939

535. ПАМЯТИ М. Б — ВА

Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.
Ты пил вино, ты как никто шутил
И в душных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил,
И с ней наедине остался.
И нет тебя, и всё вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.
О, кто поверить смел, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней погибших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всё потерявшей, всех забывшей, —
Придется поминать того, кто, полный сил
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь предсмертной боли.

Март 1940
Фонтанный Дом

536

Уложила сыночка кудрявого
И пошла на озеро по воду,
Песни пела, была веселая,
Зачерпнула воды и слушаю:
Мне знакомый голос прислышался,

Колокольный звон
Из-под синих волн,
Так у нас звонили в граде Китеже.
Вот большие бьют у Егория,
А меньшие с башни Благовещенской,
Говорят они грозным голосом:
    «Ах, одна ты ушла от приступа,
    Стона нашего ты не слышала,
    Нашей горькой гибели не видела.
    Но светла свеча негасимая
    За тебя у престола божьего.
    Что же ты на земле замешкалась
    И венец надеть не торопишься?
    Распустился твой крин во полунощи,
    И фата до пят тебе соткана.
    Что ж печалишь ты брата-воина
    И сестру-голубицу схимницу,
    Своего печалишь ребеночка?..»
Как последнее слово услышала,
Света я пред собою невзвидела,
Оглянулась, а дом в огне горит.

Март 1940

537

Соседка из жалости — два квартала,
Старухи, как водится, — до ворот,
А тот, чью руку я держала,
До самой ямы со мной пойдет.
И станет совсем один на свете
Над рыхлой, черной, родной землей,
И громче спросит, но не ответит
Ему, как прежде, голос мой.

15 августа 1940

538

И все, кого сердце мое не забудет,
Но кого нигде почему-то нет,
И страшные дети, которых не будет,
Которым не будет двадцать лет,

А было восемь, а девять было,
А было... — Довольно, не мучь себя,
И все, кого ты вправду любила,
Живыми останутся для тебя.

1940

539

Жить — так на воле,
Умирать — так дома.
Волково поле,
Желтая солома.

(День объявления войны)
22 июня 1941

540

И осталось из всего земного
Только хлеб насущный твой,
Человека ласковое слово,
Чистый голос полевой.

1941

541

Какая есть. Желаю вам другую —
Получше. Больше счастьем не торгую,
Как шарлатаны и оптовики.
Пока вы мирно отдыхали в Сочи,
Ко мне уже ползли такие ночи,
И я такие слышала звонки!..

Над Азией — весенние туманы,
И яркие до ужаса тюльпаны
Ковром заткали много сотен миль.
О, что мне делать с этой чистотою
Природы и с невинностью святою,
О, что мне делать с этими людьми!..

Мне зрительницей быть не удавалось,
И почему-то я всегда вклинялась
В запретнейшие зоны естества,
Целительница нежного недуга,
Чужих мужей вернейшая подруга
И многих безутешная вдова.

Седой венец достался мне недаром,
И щеки, опаленные загаром,
Уже людей пугают смуглотой.
Но близится конец моей гордыни:
Как той, другой — страдалице Марине,
Придется мне напиться пустотой.

И ты придешь под черной епанчою,
С зеленоватой страшною свечою,
И не откроешь предо мной лица.
Но мне недолго мучиться загадкой:
Чья там рука под белою перчаткой
И кто прислал ночного пришлеца?

24 июня 1942
Ташкент

542

Любо вам под половицей
Перекликнуться с синицей
И присниться кой-кому,
Кто от вас во сне застонет,
Но и слова не проронит
Даже другу своему.

Июнь 1942

543

Если ты смерть — отчего же ты плачешь сама,
Если ты радость — то радость такой не бывает.

Ноябрь 1942
Ташкент

544. В ТИФУ

Где-то ночка молодая,
Звездная, морозная...
Ой худая, ой худая
Голова тифозная.

Про себя воображает,
На подушке мечется,
Знать не знает, знать не знает,
Что во всем ответчица,

Что за речкой, что за садом
Кляча с гробом тащится.
Меня под землю не надо б,
Я одна — рассказчица.

Ноябрь 1942
Ташкент

545

Глаза не свожу с горизонта,
Где метели пляшут чардаш.
Между нами, друг мой, три фронта:
Наш и вражий и снова наш.

1942 или 1943 (?)
Ташкент

546

Когда я называю по привычке
Моих друзей заветных имена,
Всегда на этой странной перекличке
Мне отвечает только тишина...

8 ноября 1943

А в зеркале двойник бурбонский профиль
прячет
И думает, что он незаменим,
Что всё на свете он переиначит,
Что Пастернака перепастерначит,
А я не знаю, что мне делать с ним.

1943
Ташкент

548. НАДПИСЬ НА ПОЭМЕ «ТРИПТИХ»

И ты ко мне вернулась знаменитой,
Темно-зеленой веточкой повитой,
Изящна, равнодушна и горда...
Я не такой тебя когда-то знала,
И я не для того тебя спасала
Из месива кровавого тогда.
Не буду я делить с тобой удачу,
Я не ликую над тобой, а плачу,
И ты прекрасно знаешь почему.
И ночь идет, и сил осталось мало.
Спаси ж меня, как я тебя спасала,
И не пускай в клокочущую тьму.

6 января 1944
Ташкент

549. ПОСЛЕСЛОВИЕ К «ЛЕНИНГРАДСКОМУ ЦИКЛУ»

Разве не я тогда у креста,
Разве не я тонула в море,
Разве забыли мои уста
Вкус твой, горе!

16 января 1944

550. СМЕРТЬ

И комната, в которой я болею,
В последний раз болею на земле,
Как будто упирается в аллею
Высоких белоствольных тополей.

А этот первый — этот самый главный,
В величии своем самодержавный,
Но как заплещет, возликует он,
Когда, минуя тусклое оконце,
Моя душа взлетит, чтоб встретить солнце,
И смертный уничтожит сон.

Январь 1944
Ташкент

551

De profundis... * Мое поколенье
Мало меду вкусило. И вот
Только ветер гудит в отдаленьи,
Только память о мертвых поет.
Наше было не кончено дело,
Наши были часы сочтены,
До желанного водораздела,
До вершины великой горы,
До неистового цветенья
Оставалось лишь раз вздохнуть...
Две войны, мое поколенье,
Освещали твой страшный путь.

23 марта 1944
Ташкент

552

От странной лирики, где каждый шаг —
секрет,
Где пропасти налево и направо,
Где под ногой, как лист увядший, слава,
По-видимому, мне спасенья нет.
. . . .

Осень 1944

---

* Из глубин... ⟨воззвал⟩ (лат.). — *Ред.*

553. ПРИЧИТАНИЕ

Ленинградскую беду
Руками не разведу,
Слезами не смою,
В землю не зарою.
За версту я обойду
Ленинградскую беду.
Я не взглядом, не намеком,
Я не словом, не попреком,
Я земным поклоном
В поле зеленом
Помяну.

1944
Ленинград

554

И очертанья Фауста вдали —
Как города, где много черных башен
И колоколен с гулкими часами,
И полночей, наполненных грозою,
И старичков с негётевской судьбою,
Шарманщиков, менял и букинистов,
Кто вызвал черта, кто с ним вел торговлю
И обманул его, а нам в наследство
Оставил эту сделку...
И выли трубы, зазывая смерть,
Пред смертию смычки благоговели,
Когда какой-то странный инструмент
Предупредил, и женский голос сразу
Ответствовал, и я тогда проснулась.

1945

555

И увидел месяц лукавый,
Притаившийся у ворот,
Как свою посмертную славу
Я меняла на вечер тот.

Теперь меня позабудут,
И книги сгниют в шкафу.
Ахматовской звать не будут
Ни улицу, ни строфу.

27 января 1946

556

Дорогою ценой и нежданной
Я узнала, что помнишь и ждешь.
А быть может, и место найдешь
Ты — могилы моей безымянной.

1946
Фонтанный Дом

557. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Я над этой колыбелью
Наклонилась черной елью.
Бай, бай, бай, бай!
Ай, ай, ай, ай...

Я не вижу сокола
Ни вдали, ни около.
Бай, бай, бай, бай!
Ай, ай, ай, ай.

26 августа 1949 (днем)
Фонтанный Дом

558

Особенных претензий не имею
Я к этому сиятельному дому,
Но так случилось, что почти всю жизнь
Я прожила под знаменитой кровлей
Фонтанного дворца... Я нищей
В него вошла и нищей выхожу...

1952

559. ИЗ ЦИКЛА «ТАЙНЫ РЕМЕСЛА»

Не повторяй — душа твоя богата —
Того, что было сказано когда-то,
Но, может быть, поэзия сама —
Одна великолепная цитата.

4 сентября 1956

560. ИЗ ЦИКЛА «СОЖЖЕННАЯ ТЕТРАДЬ»

Пусть мой корабль пошел на дно,
Дом превратился в дым...
Читайте все — мне всё равно,
Я говорю с одним,
Кто был ни в чем не виноват,
А впрочем, мне ни сват, ни брат
. . . .
Как в сердце быть уколотым
И слышать крик: умри!
Что на Фонтанке золотом
Писали фонари?

1956

561

Забудут? — вот чём удивили!
Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.
А Муза и глохла и слепла,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как Феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.

21 февраля 1957
Ленинград

562

Не мудрено, что не веселым звоном
Звучит порой мой непокорный стих
И что грущу. Уже за Флегетоном
Три четверти читателей моих.

А вы, друзья! Осталось вас немного, —
Мне оттого вы с каждым днем милей...
Какой короткой сделалась дорога,
Которая казалась всех длинней.

3 марта 1958
Болшево

563

Позвони мне хотя бы сегодня,
Ведь ты все-таки где-нибудь есть,
А я стала безродных безродней
И не слышу крылатую весть.

9 июня 1958

564

Опять проходит полонез Шопена.
О, боже мой! — как много вееров,
И глаз потупленных, и нежных ртов,
Но как близка, как шелестит измена.
Тень музыки мелькнула по стене,
Но прозелени лунной не задела.
О, сколько раз вот здесь я холодела
И кто-то страшный мне кивал в окне.

. . . .

И как ужасен взор безносых статуй,
Но уходи и за меня не ратуй,
И не молись так горько обо мне.

. . . .

И голос из тринадцатого года

Опять кричит: я здесь, я снова твой...
Мне ни к чему ни слава, ни свобода,
Я слишком знаю... но молчит природа,
И сыростью пахнуло гробовой.

1958
Комарово

565

От меня, как от той графини,
Шел по лесенке винтовой,
Чтоб увидеть рассветный, синий,
Страшный час над страшной Невой.

1958 (?)

566

Непогребенных всех — я хоронила их,
Я всех оплакала, а кто меня оплачет?

1958 (?)

567

Недуг томит три месяца в постели,
И смерти я как будто не боюсь.
Случайной гостьей в этом страшном теле
Я, как сквозь сон, сама себе кажусь.

⟨1959⟩

568. НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Что отдал — то твое.
Шота Руставели

Из-под каких развалин говорю,
Из-под какого я кричу обвала,
Как в негашеной извести горю
Под сводами зловонного подвала.

Я притворюсь беззвучною зимой
И вечные навек захлопну двери,
И все-таки узнают голос мой,
И все-таки ему опять поверят.

13 января 1959
Ленинград

569. СКОРОСТЬ

Бедствие это не знает предела...
Ты, не имея ни духа, ни тела,
Коршуном злобным на мир налетела,
Всё исказила и всем овладела,
    И ничего не взяла.

8 августа 1959. Утро
Комарово

570. ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Сегодня я туда вернусь,
Где я была весной.
Я не горюю, не сержусь,
И только мрак со мной.
Как он глубок и бархатист,
Он всем всегда родной,
Как дерева летящий лист,
Как ветра одинокий свист
Над гладью ледяной.

12 октября 1959
Ордынка

571

Я давно не верю в телефоны,
В радио не верю, в телеграф.
У меня на всё свои законы
И, быть может, одичалый нрав.

Всякому зато могу присниться,
И не надо мне лететь на «Ту»,
Чтобы где попало очутиться,
Покорить любую высоту.

24 октября 1959
Кр⟨асная⟩ Конница
Ленинград

572. ТВОРЧЕСТВО

...говорит оно:

Я помню всё в одно и то же время,
Вселенную перед собой, как бремя
Нетрудное в протянутой руке,
Как дальний свет на дальнем маяке,
Несу, а в недрах тайно зреет семя
Грядущего...

14 ноября 1959
Ленинград

573. НАСЛЕДНИЦА

От сарскосельских лип...
Пушкин

Казалось мне, что песня спета
Средь этих опустелых зал.
О, кто бы мне тогда сказал,
Что я наследую всё это:
Фелицу, лебедя, мосты,
И все китайские затеи,
Дворца сквозные галереи
И липы дивной красоты.
И даже собственную тень,
Всю искаженную от страха,
И покаянную рубаху,
И замогильную сирень.

20 ноября 1959
Ленинград

574

Что нам разлука? — Лихая забава,
Беды скучают без нас.
Спьяну ли ввалится в горницу слава,
Бьет ли тринадцатый час?
Или забыты, забиты, за. . . кто там
Так научился стучать?
Вот и идти мне обратно к воротам
Новое горе встречать.

1959

575

Хвалы эти мне не по чину,
И Сафо совсем ни при чем,
Я знаю другую причину,
О ней мы с тобой не прочтем.
Пусть кто-то спасается бегством,
Другие кивают из ниш,
Стихи эти были с подтекстом
Таким, что как в бездну глядишь.
А бездна та манит и тянет,
И ввек не доищешься дна,
И ввек говорить не устанет
Пустая ее тишина.

1959 (?)

576. ИЗ НАБРОСКОВ

Даль рухнула, и пошатнулось время,
Бес скорости стал пяткою на темя
Великих гор и повернул поток,
Отравленным в земле лежало семя,
Отравленный бежал по стеблям сок.
Людское мощно вымирало племя,
Но знали все, что очень близок срок.

1950-е годы

577

Чей-то голос звучит у крыльца
И по имени нас окликает,
И в ответ ему в темном углу
В мути зеркала что-то мигнуло
И, шутя, золотую иглу
Прямо в сердце мое окунуло.

29 марта 1960
Москва

578

И это могла, и то бы могла,
А сама, как береза в поле, легла,
И кругом лишь седая мгла.

1960

579. ПАМЯТИ АНТЫ

Пусть это даже из другого цикла...
Мне видится улыбка ясных глаз,
И «умерла» так жалостно проникло
К прозванью милому, как будто первый раз
　　　　Я слышала его.

1960

580

И анютиных глазок стая
Бархатистый хранит силуэт —
Это бабочки, улетая,
Им оставили свой портрет.
Ты — другое... Ты б постыдился
Быть, где слезы живут и страх,
И случайно сам отразился
В двух зеленых пустых зеркалах.

3 июня 1961
Комарово

581

Угощу под заветнейшим кленом
Я беседой тебя не простой —
Тишиною с серебряным звоном
И колодезной чистой водой, —
И не надо страдальческим стоном
Отвечать... Я согласна, — постой, —
В этом сумраке темно-зеленом
Был предчувствий таинственный зной.

1961
Комарово

582. СЛУШАЯ ПЕНИЕ

Женский голос как ветер несется,
Черным кажется, влажным, ночным,
И чего на лету ни коснется —
Всё становится сразу иным.
Заливает алмазным сияньем,
Где-то что-то на миг серебрит
И загадочным одеяньем
Небывалых шелков шелестит.
И такая могучая сила
Зачарованный голос влечет,
Будто там впереди не могила,
А таинственной лестницы взлет.

19 декабря 1961 (Никола Зимний)
Больница им. Ленина
(Вишневская пела «Бразильскую бдовиану» или «бахиану»)

583

Прав, что не взял меня с собой
И не назвал своей подругой.
Я стала песней и судьбой,
Ночной бессонницей и вьюгой.
. . . .

Меня бы не узнали вы
На пригородном полустанке
В той молодящейся, увы,
И деловитой парижанке.

1961 (?)
Комарово

584. ПОЧТИ В АЛЬБОМ

...и третье, что нами владеет всегда
И кажется призрачным раем...
Чувство оно или просто беда —
Мы никогда не знаем.
Может быть, где-нибудь вместе живем,
Бродим по мягкому лугу,
Здесь мы помыслить не можем о том,
Чтобы присниться друг другу.

12 июня 1962
Ленинград

585. ВЫХОД КНИГИ

(Из цикла «Тайны ремесла»)

Тот день всегда необычаен.
Скрывая скуку, горечь, злость,
Поэт — приветливый хозяин,
Читатель — благосклонный гость.

Один ведет гостей в хоромы,
Другой — под своды шалаша,
А третий — прямо в ночь истомы,
Моим — и дыба хороша.

Зачем, какие и откуда
И по дороге в никуда,
Что их влечет — какое чудо,
Какая черная звезда?

Но всем им несомненно ясно,
Каких за это ждать наград,
Что оставаться здесь опасно,
Что это не Эдемский сад.

А вот поди ж! Опять нахлынут,
И этот час неотвратим...
И мимоходом сердце вынут
Глухим сочувствием своим.

13 августа 1962 (днем)
Комарово

586. ЕЩЕ ОБ ЭТОМ ЛЕТЕ

Отрывок

И требовала, чтоб кусты
Участвовали в бреде,
Всех я любила, кто не ты
И кто ко мне не едет...
Я говорила облакам:
«Ну, ладно, ладно, по рукам».
А облака — ни слова,
И ливень льется снова.
И в августе зацвел жасмин,
И в сентябре — шиповник,
И ты приснился мне — один
Всех бед моих виновник.

Осень 1962
Комарово

587. ЧЕРЕЗ 23 ГОДА

Я гашу те заветные свечи,
Мой окончен волшебный вечер, —
Палачи, самозванцы, предтечи
И, увы, прокурорские речи,
Всё уходит — мне снишься ты.
Доплясавший свое пред ковчегом,
За дождем, за ветром, за снегом

Тень твоя над бессмертным брегом,
Голос твой из недр темноты.

И по имени! Как неустанно
Вслух зовешь меня снова... «Анна!»
Говоришь мне, как прежде, — «Ты».

13 мая 1963
Комарово
Холодно, сыро, мелкий дождь

588. ПОЛНОЧНЫЕ СТИХИ

ВСТУПЛЕНИЕ

Если бы брызги стекла,
что когда-то звеня разметались,
Снова срослись — вот бы что
в них уцелело теперь.

20 августа 1963
Будка

589

И было этим летом так отрадно
Мне отвыкать от собственных имен
В той тишине почти что виноградной
И в яви, отработанной под сон.

И музыка со мной покой делила,
Сговорчивей нет в мире никого.
Она меня нередко уводила
К концу существованья моего.

И возвращалась я одна оттуда,
И точно знала, что в последний раз
Несу с собой, как ощущенье чуда,
Что . . .

21 августа 1963. Утро
Будка

590. ПЯТАЯ РОЗА

Дм. Б-ву

1

Звалась Soleil * ты или Чайной
И чем еще могла ты быть,
Но стала столь необычайной,
Что не хочу тебя забыть.

2

Ты призрачным сияла светом,
Напоминая райский сад,
Быть и петрарковским сонетом
Могла, и лучшей из сонат.

3

И губы мы в тебе омочим,
А ты мой дом благослови,
Ты как любовь была... Но, впрочем,
Тут дело вовсе не в любви.

Нач. 3 августа (полдень),
под «Венгерский дивертисмент» Шуберта
Оконч. 30 сентября 1963. Будка

591

Всё в Москве пропитано стихами,
Рифмами проколото насквозь.
Пусть безмолвие царит над нами,
Пусть мы с рифмой поселимся врозь,
Пусть молчанье будет тайным знаком
Тех, кто с вами, а казался мной,
Вы ж соединитесь тайным браком
С девственной горчайшей тишиной,

* Солнце (франц.). — *Ред.*

Что во тьме гранит подземный точит
И волшебный замыкает круг,
А в ночи над ухом смерть пророчит,
Заглушая самый громкий звук.

1963
Москва

592

Я играю в ту самую игру,
От которой я и умру.
Но лучшего ты мне придумать не мог,
Зачем же такой переполох?

17 декабря 1963

593

Rosa moretur. *
Hor. l. I, посл. ода

Ты — верно, чей-то муж и ты любовник чей-то,
В шкатулке без тебя еще довольно тем,
И просит целый день божественная флейта
Ей подарить слова, чтоб льнули б к звукам тем.
И загляделась я не на тебя совсем,
Но сколько предо мной ночных аллей-то,
И сколько в сентябре прощальных хризантем.
. . . .
Пусть всё сказал Шекспир, милее мне Гораций,
Он сладость бытия таинственно постиг...
А ты поймал одну из сотых интонаций,
И всё недолжное случилось в тот же миг.

1963 (?)

* Роза еще медлит. Гораций, кн. 1 (лат.). — *Ред.*

594. ИЗ БОЛЬШОЙ ИСПОВЕДИ

Я званье то приобрела
За сотни преступлений,
Живым изменницей была,
И верной — только тени.

1963 (?)

595. В СОЧЕЛЬНИК (24 ДЕКАБРЯ)
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ В РИМЕ

Заключенье небывшего цикла
Часто сердцу труднее всего,
Я от многого в жизни отвыкла,
Мне не нужно почти ничего, —

Для меня комаровские сосны
На своих языках говорят
И совсем как отдельные весны
В лужах, выпивших небо, — стоят.

1964

596. ИЗ «ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ»
СТИХИ НА СЛУЧАЙ

Светает — это Страшный суд.
И встреча горестней разлуки.
Там мертвой славе отдадут
Меня — твои живые руки.

Декабрь 1964

597. ИЗ ИТАЛЬЯНСКОГО ДНЕВНИКА
(МЭЧЕЛЛИ)

Мы по ошибке встретили год —
Это не тот, не тот, не тот...
Что мы наделали, боже, с тобой,
С кем еще мы поменялись судьбой?

Лучше б нас не было на земле,
Лучше б мы были в небесном кремле,
Летели, как птицы, цвели, как цветы,
Но всё равно были — я и ты.

Декабрь 1964

598

Так уж глаза опускали,
Бросив цветы на кровать,
Так до конца и не знали,
Как нам друг друга назвать.
Так до конца и не смели
Имя произнести,
Словно замедлив у цели
Сказочного пути.

Февраль 1965
Москва

599. ОТРЫВОК

Так вот где ты скитаться должна,
Тень от тени, чужая невеста!
Неужели же ты не нашла
Для прогулок отраднее места?
Эти пашни припудрив чуть-чуть,
Здесь предзимье уже побродило,
Дали все в непроглядную муть
Ненароком оно превратило.
Разве плохо казалось тебе
У зеленого темного моря,
Что, покорствуя страшной судьбе,
Ты пошла на такое, не споря?
Ты, запретнейшая из роз,
Ты, на царство венчанная дважды,
Здесь убьет тебя первый мороз.
. . . .
Набок съехавший куполок,
Лужи, гуси и поезда звуки.

А сожженный луной тополек
Тянет к небу распятые руки

. . . .

Звезд загадочные изумруды,
Ржавой прелой душистой листвы
Под ногою шуршащие груды.

. . . .

. . . .

Но молчит, заколдована, тень,
Мне ни слова не отвечает.

600

На стеклах нарастает лед.
Часы твердят: «Не трусь!»
Услышать, что ко мне идет,
И мертвой я боюсь.

Как идола, молю я дверь:
«Не пропускай беду!»
Кто воет за стеной, как зверь,
Что прячется в саду?

601. ПЕСЕНКА

А ведь мы с тобой
Не любилися,
Только всем тогда
Поделилися.
Тебе — белый свет,
Пути вольные,
Тебе зорюшки
Колокольные.
А мне ватничек
И ушаночку.
Не жалей меня,
Каторжаночку.

602

Мы до того отравлены друг другом,
Что можно и погибнуть невзначай,
Мы черным унизительным недугом
Наш называем несравненный рай.
В нем всё уже прильнуло к преступленью —
К какому, боже милостив, прости,
Что вопреки всевышнему терпенью
Скрестились два запретные пути.
Ее несем мы, как святой вериги,
Глядим в нее, как в адский водоем.
Всего страшнее, что две дивных книги
Возникнут и расскажут всем о всём.

603

Я подымаю трубку — я называю имя,
Мне отвечает голос — какого на свете нет...
Я не так одинока, проходит тот смертный холод,
Тускло вокруг струится, едва голубея, свет.
Я говорю: «О боже, нет, нет, я совсем не верю,
Что будет такая встреча в эфире двух голосов».
И ты отвечаешь: «Долго ж ты помнишь свою потерю,
Я даже в смерти услышу твой, ангел мой, дальний зов».
. . . .
Похолодев от страха, свой собственный слышу стон.

604

Еще говорящую трубку
Она положила обратно,
И ей эта жизнь показалась
И незаслуженно долгой,
И очень заслуженно — горькой
И будто чужою. Увы!
И разговор телефонный...

605

Нет, ни в шахматы, ни в теннис...
То, во что с тобой играю,
Называют по-другому,
Если нужно называть...

Ни разлукой, ни свиданьем,
Ни беседой, ни молчаньем...
И от этого немного
Холодеет кровь твоя.

Москва

606

Отпусти меня хоть на минуту,
Хоть для смеха или просто так,
Чтоб не думать, что досталась спруту
И кругом морской полночный мрак.
Знаю, как твое иссохло горло,
Как обуглен, как не дышит рот,
И какая ночь крыла простерла
И томится у твоих ворот.

607

И странный спутник был мне послан адом.
Гость из невероятной пустоты,
Казалось, под его недвижным взглядом
Замолкли птицы, умерли цветы.
В нем смерть цвела какой-то жизнью черной.
Безумие и мудрость были в нем тлетворны.

608

Пусть даже вылета мне нет
Из стаи лебединой...
Увы! лирический поэт
Обязан быть мужчиной,
Иначе всё пойдет вверх дном
До часа расставанья —
И сад — не сад, и дом — не дом,
Свиданье — не свиданье.

609

Оставь, и я была как все,
И хуже всех была,
Купалась я в чужой росе,
И пряталась в чужом овсе,
В чужой траве спала.

610

...За ландышевый май
В моей Москве стоглавой
Отдам я звездных стай
Сияние и славу.

611

Мир не ведал такой нищеты,
Существа он не знает бесправней,
Даже ветер со мною на ты
Там, за той оборвавшейся ставней.

612

А я иду, где ничего не надо,
Где самый милый спутник — только тень,
И веет ветер из глухого сада,
А под ногой холодная ступень.

613

Глаза безумные твои
И ледяные речи,
И объяснение в любви
Еще до первой встречи.

614

Сколько б другой мне ни выдумал пыток,
Верной ему не была.
А ревность твою, как волшебный напиток,
Не отрываясь, пила.

615

Любовь всех раньше станет смертным прахом,
Смирится гордость, и умолкнет лесть.
Отчаянье, приправленное страхом,
Почти что невозможно перенесть.

616

Мы не встречаться больше научились,
Не подымаем друг на друга глаз,
Но даже сами бы не поручились
За то, что с нами будет через час.

617

Уходи опять в ночные чащи,
    Там поет бродяга соловей,
Слаще меда, земляники слаще,
    Даже слаще ревности моей.

618

Там оперный еще томится Зибель
И заклинает милые цветы,
А здесь уже вошла хозяйкой — гибель,
И эта гибель — это тоже ты.

619

Как! Только десять лет, ты шутишь, боже мой!
О, как ты рано возвратился.
Я вовсе не ждала — ты так со мной простился
Какой-то странной и чужой зимой.

620

И черной музыки безумное лицо
На миг появится и скроется во мраке,
Но я разобрала таинственные знаки
И черное мое опять ношу кольцо.

621

И яростным вином блудодеянья
Они уже упились до конца.
Им чистой правды не видать лица
И слезного не ведать покаянья.

622

Кто его сюда прислал
Сразу изо всех зеркал?

623

А как музыка зазвучала
И очнулась вокруг зима,
Стало ясно, что у причала
Государыня — смерть сама.

624

И в недрах музыки я не нашла ответа,
И снова тишина, и снова призрак лета.

625

. . .что с кровью рифмуется,
кровь отравляет
и самой кровавою в мире бывает.

626

Не давай мне ничего на память:
Знаю я, как память коротка.

627

Молитесь на ночь, чтобы вам
Вдруг не проснуться знаменитым.

ЭПИЧЕСКИЕ И ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ

628. ИЗ ПРАПОЭМЫ

> В городе райского ключаря,
> В городе мертвого царя.

И в черном саду между древних лип
Мне мачт корабельных слышен скрип.
Вольно я выбрала дивный град,
Жаркое сердце земных отрад,
И всё мне казалось, что в раю
Я песню последнюю пою.

1916—1917 (?)

629—631. *ЭПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ*

> Я пою, и лес зеленеет.
>
> *Б. А.*

1

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещенье — Анна,
Сладчайшее для губ людских и слуха.
Так дивно знала я земную радость
И праздников считала не двенадцать,
А столько, сколько было дней в году.
Я, тайному велению покорна,
Товарища свободного избрав,
Любила только солнце и деревья.
Однажды поздним летом иностранку
Я встретила в лукавый час зари,
И вместе мы купались в теплом море.

Ее одежда странной мне казалась,
Еще страннее — губы, а слова —
Как звезды падали сентябрьской ночью.
И, стройная, меня учила плавать,
Одной рукой поддерживая тело
Неопытное на тугих волнах.
И часто, стоя в голубой воде,
Она со мной неспешно говорила,
И мне казалось, что вершины леса
Слегка шумят, или хрустит песок,
Иль голосом серебряным волынка
Вдали поет о вечере разлук.
Но слов ее я помнить не могла
И часто ночью с болью просыпалась.
Мне чудился полуоткрытый рот,
Ее глаза и гладкая прическа.
Как вестника небесного, молила
Я девушку печальную тогда:
«Скажи, скажи, зачем угасла память,
И, так томительно лаская слух,
Ты отняла блаженство повторенья?..»
И только раз, когда я виноград
В плетеную корзинку собирала,
А смуглая сидела на траве,
Глаза закрыв и распустивши косы,
И томною была и утомленной
От запаха тяжелых синих ягод
И пряного дыханья дикой мяты, —
Она слова чудесные вложила
В сокровищницу памяти моей.
И, полную корзинку уронив,
Припала я к земле сухой и душной,
Как к милому, когда поет любовь.

Осень 1913

2

Покинув рощи родины священной
И дом, где Муза Плача изнывала,
Я, тихая, веселая, жила
На низком острове, который, словно плот,
Остановился в пышной невской дельте.

О, зимние таинственные дни,
И милый труд, и легкая усталость,
И розы в умывальном кувшине!
Был переулок снежным и недлинным.
И против двери к нам стеной алтарной
Воздвигнут храм Святой Екатерины.
Как рано я из дома выходила,
И часто по нетронутому снегу,
Свои следы вчерашние напрасно
На бледной, чистой пелене ища,
И вдоль реки, где шхуны, как голубки,
Друг к другу нежно-нежно прижимаясь,
О сером взморье до весны тоскуют, —
Я подходила к старому мосту.
Там комната, похожая на клетку,
Под самой крышей в грязном, шумном доме,
Где он, как чиж, свистал перед мольбертом
И жаловался весело, и грустно
О радости небывшей говорил.
Как в зеркало глядела я тревожно
На серый холст, и с каждою неделей
Всё горше и страннее было сходство
Мое с моим изображеньем новым.
Теперь не знаю, где художник милый,
С которым я из голубой мансарды
Через окно на крышу выходила
И по карнизу шла над смертной бездной,
Чтоб видеть снег, Неву и облака, —
Но чувствую, что Музы наши дружны
Беспечной и пленительною дружбой,
Как девушки, не знавшие любви.

3

Смеркается, и в небе темно-синем,
Где так недавно храм Ерусалимский
Таинственным сиял великолепьем,
Лишь две звезды над путаницей веток,
И снег летит откуда-то не сверху,
А словно подымается с земли,
Ленивый, ласковый и осторожный.
Мне странною в тот день была прогулка.

Когда я вышла, ослепил меня
Прозрачный отблеск на вещах и лицах,
Как будто всюду лепестки лежали
Тех желто-розовых, некрупных роз,
Название которых я забыла.
Безветренный, сухой, морозный воздух
Так каждый звук лелеял и хранил,
Что мнилось мне: молчанья не бывает.
И на мосту, сквозь ржавые перила
Просовывая руки в рукавичках,
Кормили дети пестрых жадных уток,
Что кувыркались в проруби чернильной.
И я подумала: не может быть,
Чтоб я когда-нибудь забыла это.
И если трудный путь мне предстоит,
Вот легкий груз, который мне под силу
С собою взять, чтоб в старости, в болезни,
Быть может, в нищете — припоминать
Закат неистовый, и полноту
Душевных сил, и прелесть милой жизни.

1914—1916

632. ОТРЫВКИ ИЗ ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ ПОЭМЫ «РУССКИЙ ТРИАНОН»

В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ ПАРКЕ

1

В тени елизаветинских боскетов
Гуляют пушкинских красавиц внучки,
Все в скромных канотье, в тугих корсетах,
И держат зонтик сморщенные ручки.
Мопс на цепочке, в сумочке драже,
И компаньонка с Жип или Бурже.

2

Как я люблю пологий склон зимы,
Ее огни, и мраки, и истому,

Сухого снега круглые холмы
И чувство, что вовек не будешь дома.
Черна вдали рождественская ель,
Кричит ворона, кончилась метель.

3

И рушилась твердыня Эрзерума,
Кровь заливала горло Дарданелл,
Но в этом парке не слыхали шума,
Хор за обедней там прекрасно пел;
Но в этом парке мрачно и угрюмо
Сияет месяц, снег алмазно бел.

4

Прикинувшись солдаткой, выло горе,
Как конь, вставал дредноут на дыбы,
И ледяные пенные столбы
Взбешенное выбрасывало море —
До звезд нетленных — из груди своей,
И не считали умерших людей.

. . . .

На Белой башне дремлет пулемет,
Вокруг дворца — гусарские разъезды,
Внимательные северные звезды
(Совсем не те, что будут через год),
Прищурившись, глядят в окно Лицея,
Где тень Его над томом Апулея.

1925—1935. 1940

633. НА СМОЛЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ

А все, кого я на земле застала,
Вы, века прошлого дряхлеющий посев!

. . . .

Вот здесь кончалось всё: обеды у Донона,
Интриги и чины, балет, текущий счет...
На ветхом цоколе — дворянская корона
И ржавый ангелок сухие слезы льет.

Восток еще лежал непознанным пространством
И громыхал вдали, как грозный вражий стан,
А с Запада несло викторианским чванством,
Летели конфетти и подвывал канкан.

1942
Дюрмень

634—639. *СЕВЕРНЫЕ ЭЛЕГИИ*

Всё в жертву памяти твоей...
Пушкин

‹1›

ПЕРВАЯ
ПРЕДЫСТОРИЯ

Я теперь живу не там...
Пушкин

Россия Достоевского. Луна
Почти на четверть скрыта колокольней.
Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным.
Везде танцклассы, вывески менял,
А рядом: «Henriette», «Basile», «André»
И пышные гроба: «Шумилов-старший».
Но, впрочем, город мало изменился.
Не я одна, но и другие тоже
Заметили, что он подчас умеет
Казаться литографией старинной,
Не первоклассной, но вполне пристойной,
Семидесятых, кажется, годов.
Особенно зимой, перед рассветом
Иль в сумерки — тогда за воротами
Темнеет жесткий и прямой Литейный,
Еще не опозоренный модерном,
И визави меня живут — Некрасов
И Салтыков... Обоим по доске
Мемориальной. О, как было б страшно
Им видеть эти доски! Прохожу.
А в Старой Руссе пышные канавы,
И в садиках подгнившие беседки,

И стекла окон так черны, как прорубь,
И мнится, там такое приключилось,
Что лучше не заглядывать, уйдем.
Не с каждым местом сговориться можно,
Чтобы оно свою открыло тайну
(А в Оптиной мне больше не бывать...).

Шуршанье юбок, клетчатые пледы,
Ореховые рамы у зеркал,
Каренинской красою изумленных,
И в коридорах узких те обои,
Которыми мы любовались в детстве,
Под желтой керосиновою лампой,
И тот же плюш на креслах...
        Всё разночинно, наспех, как-нибудь...
        Отцы и деды непонятны. Земли
        Заложены. И в Бадене — рулетка.

И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила, —
Ненужный дар моей жестокой жизни...

Страну знобит, а омский каторжанин
Всё понял и на всем поставил крест.
Вот он сейчас перемешает всё
И сам над первозданным беспорядком,
Как некий дух, взнесется. Полночь бьет.
Перо скрипит, и многие страницы
Семеновским припахивают плацем.

Так вот когда мы вздумали родиться
И, безошибочно отмерив время,
Чтоб ничего не пропустить из зрелищ
Невиданных, простились с небытьем.

3 сентября 1940
Ленинград
Октябрь 1943
Ташкент

‹2›

ВТОРАЯ

Так вот он — тот осенний пейзаж,
Которого я так всю жизнь боялась:
И небо — как пылающая бездна,
И звуки города — как с того света
Услышанные, чуждые навеки,
Как будто всё, с чем я внутри себя
Всю жизнь боролась, получило жизнь
Отдельную и воплотилось в эти
Слепые стены, в этот черный сад...
А в ту минуту за плечом моим
Мой бывший дом еще следил за мною
Прищуренным, неблагосклонным оком,
Тем навсегда мне памятным окном.
Пятнадцать лет — пятнадцатью веками
Гранитными как будто притворились,
Но и сама была я как гранит:
Теперь моли, терзайся, называй
Морской царевной. Всё равно. Не надо...
Но надо было мне себя уверить,
Что это всё случалось много раз,
И не со мной одной — с другими тоже,
И даже хуже. Нет, не хуже — лучше.
И голос мой — и это, верно, было
Всего страшней — сказал из темноты:
«Пятнадцать лет назад какой ты песней
Встречала этот день, ты небеса,
И хоры звезд, и хоры вод молила
Приветствовать торжественную встречу
С тем, от кого сегодня ты ушла...

Так вот твоя серебряная свадьба:
Зови ж гостей, красуйся, торжествуй!»

Март 1942
Ташкент

‹3›

ТРЕТЬЯ

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.
О, как я много зрелищ пропустила,
И занавес вздымался без меня
И так же падал. Сколько я друзей
Своих ни разу в жизни не встречала,
И сколько очертаний городов
Из глаз моих могли бы вызвать слезы,
А я один на свете город знаю
И ощупью его во сне найду.
И сколько я стихов не написала,
И тайный хор их бродит вкруг меня,
И, может быть, еще когда-нибудь
Меня задушит...
Мне ведомы начала и концы,
И жизнь после конца, и что-то,
О чем теперь не надо вспоминать.
И женщина какая-то мое
Единственное место заняла,
Мое законнейшее имя носит,
Оставивши мне кличку, из которой
Я сделала, пожалуй, всё, что можно.
Я не в свою, увы, могилу лягу.
. . . .
Но если бы откуда-то взглянула
Я на свою теперешнюю жизнь,
Узнала бы я зависть наконец...

2 сентября 1945
Ленинград

‹4›

ЧЕТВЕРТАЯ

Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая — как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным,
И тело в их блаженствует тени.

Еще не замер смех, струятся слезы,
Пятно чернил не стерто со стола, —
И, как печать на сердце, поцелуй,
Единственный, прощальный, незабвенный...
Но это продолжается недолго...
Уже не свод над головой, а где-то
В глухом предместье дом уединенный,
Где холодно зимой, а летом жарко,
Где есть паук и пыль на всем лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,
Куда как на могилу ходят люди,
А возвратившись, моют руки мылом,
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век — и тяжело вздыхают...
Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.
И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединенный,
И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там всё другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает — мы чужие.
Мы не туда попали... Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не могли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни,
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,
Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку бог послал,
Прекрасно обошлись без нас — и даже
Всё к лучшему...

5 февраля 1945
Ленинград

⟨ДОПОЛНЕНИЯ⟩

⟨5⟩

⟨О ДЕСЯТЫХ ГОДАХ⟩

И никакого розового детства...
Веснушечек, и мишек, и кудряшек,
И добрых теть, и страшных дядь, и даже
Приятелей средь камешков речных.
Себе самой я с самого начала
То чьим-то сном казалась или бредом,
Иль отраженьем в зеркале чужом,
Без имени, без плоти, без причины.
Уже я знала список преступлений,
Которые должна я совершить.
И вот я, лунатически ступая,
Вступила в жизнь и испугала жизнь:
Она передо мною стлалась лугом,
Где некогда гуляла Прозерпина,
Передо мной, безродной, неумелой,
Открылись неожиданные двери,
И выходили люди, и кричали:
«Она пришла, она пришла сама!»
А я на них глядела с изумленьем
И думала: «Они с ума сошли!»
И чем сильней они меня хвалили,
Чем мной сильнее люди восхищались,
Тем мне страшнее было в мире жить
И тем сильней хотелось пробудиться,
И знала я, что заплачу сторицей
В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме,
Везде, где просыпаться надлежит
Таким, как я, — но длилась пытка счастьем.

4 июля 1955
Москва

⟨6⟩

В том доме было очень страшно жить,
И ни камина свет патриархальный,
Ни колыбелька моего ребенка,

Ни то, что оба молоды мы были
И замыслов исполнены...
Не уменьшало это чувство страха.
И я над ним смеяться научилась,
И оставляла капельку вина
И крошки хлеба для того, кто ночью
Собакою царапался у двери
Иль в низкое заглядывал окошко,
В то время как мы, замолчав, старались
Не видеть, что творится в зазеркалье,
Под чьими тяжеленными шагами
Стонали темной лестницы ступени,
Как о пощаде жалостно моля.
И говорил ты, странно улыбаясь:
«Кого *они* по лестнице несут?»

Теперь ты там, где знают всё, скажи:
Что в этом доме жило кроме нас?

1921
Царское Село

640—645. *ИЗ ПЬЕСЫ «ПРОЛОГ»*

‹1›

Говорит она:

Никого нет в мире бесприютней
И бездомнее, наверно, нет.
Для тебя я словно голос лютни
Сквозь загробный призрачный рассвет.
Ты с собой научишься бороться,
Ты, проникший в мой последний сон.
Проклинай же снова скрип колодца,
Шорох сосен, черный грай ворон,
Землю, по которой я ступала,
Желтую звезду в моем окне,
То, чем я была и чем я стала,
И тот час, когда тебе сказала,
Что ты, кажется, приснился мне.
И в дыхании твоих проклятий
Мне иные чудятся слова:

Те, что туже и хмельней объятий,
А нежны, как первая трава.

‹2›

Говорит он:

Будь ты трижды ангелов прелестней,
Будь родной сестрой заречных ив,
Я убью тебя моею песней,
Кровь твою на землю не пролив.
Я рукой своей тебя не трону,
Не взглянув ни разу, разлюблю,
Но твоим невероятным стоном
Жажду наконец я утолю.
Ту, что до меня блуждала в мире,
Льда суровей, огненней огня,
Ту, что и сейчас стоит в эфире, —
От нее освободишь меня.

‹3›

Слышно издали:

Лаской страшишь, оскорбляешь мольбой,
    Входишь без стука.
Всё наслаждением будет с тобой —
    Даже разлука.
Пусть разольется в зловещей судьбе
    Алая пена,
Но прозвучит как присяга тебе
    Даже измена...
Той, что познала и ужас и честь
    Жизни загробной...
Имя твое мне сейчас произнесть —
    Смерти подобно.

‹4›

Песенка слепого:

Не бери сама себя за руку...
Не веди сама себя за реку...
На себя пальцем не показывай...
Про себя сказку не рассказывай...
    Идешь, идешь — и споткнешься.

⟨ДОПОЛНЕНИЯ⟩

⟨5⟩

Первый:

Мы запретное вкусили знанье,
И в бездонных пропастях сознанья
Чем прозрачней, тем страшнее зданья,
И уже сквозит последний час...

Второй:

И уже грохочет дальний гром...
А та, кого мы музыкой зовем
За неименьем лучшего названья,
Спасет ли нас?

1946

⟨6⟩

Говорит он:

Оттого, что я делил с тобою
Первозданный мрак,
Чьей бы ты ни сделалась женою,
Продолжался (я теперь не скрою)
Наш преступный брак.
Мы его скрывали друг от друга,
От себя, от бога, от конца,
Помня место дантовского круга,
Словно лавр победного венца.

1963

ПОЭМЫ

646. У САМОГО МОРЯ

1

Бухты изрезали низкий берег,
Все паруса убежали в море,
А я сушила соленую косу
За версту от земли на плоском камне.
Ко мне приплывала зеленая рыба,
Ко мне прилетала белая чайка,
А я была дерзкой, злой и веселой
И вовсе не знала, что это — счастье.
В песок зарывала желтое платье,
Чтоб ветер не сдул, не унес бродяга,
И уплывала далеко в море,
На темных, теплых волнах лежала.
Когда возвращалась, маяк с востока
Уже сиял переменным светом,
И мне монах у ворот Херсонеса
Говорил: «Что ты бродишь ночью?»

Знали соседи — я чую воду,
И если рыли новый колодец,
Звали меня, чтоб нашла я место
И люди напрасно не трудились.
Я собирала французские пули,
Как собирают грибы и чернику,
И приносила домой в подоле
Осколки ржавые бомб тяжелых.
И говорила сестре сердито:

«Когда я стану царицей,
Выстрою шесть броненосцев
И шесть канонерских лодок,
Чтобы бухты мои охраняли
До самого Фиолента».
А вечером перед кроватью
Молилась темной иконке,
Чтоб град не побил черешен,
Чтоб крупная рыба ловилась
И чтобы хитрый бродяга
Не заметил желтого платья.

Я с рыбаками дружбу водила.
Под опрокинутой лодкой часто
Во время ливня с ними сидела,
Про море слушала, запоминала,
Каждому слову тайно веря.
И очень ко мне рыбаки привыкли.
Если меня на пристани нету,
Старший за мною слал девчонку,
И та кричала: «Наши вернулись!
Нынче мы камбалу жарить будем».

Сероглаз был высокий мальчик,
На полгода меня моложе.
Он принес мне белые розы,
Мускатные белые розы,
И спросил меня кротко: «Можно
С тобой посидеть на камнях?»
Я смеялась: «На что мне розы?
Только колются больно!» — «Что же, —
Он ответил, — тогда мне делать,
Если так я в тебя влюбился».
И мне стало обидно: «Глупый! —
Я спросила. — Что ты — царевич?»
Это был сероглазый мальчик,
На полгода меня моложе.
«Я хочу на тебе жениться, —
Он сказал, — скоро стану взрослым
И поеду с тобой на север...»
Заплакал высокий мальчик,

Оттого что я не хотела
Ни роз, ни ехать на север.

Плохо я его утешала:
«Подумай, я буду царицей,
На что мне такого мужа?»
— «Ну, тогда я стану монахом, —
Он сказал, — у вас в Херсонесе».
— «Нет, не надо лучше: монахи
Только делают, что умирают.
Как придешь — одного хоронят,
А другие, знаешь, не плачут».

Ушел не простившись мальчик,
Унес мускатные розы,
И я его отпустила,
Не сказала: «Побудь со мною».
А тайная боль разлуки
Застонала белою чайкой
Над серой полынной степью,
Над пустынной, мертвой Корсунью.

2

Бухты изрезали низкий берег,
Дымное солнце упало в море.
Вышла цыганка из пещеры,
Пальцем меня к себе поманила:
«Что ты, красавица, ходишь боса?
Скоро веселой, богатой станешь.
Знатного гостя жди до Пасхи,
Знатному гостю кланяться будешь;
Ни красотой твоей, ни любовью,
Песней одною гостя приманишь».
Я отдала цыганке цепочку
И золотой крестильный крестик.
Думала радостно: «Вот он, милый,
Первую весть о себе мне подал».

Но от тревоги я разлюбила
Все мои бухты и пещеры;

Я в камыше гадюк не пугала,
Крабов на ужин не приносила,
А уходила по южной балке
За виноградники в каменоломню, —
Туда не короткой была дорога.
И часто случалось, что хозяйка
Хутора нового мне кивала,
Кликала издали: «Что не заходишь?
Все говорят — ты приносишь счастье».
Я отвечала: «Приносят счастье
Только подковы да новый месяц,
Если он справа в глаза посмотрит».
В комнаты я входить не любила.

Дули с востока сухие ветры,
Падали с неба крупные звезды,
В нижней церкви служили молебны
О моряках, уходящих в море,
И заплывали в бухту медузы —
Словно звезды, упавшие за ночь,
Глубоко под водой голубели.
Как журавли курлыкают в небе,
Как беспокойно трещат цикады,
Как о печали поет солдатка —
Всё я запомнила чутким слухом,
Да только песни такой не знала,
Чтобы царевич со мной остался.
Девушка стала мне часто сниться,
В узких браслетах, в коротком платье,
С дудочкой белой в руках прохладных.
Сядет спокойная, долго смотрит,
И о печали моей не спросит,
И о печали своей не скажет,
Только плечо мое нежно гладит.
Как же царевич меня узнает,
Разве он помнит мои приметы?
Кто ему дом наш старый укажет?
Дом наш совсем вдали от дороги.

Осень сменилась зимой дождливой,
В комнате белой от окон дуло;
И плющ мотался по стенке сада.

Приходили на двор чужие собаки,
Под окошком моим до рассвета выли.
Трудное время для сердца было.
Так я шептала, на двери глядя:
«Боже, мы мудро царствовать будем,
Строить над морем большие церкви
И маяки высокие строить.
Будем беречь мы воду и землю,
Мы никого обижать не станем».

3

Вдруг подобрело темное море,
Ласточки в гнезда свои вернулись,
И сделалась красной земля от маков,
И весело стало опять на взморье.
За ночь одну наступило лето, —
Так мы весны и не видали.
И я совсем перестала бояться,
Что новая доля минет.
А вечером в вербную субботу,
Из церкви придя, я сестре сказала:
«На тебе свечку мою и четки,
Библию нашу дома оставлю.
Через неделю настанет Пасха,
И мне давно пора собираться, —
Верно, царевич уже в дороге,
Морем за мной он сюда приедет».
Молча сестра на слова дивилась,
Только вздохнула, — помнила, верно,
Речи цыганкины у пещеры.
«Он привезет тебе ожерелье
И с голубыми камнями кольца?»
— «Нет, — я сказала, — мы не знаем,
Какой он подарок мне готовит».

Были мы с сестрой однолетки,
И так друг на друга похожи,
Что маленьких нас различала
Только по родинкам наша мама.
С детства сестра ходить не умела,
Как восковая кукла лежала;

Ни на кого она не сердилась
И вышивала плащаницу.
Бредила даже во сне работой;
Слышала я, как она шептала:
«Плащ Богородицы будет синим...
Боже, апостолу Иоанну
Жемчужин для слез достать мне негде...»
Дворик зарос лебедой и мятой,
Ослик щипал траву у калитки,
И на соломенном длинном кресле
Лена лежала, раскинув руки,
Всё о работе своей скучала, —
В праздник такой грешно трудиться.
И приносил к нам соленый ветер
Из Херсонеса звон пасхальный.
Каждый удар отдавался в сердце,
С кровью по жилам растекался.
«Леночка, — я сестре сказала, —
Я ухожу сейчас на берег.
Если царевич за мной приедет,
Ты объясни ему дорогу.
Пусть он меня в степи нагонит,
Хочется на море мне сегодня».
— «Где же ты песенку услыхала,
Ту, что царевича приманит? —
Глаза приоткрыв, сестра спросила. —
В городе ты совсем не бываешь,
А здесь поют не такие песни».
К самому уху ее склонившись,
Я прошептала: «Знаешь, Лена,
Ведь я сама придумала песню,
Лучше которой нет на свете».
И не поверила мне, и долго,
Долго с упреком она молчала.

4

Солнце лежало на дне колодца,
Грелись на камнях сколопендры,
И убегало перекати-поле,
Словно паяц горбатый кривляясь,

А высоко взлетевшее небо,
Как богородицын плащ, синело, —
Прежде оно таким не бывало.
Легкие яхты с полдня гонялись,
Белых бездельниц столпилось много
У Константиновской батареи, —
Видно, им ветер нынче удобный.
Тихо пошла я вдоль бухты к мысу,
К черным, разломанным, острым скалам,
Пеной покрытым в часы прибоя,
И повторяла новую песню.
Знала я: с кем бы царевич ни был,
Слышит он голос мой, смутившись, —
И оттого мне каждое слово,
Как божий подарок, было мило.
Первая яхта не шла — летела,
И догоняла ее вторая,
А остальные едва виднелись.

Как я легла у воды — не помню,
Как задремала тогда — не знаю,
Только очнулась и вижу: парус
Влизко полощется. Передо мною,
По пояс стоя в воде прозрачной,
Шарит руками старик огромный
В щелях глубоких скал прибрежных,
Голосом хриплым зовет на помощь.
Громко я стала читать молитву,
Как меня маленькую учили,
Чтобы мне страшное не приснилось,
Чтоб в нашем доме бед не бывало.
Только я молвила: «Ты Хранитель!» —
Вижу — в руках старика белеет
Что-то, и сердце мое застыло...
Вынес моряк того, кто правил
Самой веселой, крылатой яхтой,
И положил на темные камни.

Долго я верить себе не смела,
Пальцы кусала, чтобы очнуться:
Смуглый и ласковый мой царевич
Тихо лежал и глядел на небо.

Эти глаза зеленее моря
И кипарисов наших темнее, —
Видела я, как они погасли...
Лучше бы мне родиться слепою.
Он застонал и невнятно крикнул:
«Ласточка, ласточка, как мне больно!»
Верно, я птицей ему показалась.

В сумерки я домой вернулась.
В комнате темной было тихо,
И над лампадкой стоял высокий,
Узкий малиновый огонечек.
«Не приходил за тобой царевич, —
Лена сказала, шаги услышав, —
Я прождала его до вечерни
И посылала детей на пристань».
— «Он никогда не придет за мною,
Он никогда не вернется, Лена.
Умер сегодня мой царевич».
Долго и часто сестра крестилась;
Вся повернувшись к стене, молчала.
Я догадалась, что Лена плачет.
Слышала я — над царевичем пели:
«Христос воскресе из мертвых», —
И несказанным светом сияла
Круглая церковь.

1914

647. ПУТЕМ ВСЕЯ ЗЕМЛИ

В санях сидя, отправляясь
путем всея земли...

Поучение
Владимира Мономаха детям

1

Прямо под ноги пулям,
Расталкивая года,
По январям и июлям
Я проберусь туда...
Никто не увидит ранку,
Крик не услышит мой,
Меня, китежанку,
Позвали домой.
И гнались за мною
Сто тысяч берез,
Стеклянной стеною
Струился мороз.
У давних пожарищ
Обугленный склад.
«Вот пропуск, товарищ,
Пустите назад...»
И воин спокойно
Отводит штык.
Как пышно и знойно
Тот остров возник!
И красная глина,
И яблочный сад...
Из аквамарина
Пылает закат.
Тропиночка круто
Взбиралась, дрожа.

Мне надо кому-то
Здесь руку пожать...
Но хриплой шарманки
Не слушаю стон.
Не тот китежанке
Послышался звон.

2

Окопы, окопы —
Заблудишься тут!
От старой Европы
Остался лоскут,
Где в облаке дыма
Горят города...
И вот уже Крыма
Темнеет гряда.
Я плакальщиц стаю
Веду за собой.
О, тихого края
Плащ голубой!..
Над мертвой медузой
Смущенно стою;
Здесь встретилась с Музой,
Ей клятву даю.
Но громко смеется,
Не верит: «Тебе ль?»
По капелькам льется
Душистый апрель.
И вот уже славы
Высокий порог,
Но голос лукавый
Предостерег:
«Сюда ты вернешься,
Вернешься не раз,
Но снова споткнешься
О крепкий алмаз.
Ты лучше бы мимо,
Ты лучше б назад,
Хулима, хвалима,
В отеческий сад».

3

Вечерней порою
Сгущается мгла.
Пусть Гофман со мною
Дойдет до угла.
Он знает, как гулок
Задушенный крик
И чей в переулок
Забрался двойник.
Ведь это не шутки,
Что двадцать пять лет
Мне видится жуткий
Один силуэт.
«Так, значит, направо?
Вот здесь, за углом?
Спасибо!» — Канава
И маленький дом.
Не знала, что месяц
Во всё посвящен.
С веревочных лестниц
Срывается он,
Спокойно обходит
Покинутый дом,
Где ночь на исходе
За круглым столом
Гляделась в обломок
Разбитых зеркал
И в груде потемок
Зарезанный спал.

4

Чистейшего звука
Высокая власть,
Как будто разлука
Натешилась всласть.
Знакомые зданья
Из смерти глядят —
И будет свиданье
Печальней стократ

Всего, что когда-то
Случилось со мной...
За новой утратой
Иду я домой.

5

Черемуха мимо
Прокралась, как сон.
И кто-то «Цусима!»
Сказал в телефон.
Скорее, скорее —
Кончается срок:
«Варяг» и «Кореец»
Пошли на восток...
Там ласточкой реет
Старая боль...
А дальше темнеет
Форт Шаброль,
Как прошлого века
Разрушенный склеп,
Где старый калека
Оглох и ослеп.
Суровы и хмуры,
Его сторожат
С винтовками буры.
«Назад, назад!!»

6

Великую зиму
Я долго ждала,
Как белую схиму
Ее приняла.
И в легкие сани
Спокойно сажусь...
Я к вам, китежане,
До ночи вернусь.
За древней стоянкой
Один переход...

Теперь с китежанкой
Никто не пойдет,
Ни брат, ни соседка,
Ни первый жених, —
Лишь хвойная ветка
Да солнечный стих,
Оброненный нищим
И поднятый мной...
В последнем жилище
Меня упокой.

10—12 марта 1940
Фонтанный Дом

648. ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ

ТРИПТИХ

1940—1962

DEUS CONSERVAT OMNIA. *

(Девиз в гербе
Фонтанного Дома)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Иных уж нет, а те далече.

Первый раз она пришла ко мне в Фонтанный Дом в ночь на 27 декабря 1940 г., прислав, как вестника, еще осенью один небольшой отрывок («Ты в Россию пришла ниоткуда...»).

Я не звала ее. Я даже не ждала ее в тот холодный и темный день моей последней ленинградской зимы.

Ее появлению предшествовало несколько мелких и незначительных фактов, которые я не решаюсь назвать событиями.

В ту ночь я написала два куска первой части («1913») и «Посвящение». В начале января я почти неожиданно для себя написала «Решку», а в Ташкенте (в два приема) — «Эпилог», ставший третьей частью поэмы, и сделала несколько существенных вставок в обе первые части.

Я посвящаю эту поэму памяти ее первых слушателей — моих друзей и сограждан, погибших в Ленинграде во время осады.

---

* Бог хранит всё (лат.). — *Ред.*

Их голоса я слышу и вспоминаю их, когда читаю поэму вслух, и этот тайный хор стал для меня навсегда оправданием этой вещи.

8 апреля 1943
Ташкент

До меня часто доходят слухи о превратных и нелепых толкованиях «Поэмы без героя». И кто-то даже советует мне сделать поэму более понятной.

Я воздержусь от этого.

Никаких третьих, седьмых, двадцать девятых смыслов поэма не содержит.

Ни изменять ее, ни объяснять я не буду.

«Еже писахъ — писахъ».

Ноябрь 1944
Ленинград

27 декабря 1940

ПОСВЯЩЕНИЕ

. . . .
... а так как мне бумаги не хватило,
я на твоем пишу черновике.
И вот чужое слово проступает
и, как тогда снежинка на руке,
доверчиво и без упрека тает.
И темные ресницы Антиноя[1]
вдруг поднялись — и там зеленый дым,
и ветерком повеяло родным...
Не море ли?
Нет, это только хвоя
могильная, и в накипаньи пен
всё ближе, ближе...
Marche funèbre *...
Шопен...

Ночь
Фонтанный Дом

---

* Траурный марш (франц.). — *Ред.*

ВТОРОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

О. С.

Ты ли, Путаница-Психея,[2]
Черно-белым веером вея,
Наклоняешься надо мной,
Хочешь мне сказать по секрету,
Что уже миновала Лету
И иною дышишь весной.
Не диктуй мне, сама я слышу:
Теплый ливень уперся в крышу,
Шепоточек слышу в плюще.
Кто-то маленький жить собрался,
Зеленел, пушился, старался
Завтра в новом блеснуть плаще.
Сплю —
она одна надо мною, —
Ту, что люди зовут весною,
Одиночеством я зову.
Сплю — мне снится молодость наша,
Та, ЕГО миновавшая чаша;
Я ее тебе наяву,
Если хочешь, отдам на память,
Словно в глине чистое пламя
Иль подснежник в могильном рву.

25 мая 1945
Фонтанный Дом

ТРЕТЬЕ И ПОСЛЕДНЕЕ

(Le jour des rois) *[3]

Раз в Крещенский вечерок...

Полно мне леденеть от страха,
Лучше кликну Чакону Баха,
А за ней войдет человек,
Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый Век.

* День царей (франц.). — *Ред.*

Я его приняла случайно
За того, кто дарован тайной,
С кем горчайшее суждено,
Он ко мне во дворец Фонтанный
Опоздает ночью туманной
Новогоднее пить вино.
И запомнит Крещенский вечер,
Клен в окне, венчальные свечи
И поэмы смертный полет..
Но не первую ветвь сирени,
Не кольцо, не сладость молений —
Он погибель мне принесет.

1956

ВСТУПЛЕНИЕ

ИЗ ГОДА СОРОКОВОГО,
КАК С БАШНИ, НА ВСЁ ГЛЯЖУ.
КАК БУДТО ПРОЩАЮСЬ СНОВА
С ТЕМ, С ЧЕМ ДАВНО ПРОСТИЛАСЬ,
КАК БУДТО ПЕРЕКРЕСТИЛАСЬ
И ПОД ТЕМНЫЕ СВОДЫ СХОЖУ.

25 августа 1941
Осажденный Ленинград

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕВЯТЬСОТ ТРИНАДЦАТЫЙ ГОД

Петербургская повесть

Di rider finirai
Pria dell' aurora.

«Don Giovanni» *

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз.

«Четки»

С Татьяной нам не ворожить.

«Онегин»

Новогодний вечер. Фонтанный Дом. К автору, вместо того, кого ждали, приходят тени из тринадцатого года под видом ряженых. Белый зеркальный зал. Лирическое отступление — «Гость из будущего». Маскарад. Поэт. Призрак.

Я зажгла заветные свечи,
Чтобы этот светился вечер,
И с тобой, ко мне не пришедшим,
Сорок первый встречаю год.
Но...
Господняя сила с нами!
В хрустале утонуло пламя,
«И вино, как отрава, жжет». **
Это всплески жесткой беседы,
Когда все воскресают бреды,
А часы всё еще не бьют...
Нету меры моей тревоге,
Я сама, как тень на пороге,
Стерегу последний уют.

---

* Смеяться перестанешь
Раньше, чем наступит заря.
«Дон Жуан» (итал.). — *Ред.*

** Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отрава, жжет?
(«Новогодняя баллада», 1923 г.)

И я слышу звонок протяжный,
И я чувствую холод влажный,
Каменею, стыну, горю...
И, как будто припомнив что-то,
Повернувшись вполоборота,
Тихим голосом говорю:
«Вы ошиблись: Венеция дожей —
Это рядом... Но маски в прихожей
И плащи, и жезлы, и венцы
Вам сегодня придется оставить.
Вас я вздумала нынче прославить,
Новогодние сорванцы!»
Этот Фаустом, тот Дон Жуаном,
Дапертутто,[4] Иоканааном,[5]
Самый скромный — северным Гланом
Иль убийцею Дорианом,
И все шепчут своим дианам
Твердо выученный урок.
А для них расступились стены,
Вспыхнул свет, завыли сирены
И как купол вспух потолок.
Я не то что боюсь огласки...
Что мне Гамлетовы подвязки,
Что мне вихрь Саломеиной пляски,
Что мне поступь Железной Маски,
Я еще пожелезней тех...
И чья очередь испугаться,
Отшатнуться, отпрянуть, сдаться
И замаливать давний грех?
Ясно всё:
Не ко мне, так к кому же? *
Не для них здесь готовился ужин,
И не им со мной по пути.
Хвост запрятал под фалды фрака...
Как он хром и изящен!..
Однако
Я надеюсь, Владыку Мрака
Вы не смели сюда ввести?

---

* Три «к» выражают замешательство автора.

Маска это, череп, лицо ли —
Выражение злобной боли,
Что лишь Гойя смел передать.
Общий баловень и насмешник —
Перед ним самый смрадный грешник —
Воплощенная благодать...

Веселиться — так веселиться,
Только как же могло случиться,
Что одна я из них жива?
Завтра утро меня разбудит,
И никто меня не осудит,
И в лицо мне смеяться будет
Заоконная синева.
Но мне страшно: войду сама я,
Кружевную шаль не снимая,
Улыбнусь всем и замолчу.
С той, какою была когда-то
В ожерелье черных агатов
До долины Иосафата,[6]
Снова встретиться не хочу...
Не последние ль близки сроки?..
Я забыла ваши уроки,
Краснобаи и лжепророки!
Но меня не забыли вы.
Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет —
Страшный праздник мертвой листвы.

Б Е Л Ы Й З А Л

Звук шагов, тех, которых нету,
По сияющему паркету,
И сигары синий дымок.
И во всех зеркалах отразился
Человек, что не появился
И проникнуть в тот зал не мог.
Он не лучше других и не хуже,
Но не веет летейской стужей,
И в руке его теплота.
Гость из будущего! — Неужели
Он придет ко мне в самом деле,
Повернув налево с моста?

С детства ряженых я боялась,
Мне всегда почему-то казалось,
Что какая-то лишняя тень
Среди них «без лица и названья»
Затесалась...
Откроем собранье
В новогодний торжественный день!
Ту полночную Гофманиану
Разглашать я по свету не стану
И других бы просила...
Постой,
Ты как будто не значишься в списках,
В калиострах, магах, лизисках,[7] —
Полосатой наряжен верстой,
Размалеван пестро и грубо —
Ты...
ровесник Мамврийского дуба,[8]
Вековой собеседник луны.
Не обманут притворные стоны,
Ты железные пишешь законы,
Хамураби, ликурги, солоны[9]
У тебя поучиться должны.
Существо это странного нрава.
Он не ждет, чтоб подагра и слава
Впопыхах усадили его
В юбилейные пышные кресла,
А несет по цветущему вереску,
По пустыням свое торжество.
И ни в чем не повинен: ни в этом,
Ни в другом и ни в третьем...
Поэтам
Вообще не пристали грехи.
Проплясать пред Ковчегом Завета[10]
Или сгинуть!..
Да что там! Про это
Лучше их рассказали стихи.
Крик петуший нам только снится,
За окошком Нева дымится,
Ночь бездонна — и длится, длится
Петербургская чертовня...

В черном небе звезды не видно,
Гибель где-то здесь, очевидно,
Но беспечна, пряна, бесстыдна
Маскарадная болтовня...

Крик:

«Героя на авансцену!»
Не волнуйтесь: дылде на смену
Непременно выйдет сейчас
И споет о священной мести...
Что ж вы все убегаете вместе,
Словно каждый нашел по невесте,
Оставляя с глазу на глаз
Меня в сумраке с черной рамой,
Из которой глядит тот самый,
Ставший наигорчайшей драмой
И еще не оплаканный час?

Это всё наплывает не сразу.
Как одну музыкальную фразу,
Слышу шепот: «Прощай! Пора!
Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь моей вдовою,
Ты — Голубка, солнце, сестра!»
На площадке две слитые тени...
После — лестницы плоской ступени,
Вопль: «Не надо!» и в отдаленьи
Чистый голос:

«Я к смерти готов».

Факелы гаснут, потолок опускается. Белый (зеркальный) зал[11] *снова делается комнатой автора. Слова из мрака:*

Смерти нет — это всем известно,
Повторять это стало пресно,
А что есть — пусть расскажут мне.
Кто стучится?

Ведь всех впустили.
Это гость зазеркальный? Или
То, что вдруг мелькнуло в окне...
Шутки ль месяца молодого,
Или вправду там кто-то снова
Между печкой и шкафом стоит?

Бледен лоб, и глаза открыты...
Значит, хрупки могильные плиты,
Значит, мягче воска гранит...
Вздор, вздор, вздор! От такого вздора
Я седою сделаюсь скоро
Или стану совсем другой.
Что ты манишь меня рукою?!
За одну минуту покоя
Я посмертный отдам покой.

ЧЕРЕЗ ПЛОЩАДКУ
ИНТЕРМЕДИЯ

Где-то вокруг этого места («...но беспечна, пряна, бесстыдна маскарадная болтовня...») бродили еще такие строки, но я не пустила их в основной текст:

«Уверяю, это не ново...
Вы дитя, Signor Casanova...» *
— «На Исакьевской ровно в шесть...»
— «Как-нибудь побредем по мраку,
Мы отсюда еще в «Собаку»... [12]
— «Вы отсюда куда?»
— «Бог весть!»
Санчо Пансы и Дон Кихоты
И, увы, содомские Лоты [13]
Смертоносный пробуют сок,
Афродиты возникли из пены,
Шевельнулись в стекле Елены,
И безумья близится срок.
И опять из Фонтанного Грота, [14]
Где любовная стонет дремота,
Через призрачные ворота
И мохнатый и рыжий кто-то
Козлоногую приволок.
Всех наряднее и всех выше,
Хоть не видит она и не слышит —
Не клянет, не молит, не дышит,
Голова Madame de Lamballe. **

* Синьор Казанова (итал.). — *Ред.*
** Мадам де Ламбаль (франц.). — *Ред.*

А смиренница и красотка,
Ты, что козью пляшешь чечетку,
Снова гулишь томно и кротко:
«Que me veut mon Prince Carnaval?»*

И в то же время в глубине зала, сцены, ада или на вершине Гетевского Брокена появляется Она же (а может быть — ее тень):

Как копытца, топочут сапожки,
Как бубенчик, звенят сережки,
В бледных локонах злые рожки,
Окаянной пляской пьяна, —
Словно с вазы чернофигурной
Прибежала к волне лазурной,
Так парадно обнажена.
А за ней, в шинели и в каске,
Ты, вошедший сюда без маски,
Ты, Иванушка древней сказки,
Что тебя сегодня томит?
Сколько горечи в каждом слове,
Сколько мрака в твоей любови,
И зачем эта струйка крови
Бередит лепесток ланит?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ты сладострастней, ты телесней
Живых — блистательная тень.

Баратынский

Спальня Героини. Горит восковая свеча. Над кроватью три портрета хозяйки дома в ролях. Справа — она Козлоногая, посередине — Путаница, слева — портрет в тени. Одним кажется, что это Коломбина, другим — Донна Анна (из «Шагов Командора»). За мансардным окном арапчата играют в снежки. Метель. Новогодняя полночь. Путаница оживает, сходит с портрета, и ей чудится голос, который читает:

Распахнулась атласная шубка!
Не сердись на меня, Голубка,
Что коснулась и этого кубка:
Не тебя, а себя казню.

---

* Чего хочет мой принц Карнавал? (франц.) — *Ред.*

Всё равно подходит расплата —
Видишь, там, за вьюгой крупчатой,
Мейерхольдовы арапчата
Затевают опять возню?
А вокруг старый город Питер,
Что народу бока повытер
(Как тогда народ говорил), —
В гривах, в сбруях, в мучных обозах,
В размалеванных чайных розах
И под тучей вороньих крыл.
Но летит, улыбаясь мнимо,
Над Маринскою сценой prima, *
Ты — наш лебедь непостижимый, —
И острит опоздавший сноб.
Звук оркестра, как с того света,
(Тень чего-то мелькнула где-то),
Не предчувствием ли рассвета
По рядам пробежал озноб?
И опять тот голос знакомый,
Будто эхо горного грома —
Не последнее ль торжество!
Он сердца наполняет дрожью
И несется по бездорожью
Над страной, вскормившей его.
Сучья в иссиня-белом снеге...
Коридор Петровских Коллегий [15]
Бесконечен, гулок и прям.
(Что угодно может случиться,
Но он будет упрямо сниться
Тем, кто нынче проходит там).
До смешного близка развязка:
Из-за ширм Петрушкина маска, ** [16]
Вкруг костров кучерская пляска,
Над дворцом черно-желтый стяг...
Все уже на местах, кто надо:
Пятым актом из Летнего Сада
Пахнет... Призрак цусимского ада
Тут же. — Пьяный поет моряк...

---

* Прима (франц.). — *Ред.*

** Вариант: Чрез Неву за пятак на салазках.

Как парадно звенят полозья,
И волочится полость козья...
Мимо, тени! — Он там один.
На стене его твердый профиль.
Гавриил или Мефистофель
Твой, красавица, паладин?
Демон сам с улыбкой Тамары,
Но такие таятся чары
В этом страшном дымном лице:
Плоть, почти что ставшая духом,
И античный локон над ухом —
Всё — таинственно в пришлеце.
Это он в переполненном зале
Слал ту черную розу в бокале
Или всё это было сном?
С мертвым сердцем и с мертвым взором
Он ли встретился с Командором,
В тот пробравшись проклятый дом?
И его поведано словом,
Как вы были в пространстве новом,
Как вне времени были вы, —
И в каких хрусталях полярных,
И в каких сияньях янтарных
Там, у устья Леты-Невы.
Ты сбежала сюда с портрета,
И пустая рама до света
На стене тебя будет ждать.
Так плясать тебе — без партнера!
Я же роль рокового хора
На себя согласна принять.

На щеках твоих алые пятна:
Шла бы ты в полотно обратно;
Ведь сегодня такая ночь,
Когда нужно платить по счету...
А дурманящую дремоту
Мне трудней, чем смерть, превозмочь!

Ты в Россию пришла ниоткуда,
О мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов!

Что глядишь ты так смутно и зорко:
Петербургская кукла, актерка, *
Ты — один из моих двойников.
К прочим титулам надо и этот
Приписать. О, подруга поэтов,
Я наследница славы твоей,
Здесь под музыку дивного мэтра,
Ленинградского дикого ветра,
И в тени заповедного кедра
Вижу танец придворных костей...
Оплывают венчальные свечи,
Под фатой «поцелуйные плечи»,
Храм гремит: «Голубица, гряди!» [17]
Горы пармских фиалок в апреле —
И свиданье в Мальтийской Капелле [18]
Как проклятье в твоей груди.
Золотого ль века виденье
Или черное преступленье
В грозном хаосе давних дней?
Мне ответь хоть теперь:
неужели
Ты когда-то жила в самом деле?
И топтала торцы площадей
Ослепительной ножкой своей?..

Дом пестрей комедьянтской фуры,
Облупившиеся амуры
Охраняют Венерин алтарь.
Певчих птиц не сажала в клетку,
Спальню ты убрала как беседку,
Деревенскую девку-соседку
Не узнает веселый скобарь. [19]
В стенках лесенки скрыты витые,
А на стенках лазурных святые —
Полукрадено это добро...
Вся в цветах, как «Весна» Боттичелли,
Ты друзей принимала в постели,
И томился драгунский Пьеро, —

* Было: Козлоногая кукла, актерка.

Всех влюбленных в тебя суеверней
Тот, с улыбкой жертвы вечерней,
Ты ему как стали — магнит,
Побледнев, он глядит сквозь слезы,
Как тебе протянули розы
И как враг его знаменит.
Твоего я не видела мужа,
Я, к стеклу приникавшая стужа...
Вот он, бой крепостных часов...
Ты не бойся — домá не мéчу,
Выходи ко мне смело навстречу —
Гороскоп твой давно готов...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

И под аркой на Галерной...
А. Ахматова

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем.
О. Мандельштам

То был последний год...
М. Лозинский

Петербург 1913 года. Лирическое отступление: последнее воспоминание о Царском Селе. Ветер, не то вспоминая, не то пророчествуя — бормочет:

Были святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты,
И весь траурный город плыл
По неведомому назначенью
По Неве иль против теченья, —
Только прочь от своих могил.
На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.
Оттого, что по всем дорогам,
Оттого, что ко всем порогам
Приближалась медленно тень,

Ветер рвал со стены афиши,
Дым плясал вприсядку на крыше
И кладбищем пахла сирень.
И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый,
Город в свой уходил туман.
И выглядывал вновь из мрака
Старый питерщик и гуляка,
Как пред казнью бил барабан...

И всегда в духоте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Жил какой-то будущий гул.
Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души
И в сугробах невских тонул.
Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется и не хочет
Узнавать себя человек,
А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

А теперь бы домой скорее
Камероновой Галереей
В ледяной таинственный сад,
Где безмолвствуют водопады,
Где все девять * *мне будут рады,*
Как бывал ты когда-то рад.
Там за островом, там за садом
Разве мы не встретимся взглядом
Наших прежних ясных очей,
Разве ты мне не скажешь снова
Победившее смерть слово
И разгадку жизни моей?

---

* Музы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Любовь прошла, и стали ясны
и близки смертные черты.

Вс. К.

Угол Марсова Поля. Дом, построенный в начале 19 века бр. Адамини. В него будет прямое попадание авиабомбы в 1942 г. Горит высокий костер. Слышны удары колокольного звона от Спаса на Крови. На Поле за метелью призрак Зимнедворского бала. В промежутке между этими звуками говорит сама Тишина:

Кто застыл у померкших окон,
На чьем сердце «палевый локон»,
У кого пред глазами тьма?
«Помогите, еще не поздно!
Никогда ты такой морозной
И чужою, ночь, не была!»
Ветер, полный балтийской соли,
Бал метелей на Марсовом Поле,
И невидимых звон копыт...
И безмерная в том тревога,
Кому жить осталось немного,
Кто лишь смерти просит у бога
И кто будет навек забыт.
Он за полночь под окнами бродит,
На него беспощадно наводит
Тусклый луч угловой фонарь, —
И дождался он. Стройная маска
На обратном «пути из Дамаска»
Возвратилась домой... не одна!
Кто-то с ней «без лица и названья»...
Недвусмысленное расставанье
Сквозь косое пламя костра
Он увидел — рухнули зданья,
И в ответ обрывок рыданья:
«Ты Голубка, солнце, сестра!
Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь моей вдовою,
А теперь...
Прощаться пора!»
На площадке пахнет духами,
И драгунский корнет со стихами
И с бессмысленной смертью в груди

Позвонит, если смелости хватит,
Он мгновенье последнее тратит,
Чтобы славить тебя.
Гляди:
Не в проклятых Мазурских болотах,
Не на синих Карпатских высотах...
Он — на твой порог!
Поперек.
Да простит тебя бог!

(Сколько гибелей шло к поэту,
Глупый мальчик: он выбрал эту, —
Первых он не стерпел обид,
Он не знал, на каком пороге
Он стоит и какой дороги
Перед ним откроется вид...)

Это я — твоя старая совесть,
Разыскала сожженную повесть
И на край подоконника
В доме покойника
Положила —
и на цыпочках ушла...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ВСЁ В ПОРЯДКЕ: ЛЕЖИТ ПОЭМА
И, КАК СВОЙСТВЕННО ЕЙ, МОЛЧИТ.
НУ, А ВДРУГ КАК ВЫРВЕТСЯ ТЕМА,
КУЛАКОМ В ОКНО ЗАСТУЧИТ, —
И ОТКЛИКНЕТСЯ ИЗДАЛЕКА
НА ПРИЗЫВ ЭТОТ СТРАШНЫЙ ЗВУК —
КЛОКОТАНЬЕ, СТОН И КЛЕКОТ
И ВИДЕНЬЕ СКРЕЩЕННЫХ РУК?..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РЕШКА

> ...я воды Леты пью,
> Мне доктором запрещена
> унылость.
>
> *Пушкин*

> In my beginning is my end.
>
> *T. S. Eliot* *

Место действия — Фонтанный Дом. Время — 5 января 1941. В окне призрак оснеженного клена. Только что пронеслась адская арлекинада тринадцатого года, разбудив безмолвие великой молчальницы — эпохи и оставив за собою тот свойственный каждому праздничному или похоронному шествию беспорядок — дым факелов, цветы на полу, навсегда потерянные священные сувениры...
В печной трубе воет ветер, и в этом вое можно угадать очень глубоко и очень умело спрятанные обрывки Реквиема.
О том, что в зеркалах, лучше не думать.

> ...жасминный куст,
> Где Данте шел и воздух пуст.
>
> *Н. К.*

1

Мой редактор был недоволен,
Клялся мне, что занят и болен,
Засекретил свой телефон
И ворчал: «Там три темы сразу!
Дочитав последнюю фразу,
Не поймешь, кто в кого влюблен,

2

Кто, когда и зачем встречался,
Кто погиб, и кто жив остался,
И кто автор, и кто герой, —
И к чему нам сегодня эти
Рассуждения о поэте
И каких-то призраков рой?»

---

* В моем начале мой конец. Т. С. Элиот (англ.). — *Ред.*

3

Я ответила: «Там их трое —
Главный был наряжен верстою,
А другой как демон одет, —
Чтоб они столетьям достались,
Их стихи за них постарались,
Третий прожил лишь двадцать лет,

4

И мне жалко его». И снова
Выпадало за словом слово,
Музыкальный ящик гремел,
И над тем флаконом надбитым
Языком кривым и сердитым
Яд неведомый пламенел.

5

А во сне всё казалось, что это
Я пишу для кого-то либретто,
И отбоя от музыки нет.
А ведь сон — это тоже вещица,
Soft embalmer,[20] Синяя птица,
Эльсинорских террас парапет.

6

И сама я была не рада,
Этой адской арлекинады
Издалека заслышав вой.
Всё надеялась я, что мимо
Белой залы, как хлопья дыма,
Пронесется сквозь сумрак хвой.

7

Не отбиться от рухляди пестрой,
Это старый чудит Калиостро —
Сам изящнейший сатана,

Кто над мертвым со мной не плачет,
Кто не знает, что совесть значит
И зачем существует она.

8

Карнавальной полночью римской
И не пахнет. Напев Херувимской
У закрытых церквей дрожит.
В дверь мою никто не стучится,
Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит.

9—10

. . . .
. . . .
. . . .[21]

11

Я ль растаю в казенном гимне?
Не дари, не дари, не дари мне
Диадему с мертвого лба.
Скоро мне нужна будет лира,
Но Софокла уже, не Шекспира.
На пороге стоит — Судьба.

12

Но была для меня та тема
Как раздавленная хризантема
На полу, когда гроб несут.
Между «помнить» и «вспомнить», други,
Расстояние — как от Луги
До страны атласных баут.[22]

13

Бес попутал в укладке рыться...
Ну, а как же могло случиться,
Что во всем виновата я?

Я — тишайшая, я — простая,
«Подорожник», «Белая стая»...
Оправдаться... но как, друзья?

14

Так и знай: обвинят в плагиате...
Разве я других виноватей?
Впрочем, это мне всё равно.
Я согласна на неудачу
И смущенье свое не прячу...
У шкатулки ж тройное дно.

15

Но сознаюсь, что применила
Симпатические чернила...
Я зеркальным письмом пишу,
И другой мне дороги нету —
Чудом я набрела на эту
И расстаться с ней не спешу.

16

И тогда из грядущего века
Незнакомого человека
Пусть посмотрят дерзко глаза,
И он мне, отлетевшей тени,
Даст охапку мокрой сирени
В час, как эта минет гроза.

17

А столетняя чаровница
Вдруг очнулась и веселиться
Захотела. Я ни при чем.
Кружевной роняет платочек,
Томно жмурится из-за строчек
И брюлловским манит плечом.

18

Я пила ее в капле каждой
И, бесовскою черной жаждой
Одержима, не знала, как
Мне разделаться с бесноватой:
Я грозила ей Звездной Палатой [23]
И гнала на родной чердак * —

19

В темноту, под Манфредовы ели,
И на берег, где мертвый Шелли,
Прямо в небо глядя, лежал, —
И все жаворонки всего мира [24]
Разрывали бездну эфира,
И факел Георг держал. [25]

20

Но она твердила упрямо:
«Я не та английская дама
И совсем не Клара Газуль, [26]
Вовсе нет у меня родословной,
Кроме солнечной и баснословной,
И привел меня сам Июль.

21

А твоей двусмысленной славе,
Двадцать лет лежавшей в канаве,
Я еще не так послужу,
Мы с тобой еще попируем,
И я царским моим поцелуем
Злую полночь твою награжу».

5 января 1941 года
Фонтанный Дом
в Ташкенте
и
после

---

* Место, где, по представлению читателей, рождаются все поэтические произведения.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЭПИЛОГ

Быть пусту месту сему...

?

Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

Анненский

Люблю тебя, Петра творенье.

Пушкин

Моему городу

Белая ночь 24 июня 1942 г. Город в развалинах. От Гавани до Смольного всё как на ладони. Кое-где догорают застарелые пожары. В Шереметевском саду цветут липы и поет соловей. Одно окно третьего этажа (перед которым увечный клен) выбито, и за ним зияет черная пустота. В стороне Кронштадта ухают тяжелые орудия. Но в общем тихо. Голос автора, находящегося за семь тысяч километров, произносит:

Так под кровлей Фонтанного Дома,
Где вечерняя бродит истома
С фонарем и связкой ключей, —
Я аукалась с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
Непробудную сонь вещей,
Где, свидетель всего на свете,
На закате и на рассвете
Смотрит в комнату старый клен
И, предвидя нашу разлуку,
Мне иссохшую черную руку,
Как за помощью, тянет он.
Но земля под ногой гудела,
И такая звезда глядела *
В мой еще не брошенный дом
И ждала условного звука...
Это где-то там — у Тобрука,
Это где-то здесь — за углом.

* Марс летом 1941 г.

(Ты, не первый и не последний
Темный слушатель светлых бредней,
Мне какую готовишь месть?
Ты не выпьешь, только пригубишь
Эту горечь из самой глуби —
Этой нашей разлуки весть.
Не клади мне руку на темя —
Пусть навек остановится время
На тобою данных часах.
Нас несчастие не минует,
И кукушка не закукует
В опаленных наших лесах...)

. . . .

А не ставший моей могилой,
Ты, крамольный, опальный, милый,
Побледнел, помертвел, затих.
Разлучение наше мнимо:
Я с тобою неразлучима,
Тень моя на стенах твоих,
Отраженье мое в каналах,
Звук шагов в Эрмитажных залах,
Где со мною мой друг бродил,
И на старом Волковом Поле,[27]
Где могу я рыдать на воле
Над безмолвием братских могил.
Всё, что сказано в Первой Части
О любви, измене и страсти,
Сбросил с крыльев свободный стих,
И стоит мой Город «зашитый»...
Тяжелы надгробные плиты
На бессонных очах твоих.
Мне казалось, за мной ты гнался,
Ты, что там погибать остался
В блеске шпилей, в отблеске вод.
Не дождался желанных вестниц...
Над тобой — лишь твоих прелестниц
Белых ноченек хоровод.
А веселое слово — до́ма —
Никому теперь не знакомо,
Все в чужое глядят окно.

Кто в Ташкенте, а кто в Нью-Йорке,
И изгнания воздух горький —
Как отравленное вино.
Все вы мной любоваться могли бы,
Когда в брюхе летучей рыбы
Я от злой погони спаслась
И над полным врагами лесом,
Словно та, одержимая бесом,
Как на Брокен ночной неслась.

И уже предо мною прямо
Леденела и стыла Кама,
И «Quo vadis?» * кто-то сказал,
Но не дал шевельнуть устами,
Как тоннелями и мостами
Загремел сумасшедший Урал.
И открылась мне та дорога,
По которой ушло так много,
По которой сына везли,
И был долог путь погребальный
Средь торжественной и хрустальной
Тишины Сибирской Земли.
От того, что сделалось прахом,
Обуянная смертным страхом
И отмщения зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Предо мною шла на восток. [28]

Окончено в Ташкенте
18 августа 1942 года

Примечания редактора

[1] Антиной — античный красавец.
[2] «Ты ли, Путаница...» — героиня одноименной пьесы Юрия Беляева.
[3] Le jour des rois — канун Крещенья: 5 января.
[4] Дапертутто — псевдоним Всеволода Мейерхольда.
[5] Иоканаан — святой Иоанн Креститель.

* «Камо грядеши?» (лат.). — *Ред.*

[6] Долина Иосафата — предполагаемое место Страшного Суда.

[7] Лизиска — псевдоним императрицы Мессалины в римских притонах.

[8] Мамврийский дуб — см. Книгу Бытия.

[9] Хамураби, Ликург, Солон — законодатели.

[10] Ковчег Завета — библ.

[11] Зал — Белый зеркальный зал в Фонтанном Доме (работы Кваренги) через площадку от квартиры автора.

[12] «Собака» — «Бродячая собака», артистическое кабаре десятых годов.

[13] Содомские Лоты (см. «Бытие», гл. ⟨XIX⟩).

[14] Фонтанный Грот — построен в 1757 г. Аргуновым в саду Шереметевского дворца на Фонтанке (так называемый Фонтанный Дом), разрушен в начале десятых годов (см. Лукомский, стр. ⟨?⟩).

[15] Коридор Петровских Коллегий — коридор Петербургского университета.

[16] Петрушкина маска — «Петрушка», балет Стравинского.

[17] «Голубица, гряди!» — церковное песнопение. Пели, когда невеста ступала на ковер в храме.

[18] Мальтийская Капелла — построена по проекту Кваренги (с 1798 г. до 1800 г.) во внутреннем дворе Воронцовского дворца, в котором помещался Пажеский корпус.

[19] Скобарь — обидное прозвище псковичей.

[20] Soft embalmer (англ.) — «нежный утешитель» — см. сонет Китса «To the Sleep» («К сну»).

[21] Пропущенные строфы — подражание Пушкину. См. «Об Евгении Онегине»: «Смиренно сознаюсь также, что в Дон Жуане есть две выпущенные строфы», — писал Пушкин.

[22] Баута — маска с капюшоном.

[23] Звездная Палата (англ.) — тайное судилище, которое помещалось в зале, где на потолке было изображено звездное небо.

[24] См. знаменитое стихотворение Шелли «To the Skylark» («К жаворонку»).

[25] Георг — лорд Байрон.

[26] Клара Газуль — псевдоним Мериме.

[27] Волково Поле — старое название Волкова кладбища.

[28] Раньше поэма кончалась так:

А за мною, тайной сверкая
И назвавши себя — «Седьмая», *
На неслыханный мчалась пир,
Притворившись нотной тетрадкой,
Знаменитая Ленинградка
Возвращалась в родной эфир.

---

* «Седьмая» — Ленинградская симфония Шостаковича. Первую часть этой симфонии автор вывез из осажденного города 29 сентября 1941 г.

⟨ДОПОЛНЕНИЯ⟩

⟨Строфы, не вошедшие в текст «Поэмы без героя»⟩

649. ПЕТЕРБУРГ В 1913 ГОДУ

За заставой воет шарманка,
Водят мишку, пляшет цыганка
На заплеванной мостовой.
Паровик идет до Скорбящей,
И гудочек его щемящий
Откликается над Невой.
В черном ветре злоба и воля.
Тут уже до Горячего Поля,
Вероятно, рукой подать.
Тут мой голос смолкает вещий,
Тут еще чудеса похлеще,
Но уйдем — мне некогда ждать.

1961

650. К «ПОЭМЕ БЕЗ ГЕРОЯ»
(БЛУЖДАЮЩАЯ В СПИСКЕ 55 ГОДА СТРОФА)

А за правой стенкой, откуда
Я ушла, не дождавшись чуда,
В сентябре в ненастную ночь —
Старый друг не спит и бормочет,
Что он больше, чем счастья, хочет
Позабыть про царскую дочь.

1955

651

Что бормочешь ты, полночь наша?
Всё равно умерла Параша,
Молодая хозяйка дворца,
Не достроена галерея —
Эта свадебная затея,
Где опять под подсказку Борея
Это всё я для вас пишу.

Тянет ладаном из всех окон,
Срезан самый любимый локон,
И темнеет овал лица.

5 января 1941

652. ОТРЫВОК

Чтоб посланец давнего века
Из заветного сна Эль-Греко
Объяснил мне совсем без слов,
А одной улыбкою летней,
Как была я ему запретней
Всех семи смертельных грехов.

1963

653

И особенно, если снится
То, что скоро должно случиться:
    Смерть повсюду — Город в огне,
И Ташкент в цвету подвенечном.
О безбольном, верном и вечном
    Ветр азийский расскажет мне.

1959

654

И уже, заглушая друг друга,
Два оркестра из тайного круга
    Звуки шлют в лебединую сень.
Но где голос мой и где эхо,
В чем спасенье и в чем помеха,
    Где сама я и где только тень.
Как спастись от второго шага...

655

Институтка, кузина, Джульетта!..
Не дождаться тебе корнета,
    В монастырь ты уйдешь тайком.
Нем твой бубен, моя цыганка,
И уже почернела ранка
    У тебя под левым соском.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

2—4

1

«Лит. альманах „Аполлон"», СПб., 1912, с. 42 | Страшно вспомнить: душа тосковала
5

3

Там же, с. 42 | У озерных глухих берегов.
2

5 | Иглы елей густо и колко

8 | И разорванный том Парни.

9

Ч 8, с. 93 | Как беличья распластанная шкурка.
2

12

В, с. 25 | Я обманут, слышишь, унылой,
9

13

В, с. 27 | Кто он! — Брат мой или любовник,
11

15

А, 1911, № 4, с. 2 | А ты, игрушечный, ужели
13

16—19

1

«Gaudeamus», 1911, № 9, с. 1

10 И радуют изысканные клумбы,

2

«Gaudeamus», 1911, № 10, с. 2

12 В легкой сетке гамака?

4

В, с. 39

12 Тем, что должны веселиться.

27

В, с. 51

13 И чтоб мне легко, одинокой,

29

В, с. 57

9 Знаю, гадая, не мне обрывать.

32

«Лит. альманах „Аполлон"», СПб., 1912, с. 43

4—5 Так ароматно-легки.
«О принц! — и жеманно присела,

8 От первых предчувствий любви.

16 «Ну что же? Пора танцевать?»

34

Бювар (ЦГАЛИ) Черновой автограф

3 Вечер [весенний] был [нежен] как

4 *а* Муж мне [с улыбкой о смерти] сказал
б Муж мне [с улыбкой о страшном] сказал
в Муж мой, вернувшись, [с улыбкой] сказал:

6 *а* Тело [в овраге у речки] нашли
б Тело [в овраге у башни] нашли

7 Жаль [мне его. Был] такой молодой

8 *а* [А королева-то] стала седой.
б [Стала вдова его за ночь] седой.

9 Трубку свою [костяную] нашел.

Там же; ШК, с. 309 После 12 — И покажу ей над башней дворца
Траурный флаг по кончине отца.

35

В, с. 68
4 — Как загар, к тебе идет.

18 — Их привычною рукой,

40

В, с. 75
2 — Я простился. Чернела вода.

4 — Я так странно поверил тогда.

10—12 — В том же месте. Не знаю зачем!
Я люблю только радости мига
И цветы голубых хризантем.

42

Бювар (ЦГАЛИ) Черновой автограф
5—6 — И врагу
Пожелать не могу.

После 6 — [Беспокоен мой тесный приют,
И колеса стучат, и иголки снуют].

44

В, с. 81
12 — Недавние следы.

45

А, 1911 № 4, с. 21
6 — Слышу тихое ду-ду!

46

В, с. 85
4 — И красный насмешливый рот. . .

Бювар (ЦГАЛИ) Черновой автограф
3 — И видела [тонкие] смуглые руки

8 — Рыдая у темных ворот?

10 — Тот скоро, о, скоро [придет]».

11—12 — [И] голос как крик ястребиный
[Был весел и жуток и хмелен]

14 *а* [Предчувствуя тайную дрожь]
б Почувствовав острую дрожь,

15—17 [И вот заалели рубины
Я знаю, приход твой смертелен]
[И] ты не напрасно смеялась,

47—49

1

Зв, 1961, № 5, с. 146
2 Он нежен, бледен, прям.

50—51

1

«Ленинград», 1946, № 1—2, с. 13
3 Ты сказал мне: «Офелия, иди в монастырь...»

55

«Нива», 1913, № 5, с. 67
1 Меня покинул в полнолунье

9 Пусть узок путь мой, пусть опасен

57—59

2

Гиперб, 1913. V, с. 3
6 Слилось всё: вещи и лица...

61

Там же, 1913, VIII, с. 4
2 Таким невыносимым горем.

62

А, 1913, № 4, с. 36
11—12 У затравленной дикой кошки
На твои похожи глаза.

Бювар (ЦГАЛИ) Черновой автограф
1 Мы все бражники здесь, блудницы.

13 В них гляжу, и сердце тоскует!

65

Альм. «Жатва», 4, 1913, с. 5 9	И сердце смутное слышит

69

Гиперб, 1913, VIII, с. 5 11	Но кратких мы не учащаем встреч.
Ч 3—10 9	А мне понятен серых глаз испуг,

74

НЖ, 1914, № 2, с. 3 9	А мальчик мне сказал, таясь,

77

Бювар (ЦГАЛИ) Черновой автограф 14—15	Мои «нет», «уйдите» и «да». Прищурясь, следил бесстрастно
23	Я знала, как хрупко горло
26—28	Совенок задушенный мой! Из белого с синим костела Так страшно вернуться домой.

83

ЕЖ, 1914, № 6, с. 6 5—6	Так больно было уколоться О ствол речного тростника.

85

Ч 1, с. 49 3	Ты, всегда в путях своих уверенный,

86

Гиперб, 1913, V, с. 5 10	Херсонесских церквей у крыльца

87

Ч 1, с. 52 4	На сапфирной душистой парче.

90

Архив М. Лозинского Автограф (одна строфа с подписью)	Ты пришел меня утешить, милый, Гость мой нежный, гость мой редкий. Ах, уже давно глядеть не стало силы, Как в окне под ветром плачут ветки.
ЦГАЛИ Черновой автограф 8	Ласковый, задумчивый и грустный.

92

«Заветы», 1913, № 5, с. 6 1—2	Ты письмо мое, мальчик, не комкай, До последней строки прочти.
5	Не гляди так, не хмурься так гневно,
8—9	Не монахиня больше я — В этом сером и будничном платье,
11	Но еще нежнее объятье,
13	Ты письмо мое, мальчик, не комкай,
15	Ты его в своей бедной котомке
Ч 1, с. 58 15	И его в твоей бедной котомке

94

Ч 1, с. 61 4	Нашу встречу, мальчик мой веселый...

97

Ч 1, с. 64 6	Как будто завтра будут нужны косы,

98

Ч 1, с. 67 2	Серебристая белая прядь, —
9	И еще так недавно, недавно
С 58, с. 14 1	Как вплелась в эти темные косы

99

А, 1913, № 4, с. 35 25 (опечатка?)	И наверно брела, как слепая,

100—101

2

Ч 1, с. 71 *8*	Неоткрытый веер мой.
16	Ах! Любовь утолена...

104

Альм. «Жатва», 1913, № 4, с. 4 *15*	А в косах спутанных таится

105

Бювар (ЦГАЛИ) Черновой автограф *1—2*	Всё как раньше. Сквозь окна столовой Виден близко метельный снег.
После 16	Ты, привыкший решать задачи, Цветисто теперь говори. Обжигал нас дыханьем горячим Камин, розовей зари.
Ч 1, с. 80 *13*	Глаза, глядящие тускло,

106

«Любовь к трем апельсинам», 1914, № 1, с. 5 *5*	Там малиновое солнце

114

ЕЖ, 1914, № 12, с. 3 *4*	Высокой самой из высоких башен.
11	Голубка ест из рук моих пшеницу...
13	Божественна, спокойна и легка

116

ЕЖ, 1914, № 3, с. 3 *9*	Так прошлое над сердцем власть теряет!
11	Смотря, как луч сбегает и взбегает
БС 1—4 *8*	Смертельной мне не кажется иглой.

117

«Невский альманах. Жертвам войны», 1915, с. 11 *4—5*	Он белую птицу мою задушил. Промолвил, войдя ко мне рано в светлицу:

119

Гиперб, 1913, IX—X, с. 3, БС 3, ШК, Из 43, С 61 *7—8*	Сквозь листву растрепанной ольхи Солнце землю косо освещает.

123

А, 1916, № 4—5, с. 40 *5*	И эту песню я нескромно
7	Затем что нестерпимо томно

125

БС 1, с. 24 *После 4*	Ты только тронул грудь мою, Как лиру трогали поэты, Чтоб слышать кроткие ответы На требовательное «люблю!»
5	Тебе не надо глаз моих,
7—8	Но за стихом ты ловишь стих, Молитвы губ моих надменных.

129

СЗ, 1916, № 1, с. 34 *10—12*	Чтобы узнать в постылый час сомненья Учеников бесстыдное глумленье И безразличие толпы.
ЦГАЛИ Черновой автограф *1*	Нам ясность слов и мыслей простоту

130

А, 1916, № 4—5 с. 40 *12 (опечатка?)*	Еще не названною мукой

132

СЗ, 1916, № 1, с. 33 *11*	Сети уже расстелил птицелов

134

Архив М. Лозинского Автограф первоначальной ред. Перед 1

Никто мне не скажет, что жертва мала,
Что славнее прожили другие.
Я господу сердце мое отдала,
А милого друга — России.

135

Альм. «В годы войны», Пг., 1915, с. 11
4

Тех, что раньше, тугие, звенели,

136

«Вершины», 1915, № 17, с. 6
2

Страшен мой приезд.

137

Альм. «Тринадцать поэтов», Пг., 1917, с. 6
8

Как низко стало солнце над горой...

БС 1, с. 39
8

Как солнце низко стало над горою...

145

СЗ, 1916, № 1, с. 35
8—9

Когда, кружася, ветер безрассудный
Чуть начатую прерывает речь, —

146

ГЖ, 1914, № 7, с. 8
14

И тревожно глядит на нее...

147

Там же, с. 7
21

И черное небо светало,

148

«Рубикон», 1914, № 6, с. 31
9

Пусть не ты над моими губами

13

Над грядущим я тайно колдую,

15

Я предчувствую встречу вторую,

152

Альм. «Тринадцать поэтов», Пг., 1917, с. 6
8 Со мною божьи птицы говорят.

154

СЗ, 1915, № 10, с. 40
10 Надрывно поет и уныло.

БС 1, с. 64
4 Мне с неба кровавой зарницей?

155

ГЖ, 1914, № 7, с. 8
6 Ревет и мечется среди ветвей,

Бювар (ЦГАЛИ) Черновой автограф
6—7 Ревет и мечется в ночной трубе...
А город помнит о своей судьбе;

161

БС 1, с. 72
2 А тебе полтинник за день выручать,

162

Сб. «Война в русской поэзии», Пг., 1915, с. 99
1 Дай мне черные ночи недуга,

7 Чтобы туча над скорбной Россией

ШК, с. 170
1 Дай мне долгие годы недуга,

163

ЕЖ, 1914, № 7, с. 2
5—7 «Сердце матери — темная пытка.
Ах, ее я снести не могла!
В белый рай распахнулась калитка,

Бювар (ЦГАЛИ) Черновой автограф
4 Расскажи мне, что помнишь о нем?»

6 Ах, ее я принять не могла.

13 Станет тело тревожным и томным,

164

СЗ, 1915, № 10, с. 42
1 Сколько раз я проклинала

166

«Вершины», 1914, № 1, с. 9
1 Вижу темный лунный лук

6 В год не смог меня забыть,

167

СЗ, 1914, № 12, с. 82
16 Восковая лежала рука.

18 Был, как прежде, тяжел и груб,

28 Прими раба своего».

ШК, с. 77
18 Был так странно тяжел и груб,

169

«День», 1915, 22 марта
1 Как раненого журавля

5 Так я, больная, слышу зов,

172

«Русское слово», 1917, 1 (14) апреля, с. 3
1 Приду сюда, и отлетит томленье

БС 1, с. 89
4 Хранилище молитвы и труда,

175

Гиперб, 1913, IX—X, с. 5
4 Потому что это — любовь.

178

ГЖ, 1914, № 7, с. 7
3 Я утру ноябрьскому рада,

18 В другие унес города

179

СЗ, 1915, № 10, с. 44

10 В предвечерний поздний час.

13—16 Стал у церкви, темной и тяжелой,
На гранит широких ступеней:
«Где она, где свет веселый
Серых звезд — ее очей?»

180

РМ, 1915, № 2, с. 1

3 Ты опоздал на десять лет,

181

«Пряник осиротевшим детям», Пг., 1916, с. 30

9 Мне никто сокровеннее не был,

182

СЗ, 1915, № 10, с. 43

9 Я умею научить,

183

АМ, 1916, с. 23

5 При имени моем ты будешь вспоминать

184

СЗ, 1916, № 1, с. 36

1 Не искал меня, не славил,

185

БС 1, с. 108

2 В той светло-синей комнате живет,

187

БС 1, с. 110

9 Вот на крайнюю из башен

189

«Новый журнал для всех», 1915, № 4, с. 33

6 Под шатром высоких тополей.

13 Серой белкой прыгну по сосне,

16 Чтоб не страшно было по весне

190

«Русское слово», 1917, 1 апреля, с. 3
10 Степь ядовито зелена

197

Гиперб, 1913, IX—X, с. 4
1 Родилась я не поздно, не рано,

201

СЗ, 1914, № 6, с. 34
3 Переплыл туман через дорогу,

9 Подрезаю на кустах сирени

13 Мир простой, знакомый и чудесный

202

Альм. «Тринадцать поэтов», Пг., 1917, с. 5
1 Не страсти и не печали,

204

«Нива», 1913, № 10, с. 94
13 Помню темные ворота

16—17 Прошептал: «Прости!»
Древний крестик дал мне в руки,

205

«Шиповник», № 1, 1922, с. 12
11—12 Мы — как грешник, видящий райский
Перед смертью случайный сон...

208

«Воля народа», 1918, 28 апреля, № 3, с. 12
7 Слушать, как шумит машина,

212

«Петроградское эхо», 1918, 22 января
1 А ты теперь — жестокий и унылый,

12 Твои угрозы и твои мольбы.

20 Что даже ты ее не мог убить.

213

Там же, 1918, 18 (5) февраля 6 Слышу в насмешках беспомощный стон.

215

ШК, с. 90 3 (опечатка?) И мне любо, что брызги соленой волны

Бювар (ЦГАЛИ) Черновой автограф 1—4
По неделе я слова ни с кем не скажу,
Я на камне у моря сижу,
И мне любо, что эта большая волна,
Словно слезы мои, солона.

6—7
Мне запомнилась очень весна.
Стали коротки ночи, подтаивал снег,

13
Как о милой своей веселюсь и грущу? —

Вместо 15—18
А другая бы, верно, хитрее была.
Не беда в темноте пошутить.
Но тогда я на душу греха не взяла,
Чтобы после о том не грустить.
Только люб ему был мой немудрый ответ,
Оттого что, как лес миновал,
Вышли мы на поляну, на свет.

216

П, с. 24 2
Смутный и тяжелый час.

218

«Петроградское эхо», 1918, 22 января После 8
Это просто, это ясно,
Это всякому понятно...
Ну, так, значит, всех глупее
Или всех мудрее я.

9—11
Оттого, что, бросив друга
И единственного сына,
Бросив город мой заветный

221

Альм. «Тринадцать поэтов», Пг., 1917, с. 6 6—9
Сшибется где-то в вышине,
И голос радости могучей
И молнии огонь летучий
Как ангелы слетят ко мне.

223

«Аргус», 1917, № 3, с. 71
2 — И без песен тоска улеглась.

225

«Дом искусства», 1921, № 1, с. 4
2 — Тем, что в чаду печалей и тревог

6 — И кровли городов в его лучах горят,

226

«Петроградское эхо», 1918, 14 (1) февраля
5—6 — Еще недавно сладостно-свободной
Свершила б ты свой утренний полет,

227

Там же, 1918, 19 января
2 — В мой белый, таинственный дом

4 — В сиянии снежном идем.

232

СЗ, 1914, № 6, с. 33
13—14 — Усталый рот слегка разжат,
Неровно-трудное дыханье,

239

AD 2, с. 9
После 4 — Там вьюги сухие взлетают с заречных полей
И люди. как ангелы, божьему празднику рады,
Прибрали светлицу, зажгли у киота лампады,
И книга благая лежит на дубовом столе.

241—242

2

«Петербургский сборник», Пб., 1922, с. 9
3 — Ты тихою голубкой не прильнула

15—17 — Источник роковой не узнает.
Он жадно пьет, припав к воде прозрачной,
Но гибелью ли жажду утолит?

243

Сб. «Петербург», 1921, № 1, с. 1	
ЦГАЛИ Черновой автограф	
1—2	Неправда, у тебя соперниц нет! Ты для меня не женщина земная.
5—7	Когда умрешь, не стану я грустить, Не крикну, обезумевши: «Воскресни!» Но вдруг пойму, что невозможно жить

245

AD 2, с. 14	
13	Мы знаем, что в оценке поздней
15	И в мире нет людей бесслезней,

246—251

1

Гиперб, 1913, VIII, с. 6	
10	Все плачущие равны перед богом,

2

«Наш век», 1918, 4 мая	
5	Запрещаешь нежно улыбаться,

3

Сб. «Сирена», Воронеж, 1918, № 2—3, с. 7	
5—7	Прежних песен не насвистывай, — Песней трудно ль обмануть? А когти, когти неистовей

4

Там же, с. 7	
4	Я не знаю своей вины.
11	Я отдам тебе жизнь, но грусть
ГПБ Черновой автограф	
Вместо 5—12	Как умею, тебе служу В черном хаосе нищих дней, Но когда на тебя гляжу, Я теряю веру в людей.

5

Н 1, с. 15
Вместо 5—6

Как по правой руке — пустырь,
А по левой руке — монастырь,

8

Красным заревом обагрен.

ЦГАЛИ
Автограф
11

Мне бы этот найти образок,

6

ЦГАЛИ
Автограф
5

Да, это правда — я пришла сама...

252

«Северное утро», сб. 1, Пб., 1922, с. 3
3

Верно понял: крепко спаяны,

253

СЖ, 1918, № 3—4, с. 15
Вместо 5—12

Мне и весело и трудно,
Не забуду никогда,
Как слепительный и чудный
Ты пришел ко мне сюда.

Покоряясь, покоряла,
Не просила ничего,
Звездной ночью целовала
Губы друга моего.
Отлетел февраль мятежный,
С легким звоном снежных крыл,
Но на память мне подснежник
Под сосною прикрепил.

256

Альм. «Литературная мысль», вып. 2, Пг., 1923, с. 5
12

Не поднимется скользкий топор.

257

AD 2, с. 22
9

Буду с милым есть голубой виноград,

258

Сб. «Абраксас», Пбг., 1922, с. 16 *6*	Хозяйка ли с любовником бежала,
9	Земли не видно. Страшную беду

259

С 27 (ГБЛ), с. 158 *1*	Как мог ты, мудрый и свободный,

260—262

1

«Стрелец», сб. 3, СПб., 1922, с. 52 *17*	И бледную Лию спокойной рукой

264

«Свирель Пана», 1923, № 21, с. 1 *5*	Что ж, прощай! не надо обреченных —

266

«Литературный современник», 1940, № 5-6, с. 48 *18—20* *с пропуском одной строки (опечатка?)*	Мы кольцо везде искали, Возле моря на лужке
С 61, с. 135 *47—48*	Забелели паруса, Заалели небеса.
Бювар (ЦГАЛИ) Черновой автограф *5*	А пред смертью посветлела
7	И задумалась: «Беда!
11	И сказала: «Он по ней,
После 12	И с пятнадцатого года Началась моя свобода. Черный перстень тем служил, Если кто мне станет мил. Камень в перстне поцелую И победу торжествую.

Так прошло двенадцать лет,
Сладких и тяжелых.
Изменился синий цвет
Глаз моих веселых.
С каждым днем бледней лицо,
Хрупче воска — тело,
Не служило мне кольцо
Так, как я хотела.

19 На дороге и в песке

24 Подождать четыре дня.

29 Только любите смеяться,

272

«Записки мечтателей», 1921, № 4, с. 18
8 За окном чердачным прошмыгнет —

274

С 27 (ГБЛ) с. 28
13 Ты словно брат. Молчишь, сердит

277

AD 1, с. 20
После 4
Семь дней любви, семь грозных лет разлуки,
Война, мятеж, опустошенный дом,
В крови невинной маленькие руки,
Седая прядь над розовым виском.

279

ПД Автограф
14 Александра, лебедя мудрого.

282

«Записки мечтателей», 1921, № 4, с. 12
8 И, прежний, веселый, земной

286

Альм. «Феникс», кн. 1, 1922, с. 7
1 Повсюду клевета сопутствовала мне,

4—5 Блуждая наугад за кровом и за хлебом,
И отсветы ее блестят во всех глазах,

7 Но не боюсь ее: на каждый вызов новый

10 На утренней заре войдут ко мне друзья,

16 Сливая голос свой с моленьем панихиды.

18 Чтоб на соседа глаз не смел поднять сосед,

288

«Мысль», вып. 1, Пг., 1918, с. 90	
13	На большой сосне
16	Ты сойдешь с горы,
19	Через луг бегом,
AD 1, с. 32	
19	По полю бегом,

289

«Биржевые ведомости», утр. вып., 1915, 20 декабря	
8	Холодным утром пришли.
22	Мои великие дни.

290

AD 1, с. 36	
2	Шары висящие скрежещут,
11	И странно ты глядишь вокруг

300

Из 43, с. 44	
1	Почти что от летейской тени
С 58, с. 46	
5	Пускай над временами года,
9	Мне улыбнется так же кротко,
13	Возникнут, словно в книге этой

303

«Ленинград», 1940, № 2, с. 9	
3—4	Здесь горных трав благоуханье, И только раз мне встретить удалось
6	В тот удаленный и жестокий час —

304

С 27 (ГБЛ)	
7	Над грядой царскосельских нарциссов

307

ГПБ
Автограф
1 Из тюремных ворот,

309

«Ленинград», 1940, № 2, с. 9
10 Зловещий парк, спокойный бег коня.

15 Туда, — по подкапризовой дороге,

ЧТ (ЦГАЛИ) С неукротимой совестью моей.
Автограф
4

13 Но зоркий надо мною и двурогий

311

Зв, 1940, № 3—4, с. 74
12 Чтоб не вспугнуть пространства чуткий сон,

17—18 И снова жжет февральская истома,
Звенит вдали прозрачный бубенец...

313

Зв, 1940, № 3—4, с. 74
1 Годовщину веселую празднуй —

5 Пар валит из-под желтых конюшен,

13 В грозных айсбергах славное поле,

18 Голос твой у меня за плечом.

20 Снежный прах как тепло серебрится

ЧТ (ЦГАЛИ)
Черновой автограф
10—11 Заблудился и мечется сад,
Из тюремного вырвавшись бреда,

323

«Ленинградский альманах», Л., 1945, с. 210
1 Пятнадцатилетние руки

324

ЦГАЛИ
Автограф
14 Я запоздала. Экая беда!

19 Сверкнули два живые изумруда

326

Зв, 1940, № 3—4, с. 75 *4*	Улыбается другою улыбкой.

327—329

1

Зв, 1945, № 2, с. 40 *5*	Больше нет ни обид, ни предательств,

330

Зв, 1940, № 3—4, с. 4 *22*	Бабочкой влетало в душный зал,
«Антология русской советской поэзии», т. 1, 1957, с. 322 *13—14*	Сумеречной жизнью недоволен, С нетерпеньем торопя судьбу,
17	И уже растущий гул прилива
ЧТ (ЦГАЛИ) Автограф *22—24*	Бабочкой летало над толпой, Чтобы вдруг под взорами твоими Превратиться в восхищенный вой.

331

Зв, 1944, № 7—8, с. 91 *11*	Любуясь в первый раз шарманкой одноногой,

332

Зв, 1944, № 7—8, с. 91 *8*	У наизусть запомненных прогулок

333—342

1

ШК, с. 31 *10*	Что слышно, как в лесах растет трава,
С 58, с. 42 *11*	Как по траве идет с котомкой лихо...
15	И эти продиктованные строчки

2

Зв, 1940, № 3—4, с. 75 *2*	И прелесть элегических страстей.

3

ЛГ, 1960, 29 октября
1 Как и жить мне с такой обузой,

3 Говорят: «Она на лугу...»

Записная книжка Ардовых Автограф
5 Хлеще, чем лихорадка, оттреплет,

5

НС, 1960, № 3, с. 179
11 Последний, как будто случайный,

С 61, с. 286
15 Там кто-то таинственно плачет

6

«Нева», 1960, № 3, с. 55
7 Из зеркала смотрит чужого

ЦГАЛИ Черновой автограф
1—4 Одно, словно [первый] встревоженный гром,
С дыханьем сирени врывается в дом,
Смеется, у [самого] горла трепещет
И [топает в пляске] и рукоплещет.

7—8 Из зеркала смотрит чужого
И редко процедит полслова.

10 *а* [Почти что совсем не глядя на меня]
б [Почти что совсем не смотря на меня]
в [Почти что совсем помимо меня]

11 *а* [Ложатся на] белой бумаге,
б [Прокрадутся] ⟨по⟩ белой бумаге

15—16 [Меняется, множится] вьется,
[Лишь эхом глухим отдается]

21 Но это... такой я не знала беды,

8

НС, 1960, № 3, с. 179
3 Это — сотни белых звонниц

9

ЦГАЛИ Автограф (другая редакция)

Я над ними склонюсь, как над чашей,
В них заветных заметок не счесть —
Окровавленной юности нашей
Это черная нежная весть.

Тем же воздухом, так же над бездной
Я дышала когда-то в ночи,

В той ночи и пустой и железной,
Где напрасно зови и кричи.

О, как пряно дыханье гвоздики,
Мне когда-то приснившейся там, —
Это кружатся Эвридики,
Бык Европу везет по волнам.

Это наши проносятся тени
Над Невой, над Невой, над Невой,
Это плещет Нева о ступени,
Это пропуск в бессмертие твой.

Это ключики от квартиры,
О которой теперь ни гу-гу...
Это голос таинственной лиры,
На загробном гостящей лугу.

10

«Ленинград», 1944, № 10—11, с. 8

1 Я в долгу у многого, что хочет

3 Но что, бессловесное, грохочет,

10 И ведут за черною звездой.

343

Н 1 Автограф

23 Зеленой — жесткой, среднеазиатской —

346

Автограф

Вместо 4—5
Он славы ждал... Он славы не дождался,
Он был преддверьем, предзнаменованьем
Всего, что с нами позже совершилось,

347—351

2

Из 43, с. 12

2 Пишет время костлявой рукой.

3

ЦГАЛИ Автограф

9 О тень, прости меня, но хмурая погода,

10 *а* Флобер, бессонница и легкая мигрень
б [Мигрень, бессонница и белая сирень]

13 Напомнили, но мне такого рода

3

Н 2 *Черновой автограф* *Набросок*	И кружку пенили отцы, И уходили сорванцы, Как в сказке, на войну, А к нам [она] пришла сама, И нет Ленор, и нет баллад, Погублен царскосельский сад, И, словно мертвые, стоят Знакомые дома. И равнодушие в глазах, И сквернословье на устах, Но только бы не страх, не страх, Не страх, не страх... Бах, бах!

4

Н 1, с. 28 *6—7*	Сыновья его бредят во сне, И из недр его вопли: «Хлеба!» —
9—10	Пусть отворят райскую дверь, Пусть помогут ему теперь.
Н 2, с. 28 *Автограф* *После 10*	И стоит везде на часах И уйти не пускает страх.

5

«Правда», 1942, 8 марта *7*	Но мы сохраним тебя, русская речь,
9	Свободной и чистой тебя донесем,

6—7

2

Сб. «Родной Ленинград», Ташкент, 1942, с. 49 *8*	Принеси же мне веточку клену
Из 43, с. 8 *3*	Я живу за высокой горою,

10

Зн, 1945, № 4, с. 50 *5—7*	Да что там имена! — захлопываем святцы: И на колени все! — Багровый хлынул свет; Рядами стройными проходят ленинградцы,

Н 1, с. 52	Живые с мертвыми. Для бога мертвых нет.
Автограф *8*	
С 58, с. 71 *6*	Все на колени, все! Багровый хлынул свет!

11

Зн, 1945, № 4, с. 50	Это — из песни не той и не той,
8	
10—11	Это — когда я встречусь с тобой, Это — когда окончится бой.

12—16

8

«Правда», 1945, 20 мая *Вместо 3—5*	Но что нам сказать долгожданной ей, Что мы ей сейчас ответим... Пусть женщины выше поднимут детей, Спасенных от тысячи тысяч смертей, Так гостью высокую встретим.

4

«Ленинград», 1944, № 10—11, с. 8 *1*	Так в ночи январской беззвездной,

369—376

3

Зв, 1945, № 2 с. 39 *5*	И атласных тюльпанов цветенье,
Н 1—2, с. 49 *5*	И кровавых тюльпанов цветенье,
С 58, с. 53 *5*	Белоснежных нарциссов цветенье,
7	Ветерком шелестит по стране,

6

Н 1—2, с. 60 *7*	Всё тот же ветер носит зерна,

7

Зв, 1944, № 7—8, с. 92 *3 (опечатка?)*	Неожиданно покато

8

Н 1, с. 44 *6* *рукописное исправление*	В изгнанье сладость острая была,

377

Зв, 1946, № 1, с. 71 *5—6*	Моя ташкентская поэма. Но, может, вспомню на лету,
22	До поворота мне видна
26—27	Где нет ни одного героя, Но крышу кровью залил мак.
Н 1—2, с. 47 *15*	Мне письма ждать перед закатом.

380

«Ленинград», 1946, № 1—2, с. 13 *Вместо 7—9*	Как для обряда всё. И лишь не уставая Грохочет тишина... Из страшной черноты Рембрандтовских углов

381

Н 2, с. 40 *Приписано перед 1*	Не блистательная фантазия — Лепесток, утонувший в вине, —

382—383

1

Н 2 *Карандашный автограф* *3*	Будто в каждый двор по привиденью
Там же *Карандашный набросок*	Над белоснежною стеной Слегка качались ветки эти, С изяществом и простотой, Которым равных нет на свете.
ЦГАЛИ *Черновой набросок*	Блаженный мир — зеленый мир За каждым поворотом. Багдад ли то или Каир? Лечу, как пчелы к сотам. Каир ли то или Багдад, Нет, то обыкновенный сад, И голос шепчет: — Кто там? Над белоснежною стеной Качались ветки эти

С изяществом и простотой,
Которых нет на свете.
Как луч, как ветер, как туман,
Шел через город караван
В пустыню из пустыни.
И там я видела орлов
И маленьких баранчуков
У черноокиx матерей
На молодых руках.

Собр. Дил. Набросок

И я всё расскажу тебе,
Как промчался «афганец» дикий,
Что увижу на светлом лике
Молодой азийской луны,
Что нашепчут еще арыки,
Что подслушаю в чайханы

Н 1, с. 41 Набросок

Как пронесся «афганец» дикий,
И чей лик на белой луне,
Что нашепчут еще арыки,
Что подслушаю в чайхане.

Н 2, л. 40 об. Автограф

Лежала тень на месяце двурогом
. . . . страх,
А там трусили по кривым дорогам
Большие старики на маленьких ослах.

Там же

Как луч, как ветер, как туман,
И как проходит караван

384—386

1

«Ленинград», 1944, № 10—11, с. 8
4—5

И шли пирушки ветров.
Как с того света на нее,

2

«Огонек», 1950, № 36, с. 23
1—2

Как мой лучший день отмечу
День, когда о победе пела,

387—390

1

Зв, 1946, № 1, с. 70
1

В этой комнате колдунья

391—402

⟨2⟩

ЦГАЛИ
Автограф
(другая редакция)

Кого когда-то называли люди
Царем в насмешку, богом в самом деле,
Кто был убит. — И чье орудье пытки
Согрето теплотой моей груди...
Вкусили смерть Свидетели Христовы,
И сплетницы-старухи, и солдаты,
И прокуратор Рима — все прошли.
Там, где когда-то возвышалась арка,
Где море билось, где чернел утес,
Их выпили в вине, вдохнули с пылью жаркой
И с запахом бессмертных роз.
Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор — к смерти всё готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней — царственное слово.

403

«Ленинград», 1946, № 1—2, с. 13

3 — И я наблюдала почти без ошибки

9 — Всё влажно, легко и светло...

14—15 — Но это бывает — чуть начата повесть,
Минута, секунда — и вот

19 — Разграблен летний приют.

21 — В молочном тумане плывут...

404

«Ленинград», 1944, № 10—11, с. 8

4 — И смеются маки в красных шляпах,

10—12 — А над ним, как над бездонной кручей,
Недреманное глядит из сизой тучи,
Словно много сотен лет назад.

406

ЧТ (ЦГАЛИ)
Автограф

2 — Веет воздух весенний,

После 4 — Оплаканы мертвые горько.
Со всеми врагами в мире
Душа моя ныне.

410

«Огонек», 1950, № 36, с. 23

4 Давно полны студеной тишиной.

17 Ты стала и могучей и свободной

«Поэты мира в борьбе за мир», М., 1951, с. 39

4 Сияют обновленной красотой

10 Где выл пожар — благоуханный сад.

413

«Ленинградский альманах», кн. 9, 1954, с. 144

27 Вот он, светлоголовый, синеглазый,

414

«Огонек», 1950, № 42, с. 20

5 И на лужайке этот резвый танец,

9 Алмазными казались солнца блики,

415—419

3

«Ленинград», 1946, № 3—4, с. 10

4 Иду как с песней в теле.

5

Там же

5 И какое зловещее варево

Н 2, с. 71

7 И зачем ленинградское зарево

420—433

3

Н 2, с. 72

Перед 1

[Мы с тобою, друг мой, не разделим
То, что разделить велел нам бог,
Мы с тобою скатерть не расстелим,
Не поставим на нее пирог.]

7—8

Но весенней лунною порою
Через звезды мне пришли привет.

7—8 (рукописное исправление)

Только бы весеннею порою
Через звезды мне прислал привет.

	6
«Москва», 1959, № 7, с. 144	
11—12	О милый сон, как мог ты весть такую Мне на ухо чуть слышно прошептать!
	8
НМ, 1960, № 1, с. 153	
16	Откуда унеслась стихов сгоревших стая.
ГПБ Автограф	
16	Откуда унеслась стихов казненных стая.
	9
ЦГАЛИ Автограф	
15—16	А он был мировою славой И грозным вызовом Судьбе.
	10
ЦГАЛИ Автограф	
7—8	И, кажется, тайно глядится Суоми В пустые свои зеркала.
12	И финский зазубренный нож.
	11
«Литература и жизнь», 1962, 26 октября	
9	И забыл ты в ужасе и в муке
	12
Юн, 1964, № 4, с. 63	
2—3	Проживешь как-нибудь и без них. Ведь в крови не осталось ни грамма,
9	Но от наших великолепий
13	Не придумать разлуки бездонней,
15	И ты знаешь, что нас разлученней
ЦГАЛИ Автограф	
3	Пусть в крови не осталось ни грамма,
5	Мы сжигаем немыслимой жизни
7	И про встречу в небесной отчизне
	434
С 58 (рукоп. исправление мат. В. Иванова)	
7	А в никогда и в никуда
Мат. В. Орлова	
3—4	Найдет, вернувшись в отчий дом, Давнишнюю подругу.

439—441

1

«Огонек», 1964, № 10, с. 4 5—6	И так случится в тот московский день, Когда навеки город я покину.
ЦГАЛИ Автограф 2	Подумаешь — она дождя желала

2

«Огонек», 1964, № 10, с. 4 4	Прощальных песен первые изданья —
ЦГАЛИ Автограф 3	Дни декабря как черные стволы

3

Там же 2	И за то, что мы в этом с тобою краю,
7	За то, что плывет всё, беззвучно скользя,
После 8	За всё, что мне снится еще и теперь, Хоть прочно туда заколочена дверь.
ЦГАЛИ Автограф 1—3	За кротость твою и за верность мою, За то, что мы в страшном с тобой краю, Что мы заколдованы, прокляты мы
6	Воздушней цепочек, синее снегов,
После 8	За то, что над нами стрясется потом, За третие что-то над явью и сном.

442—450

2

Зв, 1964, № 3, с. 47 5	Пусть я и не сон, не отрада
ЦГАЛИ. Автограф 6	Не милость, не благодать,
10	И глаз, что таит в глубине
12	В своей голубой тишине.

3

ЦГАЛИ Автограф 9—12	А помнишь, были мы людьми Еще вчера, еще недавно... Подумать только, как бесславно Во что-то превратились мы.

5

ДП, М., 1964, с. 61
1—2

И в предпоследней из сонат
Тебя я скрыла осторожно.

Вместо 7—8

В той, нам знакомой, тишине.

6

ЦГАЛИ
Автограф в виде отдельной строфы

И смычок заплачет, что вошел ты
В мой полночный дом.
Снова свечи станут тускло-желты
И закляты сном.

7

ЦГАЛИ
Автограф
9—12

И, ничьему не веря славословью
И наши как бы позабыв грехи,
Так жарко приникали к изголовью
И бормотали наши же стихи.

451

ЦГАЛИ
Автограф
10—12

Дорога в чаще изумрудной,
Которая туда ведет,
Где меж стволов еще светлее

14

Где в Царском тень моя живет.

452

«Литература и жизнь», 1959, 5 апреля
2—7

И вся она немыслимо лучится,
Она сама со мною говорит
И утешать мне душу не боится.

Открыты широко ее глаза,
И грозен за плечами блеск воскрылий.
И это всё — как первая гроза.

454

НМ, 1960, № 1, с. 52
13

И шепчутся белые ночи мои

Автограф (мат. В. Иванова)
5

В душистой тиши между дремлющих лип

456

НМ, 1960, № 1, с. 151
14

А когда-то был свежий и летний, —

457—458

1

Зв, 1946, № 1, с. 72 *1—5*	Мой городок игрушечный сожгли, И в прошлое мне больше нет лазейки. Там был фонтан, зеленые скамейки, Громада парка царского вдали. На масленой — блины, ухабы, вейки,
Н 1, с. 58 *2*	И надругались над тобой, злодеи.
5	Заря была сама себя алее,
С 58, с. 65 *1*	Что делать мне? Они тебя сожгли...

459—462

1

ДП, Л., 1964, с. 22 *8*	Стой, прохожий!

2

ГПБ *Автограф* *1*	Ужас тешил, грела вьюга.

3

ДП, Л., 1964, с. 22 *5*	Безрассудной первой ссоры,
ЦГАЛИ. Черновой незаконченный автограф *1—4*	Не смеялась, не глядела И весь день молчала. По тебе с ума сходила С самого начала.

4

ДП, Л., 1964, с. 23 *8*	Был еще родней.

463

«Нева», 1960, № 3, с. 55 *2*	Светила нам только азийская тьма,
4	И черные пахли гвоздики.
6	Сквозь дикую песнь и полуночный зной, —

17—19	Так шли мы с тобою единственный раз, Как будто в ничейный попали рассказ, И месяц алмазной фелукой
22—24	Будь добрым к моей запоздалой мольбе; Пришли наяву ли, во сне ли Мне голос азийской свирели.
С 61, с. 280 *9—10*	То мог быть Каир или даже Багдад, Но только не призрачный мой Ленинград,
21—23	И если вернется к тебе эта ночь, Ее не гони, как проклятую, прочь, И знай, что приснилась кому-то

465

ЦГАЛИ *Автограф* *2*	Он совсем как сквозной дымок,

472

Зн, 1963, № 1, *с. 143* *2—3*	И нет среди них ни одной не заклятой. Но вот и последней восходит заря...
6	Оно наполняется мутной тоскою.
Н 1 *Автограф* *Вместо 3—10*	И даже сегодняшний ветреный день Преступно хранит прошлогоднюю тень, Как тихий, но явственный стук из подполья, И сердце на стук отзывается болью. Я всё заплатила до капли, до дна, Я буду свободна, я буду одна . . . . Но ломятся в комнату липы и клены, Гудит и бесстыдствует табор зеленый
Н 2, Автограф *3*	Но самой проклятой подходит заря...
10	Чудит и бесчинствует табор зеленый
После 12 *приписано*	А в Мраморном крайнее пусто окно, Там пью я с тобой ледяное вино, И там попрощаюсь с тобою навек, Мудрец и безумец — дурной человек.
ГПБ *Машинопись* *«Из ленинград-* *ского цикла „Бе-* *лые ночи“»* *После 12*	[Всё ясно — кончается злая неволя, Сейчас я пройду через Марсово Поле, И в Мраморном крайнее пусто окно, Там пью я с тобой ледяное вино. Мы заняты странным с тобой разговором, Уже без проклятий, уже без укоров. Там я попрощаюсь с тобою навек, Мудрец и безумец — дурной человек.]

475—476

1

ЦГАЛИ
Автограф
4 Или в воспетый им тончайший дождь.

479

ЛГ, 1962,
16 января
9 Вот отчего у восточной стены,

12 Словно письмо от Марины.

483

Автограф,
принадлежащий
О. А. Ладыжен-
ской
3—4 Здесь Скандинавия отражена, как тень,
Одно великолепное виденье.

6 Но воздух полон их благоуханьем,

ЦГАЛИ
Автограф
4 И мнится, только ль это отраженье

485

Автограф
из гимназического
альбома
1—6 На руке его много прекрасных колец,
Покоренных им девственно-нежных сердец,
Там сверкают опалы, блестят аметисты,
И лучи изумрудов прозрачны и чисты.
Бледных жемчугов матово-строгий [стройный] узор
Кроет чей-то несказанно-жгучий позор.

9 «Береги этот дар, будь мечтою горда», —

489

1

ЦГАЛИ
Автограф
3—4 Как только сегодня багровый закат
Над крестами лаврскими плачет.

На месте много-
точия обозначены
две пропущенные
строки, затем
следует А то, что прежде пело во мне,
Безудержно рыдает.

2

3—4 «Сестра, отвернись, не гляди на меня,
Эта грудь в жестоких ранах».

После 4	«Брат, отчего грусть моя сегодня остра, Отчего ты словно далеко?» «Прости, о, прости, моя сестра, Мы будем всегда одиноки».

505

ЧТ (ЦГАЛИ) *Автограф* *7*	И страшно мне опустошенье

513

Там же *Автограф* *6*	Не поет, неистово кричит.

524

ЦГАЛИ *Автограф* *4*	[Непостижимый этот лик.]

529

С 27 (ГБЛ), *с. 162* *2*	Вот и могущества тайные знаки.
5	Больше уже ничего не боюсь,
ЦГАЛИ *Автограф* *4*	Если хочешь, голодной собаке.
8	И задохнусь я от срама такого.

531

Дил.	Ты прости мне, что я плохо правлю, Плохо правлю, да светло живу, Память в песнях о себе оставлю, И тебе приснилась наяву. Ты прости меня, еще не зная, Что навеки с именем моим, Как с огнем веселым едкий дым, Сочеталась клевета глухая.

534

ГПБ *Автограф* *4—5*	Ах, если бы вдруг откинуться Куда-то в семнадцатый век.
7	На Троицу в церкви стоять,
9	Душистый медок попивать.

535

ЦГАЛИ Автограф 13	И кто подумать смел, что полоумной мне,
16—17	Всех потерявшей, всё забывшей, Придется вспоминать того, кто, полный сил,
Мат. Ардовых (ПД) 13—14	О, кто подумать мог, что полоумной мне, Мне, плакальщице дней небывших,
16	Всё пережившей, всех забывшей,—
20	Скрывая дрожь смертельной боли.

536

ГПБ Автограф 4	Наклонилась к воде и слушаю:
9—10	Вот меньшие бьют у Егория, А большие с башни Благовещенской,
15	И горит свеча негасимая

541

ГПБ Автограф 4	Когда вы мирно отдыхали в Сочи,
7	Над Азией воздушные туманы,
11	Природы — с неповинностью святою,

544

ЦГАЛИ Автограф снизу приписано	А умирать поедем в Самарканд На родину бессмертных роз. (В тифозном бреду)

558

ЦГАЛИ Автограф 3—4	Но так случилось, что я прожила Почти всю жизнь под знаменитой кровлей

562

ЦГАЛИ Черновой автограф 1—3	Не мудрено, что похоронным звоном Звучит порой — непокоренный стих. Пустынно здесь! Уже за Флегетоном [Ахероном]

После 4 зачеркнуто 8 строк	И те, с кем я пила вино в подвале, [Завистницы] нарядные соперницы, враги, И те, кто мне стихи свои читали, Умолкли голоса их и шаги. И те, с кем я, делясь последним хлебом, Беседы в годы черные вела, И те, с кем под Азийским звездным небом Возврата в город мой родной ждала,
5—7	И вы, друзья, осталось вас немного, Последние, вы мне всего милей. Короткой сразу сделалась дорога,
ЦГАЛИ Автограф (более поздний) 1	Не мудрено, что похоронным [колокольным] звоном
3	И я грущу. Уже за Флегетоном
6	И оттого вы мне еще милей.

564

ГПБ Автограф 15—17	Опять кричит — я здесь, всегда с тобой... Мне ни к чему ни радость, ни свобода, Я столько знаю, что молчит природа
Там же Другой автограф Отдельно добавлено	Как звучен мрамор этих галерей И этих лестниц, в никуда ведущих,

568

ЦГАЛИ Автограф 3	Как негашеной известью горю
5—6	Я притворюсь беззвучною [и смертью и] зимой И вечные навек [и тяжкие опять] захлопну двери.
Там же 3—4	[Я снова всё на свете раздарю, И этого мне снова будет мало.]

574

ЦГАЛИ Автограф 1—2	Что нам разлука — игра и забава! Мука ль забудет про нас?
6	Лихо умеет стучать?

576

ЦГАЛИ
Черновой
автограф
2

Бес скорости ногой ступил на темя

ГПБ
Черновой
автограф
Вместо 2—7

Бес скорости [невидимо] вдруг наступил
на темя
Могучих гор и повернул поток,
В земле [дремучей не прозябло] отравлено
лежало семя,
[По стеблю не пошел зеленый сок.]

И всё, что снилось нам в начале века.
. . . .
Индуса бредни, и мечтанья грека,
И Страшного суда великий час, —
Всё у порога...

577

ГПБ
Черновой
автограф
1—4

Как же что-то опять у крыльца
Птичьим голосом нас окликает
И как будто условно в углу
В мутном зеркале ярко мигнуло.

580

ЦГАЛИ
Автограф
2

Бархатистый хранила след —

581

ЦГАЛИ
Автограф
1—2

Под заветным призрачным кленом
Угощу я беседой простой,

584

ЦГАЛИ
Автограф
После 8

[Как безмолвно благодарю
Рок мой за подвиг жестокий,
И как я кому-то дарю
Эти волшебные строки.]

601

ГПБ
Черновой
автограф

А ведь мы с тобой
не любились
Только [всем тогда] там судьбой
поделились.

Тебе [белый свет] путь открыт,
парус вольный,
[Или] Но не божий скит
колокольный.

. . . .

А мне ватник мой
и ушанку...
Не зови домой
каторжанку.

Там же
3—4 Как ушанками, судьбой обменялись

603

ГПБ
Черновой автограф
1 Я подымаю трубку — я [вызываю город]

4 [Неясно] вокруг струится, едва голубея, свет

607

ГПБ
Автограф
5 В нем смерть [жила невероятной] жизнью

612

Автограф
(собр. А. Наймана)
4 А под ногой могильная ступень.

615

ГПБ
Автограф
3 Отчаянье, [украшенное] страхом,

629—631

1

Ч 1, с. 84
10 И осенью, однажды, иностранку

2

AD 1, с. 48
2 И дом, где муза, плача, изнывала,

23 И жаловался весело, то грустно

632

«Ленинград», 1946, № 1-2, с. 13	Лишь ржавый флюгер вдалеке скрипел; Но в этом парке тихо и угрюмо.
16—18	Сверкает месяц, снег алмазно бел.
ЧТ (ЦГАЛИ) Автограф 16	Лишь ржавый флюгер заунывно пел;
Н 2 11—12 приписано на полях	И оттепели наступившей рад Уже струится первый водопад (1925)
После 24	С воксала к парку легкие кареты, Как с похорон торжественных, спешат. В них дамы — в сарафанчики одеты, А с английским акцентом говорят. Одна из них (как разглашать секреты, Мне этого, наверно, не простят) Попала в вавилонские блудницы, А тезка мне и лучший друг царицы. . . . . О, знал ли он, любимец двух столетий, Как грозно третьим принят будет он. Мне суждено запомнить этот сон, Как помнят мать, осиротевши, дети
25	[И парк безлюден, как Сибирский лес]

634—639

‹2›

Зв, 1946, № 1, с. 71 7	Года боролась, — получило жизнь
21	И не с одною мной — с другими тоже, —
25	«Пятнадцать лет назад ты песней
27	И хоры звезд и хоры вод звала
С 61, с. 259 1	Так вот же он — осенний тот пейзаж,

‹8›

Н 1, с. 67 2	Жестокая эпоха повернула.
10	О, сколько очертаний городов
14	О, сколько я стихов не написала,
17	Меня замучит...
25	Я сделала, что можно...

После 26 на месте строки точек

Но иногда весенний шалый ветер
Иль сочетанье слов в случайной книге,
Или улыбка чья-то вдруг потянут
Меня в несостоявшуюся жизнь:
В таком году произошло бы то-то,
А в этом — это: ездить, видеть, думать
И вспоминать, и в новую любовь
Входить, как в зеркало, с тупым сознаньем
Измены и еще вчера небывшей
Морщинкой...

27

Но если бы оттуда посмотрела

29

Я б умерла от зависти...

⟨5⟩

ГПБ Автограф 5—7

[Как «некий дух»] я с самого начала
То чьим-то сном [была, то чьим-то] бредом
[То] отраженьем в зеркале чужом

10

Которые [я в жизни совершу].

22

[И радовались мне и] восхищались

24

И тем сильней хотелось мне проснуться,

После 25

[За каждое их ласковое слово].

Там же, черновой автограф После 7

Себя считала неизменно эхом,
Пещерным, довременным и ночным

21

И чем сильней мне радовались люди

Там же (на оборотной стороне страницы) 13—16

[Она меня заманивала разно:
То стлалась под ноги звериной шкурой,
То расстилалась вдруг ковром персидским,
Ко мне бежала, ласково звеня.]

Там же, черновой набросок в материалах к драме «Пролог, или Сон во сне»

И никакого розового детства...
Ни добрых теть, ни страшных дядь,
Ни даже товарищей из камушков речных.
Себя чуть помню — я себе казалась
Событием невероятной силы
Иль чьим-то сном, иль чьим-то отраженьем
Или ночным глухим пещерным эхом
. . . .
Уже в пять лет я двойников своих
Искать ходила, и казалось мне,
Что видела их [И находила] сотнямиповсюду.
То мне казалось, что меня к чужим

Подбросили — и никого не знаю,
И злодеяние в себе несу.
И [что] это вот, вот откроют люди,
А в зеркале я за спиной своей
Так часто что-то лишнее видала

⟨6⟩

ЦГАЛИ Автограф 3 — Ни колыбелька [нашего] ребенка,

13 — Не видеть, что творится [пред нашими глазами] в зазеркалье

ГПБ Автограф Вместо 5

. . .и удача
От нашего порога ни на шаг
За семь лет не смела отойти

Вместо 8—18

И оставляла на тарелке крошки
Для тех, кто ночью тяжело ступал,
Кто тайно трогал клавиши рояля,
Кто отражался в наших зеркалах.
И ты молил меня: — Не вызывай
Того, кого сама прогнать не можешь.

ГПБ Карандашный набросок

Тогда в подобных чувствах жили мы:
А будущее в комнате соседней
Еще топталось, как толпа статистов,
Шепчась между собою и зевая
И зная всё [что будет] наперед.

646

А, 1915, № 3, с. 25 46 — Свежую камбалу жарить будем».

251 — И положил на черные камни.

259 — Лучше бы мне слепой родиться.

БВ, с. 166 9 — В песок зарывала пестрое платье,

ЦГАЛИ Автограф После 20

А я еще искала тот столб высокий,
Что стоял когда-то у стен Херсонеса
И до которого Херсониды
Дотащили святого и там убили
. . . .
Про это всё написано в святцах
[Показать могу, сама читала],
Как мне прабабка моя сказала

После 48 — (А мне было тогда [в то время] пятнадцать).

647

Н 1, Дил., мат. Вл. Орлова После 76	В какой бы кровати И где б ни спала, Из страшных объятий Вставала бела.
ДП, М.—Л., 1963, с. 47 7	Меня спозаранку
Н 1, Дил. 98	Из смерти сквозят —
Н 1, Дил., ЦГАЛИ 103	Столицей распятой
Дил. 91	В груде поломок
118	Заброшенный склеп,
ШК 39	Но вот уже Крыма
51	По капельке льется
ГПБ Машинопись 17—18	И [воин] призрак спокойно Отводит штык
к 39—40 подстрочное прим. автора:	*Было* И карлика Мимэ Торчит борода.

648

Г 56, Ц 59 103—104	Прячет что-то под фалдой фрака Тот, кто хром и любезен. Однако
БВ, с. 315 109	Что лишь Гойа мог передать
Г 56 121	Шаль турецкую не снимая,
Ц 59 121	Шаль воспетую не снимая,
Г 56, Ц 59 139	И проникнуть сюда не мог.
БВ, с. 318 176	Лучше сами сказали стихи.
Рук. БВ 176	Лучше сами расскажут стихи.

Г 56 *181*	В узких окнах звезды не видно,
183	И удушлива, пряна, бесстыдна,
Ц 59 *204*	Запах розы и в отдаленье
ДП, М., 1963, с. 88 *244*	Та, кого никому не жаль,
248	«Пусть к вину подадут миндаль».
Г 56, Ц 59 *В «Примечаниях редактора»* *Вместо 244—247*	Голова герцогини Ламбаль... А смиренница — голубица Гулит, синие вскинув ресницы:
ЦГАЛИ *Черновой автограф* *252*	Сумасшедшей пляской пьяна
255	Так [нарядно] парадно обнажена.
258—262	Переряжен, как в древней сказке, — Нет, то твой обычный вид. Чести друг ты и раб любови. Отчего ж эта капля крови
Там же *Другой автограф* *258*	Ты — царевич из древней сказки,
260—261	Столько горечи в каждом слове, Столько срама в твоей любови,
Г 56, Ц 59 *279*	Осиянна, непостижима
БВ *281*	И острит запоздавший сноб.
Ц 59 *287—291*	Словно эхо горного грома — Ужас, смерть, прощенье, любовь... Ни на что на земле не похожий, Он несется, как вестник божий, Настигая нас вновь и вновь.
С 61, с. 237 *288*	Наша слава и торжество!
291	Над страной, родившей его.
Г 56, Ц 59 *304—305*	Пахнет... Пьяный поет моряк.
«Литературная Москва» 1, 1956, с. 537 *304—305*	Пахнет... ...Звонко поет моряк.

Г 56, Ц 59
364

И мне странно теперь: неужели

Г 56
367

Ослепительной ножксй твоей? . .

Г 56, Ц 59
381—386

Всех влюбленных он суеверней,
Здесь, с улыбкой жертвы вечерней
    И бледней, чем святой Себастьян,
Весь смутившись, глядит он сквозь слезы,
Как тебе протянули розы,
    Как соперник его румян.

Г 56
406—408

Становилось темно в гостиной,
Жар не шел из пасти каминной,
    И в кувшине вяла сирень.

«Москва», 1959,
№ 7,
с. 143
410—411

Самодержца град бесноватый
В свой уже уходил туман.

ЦГАЛИ
Черновой
автограф
Вместо
415—423

Словно память «Народной воли».
Тут уже до Горячего поля,
    Вероятно, рукой подать.
И смолкает мой голос вещий,
Тут еще чудеса похлеще,
    Но уйдем — мне некогда ждать.

За заставой воет шарманка,
Водят мишку, пляшет цыганка
На заплеванной мостовой
[Матерится мастеровой]

Паровик идет до Скорбящей,
Дальше только сумрак смердящий,
У тюрьмы — гигант-часовой.

Г 56
417

Непонятный таился гул.

Г 56, Ц 59
510

Был один наряжен верстою,

Г 56
514

Третий умер в семнадцать лет.

Г 56
518—519

И над тем надбитым флаконом
Языком кривым и зеленым

Ц 59
«Примечания
редактора»
к 522

Я пишу для *** либретто

Г 56 *541*	У ампирных дверей дрожит.
ЦГАЛИ *Автограф* *Предположительно* *после 553*	Не боюсь ни смерти, ни срама, Это тайнопись, криптограмма, Запрещенный это прием. Знают все, по какому краю Лунатически я ступаю, И в какой направляюсь дом.
571	У шкатулки ж двойное дно
ЦГАЛИ *Автограф* *578—583*	Чтобы в ночь под сиянием Веги На туманном западном бреге Кто-то [вновь опустил] дерзко поднял глаза, И мне вновь, мимолетной тени, Дал бы ветку мокрой сирени [В час, как эта минет гроза].
Г 56, Ц 59 *646*	Ты гранитный, кромешный, милый,
С 61, с. 242 *659*	Обратившись сегодня в прах
694	Не сраженная смертным страхом
Вместо 697—698	И сжимая уста, Россия В это время шла на восток. И себе же самой навстречу Непреклонно в грозную сечу, Как из зеркала наяву, — Ураганом с Урала, с Алтая Долгу верная, молодая Шла Россия спасать Москву.

650

ЦГАЛИ *Первый автограф* *4*	[Всё не спит сосед и бормочет]
5	*а* [Что теперь больше счастья хочет] *б* [Что теперь одного он хочет]
Второй автограф *1—3*	[А за жесткой перегородкой Кто прошел знакомой походкой И такую встревожил ночь.]
Третий автограф	[Кто там ходит быстрой походкой, Вспоминая ту злую ночь. . . И, наверно, опять бормочет,]

ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ

Ленинград—Ташкент

1940—1942

Deus conservat omnia. *

Девиз в гербе на воротах
Фонтанного Дома,
в котором я жила,
когда начала писать
поэму

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Она пришла ко мне в ночь с 26-ого на 27-ое декабря 1940, прислав, как вестницу, еще осенью отрывок («Ты в Россию пришла ниоткуда — Вижу танец придворных костей»). Я не звала ее. Я даже не ждала ее в тот холодный темный день моей последней ленинградской зимы.

Появлению ее предшествовало несколько мелких и незначительных фактов, которые я не решаюсь назвать событиями.

В ту ночь я написала два куска 1-ой части и посвящение. Через несколько дней я, почти не отрываясь, написала «Решку», а в Ташкенте — «Эпилог», ставший третьей частью поэмы.

Всю эту поэму я посвящаю памяти ее первых слушателей, погибших в Ленинграде во время осады. **

Их голоса я слышу теперь, когда читаю вслух мою поэму, и этот тайный хор стал для меня навсегда ее фоном и оправданием.

8 апреля 1943

ПОСВЯЩЕНИЕ

А так как мне бумаги не хватило,
Я на твоем пишу черновике.
И вот чужое слово проступает
И, как снежинка на моей руке,
Доверчиво и без упрека тает.
И темные ресницы Антиноя
Вдруг поднялись, и там зеленый дым,

---

* Бог хранит всё (лат.). — *Ред.*

** Этому не противоречат первоначальные посвящения, которые продолжают жить в поэме своей жизнью.

И ветерком повеяло родным, —
Не море ли? — Нет, это только хвоя
Могильная, и в накипаньи пен
Всё ближе, ближе... Marche funèbre... *
Шопен.

26 дек⟨абря⟩ 1940

ВСТУПЛЕНИЕ

Из года сорокового,
Как с башни, на всё гляжу.
Как будто прощаюсь снова
С тем, с чем давно простилась,
Как будто перекрестилась
И под темные своды схожу.

1941. Август
Шер⟨еметевский⟩ Дом
(воздушная тревога)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ТРИНАДЦАТЫЙ ГОД

De rider finirai
Pria dell' aurora.

Don Giovanni. **

⟨1⟩

Я зажгла заветные свечи
И вдвоем с ко мне не пришедшим
Сорок первый встречаю год.
Но... Господняя сила с нами!
В хрустале утонуло пламя,
«И вино, как отрава, жжет».

Это всплески жуткой беседы,
Когда все воскресают бреды,
А часы всё еще не бьют.
Нету меры моей тревоге,
Я, как тень, стою на пороге,
Стерегу последний уют.

И я слышу звонок протяжный,
И я чувствую холод влажный,
Каменею, стыну, горю...
И, как будто припомнив что-то,

---

* Траурный марш (франц.). — *Ред.*
** Смеяться перестанешь
Раньше, чем наступит заря.
Дон Жуан (итал.). — *Ред.*

Повернувшись вполоборота,
Тихим голосом говорю:

Вы ошиблись: Венеция дожей —
Это рядом, но маски в прихожей
И плащи, и жезлы, и венцы
Вам сегодня придется оставить.
Вас я вздумала нынче прославить,
Новогодние сорванцы,

Этот Фаустом, тот Дон Жуаном,
А какой-то еще с тимпаном
Козлоногую приволок.
И для них расступились стены,
Вдалеке завыли сирены,
И как купол вспух потолок.

Ясно всё: не ко мне, так к кому же?
Не для них здесь готовился ужин,
И не их собирались простить.
Хром последний, кашляет сухо...

Я надеюсь, нечистого духа
Вы не смели сюда ввести.
Я забыла ваши уроки,
Краснобаи и лжепророки,
Но меня не забыли вы.
Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет —
Страшный праздник мертвой листвы.

Только ряженых ведь я боялась:
Мне всегда почему-то казалось,
Что какая-то лишняя тень
Среди них без лица и названья
Затесалась. Откроем собранье
В новогодний торжественный день.

Ту полночную Гофманиану
Разглашать я по свету не стану
И других бы просила...
                                        Постой,
Ты, как будто, не значишься в списках,
В колдунах, звездочетах, Лизисках —
Полосатой наряжен верстой,
Размалеванный пестро и грубо —

Ты — ровесник Мамврийского Дуба,
Вековой собеседник луны.

Не обманут притворные стоны, —
Ты железные пишешь законы:
Хамураби, Ликурги, Солоны
У тебя поучиться должны.

Существо это странного нрава:
Он не ждет, чтоб подагра и слава
Впопыхах усадили его
В юбилейные пышные кресла,
А несет по цветущему вереску,
По пустыням свое торжество.
И ни в чем не повинен: ни в этом,
Ни в другом и ни в третьем. Поэтам
Вообще не пристали грехи.
Проплясать пред Ковчегом Завета
Или сгинуть... да что там, — про это
Лучше их рассказали стихи.

Крик: «Героя на авансцену!»
Не волнуйтесь — дылде на смену
Непременно выйдет сейчас
И споет о священной мести...
Что ж вы все убегаете вместе,
Словно каждый нашел по невесте,
Оставляя с глазу на глаз
Меня в сумраке с этой рамой,
Из которой глядит тот самый
До сих пор неоплаканный час.

Молодого ль месяца шутки?!
Или вправду там кто-то жуткий
Между печкой и шкафом стоит?! —
Бледен лоб, и глаза закрыты...
Значит, хрупки могильные плиты,
Значит, мягче воска гранит.
Вздор, вздор, вздор! — от такого
вздора
Я седою сделаюсь скоро
Или стану совсем другой.
Что ты манишь меня рукою?..

За одну минуту покоя
Я посмертный отдам покой.
Это всё наплывает не сразу.
Как одну музыкальную фразу,
Слышу несколько сбивчивых слов.
После лестницы плоской ступени,
Вспышки газа и в отдалении
Ясный голос: «Я к смерти *готов*».

II

Ты сладострастней, ты
телесней
Живых, блистательная тень.

Баратынский

Распахнулась атласная шубка...
Не сердись на меня, голубка, —
Не тебя, а себя казню.
Видишь, там за вьюгой крупчатой
Театральные арапчата
Затевают опять возню.
Как парадно звенят полозья
И волочится полость козья.
Мимо, тени! Он там один.
На стене его тонкий профиль.
Гавриил или Мефистофель
Твой, красавица, паладин?

Ты сбежала ко мне с портрета,
И пустая рама до света
На стене тебя будет ждать —
Так пляши одна без партнера,
Я же роль античного хора
На себя согласна принять.

Ты в Россию пришла ниоткуда,
О мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов!
Что глядишь ты так смутно и зорко?
Петербургская кукла, актерка,
Ты один из моих двойников.
К прочим титулам надо и этот
Приписать. О подруга поэтов!
Я — наследница славы твоей.
Здесь под музыку дивного мэтра,
Ленинградского дикого ветра,
Вижу танец придворных костей.

Оплывают венчальные свечи,
Под фатой поцелуйные плечи,
Храм гремит: «Голубица, гряди!»
Горы пармских фиалок в апреле
И свиданье в Мальтийской Капелле,
Как проклятье в твоей груди.

Дом пестрей комедьянтской фуры, —
Облупившиеся амуры
Охраняют Венерин алтарь,
Спальню ты убрала, как беседку,

Деревенскую девку-соседку
Не признает веселый скобарь.
И подсвечники золотые,
И на стенах лазурных святые —
Полукрадено это добро.
Вся в цветах, как «Весна» Боттичелли,
Ты друзей принимала в постели,
И томился дежурный Пьеро.

Твоего я не видела мужа —
Я — к стеклу приникавшая стужа
Или бой крепостных часов.
Ты не бойся, дома не мечу,
Выходи ко мне смело навстречу —
Гороскоп твой давно готов.

III

Падают Брянские, растут
у Манташева.
Нет уже юноши, нет уже
нашего.

В. Хлебников

Были святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты,
И весь траурный город плыл —
По неведомому назначенью,
По Неве иль против теченья —
Только прочь от своих могил.
В Летнем тонко пела флюгарка
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.
И всегда в духоте морозной —
Предвоенной, блудной и грозной —
Потаенный носился гул.
Но тогда он был слышен глухо,
Он почти не касался слуха
И в сугробах невских тонул.

А сейчас бы домой скорее
Камероновой галереей
В ледяной таинственный сад,
Где безмолвствуют водопады,
Где все девять * мне будут рады,
Как бывал ты когда-то рад.

* Музы.

Там за островом, там за Садом
Разве мы не встретимся взглядом
Не глядевших на казнь очей?
Разве ты мне не скажешь снова
Победившее
смерть
слово
И разгадку жизни моей?

Кто за полночь под окнами бродит,
На кого беспощадно наводит
Тусклый луч угловой фонарь, —
Тот и видел, как стройная маска
На обратном «Пути из Дамаска»
Возвратилась домой не одна.

Уж на лестнице пахнет духами,
И гусарский корнет со стихами
И с бессмысленной смертью в груди
Позвонит, если смелости хватит,
Он тебе, он своей «Травиате»
Поклониться пришел. Гляди.

Ни в проклятых Мазурских болотах,
Ни на синих Карпатских высотах...
Он на твой порог...
Поперек...

Да простит тебя бог.

Это я — твоя старая совесть
Разыскала сожженную повесть
И на край подоконника
В доме покойника
Положила и на цыпочках ушла.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Всё в порядке: лежит поэма
И, как свойственно ей, молчит.
Ну, а вдруг как вырвется тема,
Кулаком в окно застучит?

И на зов этот издалека
Вдруг откликнется страшный звук —
Клокотание, стон и клекот
И виденье скрещенных рук?..

26 дек‹абря› 1940

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РЕШКА

(Intermezzo)

. . .Я воды Леты пью.
Мне доктором запрещена
унылость.

«Домик в Коломне»

В. Г. Гаршину

1

Мой редактор был недоволен,
Клялся мне, что занят и болен,
Засекретил свой телефон.
Как же можно! — три темы сразу.
Прочитав последнюю фразу,
Не поймешь, кто в кого влюблен,

2-а

Кто зачем и когда встречался,
Кто погиб и кто цел остался,
И кто автор, и кто герой.
И к чему нам сегодня эти
Рассуждения о поэте
И каких-то призраков рой? . .

2

Я сначала сдалась, но снова
Выпадало за словом слово,
Музыкальный ящик гремел,
И над тем надбитым флаконом
Языком прямым и зеленым
Неизвестный мне яд горел.

3

А во сне всё казалось, что это
Я пишу для кого-то либретто,
И отбоя от музыки нет.
А ведь сон — это тоже вещица:
«Soft embalmer», * Синяя птица,
Эльсинорских террас парапет.

4

И сама я была не рада,
Этой адской арлекинады
Издалека заслышав вой.

* Китс. «Ода ко сну».

Всё надеялась я, что мимо
Пронесется, как хлопья дыма,
Сквозь таинственный сумрак хвой.

5

Не отбиться от рухляди пестрой, —
Это старый чудит Калиостро
За мою к нему нелюбовь.
И мелькают летучие мыши,
И бегут горбуны по крыше,
И цыганочка лижет кровь.

6

Карнавальной полночью римской
И не пахнет, напев Херувимской
За высоким окном дрожит.
В дверь мою никто не стучится.
Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит.

7

Но была для меня та тема
Как раздавленная хризантема
На полу, когда гроб несут.
Между помнить и вспомнить, други,
Расстояние, как от Луги
До страны атласных баут.

8

Бес попутал в укладке рыться...
Ну, а всё же может случиться,
Что во всем виновата я,
Я — тишайшая, я — простая.
«Подорожник», «Белая Стая»...
Оправдаться, но как, друзья?!

9

Так и знай — обвинят в плагиате...
Разве я других виноватей?
Впрочем, это в последний раз.
Я согласна на неудачу
И смущенье свое не прячу
Под укромный противогаз.

10

Но сознаюсь, что применила
Симпатические чернила,
Что зеркальным письмом пишу,
Что другой мне дороги нету —

Чудом я набрела на эту
И расстаться с ней не спешу.

11

Та столетняя чаровница
Вдруг очнулась и веселиться
Захотела. Я ни при чем.
Кружевной роняет платочек,
Томно жмурится из-за строчек
И брюлловским манит плечом.

[12] 11

Я пила ее в капле каждой
И, бесовскою черной жаждой
Одержима, не знала, как
Мне разделаться с бесноватой,
Я грозила ей Звездной палатой
И гнала на родной чердак, —

12

В темноту под Манфредовы ели
И на берег, где мертвый Шелли,
Прямо в небо глядя, лежал,
И все жаворонки всего мира
Разрывали бездну эфира,
И факел Георг * держал.

13

Но она твердила упрямо:
Я не та английская дама
И совсем не Клара Газуль.
Вовсе нет у меня родословной,
Кроме солнечной и баснословной,
И привел меня сам Июль.

14

А твоей двусмысленной славе,
Двадцать лет лежавшей в канаве,
Я еще не так послужу.
Мы с тобою еще попируем,
И я царским моим поцелуем
Злую полночь твою награжу.

1941. Январь (3-е — 5-е)
Фонтанный Дом
Ленинград
(днем)

---

* Лорд Байрон.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЭПИЛОГ

[*Городу и другу*]

[«Я уверена, что с нами
случится все самое ужасное»,

I suppose all sorts of dreadful
things will happen to us.

Hemingway]

ГОРОДУ И ДРУГУ

Так под кровлей Фонтанного Дома,
Где вечерняя бродит истома
С фонарем и связкой ключей, —
Я аукалась с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
Непробудную сонь вещей.
Где, свидетель всего на свете,
На закате и на рассвете
Смотрит в комнату старый клен,
И, предвидя нашу разлуку,
Мне иссохшую черную руку,
Как за помощью, тянет он...

А земля под ногой горела,
И такая звезда глядела
В мой еще не брошенный дом
И ждала условного звука...
Это где-то там, у Тобрука,
Это где-то здесь — за углом...
Ты мой грозный и мой последний,
Светлый слушатель темных бредней,
Упованье, прощенье, честь.
Предо мной ты горишь, как пламя,
Надо мной ты стоишь, как знамя,
И целуешь меня, как лесть.
Положи мне руку на темя, —
Пусть теперь остановится время
На тобою данных часах.
Нас несчастие не минует,
И кукушка не закукует
В опаленных наших лесах.

А не ставший моей могилой
Ты, гранитный, кромешный, милый, —
Побледнел, помертвел, затих.
Разлучение наше мнимо —
Я с тобою неразлучима:
Тень моя на стенах твоих,

Отраженье мое в каналах,
Звук шагов в Эрмитажных залах
И на гулких дугах мостов,
И на старом Волковом Поле,
Где могу я плакать на воле
В чаще новых твоих крестов.
Мне казалось, за мной ты гнался,
Ты, что там погибать остался
В блеске шпилей, в отблеске вод.
Не дождался желанных вестниц —
Над тобой лишь твоих прелестниц
Белых ноченек хоровод.
А веселое слово — дома —
Никому теперь не знакомо,
Все в чужое глядят окно:
Кто в Ташкенте, кто в Нью-Йорке,
И изгнания воздух горький,
Как отравленное вино.

. . . .

Все вы мной любоваться могли бы,
Когда в брюхе летучей рыбы
Я от злой погони спаслась
И над Ладогой и над лесом,
Словно та, одержимая бесом,
Как на Брокен ночной неслась...
А за мною, тайной сверкая
И назвавши себя — Седьмая,
На неслыханный мчалась пир,
    Притворившись нотной тетрадкой,
    Знаменитая ленинградка
    Возвращалась в родной эфир.

1942
Ташкент (окончено 18 августа)

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание является первым научно подготовленным собранием стихотворений и поэм Анны Ахматовой. Наряду с изданными при жизни поэта произведениями, в него вошло значительное число неизданных. Первые печатаются по последней авторской публикации (в отдельных случаях — по подготовленным к изданию, но не вышедшим в свет сборникам стихов), вторые — по автографам. Собрание состоит из трех основных разделов: «Стихотворения», «Эпические и драматические отрывки» (публиковавшиеся, по мере написания, в составе очередных книг) и «Поэмы».

Ахматова придавала большое значение композиции своих сборников («книг»), представляющих в тематическом и структурном отношении единое художественное целое. В собраниях своих стихотворений она настойчиво продолжала, всюду, где это позволял объем такого собрания («Из шести книг», Л., 1940; «Стихотворения», М., 1961; «Бег времени», Л., 1965), сохранять внутри его деление по «книгам».

Этот композиционный принцип положен в основу и настоящего издания, организованного по «книгам». За каждой «книгой» следует группа стихотворений разного времени, не включенная автором в ее состав и печатаемая по журнальным публикациям или другим источникам.

Большое значение придавала Ахматова и группировке своих стихотворений внутри «книги» по циклам, более или менее обширным. В конце концов подобные циклы превращались по своему содержанию в самостоятельные разделы или главы «книги» — такие, например, как стихотворения «петербургского» или «ташкентского» цикла. Сравнение изданных и неизданных собраний стихотворений Ахматовой, многочисленных рукописных оглавлений и планов задуманных ею сборников свидетельствует о постоянном внимании, которое автор уделял этому вопросу, и позволяет установить ряд последовательных перегруппировок в общих композиционных рамках собрания стихотворений или «книги». В некоторых случаях (см., например, цикл «Черный сон») только рукописная редакция сборника позволяет нам восстановить единство задуманного цикла, чрезвычайно существенное для личной и поэтической биографии автора. Поэтому составитель уделил большое внимание расположению стихотворений внутри соответствующих «книг», следуя авторской воле и в то же время характеризуя в примечаниях некоторые неосуществленные замыслы.

Наиболее обширную группу стихотворений Ахматовой составляют стихи, вошедшие в ее сборник и вместе с ними неоднократно переиздававшиеся. Эти стихотворения в настоящем издании составляют основной раздел, в который включены семь «книг» — от «Четок» до «Седьмой книги», напечатанной в составе «Бега времени». При организации этого раздела в группировке стихотворений по циклам и в изучении истории текста существенное значение имели также подготовленные к печати сборники Ахматовой, не увидевшие света.

Значительная часть стихотворений Ахматовой до включения в авторские сборники печаталась в литературных журналах и альманахах. Некоторые из этих стихотворений, напечатанных в периодических изданиях, по разным причинам не включались автором в собрания стихотворений и таким образом полностью выпали из памяти читателей. Некоторые поздние публикации не успели при жизни поэта войти в собрания стихов. Ряд стихотворений Ахматовой последних лет был напечатан посмертно. Литературный архив Ахматовой в основном хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства и в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Оба учреждения предоставили составителю настоящего издания широкую возможность ознакомления с рукописными фондами А. Ахматовой. Просмотр архивного материала позволил обнаружить значительное число неизданных стихотворений (около 200), которые частично были опубликованы посмертно, частично впервые публикуются в настоящем издании. Вся эта группа произведений Ахматовой включена нами в раздел «Стихотворения, не вошедшие в основное собрание».

По автографам из архива Ахматовой и из собраний ее друзей удалось восстановить ряд черновых редакций стихотворений различного времени. Эти редакции, так же как и варианты печатных изданий, помещены в разделе «Другие редакции и варианты». Все они чрезвычайно показательны для становления поэтического мастерства Ахматовой: классически отточенная форма ее стихотворений предстает здесь как результат сознательных творческих усилий. Изменения текста как правило производились при переходе от журнальной редакции текста к первому изданию в составе сборника. В дальнейшем окончательная, «классическая» форма стихотворения почти не подвергалась переработке. Исключение составляет «Поэма без героя», ранняя редакция которой представлена в разделе «Другие редакции и варианты», там же помещены и многочисленные варианты, отражающие длительную творческую историю этого произведения.

Из частных собраний автографов Ахматовой особенного внимания заслуживает архив поэта и переводчика М. Л. Лозинского, предоставленный в распоряжение составителя проф. С. М. Лозинским. Очень ценным по своей полноте является машинописное собрание стихотворений Ахматовой, которое было переписано для нее в 1945—1946 гг. ее приятельницей Н. Л. Дилакторской под диктовку автора или с автографов. В нем содержится некоторое число неопубликованных стихотворений, а также оглавление с датами написания, указанными самой Ахматовой. Большое число стихотворных автографов Ахматовой находится у ее многочисленных друзей раз-

ного времени. Эти материалы были предоставлены составителю настоящего издания и использованы им при подготовке и комментировании текстов (мат. Н. Глен, В. Иванова, Вл. Орлова и др.).

Примечания содержат общие сведения о составе и истории каждой «книги», библиографические и текстологические справки о каждом стихотворении, историко-литературный, биографический комментарий. Сведения об истории текста сообщаются в следующей последовательности: источник первой публикации данного стихотворения, все последующие публикации (в том случае, если они содержат разночтения) и, наконец, печатный или рукописный источник данной публикации (в том числе и рукопись последнего прижизненного сборника Ахматовой «Бег времени»). В тех случаях, когда автор возвращается к ранней редакции стихотворения, в библиографической справке указывается источник, в котором зафиксирован окончательно принятый Ахматовой текст.

Важной проблемой является датировка стихотворений, которой Ахматова уже в начале своего творческого пути придавала очень большое значение: в первых черновых редакциях, по-видимому, все или почти все ее стихотворения имели точное указание на время и место их написания, что вполне соответствует их «дневниковому» характеру. Однако от издания к изданию Ахматова давала датировку одного и того же стихотворения с различной степенью полноты, без каких-либо видимых мотивов или общих правил. В экземплярах сборников, подаренных друзьям, печатные материалы обыкновенно дополнялись и уточнялись на основании письменных записей, как они уточнены самим автором в рукописных оглавлениях сборников из собраний П. Н. Лукницкого, Н. Л. Дилакторской, в машинописи «Нечета» и др. Это обстоятельство привело составителя к решению ставить под стихотворением место написания и дату, если они известны достоверно. Безусловно достоверным признаются случаи совпадения показаний разновременных источников. В случаях сомнения или расхождений между источниками факт этот в примечаниях оговаривается. В небольшом числе случаев, по тем или иным мотивам личного характера, Ахматова намеренно давала стихотворению фиктивную датировку. Эти даты исправлены в тексте по документальным источникам. Формируя собрания своих стихотворений, Ахматова располагала тексты по их внутренней взаимосвязи, очень часто нарушая хронологический порядок. Этот авторский принцип расположения текстов полностью сохранен.

Стихотворным текстам предпослана краткая автобиография Ахматовой (с. 19), сохранившаяся в разных вариантах, опубликованных и рукописных (ГПБ). Печатается по изд. «Советские писатели. Автобиографии», т. 3, М., 1966, с. 30 с незначительными сокращениями.

В настоящее собрание не вошли стихотворные переводы Ахматовой, чрезвычайно многочисленные, в особенности с начала 1950-х годов. Они печатались в переводных сборниках и собраниях стихотворений соответствующих поэтов и в разнообразных национальных антологиях рядом с переводами других советских поэтов. Отдельными изданиями были опубликованы:

1. «Корейская классическая поэзия». Перевод Анны Ахматовой, под ред. А. А. Холодовича, М., 1956 (изд. 2, М., 1958).

2. «Голоса поэтов». Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой, М., 1965.

3. «Лирика древнего Египта». Перевод Анны Ахматовой и Веры Потаповой, М., 1965.

4. Джакомо Леопарди, Лирика. Переводы с итальянского Анны Ахматовой и Анатолия Наймана, М., 1967 (посмертное издание).

5. Анна Ахматова, Стихотворения, М., 1958 (последний раздел — переводы, с. 95—127).

6. Анна Ахматова, Классическая поэзия Востока, М., 1969 (посмертное собрание).

По очень суммарным подсчетам различных публикаций и по данным рукописной библиографии (ГПБ), число поэтов, зарубежных и национальных, переведенных Ахматовой за последние годы ее жизни, превышает 60. Ее корейские, китайские, египетские стихи, переводы из сербского народного эпоса, из Леопарди и некоторые другие получили широкое признание и отмечены печатью ее индивидуального поэтического дарования. Тем не менее включение их в настоящий сборник представлялось нецелесообразным: они создали бы неправильное впечатление о том, что переводная поэзия у Ахматовой, как у Жуковского, численно преобладает. Их собирание и изучение представляет особую задачу.

Настоящее собрание стихотворений Анны Ахматовой не претендует на исчерпывающую полноту. В период его подготовки вышли два сборника стихов и прозы Ахматовой (Анна Ахматова, Избранное, М., 1974; Анна Ахматова, Стихи и проза, Л., 1976). В библиографической справке (примечания к настоящему изданию) учтены только содержащиеся в указанных сборниках первые публикации неизданных при жизни Ахматовой стихов. Перепечатки ранних ее стихотворений, так же как и перепечатки произведений, посмертно опубликованных в периодической печати, не учитываются.

Редакция «Библиотеки поэта» отмечает большую и плодотворную работу, проделанную при подготовке настоящего издания академиком В. М. Жирмунским (1891—1971). В связи со смертью В. М. Жирмунского редакционная работа над книгой значительно осложнилась. Редакция приносит благодарность вдове В. М. Жирмунского Н. А. Жирмунской за постоянную и высококвалифицированную помощь, оказанную ею редакции при завершении работы над изданием.

Условные сокращения, принятые в примечаниях и в разделе «Другие редакции и варианты»

А — журнал «Аполлон».

AD 1 — Анна Ахматова, Anno Domini. MCMXXI, Петроград, 1922 (на титуле 1921).

AD 2 — Анна Ахматова, Anno Domini. Стихотворения, кн. 3, изд. 2, доп., Берлин, 1923, с портретом А. Ахматовой работы Ю. Анненкова.

АМ — «Альманах муз».

БВ — Анна Ахматова, Бег времени. Стихотворения, М.—Л., 1965, с портретом А. Ахматовой работы А. Модильяни на суперобложке.

БС 1 — Анна Ахматова, Белая стая. Стихотворения, Петроград, 1917.
БС 2 — Анна Ахматова, Белая стая. Стихотворения, изд. 2, СПб., 1918.
БС 3 — Анна Ахматова, Белая стая. Стихотворения, изд. 3, Петроград, 1922.
БС 4 — Анна Ахматова, Белая стая, кн. 2, изд. 4, доп., Берлин, 1923, с портретом А. Ахматовой работы Н. Альтмана на суперобложке.
Бювар, ЦГАЛИ — бювар, содержащий 30 черновых автографов ранних стихотворений А. Ахматовой (1909—1919). Кроме дат на более ранних стихотворениях сохранилась авторская нумерация в порядке их написания.
В — Анна Ахматова, Вечер. Стихи, СПб., 1912.
Г 56 — Авторизованная машинопись «Поэмы без героя», подаренная А. Ахматовой А. И. и С. С. Гитович.
ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
ГЖ — «Голос жизни».
Гиперб — «Гиперборей».
ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
Дил. — машинописное собрание стихотворений А. Ахматовой, которое было переписано для нее в 1945—1946 гг. ее приятельницей Н. Л. Дилакторской, под диктовку автора или по ее автографам. Содержит некоторое число неопубликованных стихотворений, а также имеет оглавление, где проставлены даты написания стихотворений, указанные автором. Хранится у Н. Л. Дилакторской.
ДП — «День поэзии».
ЕЖ — «Ежемесячный журнал».
Зв — «Звезда».
Зн — «Знамя».
Из 43 — Анна Ахматова, Избранное. Стихи, Ташкент, 1943.
ЛГ — «Литературная газета».
ЛС — «Литературный современник».
Мат. Л. — рукописное оглавление С27 (см.) с датами написания большей части стихотворений, проставленными редактором П. Н. Лукницким под диктовку автора, и с раскрытием ряда посвящений в БС (см.) и П (см.).
Н — две машинописные копии (Н 1 и Н 2) сборника стихотворений Анны Ахматовой «Нечет», содержащего стихи 1936—1946 гг. На оборотной стороне машинописи автором вписаны не вошедшие в состав сборника стихотворения (иногда только названия и начальные строки). Н 1 подарен А. Ахматовой проф. Г. П. Макогоненко и находится у него. Н 2 хранится в ГПБ (см.). Авторские пометы на Н 2 после 1953 г.
НЖ — «Новая жизнь».
НМ — «Новый мир».
НС — «Наш современник».
П — Анна Ахматова, Подорожник. Стихотворения, Петроград, 1921.
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома).

РМ — «Русская мысль».
РС — «Русский современник».
РТ — «Радио и телевидение».
Рук. БВ — рукописная авторская редакция БВ (см.).
СЖ — «Свободный журнал».
СЗ — «Северные записки».
С 27 — двухтомное «Собрание стихотворений» А. Ахматовой, подготовленное в 1925—1926 гг. к изданию в кооперативном издательстве писателей «Петроград», под редакцией П. Н. Лукницкого. Т. 1 включал стихотворения 1909—1914 гг., т. 2 — стихотворения 1915—1922 гг. Сверстанная корректура этого издания (сентябрь — ноябрь 1926 г.) сохранилась у П. Н. Лукницкого; первые 8 листов отсутствуют и лишь частично заменены рукой редактора. Стихотворения расположены в хронологическом порядке без деления на книги.
С 27 (ГБЛ) — см. С 27. После прекращения в 1927 г. деятельности «Петрограда» С 27 было передано осенью 1927 г. в кооперативное «Издательство писателей в Ленинграде». Машинописный экземпляр этого издания, редактором которого остался П. Н. Лукницкий, хранится в ГБЛ (см.). Этот экземпляр по составу несколько отличается от С 27.
С 58 — Анна Ахматова, Стихотворения, М., 1958.
С 61 — Анна Ахматова, Стихотворения. 1909—1960, М., 1961.
Т — автограф ташкентской редакции «Поэмы без героя». Подарен автором Ф. Г. Раневской. Хранится в ЦГАЛИ (см.) Полностью приводится в разделе «Другие редакции и варианты»
Ц 59 — авторизованная машинопись «Поэмы без героя», принадлежащая Т. В. Цивьян.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
Ч 1 — Анна Ахматова, Четки. Стихи, СПб., 1914.
Ч 2 — Анна Ахматова, Четки. Стихи, изд. 2, Петроград, 1915.
Ч 3 — Анна Ахматова, Четки. Стихи, изд. 3, Петроград, 1916.
Ч 4 — Анна Ахматова, Четки. Стихи, изд. 4, Петроград, 1916.
Ч 5 — Анна Ахматова, Четки. Стихи, изд. 5, Петроград, 1918.
Ч 6 — Анна Ахматова, Четки. Стихи, изд. 6, Берлин, 1919. В своей «Библиографии» (ГПБ — см.) Ахматова называет изд. 6 «контрафакцией», т. е. напечатанным без разрешения автора и соглашения с ним. К числу таких же «контрафакций» отнесено изд. 7 (Одесса, 1919), «напечатанное по слухам с 4-го издания».
Ч 7 — Анна Ахматова, Четки. Стихи, изд. 7, Берлин, 1920.
Ч 8 — Анна Ахматова, Четки. Стихи, изд. 8, Петроград, 1922.
Ч 9 — Анна Ахматова, Четки. Стихотворения, кн. 1, изд. 9, доп., Берлин, 1923.
ЧТ, ЦГАЛИ — «Черная тетрадь». Машинописное собрание стихотворений разного времени, составленное в 1940 г. и дополненное рукописными вставками до 1959 г. («Избранные стихотворения с 1909 по 1959 год»).
ШК — Анна Ахматова, Из шести книг. Стихотворения, Л., 1940, с портретом А. Ахматовой работы Н. А. Тырсы.
Юн — «Юность».

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВЕЧЕР

1912

Первая книга стихотворений Анны Ахматовой вышла в свет в 1912 г. в издании «Цеха поэтов» (фактически, по-видимому, самого автора) под заглавием «Вечер. Стихи». Книге было предпослано предисловие поэта старшего поколения М. Кузмина, написанное в сочувственном, несколько покровительственном тоне. Она была украшена фронтисписом работы Е. Лансере и изящными заставками А. Б. (Бенуа?). Книга содержала 46 лирических стихотворений, из которых 15 уже публиковались ранее в журналах. Она была отпечатана в 300 экземплярах и разошлась очень быстро. Отзывы печати, более десяти за 1912—1913 гг., в том числе В. Брюсова, Г. Чулкова, С. Городецкого, Вас. Гиппиуса, В. Чудовского, имели почти все очень сочувственный характер, хотя были окрашены развернувшимися спорами о новой поэтической школе «акмеистов» и разговорами о «женской» лирике и еще не предвидели того большого места, которое Ахматовой предстояло занять в русской поэзии. Сама Ахматова, в особенности в поздние годы, относилась очень критически к своим ранним стихам. В полушутливой форме она писала о книге «Вечер»: «Эти бедные стихи пустейшей девочки почему-то перепечатываются тринадцатый раз. (Если я видела все контрафакционные издания.) Появились они и на некоторых иностранных языках. Сама девочка (насколько я помню) не предрекала им такой судьбы и прятала под диванные подушки номера журналов, где они впервые были напечатаны: «чтобы не расстраиваться!» От огорчения, что «Вечер» появился, она даже уехала в Италию (1912 г., весна), а сидя в трамвае, думала, глядя на соседей: какие они счастливые — у них не выходит книжка» (ГПБ). Ахматова никогда не переиздавала свой первый сборник отдельной книжкой и целиком, включив избранные «Стихи из книги „Вечер“» в качестве последнего раздела в состав своего следующего сборника «Четки» (1914). В первых восьми изданиях число избранных стихотворений — 30. Исключены были в первую очередь стилизации под поэзию XVIII в. (№ 30—32), а также некоторые другие, показавшиеся автору фрагментарными (№ 11, 36, 42), подражательными (№ 40) или чрезмерно личными и потому непонятными или недостаточно интересными для читателя (например, № 15, 28, 37—39 и др.). Некоторые стихотворения были переставлены. Заключительным стихотворением оказался теперь № 41 («Туманом легким парк наполнился. . .») — элегическое раздумье обобщающего характера, посвященное Вере Ивановой-Шварсалон. В позднейших собраниях стихотворений стихи из книги «Вечер» продолжали оставаться самостоятельным разделом, но первоначальный состав их еще уменьшился. Зато автор стал извлекать из своих творческих тетрадей 1909—1911 гг. новый материал, ранее не опубликованный (общим числом 10 номеров). Мы включили его в раздел «Дополнений», поскольку невозможно было установить место, которое автор мог бы предназначить ему в составе первого сборника. Состав В частично видоизменялся и в последующих собраниях сти-

хотворений, вплоть до БВ. Заключение раздела здесь образует, как и в первых публикациях, стихотворение, посвященное Вере Ивановой-Шварсалон. В одной из своих рабочих тетрадей начала 60-х годов (ЦГАЛИ) Ахматова наметила план: «Из „Киевской тетради" 1909 сделать „Предвечерие"». В этот раздел предполагалось включить восемь стихотворений (№ 27, 487, 47—52). Книгу «Вечер» («Первая Царскосельская тетрадь», 1910) должны были открывать № 17 и № 55. План остался неосуществленным.

Эпиграф (впервые ШК) — из стих. «La vigne en fleur» французского поэта Андре Тёрье (1833—1907), близкого «парнасцам».

I

1. В, с. 13. Печ. по БВ, с. 14.

2—4. В, с. 14.

1. «Лит. альманах „Аполлон"», СПб., 1912, с. 42. Печ. по ШК, с. 278.

2. «Лит. альманах „Аполлон"», с. 42. Печ. по БВ, с. 15.

3. В, с. 16; Ч 1; С 58, под загл. «Пушкин». Печ. по БВ, с. 16. *Парни* Эварист (1753—1814) — французский поэт.

5. В, с. 17. Печ. по БВ, с. 17.

6. В, с. 18. Печ. по ШК, с. 282.

7. НЖ, 1911, № 7, с. 5. Печ. по БВ, с. 18.

8. НЖ, 1911, № 7, с. 5, без ст. 5—8; с подзаг. «Может быть!»; С 61. Печ. по БВ, с. 19.

9. В, с. 21. Печ. по БВ, с. 20.

10. «Gaudeamus», 1911, № 8. Печ. по С 61, с. 26. «Gaudeamus» — литературно-художественный еженедельный журнал для студенчества, издававшийся в 1911 г. в Петербурге. Редактором был приват-доцент Петербургского университета историк В. П. Фридолин. В списке сотрудников значились имена видных передовых профессоров того времени. Редактором стихотворного отдела был поэт-акмеист Владимир Нарбут (см. прим. № 340). Он печатал в большом числе поэтов-модернистов среднего и младшего поколения и, вероятно, привлек к сотрудничеству и Ахматову. Журнал просуществовал всего один год, материального успеха, по-видимому, не имел и закрылся в результате идеологических расхождений между членами редакции.

11. В, с. 24, с вариантом ст. 8: «Да?!» Изменение знака препинания в ШК, с. 287 меняет интонацию и смысл стихотворения. Печ. по БВ, с. 23.

12. В, с. 25. Оконч. текст ШК, с. 288. Печ. по БВ, с. 24.

13. В, с. 27. Оконч. текст Ч 1, с. 103. Печ. по БВ, с. 25.

14. В, с. 29. Печ. по ШК, с. 290.

15. А, 1911, № 4, с. 2. Оконч. текст В, с. 30.

II

16—19. Ч 1, с. 107. ШК, без стих. 2, с посвящ. М. А. Горенко; БВ без стих. 1, 2 и без общего загл. *М. А. Змунчилла* (в замужестве Горенко) — киевская кузина Ахматовой, у которой она жила весной 1906 г., когда кончала Фундуклеевскую гимназию.

1. «Gaudeamus», 1911, № 9, с. 1. Оконч. текст Ч 1, с. 107. Печ. по ШК, с. 294.

2. «Gaudeamus», 1911, № 10, с. 2. Оконч. текст Ч 1, с. 108. Печ. по БВ, с. 28.

3. В, с. 37. Печ. по Ч 1, с. 109.

4. В, с. 39. Оконч. текст ШК, с. 296. Печ. по БВ, с. 29. Дата по С 27; Дил.: октябрь 1910 (осень); БВ:1911 (вероятно, неточно).

20. В, с. 41. Печ. по БВ, с. 27. Место написания — по автографу (ЦГАЛИ).

21. РМ, 1911, № 12, с. 216. Печ. по БВ, с. 31. *Стоны звонкие* перекликается с широко известными в те годы стихами С. Городецкого «Звоны, стоны, перезвоны...» («Весна монастырская» — Сб. «Ярь», 1907), написанными тем же размером (народный песенный хорей).

22. В, с. 45. Ч 1—8 не вошло, восстановлено в Ч 9. Печ. по БВ, с. 21.

23. В, с. 46, ст. 13—16 повторяют ст. 1—4. Оконч. текст ШК, с. 300. Печ. по БВ, с. 32.

24. НЖ, 1912, № 1, с. 5. Печ. по БВ, с. 33.

25. В, с. 49. Печ. по БВ, с. 34.

26. В, с. 50. Печ. по ШК, с. 303.

27. В, с. 51; Ч 3. Печ. по ШК, с. 304.

28. В, с. 53. *Сирин* — сказочная «птица смерти» в русском фольклоре. Ср. сходное по теме стих. № 491.

III

29. В, с. 57; Ч 3. Оконч. текст ШК, с. 305. Печ. по БВ, с. 35.

30—31. В, с. 59, вероятно, с опечаткой в стих. 1 (ст. 15 и 17). Загл. «Алиса» только в оглавлении. *Пьеретта* — героиня басни Ла-

фонтена «Разбитый кувшин», послужившей сюжетом для статуи в Царскосельском парке, воспетой Пушкиным. См. стих. № 149 и прим.

32. «Лит. альманах „Аполлон"», с. 43. Оконч. текст В, с. 63.

33. В, с. 65. Печ. по Ч 1, с. 126.

34. А, 1911, № 4, с. 10; ШК. Печ. по БВ, с. 37. Черновой автограф без загл. (Бювар, ЦГАЛИ). Принадлежит к числу наиболее популярных и чаще всего переиздававшихся ранних стихотворений Ахматовой. Тем не менее отношение автора к этому произведению менялось. При окончательной подготовке к печати изданий С 27 и С 27 (ГБЛ) Ахматова дала указание редактору, П. Н. Лукницкому, исключить «Сероглазого короля» из состава этого собрания.

35. В, с. 68; Ч 1. Печ. по БВ, с. 39.

36. В, с. 70.

37. В, с. 71. Строки действительно «недописаны»: в третьей строфе отсутствует последний (пятый) стих.

38. «Лит. альманах „Аполлон"», СПб., 1912, с. 43, без загл. Печ. по В, с. 72.

39. В, с. 74.

40. В, с. 75. Печ. по ШК, с. 314. *Анненский Иннокентий Федорович* (1856—1909) — поэт, литературный критик и филолог-классик; был директором гимназии в Царском Селе. Из поэтических произведений Анненского наибольшее влияние на современников имели опубликованные посмертно сборник лирики «Кипарисовый ларец» (1910) и стихотворная трагедия «Фамира-кифаред» (1913). Поэты-акмеисты почитали его как своего учителя. Позднее Ахматова посвятила Анненскому стихотворение «Учитель», которым должен был открываться цикл «Венок мертвым» (см. № 346 и прим.). Об отношении Ахматовой к Анненскому см. в кн.: В. М. Жирмунский, Творчество Анны Ахматовой, Л., 1973, с. 70—74 и Б. Эйхенбаум, Анна Ахматова, Пб., 1923, с. 116—118. «Подражание» написано от лица лирического героя, близкого Анненскому по своему душевному складу.

41. В, с. 77. Печ. по БВ, с. 43. *Вера Иванова-Шварсалон* (1890—1920) — дочь писательницы Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, падчерица, позднее жена поэта-символиста В. И. Иванова.

42. В, с. 78, под загл. «Кукушка»; ШК, без загл. Печ. по БВ, с. 26. Черновой автограф (Бювар, ЦГАЛИ), под загл. «Кукушка», с зачеркнутым подзаг. «Надпись».

43. В, с. 79. Печ. по ШК, с. 292.

44. В, с. 81; Ч 9, без загл. Печ. по ШК, с. 312. Ч 1—8 не вошло.

45. А, 1911, № 4, с. 21. Печ. по В, с. 23.

46. В, с. 85. Печ. по рук. БВ. Ч 1 не вошло. Черновой автограф (Бювар, ЦГАЛИ), под загл. «Двойник», с подзаг. «Сегодня ночью».

⟨ДОПОЛНЕНИЯ⟩

Печ. в хронологическом порядке по БВ.

47. Зв, 1961, № 5, с. 146, под загл. «Два стихотворения из первой тетради». В архиве Ахматовой «первая (Киевская) тетрадь» пока не найдена. Автограф (ЦГАЛИ), под загл. «Intérieur».

48—49. С 58, с. 5, без общего загл.

50—51. Оконч. текст С 61, с. 15. Н 1, с. 50, с общей датой: 1909—1945.

1. «Ленинград», 1946, № 1-2, с. 13, в подборке «Стихи разных лет».

52. Зв, 1961, № 5, с. 146, в подборке «Два стихотворения из первой тетради».

53. НС, 1960, № 3, с. 179.

54. ШК, с. 317.

55. «Нива», 1913, № 5, с. 67. Оконч. текст Ч 1, с. 7, с неправильной датой: 1912. Дата: ноябрь 1911 подтверждается согласным свидетельством С 27 и Дил.

56. П, с. 39; С 58, под загл. «В детской». В БВ, с. 41 впервые переставлено в книгу «Вечер», с датой: 1911. Датировка эта вызывает сомнение, т. к. во всех предшествующих изданиях и Дил.: 1914.

ЧЕТКИ

1914

Необыкновенный успех сборника определил место Ахматовой в первых рядах русской поэзии того времени. В первом издании основная часть Ч содержала 52 стихотворения, из которых 28 уже ранее печатались в журналах и альманахах. Заключительный «Отрывок из поэмы» («В то время я гостила на земле. . .») был в дальнейшем объединен автором с двумя другими, позднее написанными, под общим загл. «Эпические мотивы». В расположение стихотворений внутри сборника были внесены некоторые изменения, главным образом в Ч 3. В дальнейшем Ч включались с различной степенью полноты в издания избранных стихотворений разного времени вплоть до БВ. Мы следуем порядку Ч 1, помещая в «Дополнения» стихи, включенные в состав сборника позднее.

Эпиграф (впервые ШК) — из стих. Е. Баратынского «Оправдание».

I

57—59. Гиперб, 1913, V, с. 3. Оконч. текст Ч 1, с. 7. Печ. по БВ, с. 47. В С 27 (ГБЛ) дата первого стих.: 1912.

60. Ч 1, с. 10. Печ. по БВ, с. 49. *Булонский лес* — парк в Париже, излюбленное место прогулок.

61. Гиперб, 1913, VIII, с. 4, без загл. Оконч. текст Ч 1, с. 11. Печ. по БВ, с. 52.

62. А, 1913, № 4, с. 36, под загл. «Cabaret artistique» ⟨франц. «Художественное кабаре»⟩. Оконч. текст Ч 1, с. 13. Печ. по БВ, с. 53. Черновой автограф (Бювар, ЦГАЛИ), под загл. «В „Бродячей собаке"», посв. «Друзьям» зачеркнуто, с пометой: «в вагоне». При подготовке текста БВ Ахматова одно время намечала новый вариант ст. 1: «Все мы вышли из небылицы». Художественное кабаре «Бродячая собака» пользовалось успехом в 1912—1913 гг. как место встречи поэтов и художников-модернистов и артистической богемы. Находилось в подвальчике на Михайловской площади, 5 (ныне площадь Искусств), стены которого были расписаны художником С. Ю. Судейкиным. Изображено М. А. Кузминым в романе «Плавающие-путешествующие» (1915). Ахматова вспоминает в своих мемуарах «ворота, в которые мы когда-то входили, чтобы по крутой подвальной лестнице сойти в пеструю, прокуренную, всегда немного таинственную «Бродячую собаку»...» (19 апреля 1962, ГПБ).

63. Ч 1, с. 15. Печ. по БВ, с. 51.

64. Гиперб, 1913, V, с. 6. Печ. по БВ, с. 54. Дил., под загл. «Сандрильона» и с датой: начало 1913. *Сандрильона* (франц.) — Золушка.

65. Альм. «Жатва», № 4, 1913, с. 5. Оконч. текст Ч 1, с. 18. Печ. по БВ, с. 56.

66. Ч 1, с. 19. Печ. по БВ, с. 58. *Тверское уединенье* — в Слепневе, б. Бежецкий уезд Тверской губ., где Ахматова после замужества проводила почти каждое лето.

67. Альм. «Жатва», № 4, 1913, с. 3. Печ. по БВ, с. 59. Дил.: 26 декабря 1911.

68. Ч 1, с. 23. Печ. по БВ, с. 62.

69. Гиперб, 1913, VIII, с. 5. Оконч. текст ШК, с. 233. Печ. по БВ, с. 60. Дил.: осень 1913. Стих. посвящено другу Ахматовой М. Л. Лозинскому (см. прим. № 78).

70. Гиперб, 1913, VIII, с. 4. Печ. по БВ, с. 61. С 27: 1912.

71. Гиперб, 1913, V, с. 7. Печ. по БВ, с. 64. С 27: 1912, Дил.: 1912(?).

72. Ч 1, с. 29. Печ. по БВ, с. 57.

73. Ч 1, с. 30; «Русское слово», 1917, 1 апреля, с. 3, без ст. 7—8. Печ. по БВ, с. 66.

II

74. НЖ, 1914, № 2, с. 3. Оконч. текст Ч 1, с. 33. Печ. по БВ, с. 67.

75. НЖ, 1914, № 1, с. 3. Печ. по БВ, с. 68.

76. РМ, 1913, № 12, с. 130. Печ. по Ч 1, с. 35.

77. Ч 1, с. 36. Черновой автограф (Бювар, ЦГАЛИ). Стих. № 76—77 (может быть, и № 75) перекликаются по теме (самоубийство влюбленного «мальчика») с № 648 (см. также прим. № 79).

78. Ч 1, с. 38. Печ. по БВ, с. 69. *Лозинский Михаил Леонидович* (1886—1955) — поэт и переводчик. Был другом Ахматовой на протяжении всей ее жизни. Ему посвящены стих. № 69, 124, 300, вероятно, также № 89 и 90. В молодые годы был близок поэтам ее круга, состоял членом «Цеха поэтов», но не примкнул к акмеистам, хотя в своей собственной поэзии разделял классицистические тенденции некоторых из них (сб. «Горный ключ», М.—Пг., 1916). Лозинский был секретарем редакции литературно-художественного журнала А, где печатались в большом числе ранние стихотворения Ахматовой, владельцем издательства «Гиперборей», литературным редактором Ч и БС, а также редактором и издателем стихотворного ежемесячника Гиперб (октябрь 1912 — декабрь 1913, 10 выпусков). В 1940 г. он читал корректуры ШК, и Ахматова в работе с издательством неизменно опиралась на авторитет его мнения. См. «Слово о Лозинском» в кн.: Анна Ахматова, Избранное, М., 1974, с. 489 — 491. Стих. М. Л. Лозинского «Не забывшая» («Горный ключ», с. 109) Ахматова считала «лучшим из многих десятков стихотворений», посвященных ей «в ту пору (1912)» (ЦГАЛИ).

79. Гиперб, 1913, VIII, с. 3, без посвящ. Посвящ. в Ч 1, с. 39. Печ. по БВ, с. 70. *Глебова-Судейкина Ольга Афанасьевна* (1885—1945) — драматическая актриса, певица и танцовщица, жена художника С. Ю. Судейкина (1882—1946). Ахматова была дружна с Судейкиной с 1913 г. (до отъезда последней за границу в 1924 г.) и жила у нее в течение некоторого времени после своего разрыва с В. К. Шилейко (1921—1922). О. А. Глебова-Судейкина в роли «Коломбины десятых годов» является — как «двойник» поэтессы — главным действующим лицом «Поэмы без героя» (№ 648), связанной с воспоминаниями 1913 г. (см. с. 513). *Кто для белой смерти твой покинул плен* — намек на самоубийство молодого поэта Всеволода Князева (см. с. 513). Книга Всеволода Князева «Стихи» вышла посмертно (СПб., 1914).

80. РМ, 1913, № 2, с. 86. Печ. по БВ, с. 71.

81. Гиперб, 1912, I, с. 6. Печ. по ШК, с. 244.

82. РМ, 1913, № 3, с. 86. Печ. по БВ, с. 72.

83. ЕЖ, 1914, № 6, с. 6. Оконч. текст Ч 1, с. 45. Печ. по БВ, с. 73.

84. Ч 1, с. 46. Печ. по БВ, с. 74.

III

85. Гиперб, 1912, I, с. 5; Ч 1. Печ. по Ч 3, с. 50.

86. Гиперб, 1913, V, с. 5, под загл. «Возвращение». Оконч. текст Ч 1, с. 51. Печ. по БВ, с. 75.

87. Ч 1, с. 52. Печ. по Ч 3, с. 52. *Княжна Евдокия* (ум. 1407) — жена великого князя Дмитрия Донского, постриглась под именем Ефросиньи. Посмертно канонизирована.

88. Ч 1, с. 53.

89. Ч 1, с. 54, без загл. Печ. по ШК, с. 250. *Нынче праздник твой* — 8 ноября, день архангела Михаила. Стих., по-видимому как и следующее, посвящено М. Л. Лозинскому (см. прим. № 78).

90. Ч 1, с. 55. Печ. по ШК, с. 251. Черновые автографы (архив М. Л. Лозинского и ЦГАЛИ).

91. Гиперб, 1913, V, с. 4. Печ. по ШК, с. 252.

92. «Заветы», 1913, № 5, с. 6; Ч 1. Печ. по БВ, с. 76.

93. Ч 1, с. 60. В огл. С 27: 1912. Царское Село; Дил.: 1912, зима.

94. Ч 1, с. 61. Печ. по Ч 3, с. 61. Дил.: октябрь 1912. Стихотворение рассказывает о первой встрече Ахматовой с ее будущим мужем («в рождественский сочельник» 1903 г.).

95. Ч 1, с. 62, с датой: 1912, осень. Печ. по БВ, с. 77. Дата БВ подтверждается огл. С 27 и Дил. *Купальница-Аграфена* — св. Агриппина, с ее днем — 23 июня, предшествующим дню Ивана Купалы (24 июня), связаны были в старой русской деревне обрядовые купанья. Возможно, ассоциируется с днем рождения Ахматовой. *Царь Давид* (библ.) перенес святыню иудеев — Ковчег завета — в свою столицу Иерусалим, «смеяша и плясаша» перед ним (2-я «Книга Царств», VI). Сочинил религиозные песнопения, составившие книгу «Псалтирь» в «Ветхом завете».

96. Ч 1, с. 63. Печ. по БВ, с. 78.

97. Ч 1, с. 64. Оконч. текст Ч 3, с. 64. Печ. по БВ, с. 79.

IV

98. Ч 1, с. 67. Оконч. текст ШК, с. 257; С 58. Печ. по БВ, с. 80.

99. А, 1913, № 4, с. 35. Печ. по рук. БВ.

100—101. Ч 1, с. 71. Оконч. текст Ч 3, с. 72. Печ. по БВ, с. 81.

102. Ч 1, с. 76. Печ. по БВ, с. 83.

103. Ч 1, с. 77. Печ. по БВ, с. 84. Летом 1912 г. Ахматова вместе с мужем совершила путешествие по северной Италии. *Золотая голубятня у воды* — собор св. Марка в Венеции, на площади перед собором кормятся стаи голубей. *С книгой лев* — герб Венеции.

104. Альм. «Жатва», 1913, № 4, с. 4. Оконч. текст Ч 1, с. 78. Печ. по ШК, с. 266. Дил.: 14 ноября.

105. Ч 1, с. 80. Печ. по БВ, с. 85. Черновой автограф (Бювар, ЦГАЛИ).

106. «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 1, с. 5. Оконч. текст ШК, с. 269. Печ. по БВ, с. 87. Об истории поэтической переписки Блока и Ахматовой см. публикацию Д. Е. Максимова (Зв, 1967, № 12, с. 186—187) и В. М. Жирмунский, «Анна Ахматова и Александр Блок» («Русская литература», 1970, № 3, с. 59—61). Блоку посвящен ряд других стих. Ахматовой (№ 279, 467—469, 510, 527). *У морских ворот Невы.* В последние годы жизни Блок жил в конце Офицерской улицы (ныне ул. Декабристов), против Новой Голландии.

⟨*ДОПОЛНЕНИЯ*⟩

В состав Ч 9 включены 4 новых стихотворения, из которых 3 помещены нами в «Дополнения» к В (№ 52—54); четвертое (№ 245) в рук. БВ включено было автором, по тематической связи, в цикл «Черный сон».

107. П, с. 50; ШК, с. 115, с датой. В С 61 и БВ, по хронологическим мотивам, перенесено в Ч. Печ. по БВ, с. 63.

108. Ч 9, с. 75. Дил.: ноябрь 1913, Царское Село.

109. Зв, 1946, № 1, с. 70, в подборке «Стихи разных лет», ст. 9—12 заменены строкой точек. Печ. по БВ, с. 50.

110. Ч 9, с. 21.

111. Ч 9, с. 58. По не совсем обычному стихотворному размеру, подсказанному «Казачьей колыбельной песней» Лермонтова, и по содержанию могло бы быть продолжением «Колыбельной» (№ 294), после которой оно помещено в С 27. Стих. № 111 и 294 написаны одновременно в 1915 г.

БЕЛАЯ СТАЯ

1917

Первое издание БС вышло в свет вскоре после Февральской революции в издательстве «Гиперборей». В подготовке сборника к печати и чтении корректур, как и в предшествующих изданиях стихотворений Ахматовой, принимал ближайшее участие М. Л. Лозинский. В его архиве сохранился предназначенный для печати экземпляр БС, составленный по журнальным публикациям, с довольно многочисленными авторскими поправками, как всегда — преимущественно стилистическими, нанесенными чернилами на печатный текст. Сборник, значительно превышавший предшествующие по объему, содержал 83 стихотворения в четырех разделах; пятый раздел занимала поэма «У самого моря». Из общего числа стихотворений 65 были ранее опубликованы в журналах, в патриотических изданиях военного времени и др. Эти многочисленные публикации являются свидетельством чрезвычайно возросшей в этот период популярности поэзии Ахматовой не только в литературных, но и в широких читательских кругах. Первое издание БС было отпечатано в 1000 экземплярах и быстро разошлось, несмотря на книжные трудности военного и революционного времени. Второе вышло в 1918 г. в издательстве «Прометей»; оно содержало 4 новых стихотворения вместо соответствующего числа исключенных старых. В третьем издании поэма «У самого моря» отсутствует (вышла отдельно, «Алконост», 1921). Издание четвертое, дополненное (Берлин, 1923, «Петрополис» и «Алконост»), содержало еще 3 новых стихотворения, включенных в разные разделы. В собраниях стихотворений позднейшего времени БС, хотя и в сокращенном составе, продолжает занимать по объему первое место. Рецензии на БС в периодической печати, по условиям времени, были значительно менее многочисленны, чем на предшествующие сборники.

Эпиграф — из стих. И. Анненского «Милая».

I

112. БС 1, с. 9. Печ. по рук. БВ. С 27: май, СПб.; Дил.: 12 апреля.

113. Гиперб, IX—X, 1913, с. 4, в цикле «Восьмистишия». Печ. по БВ, с. 91.

114. ЕЖ, 1914, № 12, с. 3, без загл. Оконч. текст БС 1, с. 11. Печ. по БВ, с. 92.

115. БС 1, с. 12. Печ. по рук. БВ. С 27: лето 1916; Дил.: 23 мая.

116. ЕЖ, 1914, № 3, с. 3; БС 1; ШК. Печ. по БВ, с. 93. Место написания в С 27: Царское Село; Дил.: Ospedaletto. В апреле 1912 г. Ахматова с мужем жила около недели в Оспедалетто (ГПБ).

117. «Невский альманах. Жертвам войны», 1915, с. 11. Оконч. текст БС 1, с. 15. Печ. по БВ, с. 94.

• 118. «Альманах стихов, выходящих в Петрограде», под ред. Дмитрия Цензора, вып. 1, 1915, с. 5. Печ. по БВ, с. 95.

119. Гиперб, 1913, IX—X, с. 3, в цикле «Восьмистишия». Оконч. текст БС 1, с. 17. Печ. по БВ, с. 96. *Окарина* (итал. ocarina) — народный музыкальный инструмент, так называемая «итальянская флейта», изготовляется из обожженной глины.

120. РМ, 1914, № 6, с. 53, без посвящ. Печ. по БВ, с. 97. Дил.: осень 1913. *Срезневская Валентина Сергеевна* — жена профессора Военно-медицинской академии В. В. Срезневского, гимназическая подруга Ахматовой, была ее близким другом на протяжении всей своей жизни. Ахматова жила в семье Срезневских с начала 1917 до осени 1918 г., когда расходилась с мужем. Памяти В. С. Срезневской посвящено одно из последних стихотворений в БВ, датированное днем ее смерти, 9 сентября 1964 г. (№ 482).

121. «Русское слово», 1917, 1 (14) апреля, с. 3; БС 1, с. 19. Печ. по БВ, с. 98. Дил.: 11 июля.

122. АМ, 1916, с. 24. Печ. по БВ, с. 99.

123. А, 1916, № 4-5, с. 40. Оконч. текст БС 1, с. 22. Печ. по БВ, с. 100. Дил.: 17 марта.

124. А, 1917, № 1, с. 53, без посвящ. Печ. по БВ, с. 101. Дил.: 22 мая. *М. Лозинский* — см. прим. № 78.

125. БС 1, с. 24. Оконч. текст С 61, с. 57. Печ. по БВ, с. 102.

126. «Вершины», 1915, № 10, с. 8. Печ. по ШК, с. 132.

127. СЗ, 1915, № 10, с. 41. Печ. по БВ, с. 103. Дил.: 2 мая. *Н. В. Н.* — Николай Владимирович Недоброво (1884—1919), друг Ахматовой. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета одновременно с А. Блоком. В поэтических кругах того времени был известен как человек большого вкуса, выдающийся знаток классической русской поэзии. Был одним из руководителей «Общества ревнителей художественного слова» (так называемой «Академии стиха» Вячеслава Иванова), собиравшегося в редакции А (1909—1916). Автор первой большой статьи о творчестве Ахматовой (РМ, 1915, № 7, отд. 2, с. 50—68), которую сама поэтесса и ее друзья считали лучшим откликом на ее раннюю поэзию (см. в кн.: В. М. Жирмунский, Творчество Анны Ахматовой, Л., 1973, с. 42—43). Недоброво принадлежал к группе поэтов-царскоселов, но акмеизму не сочувствовал. Он оказал влияние на развитие поэтического вкуса и направление творчества Ахматовой в период БС. Она пишет о нем в своих черновых заметках: «Я сама на $^{3}/_{4}$ сделана тобой» (ЦГАЛИ). Ряд стихотворений, посвященных Недоброво, в книгах Ахматовой, изданных после его смерти, и в черновых автографах, помечен его инициалами: Н. В. Н. (см. № 135, 149—151, 189); в «Поэме без героя» ему посвящено царскосельское «лирическое от-

ступление». Недоброво скончался от туберкулеза в декабре 1919 г. в Ялте, где находился на лечении.

128. Альм. «Тринадцать поэтов», Пг., 1917, с. 5. Печ. по БВ, с. 104. Дил.: 24 октября.

129. СЗ, 1916, № 1, с. 34; БС 1. Оконч. текст С 61, с. 100. Печ. по БВ, с. 105. Черновой автограф (ЦГАЛИ).

130. А, 1916, № 4-5, с. 40; БС 3. Печ. по БВ, с. 106. *Комаровский Василий Алексеевич* (1881—1914) — один из поэтов-царскоселов, высоко ценимый Ахматовой и ее кругом; по своей художественной манере — классицист. Печатался в А под псевдонимом Incitatus («Лит. альманах», 1913, с. 46—50); в 1913 г. опубликовал сборник стихов «Первая пристань», отмеченный в печати (А, 1914, № 1-2, с. 127—128) как «стихи мастера». Комаровский был болен шизофренией, послужившей причиной его ранней смерти. Посмертно опубликованы начало его поэмы «Ракша» (А, 1914, № 6-7, с. 90) и цикл лирических стихотворений (А, 1916, № 8, с. 46); в альманахе «Аполлон» — «Sabinula», повесть из времен Римской империи. Высокую общую оценку творчества Комаровского дал Н. Н. Пунин (А, 1914, № 6-7, с. 82). Стихотворение Ахматовой представляет, по-видимому, ответ на посвященное ей в 1914 г. Комаровским стих. «Анне Ахматовой («Вечер» и «Четки»)», которое было опубликовано после его смерти (А, 1916, № 8, с. 49).

131. БС 1, с. 30. Печ. по БВ, с. 107. Дил.: июль, Слепнево. *Солея* — в православной церкви возвышение перед иконостасом.

II

132. СЗ, 1916, № 1, с. 33. Оконч. текст БС 1, с. 33. Печ. по БВ, с. 109. С 27 и Дил.: 1913; С 61: 1917 противоречит времени опубликования; БВ: 1915.

133. «День», 1914, 29 июня, в цикле «Три восьмистишия». Печ. по БВ, с. 108. Дил.: начало года. *Черных ангелов крылья остры.* Имеются в виду крылатые фигуры, которыми украшена арка на Галерной между зданиями б. Сената и Синода (изваяны В. Демут-Малиновским в 1832—1833 гг.). Ср. стих. № 101.

134. АМ, 1916, с. 22. Печ. по ШК, с. 140. Автограф (архив М. Л. Лозинского). Дил.: январь. *Посланья апостолов* — двадцать одна книга «Нового завета», большая часть которых написана апостолом Павлом. *Псалмопевец* — царь Давид, см. прим. № 95.

135. Альм. «В годы войны», Пг., 1915, с. 11. Оконч. текст БС 1, с. 36, без посвящ. Посвящ. впервые ШК, с. 141. Печ. по БВ, с. 110. *Н. В. Н.* — см. прим. № 127.

136. «Вершины», 1915, № 17, с. 6. Оконч. текст БС, с. 38, без загл. Печ. по Из 43, с. 22. Дил.: июль. *Владимир* Святославич, князь

Киевский, ввел на Руси христианство (ок. 988 г.). Памятник ему поставлен в Киеве на Владимирской горке над Днепром.

137. Альм. «Тринадцать поэтов», Пг., 1917, с. 6; БС 1. Оконч. текст БС 3, с. 115. Печ. по БВ, с. 163. Дил.: 14 апреля.

138. «День», 1914, 29 июня, в цикле «Три восьмистишия», без загл. Печ. по БВ, с. 115. Дил.: февраль.

139. Гиперб, 1913, IX—X, с. 3, в цикле «Восьмистишия». Печ. по БВ, с. 116.

140. ГЖ, 1914, № 7, с. 8. Печ. по БВ, с. 117.

141. БС 1, с. 43. Печ. по ШК, с. 147. *Китайская беседка* — в Царскосельском парке («Каприз», см. прим. № 189).

142. «Русское слово», 1917, 1 апреля, с. 3. Оконч. текст БС 1, с. 44. Печ. по БВ, с. 118. Дил.: октябрь. Автограф (ЦГАЛИ), с зачеркнутым посвящ. Б. А. ⟨Б. Анрепу⟩. Анреп Борис Васильевич (1883—1969) — художник (мозаичист) и художественный критик, печатал в «Аполлоне» статьи по вопросам живописи (1912, № 9, с. 18—26 — «Беседы о живописи»; 1913, № 2, с. 39—48 — «По поводу лондонской выставки с участием русских художников»; 1914, № 1-2, с. 108—121 и № 8, с. 32—51 — «Беседы о живописной технике» и др.). Писал стихи (АМ, 1916, с. 13 — поэма «Человек»). Ахматова познакомилась с ним весной 1915 г. в доме его друга Н. В. Недоброво (см. прим. № 127) в Царском Селе. Согласно ее указаниям (Мат. Л.), Б. Анрепу посвящено в БС 17 стихотворений (с апреля 1915 г.), в П — 14. Ему, по-видимому, адресованы стихотворения Ахматовой, связанные с темой эмиграции (№ 236, 583). Эпиграф из поэмы Анрепа см. № 629—631.

143. РМ, 1915, № 12, с. 1, с другим порядком строф (без кавычек во второй строфе). Оконч. текст БС 1, с. 45. Печ. по БВ, с. 119. Дил.: сентябрь. *Хювинккя* — туберкулезный санаторий около Хельсинки, где Ахматова лечилась осенью 1915 г. Две сестры Ахматовой — Ия и Инна — скончались в молодом возрасте от туберкулеза.

144. ГЖ, 1915, № 13, с. 10, с рисунком художника Н. Альтмана на тему стихотворения (с. 11). Печ. по ШК, с. 150.

145. СЗ, 1916, № 1, с. 35. Оконч. текст БС 1, с. 47. Печ. по БВ, с. 120.

146. ГЖ, 1914, № 7, с. 8. Оконч. текст БС 1, с. 48. Печ. по ШК, с. 163. Лишь небольшое число стихотворений Ахматовой написано от лица мужчины (стих. № 40, 243 — первая редакция и др.).

147. ГЖ, 1914, № 7, с. 7, с посв. Ольге Кузьминой-Караваевой. Оконч. текст БС 1, с. 50. Из 43 посвящ. снято. Семья Кузьминых-Караваевых жила в Березках по соседству со Слепневом. К этой семье принадлежала по мужу и поэтесса Е. Ю. Кузьмина-Караваева (урожд.

Пиленко, 1891—1945), член «Цеха поэтов», автор сб. «Скифские черепки» (1912). После революции эмигрировала в Париж, постриглась в монахини и как церковная деятельница была известна под именем «мать Мария». Казнена немецкими фашистами за активное участие в движении Сопротивления (см.: Д. Е. Максимов. Воспоминания Е. Ю. Кузьминой-Караваевой о Блоке. — «Ученые записки Тартуского гос. университета», вып. 209, 1968, с. 257—264).

148. «Рубикон», 1914, № 6, с. 31. Оконч. текст БС 1, с. 52. Печ. по ШК, с. 152.

149. А, 1917, № 1, с. 53, без посвящ. Печ. по БВ, с. 124. В ШК, с. 158 и С 58, с. 29 с полным именем Н. В. Недоброво (см. прим. № 127). Дил.: октябрь. *Пред этой девушкой воспетой.* Имеется в виду стих. Пушкина «Царскосельская статуя».

150. А, 1917, № 1, с. 54. Печ. по БВ, с. 126. Дил.: октябрь. Стих. посвящено, по-видимому, Н. В. Недоброво (см. прим. № 127), как и № 149 и 151. *И орла Екатерины* и т. д. Имеется в виду ограда Екатерининского парка в г. Пушкине.

151. БС 1, с. 58, без посвящ. Посвящ. Н. В. Н. (см. прим. № 127) — впервые в С 61. Печ. по БВ, с. 125. *Кифаред* — статуя Аполлона-кифареда в Павловском парке. Образ певца-кифареда (т. е. играющего на кифаре — лютне) был связан в сознании современников Ахматовой с «вакхической драмой» И. Анненского «Фамира-кифаред». Согласно сюжету драмы, слепого певца сопровождает в его скитаниях мать, обращенная богами в птичку за кровосмесительную страсть к сыну, — мотив, перенесенный в этом стихотворении на статую в Павловске.

152. Альм. «Тринадцать поэтов», Пг., 1917, с. 6. Оконч. текст С 58, с. 27. Печ. по БВ, с. 128.

III

153. РМ, 1917, № 1, с. 136, без эпиграфа. БС 1—4 с эпиграфом: Пс⟨алтирь⟩ 6, ст. 7. Печ. по БВ, с. 130. Дил.: 18 мая. Указанный в эпиграфе текст Псалтири — следующие строки: «Утомлен я воздыханиями моими; каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою». *Царь Давид* (библ.), см. прим. № 95.

154. СЗ, 1915, № 10, с. 40, без строфы 1; БС 1—4. Оконч. текст С 58, с. 24. Печ. по БВ, с. 131.

155. ГЖ, 1914, № 7, с. 8, под загл. «Новгород». Оконч. текст БС 1, с. 65. Черновой автограф (Бювар, ЦГАЛИ). Начиная с С 61: Новгород, 1914. Дил.: сентябрь 1914; С 27: сентябрь 1914, Царское Село. Осенью 1914 г. Ахматова навещала под Новгородом мужа, проходившего там военное обучение перед отправкой на фронт. *Марфа*-посадница правила Новгородом в XV в.; генерал *Аракчеев* (1769—1834) устроил здесь в 1810 г. знаменитые «военные поселения».

156—157. А, 1914, № 6-7, с. 9, в обратной последовательности. В таком же порядке в сб. «В тылу» (Пг., 1915, с. 13), где оба стихотворения, несмотря на патриотическое содержание, изуродованы огромными купюрами, сделанными царской цензурой (1 — без ст. 3—4, 9—12; 2 — без ст. 5—12). См.: Л. Генин, Анна Ахматова и царская цензура. — Зв, 1967, № 4, с. 203—204. В БС 1—4 последовательность стихотворений как в позднейших публикациях. Печ. по ШК, с. 167.

158. БС 1, с. 69. Печ. по БВ, с. 133. Дата: 1914 в БВ не соответствует всем более ранним источникам. Дил.: Петербург.

159. БС 1, с. 70. Печ. по БВ, с. 134. Дил.: март. Посвящено Б. Анрепу (см. прим. № 142).

160. А, 1914, № 6-7, с. 10. Печ. по БС 1, с. 71. В годы первой мировой войны стихотворение перепечатывалось много раз. См.: «Отзвуки войны», кн. 1, Киев, 1914; «Современная война в русской поэзии», Пг., 1915; «В тылу», Пг., 1915; «Война в русской поэзии», Пг., 1915. См. также: М. Э. Коор, Материалы к библиографии А. А. Ахматовой. — «Ученые записки Тартуского гос. университета», вып. 209, 1968 (№ 89—91, 117—119, 144).

161. БС 1, с. 72. Печ. по БВ, с. 162. Дил.: июль 1914, Дар⟨ница⟩. Дарница — под Киевом, где Ахматова жила на даче у своей матери накануне войны.

162. Сб. «Война в русской поэзии», Пг., 1915, с. 99. Оконч. текст БС 1, с. 73; ШК, без загл. Печ. по БВ, с. 135. *Духов день* — христианский праздник на 51-й день после Пасхи.

163. ЕЖ, 1914, № 7, с. 2. Оконч. текст БС 1, с. 74. Печ. по рук. БВ. Черновой автограф (ЦГАЛИ).

164. СЗ, 1915, № 10, с. 42. Оконч. текст БС 1, с. 76. Печ. по БВ, с. 136.

165. БС 1, с. 78. Печ. по БВ, с. 138.

166. «Вершины», 1914, № 1, с. 9. Оконч. текст БС 1, с. 80. Печ. по БВ, с. 139. БВ с ошибочной датой: 1915.

167. СЗ, 1914, № 12, с. 82. Оконч. текст БС 1, с. 82; ШК, с. 177. Печ. по БВ, с. 141.

168. «Отечество», 1914, № 7, с. 31. Печ. по ШК, с. 179.

169. «День», 1915, 22 марта. Оконч. текст БС 1, с. 86. Печ. по БВ, с. 143.

170. Сб. «Сад поэтов» (Полтава), 1916, с. 5. Печ. по БВ, с. 144.

171. БС 1, с. 28.

172. «Русское слово», 1917, 1 апреля, с. 3; БС 1, с. 89. Оконч. текст С 58, с. 28. Печ. по БВ, с. 145.

173. «Во имя свободы», однодневная газета, Пг., 1917, 25 мая. Печ. по БВ, с. 146. Дил.: 18 июля 1916. 19 июля 1914 г. началась первая мировая война.

IV

174. СЗ, 1916, № 1, с. 32, с посвящ. Н. Г. Чулковой. Печ. по БВ, с. 147. Чулкова Надежда Григорьевна — жена писателя Георгия Чулкова.

175. Гиперб, 1913, IX—X, с. 5, в цикле «Восьмистишия». Оконч. текст БС 1, с. 94. Печ. по БВ, с. 148.

176. РМ, 1915, № 12, с. 2. Печ. по ШК, с. 187. По старинному русскому обычаю в праздник *Благовещения* (25 марта ст. ст.) выпускали птицу из клетки.

177. А, 1916, № 4-5, с. 41, без загл. Печ. по БВ, с. 149. Дил.: 15 марта. Тема страшного сна, с тщетными поисками возлюбленного, бегством и преследованием, в разной форме повторяется уже в ранних стихах Ахматовой (№ 147) и в дальнейшем получит развитие в поэме «Путем всея земли», в драме «Пролог, или Сон во сне» и др. *Царицын сад* — Екатерининский парк в г. Пушкине (б. Царское Село).

178. ГЖ, 1914, № 7, с. 7, под загл. «Белый дом». Оконч. текст БС 1, с. 98. Печ. по ШК, с. 190 с восстановлением загл. по всем предшеств. публ.

179. СЗ, 1915, № 10, с. 44. Оконч. текст БС 1, с. 100. Печ. по ШК, с. 192. Посвящено Б. А⟨нрепу⟩ (см. прим. № 142).

180. РМ, 1915, № 2, с. 1. Оконч. текст ШК, с. 194. Печ. по БВ, с. 151. Посвящено Б. А⟨нрепу⟩ (см. прим. № 142).

181. «Пряник осиротевшим детям», Пг., 1916. Оконч. текст БС 1, с. 103. Печ. по БВ, с. 152.

182. СЗ, 1915, № 10, с. 43. Оконч. текст БС 1, с. 104. Печ. по ШК, с. 196.

183. АМ, 1916, с. 23. Оконч. текст С 58, с. 21. Печ. по БВ, с. 153. Посвящено Б. А⟨нрепу⟩ (см. прим. № 142).

184. СЗ, 1916, № 1, с. 36. Оконч. текст БС 1, с. 107.

185. БС 1, с. 108. Оконч. текст ШК, с. 199. Дил.: 3 января.

186. БС 1, с. 109. Печ. по БВ, с. 154. Дил.: начало года.

187. БС 1, с. 110. Оконч. текст ШК, с. 201. *Духов день* — см. прим. № 162.

188. А, 1916, № 4-5, с. 40. Печ. по ШК, с. 202. Дил.: 28 апреля 1916. Посвящено Б. А⟨нрепу⟩ (см. прим. № 142).

189. «Новый журнал для всех», 1915, № 4, с. 33. Оконч. текст БС 1, с. 114. Печ. по БВ, с. 157. Автограф с перечеркнутым посвящ. Н. В. Н. (Н. В. Недоброво — см. прим. № 127) (ЦГАЛИ). *Городок* — Царское Село. *Китайский желтый мост* — павильон «Каприз» (см. № 141 и 309 и прим.).

190. «Русское слово», 1917, 1 апреля, с. 3; БС 1, с. 116. Печ. по БВ, с. 159. Дил.: Бельбек, 15 декабря 1916. *Анреп Юния Павловна* — жена Б. В. Анрепа (см. о нем прим. № 142). По-видимому, в конце 1916 г. Ахматова жила с Анрепами на даче в *Бельбеке,* под Севастополем.

191. РМ, 1917, № 1, с. 136. В последней строфе для хода мысли существенное значение имеет пунктуация. В журнальной публикации и в БС точка стояла после «печали», отделяя четвертый стих от первых трех. Так же в Из 43. В ШК, С 61 и БВ точка поставлена после «сознанья», разбивая строфу на два разных двустишия и связывая третий стих с четвертым. Мы печатаем стихотворение вопреки БВ, по ранним источникам. Посвящено Б. Анрепу (мат. Л. — см. прим. № 142).

192. А, 1917, № 3, с. 54. Печ. по БВ, с. 161.

⟨*ДОПОЛНЕНИЯ*⟩

В дополнения включены стихотворения, опубликованные в БС 2—4 и БВ. Печатаются в последовательности публикации.

193. «Аргус», 1917, № 11-12, с. 81. Печ. по БВ, с. 114.

194. БС 2, с. 52. Печ. по БВ, с. 122.

195. СЖ, 1918, № 1, с. 8. Печ. по БВ, с. 121.

196. БС 2, с. 72.

197. Гиперб, 1913, IX—X, с. 4, в цикле «Восьмистишия». Оконч. текст БС 3—4, с. 112. Печ. по ШК, с. 212.

198. ГЖ, 1914, № 7, с. 8. Печ. по ШК, с. 215.

199. БС 3—4, с. 116. Печ. по БВ, с. 164.

200. БС 3—4, с. 118. Печ. по ШК, с. 216.

201. СЗ, 1914, № 6, с. 34, без строфы 2. Печ. по БС 4, с. 78. Дил.: начало года.

202. Альм. «Тринадцать поэтов», 1917, с. 5. Оконч. текст БС 4, с. 101. Печ. по БВ, с. 156. БВ: 1915; мат. Л.: 1914.

203. БС 4, с. 79. Печ. по ШК, с. 183.

204. «Нива», 1913, № 10, с. 94, под загл. «Песенка». Печ. по БВ, с. 111 (дата неправильная: 1916).

205. Альм. «Шиповник», № 1, 1922, с. 12. Печ. по БВ, с. 113 с исправлением по «Шиповнику» ошибочной пунктуации в ст. 5—6.

ПОДОРОЖНИК

1921

П — самый маленький из семи сборников Ахматовой, содержит в первом издании 38 стихотворений, в том числе одно переводное — «Заре (с португальского)». Большинство написано в 1917—1919 гг. и завершает круг биографических тем БС и Ч; отдельные стихотворения относятся к более раннему времени, но по разным случайным причинам в предшествующие сборники не вошли. Из этого общего числа 18 стих. были ранее опубликованы в повременных изданиях (частично в газетах). П был дважды переиздан как третий раздел книги AD 1—2. В С 61 стихи этого сборника объединены с AD под общим названием «Подорожник» (всего 29 стих.). В БВ раздел П содержит 23 стихотворения. Два перенесены по хронологическим основаниям в Ч и В (№ 107 и 56), три по соображениям биографической циклизации в AD (№ 246—248), стих. № 630 объединено с двумя другими, связанными с ним по теме, в цикл «Эпические мотивы». В настоящем издании они перенесены в раздел эпических отрывков (№ 629—631).

Эпиграф — цитата из посвящения к «Полтаве» Пушкина. Впервые — AD 1, с. 53 (неточно).

206. «Аргус», 1918, № 1, с. 32. Печ. по БВ, с. 171.

207. «Воля народа», 1918, 13 апреля. Печ. по AD 1, с. 56. Дил.: июль. Посвящено Б. А⟨нрепу⟩ (см. прим. № 142).

208. «Воля народа», 1918, 28 апреля, с. 12. Оконч. текст П, с. 12. Печ. по БВ, с. 172.

209. «Воля народа», 1918, 5 мая, с. 11. Печ. по БВ, с. 173. С 27: июль 1917, Пбг.; Дил.: июнь 1917 (вагон).

210. «Новые ведомости», веч. вып., 1918, 30 мая. Печ. по БВ, с. 174.

211. «Художественно-литературное приложение № 1 к веч. вып. „Новых ведомостей“», 1918, 1 апреля. Печ. по БВ, с. 175. Посвящено Б. А⟨нрепу⟩ (см. прим. № 142).

212. «Петроградское эхо», 1918, 22 января (объединено с № 218 под общим загл. «Это просто. . .»). Оконч. текст П, с. 16. Печ. по БВ, с. 207. Посвящено Б. А⟨нрепу⟩ (см. прим. № 142).

213. «Петроградское эхо», 1918, 18 февраля, под загл. «Никогда не поверю. . .». Оконч. текст П, с. 18. Печ. по БВ, с. 176.

214. П, с. 19. Печ. по БВ, с. 177. Написано на сельскохозяйственной ферме, где Ахматова гостила в семье своей приятельницы Н. В. Рыковой (см. прим. № 268).

215. П, с. 20; ШК. Печ. по БВ, с. 178. Черновой автограф (ЦГАЛИ).

216. П, с. 24. Печ. по БВ, с. 180.

217. П, с. 25. Печ. по БВ, с. 181.

218. «Петроградское эхо», 1918, 22 января (см. прим. № 212). Оконч. текст П, с. 26. Печ. по БВ, с. 182. Дил.: Слепнево. Посвящено Б. А⟨нрепу⟩ (см. прим. № 142).

219. «Воля народа», 1918, 12 апреля, с. 20. Печ. по Из 43, с. 97.

220. П, с. 29. Печ. по БВ, с. 183. Датируется по черновому автографу (ЦГАЛИ). Дил.: 17 июля.

221. Альм. «Тринадцать поэтов», Пг., 1917, с. 6. Оконч. текст П, с. 30. Печ. по БВ, с. 184. В первой публикации дата: 1915, в дальнейшем — 1913.

222. «Жизнь», 1918, 4 мая; П, с. 31. Печ. по БВ, с. 185.

223. «Аргус», 1917, № 3, с. 71. Оконч. текст П, с. 32. Печ. по БВ, с. 186.

224. П, с. 33. Печ. по БВ, с. 187. Дата во всех источниках: 1917.

225. «Дом искусства», 1921, № 1, с. 4. Оконч. текст AD 1—2, с. 82.

226. «Петроградское эхо», 1918, 14 февраля, под загл. «Теперь». Оконч. текст без загл. П, с. 37. Печ. по БВ, с. 189. Дата во всех источниках: 1917.

227. «Петроградское эхо», 1918, 19 января; П. Оконч. текст БВ, с. 190. БВ, С 61 дата: январь; Дил.: март.

228. П, с. 40. Печ. по AD 1, с. 86.

229. П, с. 42. Печ. по ШК, с. 108. Дата: AD 1.

230. П, с. 43. Печ. по БВ, с. 191.

231. П, с. 44. Печ. по БВ, с. 192.

232. СЗ, 1914, № 6, с. 33, под загл. «Дама в лиловом»; П, с. 45; С 61, под загл. «В зеркале». Печ. по БВ, с. 193.

233. П, с. 46, без загл.; С 58, под загл. «Песенка». Печ. по БВ, с. 219. С 27 (ГБЛ): 6 марта, Дил.: 5 марта. Акростих — первые буквы каждой строки образуют слова: Борис Анреп (см. прим. 142).

234. П, с. 47. Печ. по AD 1, с. 93.

235. «День», 1914, 29 июня, в цикле «Три восьмистишия». Печ. по БВ, с. 194. Посвящено Б. А⟨нрепу⟩ (см. прим. № 142).

236. «Воля народа», 1918, 12 апреля, с. 20, без ст. 9—12; П; ШК. Печ. по БВ, с. 195. Первоначально было посвящено Б. А⟨нрепу⟩ (см. прим. № 142).

⟨*ДОПОЛНЕНИЕ*⟩

237. П, с. 53. Печ. по ШК, с. 116. Первый перевод Ахматовой, опубликованный в печати, единственный включенный первоначально в ее авторский сборник. Автор стихотворения — выдающийся португальский поэт Антеро де Кенталь (1842—1891). *Зáра* — сестра поэта Жуакино де Аружо, скончавшаяся 16 января 1880 г. в возрасте 16-ти лет (надпись сделана для ее надгробного памятника).

ANNO DOMINI
1921—1922

Первое издание вышло в 1922 г. под заглавием «Anno Domini MCMXXI» (лат.) — в переводе: «В лето господне 1921» (обозначение даты в старом календаре). Книга состояла из трех частей: первая — под общим заголовком сборника (14 номеров); вторая — «Голос памяти» (15 номеров); третья — переиздание П с одним добавочным стихотворением. Из первых 29 стих. были ранее опубликованы в печати только 6. За единичными исключениями все стихотворения сборника были написаны в 1921 г., т. е. в год, выделяющийся в творчестве Ахматовой особенно большой продуктивностью. Второе издание было отпечатано в 1923 г. в Берлине издательствами «Петрополис» и «Алконост» под заглавием: «Anno Domini». Стихотворения, кн. 3, изд. 2-е, доп. (с включением П как последней части, с двумя добавочными стихотворениями). Заглавие сборника потеряло прежнее хронологическое значение с включением большого первого отдела «Новых стихов» (№ 238—245, 253—260, 263, 265), написанных в 1922 г., а также некоторых стихов более раннего времени. Из них в периодических изданиях опубликовано было 12 номеров. Два остальных раздела перепечатаны в прежнем составе и порядке. ШК воспроизводит AD в очень полном составе. В С 61 раздел этот объединен с П, в БВ книги П и AD снова разделены; в БВ в AD включены некоторые стихотворения того же времени, ранее не печатавшиеся. Целиком вошли в книгу писавшиеся по частям и в разное время «Библейские стихи» (№ 260—262), «Сказка о черном кольце» (№ 266), «Эпические мотивы» (№ 629—631), «Три стихотворения» (№ 290—292), отрывки

из царскосельской поэмы «Русский Трианон». Выделен был обширный биографический цикл «Черный сон» (№ 246—251), включающий также стихотворения разных годов. Завершение эта тенденция к широкой циклизации всех стихотворений, по теме и по времени связанных между собою, получила в оглавлении сборника AD, составленном Ахматовой около 1961 г. и содержащем 55 номеров (оглавление сохранилось в нескольких списках — ГПБ, мат. М. С. Петровых). Ввиду такого значительного и планомерного расширения сборника по сравнению с AD 1 мы воспроизвели его окончательный состав по совпадающим в основном указаниям рук. БВ и оглавлений. «Эпические мотивы» (1—3) и «Русский Трианон» перенесены в раздел «Эпические и драматические отрывки».

Эпиграф (впервые БВ) — из стих. Тютчева «Я знал ее еще тогда...». В AD 1—2 был эпиграф: «Nec sine, nec tecum vivere possum» («Ни без тебя, ни с тобою жить не могу» — лат.).

I. ПОСЛЕ ВСЕГО

В AD 2 этот раздел сборника был озаглавлен «Новые стихи».

238. AD 2, под загл. «Согражданам». Печ. по рук. БВ.

239. AD 2, с. 9 и сб. «Завтра», изд. «Петрополис», Берлин, 1923, с. 15. Печ. по БВ, с. 199. *Бежецк* — б. уездный город Тверской губ., в 15 км от Слепнева; здесь жил с бабушкой маленький сын Ахматовой — см. о нем прим. № 501.

240. С 27 (ГБЛ), с. 155. Печ. по рук. БВ. Посмертная публикация — «Лит. Грузия», 1967, № 5, с. 64.

241—242. ШК, с. 47, в цикле «Дальний голос». Автограф под загл. «Дальний голос (Слова на музыку, слышанную во сне)» (ЦГАЛИ) (см. № 243). Печ. по рук. БВ.

1. Сб. «Лирический круг», М., 1922, с. 7; AD 2, с. 10.

2. «Петербургский сборник», Пб., 1922, с. 9. Оконч. текст AD 2, с. 11.

243. Сб. «Петербург», 1921, № 1, с. 1; ШК, с. 47, в цикле «Дальний голос»; Из 43, под загл. «Дальний голос». Оконч. текст С 58, с. 37. Печ. по БВ, с. 200. Черновой автограф (ЦГАЛИ). При переработке слова героя (от первого лица) были заменены словами героини (от третьего). Дил.: 26 ноября.

244. «Утренник», кн. 1, Пбг., 1922, с. 19, с посвящ. А. С. Сверчковой; AD 2, с. 13. Печ. по ШК, с. 49.

245. AD 2, с. 14; ШК. Печ. по БВ, с. 201.

246—251. Цикл «Черный сон» был составлен в рук. БВ из стихотворений разного времени (1913—1921), опубликованных в разных сборниках (Ч, П, AD), и включен в раздел AD. Печ. по рук. БВ.

Не включенным в цикл осталось стих. № 520. Черновые автографы под загл. «Дурной сон» без стих. 1 (ЦГАЛИ, ГПБ). Цикл объединен биографической темой и посвящен В. К. Шилейко, второму мужу Ахматовой. Шилейко Владимир (Вольдемар) Казимирович (1891—1930) — выдающийся ученый-востоковед, специалист по древним клинописным языкам, шумерийскому и аккадскому (см. о нем: Р. А. Грибов, Из истории русской ассирологии. В. К. Шилейко. — В сб. «Очерки по истории Ленинградского университета», II, 1968, с. 94—99). Писал стихи, участвовал в «Цехе поэтов». Написал введение к русскому переводу вавилонского эпоса «Гильгамеш» (изд. З. Гржебина, СПб., 1919). Сохранились сведения о его собственном «прекрасном художественном переводе поэмы» (см.: «Эпос о Гильгамеше», серия «Литературные памятники», М.—Л., 1961, с. 133). Ряд других поэтических переводов Шилейко был опубликован в 1922—1924 гг. в журнале «Восток» изд-ва «Всемирная литература». Шилейко был восторженным почитателем поэзии Ахматовой (см. № 1). Ахматова вышла за него замуж в августе 1918 г. и разошлась с ним весной 1921 г. (ЦГАЛИ). Осенью 1918 г. Ахматова переехала с Шилейко в Москву (3-й Зачатьевский пер., в районе Пречистенки, ныне ул. Кропоткина, см. № 5), затем они жили в Ленинграде, в Мраморном дворце, где Шилейко имел две комнаты в служебном корпусе, как работник Академии материальной культуры. О Шилейко см. также кн.: В. М. Жирмунский, Творчество Анны Ахматовой, Л., 1973, с. 181—182.

1. Гиперб, 1913, VIII, с. 6. Оконч. текст Ч 9, с. 16. Поводом для стихотворения послужило, вероятно, публичное обсуждение стихов Ахматовой при выступлении акмеистов в артистическом кабаре «Бродячая собака».

2. «Наш век», 1918, 4 мая. Оконч. текст П, с. 22. Печ. по рук. БВ.

3. «Сирена», № 2-3, Воронеж, 1918, с. 7. Оконч. текст П, с. 35.

4. «Сирена», № 2-3, Воронеж, 1918, с. 7. Оконч. текст П, с. 23.

5. Н 1, с. 15, под загл. «Из цикла «Старая Москва» (Третий Зачатьевский)», с другим порядком строф. БВ, с. 202. Дил.: лето 1940. БВ неправильно — 1922 (?); в автографе (ЦГАЛИ) дата: 1918 в скобках относится к заглавию (время описываемых событий); 1940 под стихотворением означает время написания.

6. AD 1, с. 52. Печ. по рук. БВ. Автограф под загл. «Эпилог» (ЦГАЛИ).

252. «Северное утро», сб. 1, Пг., 1922, с. 3. Оконч. текст AD 2, с. 15. Печ. по БВ, с. 203.

253. СЖ, 1918. № 3-4, с. 15, с датой: 21 февраля 1918. Оконч. текст AD 2, с. 16. Печ. по БВ, с. 204.

254. AD 2, с. 17. Печ. по рук. БВ, где дата: 1921 (?).

255. «Москва», 1922, № 6, с. 22. Печ. по БВ, с. 205.

256. Альм. «Лит. мысль», вып. 2, Пг., 1923, с. 5. Оконч. текст AD 2, с. 19. Печ. по БВ, с. 206.

257. AD 2, с. 22. Оконч. текст БВ, с. 209.

258. Сб. «Абраксас», Пбг., 1922, с. 16. Оконч. текст AD 2, с. 21. Печ. по БВ, с. 210.

259. «Парфенон», сб. 1, Пбг., 1922, с. 26, с датой: 1921 и посвящ. В. К. Шилейко (см. прим. 246); С 61, с. 156, без посвящ. Печ. по БВ, с. 211. Дата во всех источниках, кроме 1-й публикации: 1922.

260—262. ШК, с. 23 (1—2), под загл. «Из книги Бытия». Печ. по БВ, с. 212. Все три стихотворения начинаются с союза «и» в соответствии со стилем библейского повествования.

1. «Стрелец», сб. 3, СПб., 1922, с. 52, под загл. «Из книги Бытия», без эпиграфа. Оконч. текст AD 2, с. 23. Эпиграф — Из 43, с. 58.

2. РС, 1924, № 1, с. 40, без загл., с эпиграфом: «И озреся жена его вспять, и бысть столп слан» (Бытие, XIX, 26); ШК без эпиграфа, под загл. «Лотова жена».

3. Зв, 1962, № 7, с. 94, под загл. «Образы древности. Мелхола».

263. AD 2, с. 25. Было включено Ахматовой в план нового издания AD после цикла «Из книги Бытия», 1—3 (мат. М. С. Петровых). С 27 с датой: 21 мая. *Щеголева Валентина Андреевна* (1878—1931) — жена известного пушкиниста П. Е. Щеголева. Ахматова гостила на даче Щеголевых под Ленинградом в 1920-х годах. *Серафим* — монах *Саровской* пустыни (1760—1833), христианский святой. *Анна* — жена великого князя Тверского Михаила Ярославича (1271—1319), казненного по приказанию татарского хана. После смерти мужа постриглась в монахини и переехала в *Кашин*, к сыну, князю Василию. Умерла в 1338 г. Канонизирована в 1650 г.

264. «Свирель Пана», 1923, № 21, с. 1, без загл. Оконч. текст AD 2, с. 26, под загл. «Разлука». Печ. по БВ, с. 217.

265. «Поэты наших дней». Антология, М., 1924, с. 10. Печ. по БВ, с. 218. Дил.: зима 1922.

266. AD 2, с. 27, под загл. «Два отрывка из сказки „О черном кольце“»; ЛС, 1940, № 5-6, с. 48. Оконч. текст ШК, с. 33; С 61, с. 133. Печ. по БВ, с. 220. Дил.: лето 1917—1936. Черновые автографы (ч. 1—2) закончены в начале августа 1917 г. Ср. на обороте листа: «Послала Нкл. Вл. ⟨Недоброво⟩ 5 августа» (ЦГАЛИ). По рассказу Ахматовой, ее «бабушка-татарка», по фамилии которой она избрала свой псевдоним, происходила от хана Золотой Орды Ахмата (или Ахмета), убитого приближенными после неудачного похода на Москву в 1480 г. при Иване III (историческое событие, которое считается концом «татарского ига» на Руси). «У бабки было ожерелье с черными и белыми камнями. Мне дала звено с черным камнем. И я его все время носила. И отдала, как написано, под скатертью. А когда просила обратно, он сказал: „Ваше кольцо будет в дружеских руках“. — „А хорошее было кольцо?“ — „Очень. Нелегкое, но необыкновенное“» (Дил.). В российских дворянских родословных фамилия Ахматовых впервые упоминается во время похода Ивана Грозного на Казань в 1544 г. Как сообщает поэтесса, ее прабабушка Прасковья Егоровна Ахматова вышла замуж за симбирского помещика Егора

Мотовилова. Бабушкой Ахматовой была его дочь Анна Егоровна Мотовилова, которая умерла, когда матери поэтессы было 7 лет. «В честь ее меня назвали Анной» (ЦГАЛИ).

267. Альм. «Лит. мысль», вып. 1, Пг., 1922, с. 5. Печ. по БВ, с. 223.

II. MCMXXI

Первоначальное обозначение года издания сборника в целом «Год 1921» теперь оказалось отодвинутым для раздела, составлявшего первую часть AD 1, с. 7—28. Ср. план AD в мат. М. С. Петровых.

268. ШК, с. 57, с посвящ. Н. В. Рыковой-Гуковской. Печ. по БВ, с. 229. *Рыкова Наталья Викторовна* (1897—1928) — жена проф. Г. А. Гуковского. Была поклонницей и близким другом Ахматовой. В 1919—1920 гг. Ахматова несколько раз гостила в семье Рыковых на сельскохозяйственной ферме в г. Пушкине, директором которой был проф. В. И. Рыков, отец ее приятельницы, по специальности ученый-агроном (см. прим. № 214).

269. AD 1, с. 8.

270. AD 1, с. 10. Печ. по БВ, с. 230.

271. AD 1, с. 11.

272. «Записки мечтателей», 1921, № 4, с. 18, под загл. «Страх», без строфы 4. Оконч. текст AD 1, с. 12, без загл. Печ. по рук. БВ.

273. AM 1916 г., с. 21. Печ. по БВ, с. 231.

274. AD 1, с. 14. Печ. по БВ, с. 232.

275. «Записки мечтателей», 1921, № 4, с. 18. Печ. по БВ, с. 233.

276. AD 1, с. 18. Печ. по ШК, с. 61.

277. AD 1, с. 20. Печ. по БВ, с. 234.

278. AD 1, с. 22. Печ. по БВ, с. 235.

279. AD 1, с. 24. Печ. по ШК, с. 63. С 27, с. 29, под загл. «28 июля 1921. Памяти А. Блока». Автограф (ПД). Восстановлено в составе AD по огл. М. С. Петровых. А. Блок скончался 7 августа 1921 г. (25 июля ст. ст.). Похоронен был на Смоленском кладбище в Ленинграде 10 августа (28 июля ст. ст.).

280. AD 1, с. 26, с посвящ. О. А. Г.-С. Оконч. текст БВ, с. 236. В стихотворении воссоздается портрет О. А. Глебовой-Судейкиной в заглавной роли пьесы Ю. Беляева «Путаница», написанный ее мужем С. Ю. Судейкиным. Ср. прим. № 79 и с. 513.

281. AD 1, с. 37. Печ. по БВ, с. 237.

282. «Записки мечтателей», 1921, № 4, с. 12. Оконч. текст AD 1, с. 40. Печ. по БВ, с. 238. Дил.: Царское Село.

283. AD 1, с. 42. Печ. по ШК, с. 71.

284. AD 1, с. 27. Печ. по БВ, с. 239. Дил: октябрь.

285. AD 1, с. 28. Печ. по БВ, с. 240.

286. Альм. «Феникс», кн. 1, 1922, с. 7, без загл. Оконч. текст ШК, с. 17. Печ. по БВ, с. 241. В огл. М. С. Петровых: январь 1922, вагон Бежецк — Пбг.

III. ГОЛОС ПАМЯТИ

В AD с эпиграфом к разделу:

Мир — лишь луч от лика друга,
Всё иное — тень его.

Н. Гумилев

287. AD 1, с. 31. Печ. по БВ, с. 243.

288. «Мысль», вып. 1, Пг., 1918, с. 90. Оконч. текст БВ, с. 244. В С 27 дата: 1918.

289. «Биржевые ведомости», утр. вып., 1915, 20 декабря, под загл. «Воспоминания», с другим порядком строф. Оконч. текст AD 1, с. 34, без загл. Включено в AD в огл. М. С. Петровых.

290. AD 1, с. 36, без загл.; ШК, под загл. «Встреча». Оконч. текст БВ, с. 246.

291—293. Печ. по рук. БВ. В цикл под загл. «Три стихотворения» объединены в ЧТ, ЦГАЛИ, огл. Дил., где стих. 1 датировано 5 января 1917, стих. 3 — 12 января, стих. 2 — январем того же года. В рукописном огл. П (ГПБ) под загл. «Триптих».

1. БС 1, с. 113. БС 4 и С 27 с посвящ. А. Л. Лурье Артур Сергеевич (1892—1966) — ученик А. К. Глазунова по Петербургской консерватории, композитор; положил на музыку ряд стихотворений из первых сборников Ахматовой; она написала несохранившийся сценарий к балету Лурье «Снежная маска» — «по Блоку» (ГПБ, «Список утраченных произведений»). В 1922 г. Лурье уехал за границу, жил в США.
2. AD 1, с. 44. Печ. по ШК, с. 73.
3. БС 1, с. 120. Печ. по ШК, с. 211.

294. AD 1, с. 38. С 27, с посвящ. сыну, Л. Н. Гумилеву.

295. AD 1, с. 43. Печ. по БВ, с. 247. Дил.: Царское Село.

296. AD 1, с. 45.

297. РС, 1924, № 1, с. 41, без загл. Печ. по БВ, с. 248.

298. Печ. по рук. БВ. Посмертная публикация — «Лит. Грузия», 1967, № 5, с. 64.

299. «Свирель Пана», 1923, № 1, с. 1, без загл. Печ. по рук. БВ. Автограф Н 2, л. 56 об. Дил.: 14 сентября.

ТРОСТНИК

1924—1940

Сборник подготовлялся Ахматовой к печати накануне войны и должен был включать ее стихи, написанные после AD, кончая 1940 г. Первоначально в ШК книга была озаглавлена «Ива» и соответственно открывалась стихотворением того же названия (№ 322). Эпиграф был также другой:

И было темно. И это был пруд
И волны...

Борис Пастернак

Новое заглавие «Тростник» — в С 61 и в БВ; в последнем и с новым эпиграфом. Сборник никогда отдельно не публиковался, состав входивших в него стихотворений с течением времени менялся. В Н 1 была сделана попытка в разделе 1 объединить более позднюю часть стихотворений из Т с рядом новых, написанных в 1940 и в начале 1941 г. (циклы «Разрыв», «В сороковом году», поэма «Путем всея земли»). В Н 2 раздел этот назван «Тростник», 1940 (вписано от руки после 1953 г.). Мы воспроизводим эту книгу по тексту БВ. В БВ «Тростник» содержит 28 стих., из которых 20 было опубликовано в журналах и сборниках в начале 1940-х годов. Рук. БВ несколько отличается от печатного издания порядком стихотворений и содержит дополнительных 5 номеров, которые включены в наст. изд.

Эпиграф — из стих. Б. Пастернака «Импровизация».

300. Из 43, с. 44; С 58 без строфы 1. Оконч. текст С 61, с. 189. Печ. по БВ, с. 253. *М. Лозинский* — см. прим. № 78.

301. ШК, с. 8. Печ. по БВ, с. 254.

302. «Ленинград», 1940, № 2, с. 9. Печ. по БВ, с. 255.

303. «Ленинград», 1940, № 2, с. 9. Оконч. текст ШК, с. 29. Печ. по БВ, с. 256. Летом 1927 г. Ахматова лечилась в Кисловодске, в санатории Дома ученых на Крестовой горе. *Бессмертный любовник Тамары* — Демон.

304. ШК, с. 22, в цикле «Шестнадцатый год». Печ. по БВ, с. 257.

305. ШК, с. 14. Печ. по БВ, с. 258.

306. Зв, 1940, № 3-4, с. 75; ШК, без загл. Печ. по БВ, с. 260. Дил.: весна 1931.

307. БВ, с. 261. Дата исправлена по Н 1 и Дил. Автограф (ГПБ).

308. ШК, с. 19, в цикле «Шестнадцатый год». Печ. по БВ, с. 262. Автограф (ЧТ, ЦГАЛИ).

309. «Ленинград», 1940, № 2, с. 9; ШК. Оконч. текст С 61, с. 176. Печ. по БВ, с. 263. Автограф (ЧТ, ЦГАЛИ), с посвящ. «Памяти Н. В. Н.» (см. прим. № 127). *Подкапризовая дорога* — в Царскосельском парке (см. прим. № 141 и 189).

310. «Ленинград», 1940, № 2, с. 9. Печ. по БВ, с. 264. *Шереметевские липы* — в саду дворца Шереметевых (Фонтанного Дома), где Ахматова поселилась в 1926 г. в квартире своего мужа Н. Н. Пунина, профессора-искусствоведа (ср. № 558 и прим.).

311. Зв, 1940, № 3-4, с. 74, под загл. «Борис Пастернак». Оконч. текст ШК, с. 36. Печ. по БВ, с. 265. Стих. построено на мотивах лирики Б. Пастернака. Пастернаку посвящены также № 475—476. Ахматова предполагала включить все эти стихотворения в цикл «Венок мертвым».

312. «Ленинград», 1940, № 2, с. 9, без ст. 14—17. Печ. по БВ, с. 267. Автограф (ЧТ, ЦГАЛИ). Посвящено поэту О. Э. Мандельштаму (1891—1938), близкому другу Ахматовой со времен «Цеха поэтов». Весной 1936 г. Ахматова навестила Мандельштама в Воронеже. Биографический портрет Мандельштама, написанный Ахматовой (ГПБ).

313. Зв, 1940, № 3-4, с. 74, без ст. 9—12; ШК. Оконч. текст БВ, с. 268. Автограф (ЧТ, ЦГАЛИ). *Из-под царских конюшен.* Имеется в виду б. Конюшенный дворец на Конюшенной площади в Ленинграде, между р. Мойкой и Марсовым полем, с примыкающими к последнему Лебяжьей канавкой и Летним садом. *Меж гробницами внука и деда.* Подразумевается церковь «Спаса на крови», построенная на месте, где был убит в 1881 г. Александр II, и Инженерный (Михайловский) замок, где был убит в 1801 г. Павел I. Между ними находится Михайловский сад. Район Марсова поля является местом действия «Поэмы без героя» (см. с. 368); с ним Ахматова связывала мрачные исторические воспоминания царского Петербурга («два окна Михайловского замка, которые остались такими же, как в 1801 г., и казалось, что за ними еще убивают Павла. . .») и ряд событий своей личной биографии («Всё это — мой Ленинград») (ГПБ).

314. Печ. по рук. БВ. Посмертная публикация — «Звезда Востока», 1966, № 6, с. 41. Автографы (ЦГАЛИ) с датой: 1933. *Наместник Рима* — Понтий Пилат, согласно христианской легенде «омывший руки» перед народом в знак того, что он невиновен в казни Христа. *Шотландская королева* — леди Макбет, виновница убийств, совершенных ее мужем, в бреду пытается смыть кровь со своих рук.

315. НС, 1960, № 3, с. 178. Печ. по БВ, с. 270. БВ: 1938; НС и С 61: 1942. Посвящено писателю Борису Пильняку (1894—1937).

316. Посмертная публикация — «Москва», 1966, № 6, с. 157.

317. Зв, 1940, № 3-4, с. 75, с датой: 1934. Печ. по БВ, с. 271.

318. Н 1—2, с. 21. Посмертная публикация — Анна Ахматова, Избранное, М., 1974, с. 293.

319. БВ, с. 272.

320. ШК, с. 39. Печ. по БВ, с. 273. *Данте* Алигьери (1265—1321) был не только поэтом, но и активным политическим деятелем Флоренции. Был изгнан из родного города в 1302 г. после победы партии «черных». В 1315 г. Данте было сделано предложение вернуться во Флоренцию при условии унизительного публичного покаяния, которое он решительно отверг. Эпиграф (не вполне точно) заимствован из «Ада», п. XXI, ст. 17. *Прекрасный Сан-Джованни* — баптистерий флорентийского собора. Ахматова очень любила поэзию Данте и многие места «Божественной комедии» знала наизусть. Экземпляр итальянского издания Данте находился постоянно в ее рабочей библиотеке. *Этот, уходя, не оглянулся.* Намек на древнегреческий миф о легендарном певце Орфее, который в поисках умершей жены Эвридики спустился в загробный мир. Покоренный пением Орфея, Аид согласился отпустить Эвридику, но, возвращаясь из загробного мира, певец не должен был оглядываться на тень жены. Орфей оглянулся и потерял Эвридику навсегда. См. также стих. № 261.

321. ЛС, 1940, № 5-6, с. 48, без эпиграфа; ШК, с двумя эпиграфами, первый: «I am air and fire». Shakespeare («Я — воздух и огонь». Шекспир — англ.) — из «Антония и Клеопатры», д. V, сцена 2. Печ. по БВ, с. 274. Эпиграф — из стих. Пушкина «Клеопатра». Римский император *Август* (Октавиан, 63 г. до н. э. — 14 г. н. э.), одержав победу над своим соперником *Антонием* и захватив Египет, имел намерение увезти царицу Египта Клеопатру и ее детей в Рим как пленников для участия в своей триумфальной процессии.

322. Зв, 1940, № 3-4, с. 75, без загл. Печ. по БВ, с. 275. Эпиграф — из стих. Пушкина «Царское Село» (1823). *Я лопухи любила и крапиву.* В своих воспоминаниях о раннем детстве и юности, проведенных в Царском Селе в доме Шухардиной на Широкой ул., Ахматова описывает Безымянный переулок, на который выходил дом: он «летом пышно зарастал сорняками — репейниками, роскошной крапивой и великанами лопухами (об этом я сказала в 40 г., вспоминая пушкинский «ветхий пук дерев»)» (ГПБ). Мотив этот повторяется в ряде других стихотворений Ахматовой (№ 334, 477).

323. «Ленинградский альманах», 1945, с. 210, в подборке под общим загл. «Шаг времени», без ст. 7—8, 25—28. Печ. по рук. БВ. Посмертная публикация полного текста — РТ, 1966, № 13, с. 15. Согласно пояснению Ахматовой (см. с. 513), отрывок этот составлял часть «маленькой поэмы», создававшейся в 1940 г. параллельно с другими эпическими замыслами — «Путем всея земли», «Россия Достоевского» и «1913 год» («Поэма без героя»), но никогда не составлял с ними единого сюжетного целого. Текст поэмы,

по-видимому, погиб в осажденном Ленинграде. *Мои молодые руки*, ср. в первой публикации «пятнадцатилетние руки», что заставляет относить описываемое к 1904 г. Ср. прим. № 94. *Кровавой цусимской пеной*. Поражение русского флота при Цусиме во время русско-японской войны (1905) произвело на молодую Ахматову огромное впечатление и навсегда осталось для нее трагическим предвестием грядущих исторических потрясений. *От дома того — ни щепки.* О том, что дом Шухардиной, в котором поэтесса прожила «за малыми исключениями до 16 лет», был разрушен в 1905 г., Ахматова с грустью вспоминает в своей незаконченной автобиографии: «Людям моего поколения не грозит печальное возвращение — нам возвращаться некуда... Иногда мне кажется, что можно взять машину в дни открытия Павловского вокзала (когда так пустынно и душисто в парках) на те места,

где тень неутешная ищет меня,

но потом я начинаю понимать, что это невозможно, что не надо врываться (да еще в бензинной жестянке) в хоромы памяти, что я ничего не увижу и только сотру этим то, что так ясно вижу сейчас» (ГПБ). *Павловского вокзала Раскаленный музыкой купол* — помещение крытого куполом «Павловского вокзала» (летнего концертного зала) было во время дачного сезона местом еженедельных симфонических концертов, пользовавшихся большой популярностью у жителей старого Петербурга. *Баболовский дворец* находится в северной части Царскосельского парка (постройка XVIII в.).

324. Печ. по рук. БВ. Посмертная публикация — «Москва», 1966, № 6, с. 157. Автограф (ЧТ, ЦГАЛИ) без загл., с эпиграфом: «О погреб памяти. Хлебников». В дальнейшем эпиграф превратился в заглавие стихотворения.

325. Печ. по рук. БВ. Посмертная публикация — РТ, 1966, № 13, с. 15. Дил.: осень 1940. Троянская война и падение *Трои* послужили основой сюжета поэмы Гомера «Илиада». *Эабани* в «Гильгамеше» — друг героя, богатырь, погибающий от смертельного недуга, который наслала на него оскорбленная им богиня Иштар. Гильгамеш отправляется на край света и спускается в преисподнюю в надежде вернуть жизнь своему другу. Имя Эабани в старом переводе (см. прим. № 246—251) — результат неправильного чтения клинописного текста первыми исследователями этого эпоса. В настоящее время оно читается Энкиду (см. «Эпос о Гильгамеше», пер. И. М. Дьяконова, Л., 1961).

326. Зв, 1940, № 3-4, с. 75. Оконч. текст ШК, с. 16. Печ. по БВ, с. 276.

327—329. Печ. по БВ, с. 277. См. прим. № 635.
1. Из 43, с. 110, без загл.; Зв, 1945, № 2, с. 40.
2. Зв, 1944, № 7-8, с. 99.
3. БВ, с. 278.

330. Зв, 1940, № 3-4, с. 4; «Антология русской советской поэзии», т. 1, М., 1957, с. 322. Оконч. текст ШК, с. 43. Печ. по БВ, с. 279. Автограф (ЧТ, ЦГАЛИ).

331. Из 43, с. 43. Оконч. текст С 61, с. 198. Печ. по БВ, с. 281. *Гофмановы сны.* Гофман Э. Т. А. — см. с. 512.

332. Из 43, с. 25, без загл.; Зв, 1944, № 7-8, с. 91, под загл. «В марте 1941». Печ. по БВ, с. 282. В Н 1—2, под загл. «Ленинград весной 1941». *Cadran solaire* — солнечные часы; находятся на здании б. Кадетского корпуса, примыкающего к собственно Меншикову дворцу (угол Университетской набережной и Съездовской линии). *Меньшиков дом* — дворец, выстроенный Меншиковым на набережной Невы на Васильевском острове.

СЕДЬМАЯ КНИГА

‹1936—1964›

Как и «Тростник», «Седьмая книга» никогда не печаталась отдельным изданием, но мы можем с известным приближением восстановить ее очертания по БВ. После «Тростника» Ахматова приступила к составлению следующего сборника, «Нечет», над которым, по ее собственному признанию, она работала в Ташкенте в ноябре 1943 г. («А я дописываю „Нечет"» — см. № 377). К 1946 г. книга была подготовлена к печати под заглавием «„Нечет". Седьмой сборник стихотворений Анны Ахматовой, 1936—1946». Однако, поскольку «Тростник» не был опубликован как самостоятельная книга, отдельные более поздние стихотворения, предназначавшиеся для этого сборника, вошли в первую часть нового собрания. Последнее распадается (с некоторыми хронологическими отступлениями, подсказанными смысловой и художественной группировкой) на четыре раздела: стихотворения, предшествующие войне; военные стихи; стихи ташкентского цикла; стихи, написанные после возвращения в Ленинград. В Н 2 эти части озаглавлены: I — «Тростник», 1940; II — «Ветер войны»; III — «Луна в зените»; IV — «Heimkehr» («Возвращение на родину» — по заглавию известного сборника Гейне). В конце 50-х — начале 60-х годов Ахматова снова вернулась к мысли об отдельном издании своих последних стихотворений. Сохранился целый ряд планов (оглавлений) этого собрания, различающихся по степени полноты, составу и расположению материала. При изменении общей конструкции книги как целого все большее значение приобретают прочно сложившиеся названия отдельных циклов. Такие тематически объединенные малые циклы становятся, вместе с заглавиями и эпиграфами, самостоятельным конструктивным средством расположения поэтического материала. Наиболее ранний план, озаглавленный «Седьмая книга Анны Ахматовой, 1960» (мат. В. Г. Адмони), содержит только 53 стих., разбитых на две части. Первая — «Из десяти тетрадей» (39 номеров) расположена по маленьким группам («тетрадям»), содержащим чаще всего по 3 стихотворения, в единичных случаях от 4 до 6 в каждой, и озаглавленным: I. «В тридцатых годах»; II. «Тени»; III. «Ленинградские элегии»; IV. «Тайны ремесла» (6 номеров); V. Отрывок из поэмы «Путем всея земли»; VI. Cinque; VII. Из сожженной тетради (8 номеров); VIII. Из Московской тетради; IX. Из первой тетради (1909—10); X. Из тетради военных лет. Во второй части — всего 14 номеров разного времени. Этот план, как и другой, набросанный карандашом в маленьком блокноте того же времени (54 номера, ма-

териалы Ардовых), был в дальнейшем совершенно оставлен ввиду значительного увеличения общего объема сборника. В другом плане, относящемся к несколько более позднему времени (1962—1963, мат. Н. Глен), сборник озаглавлен: «Бег времени. Седьмая книга стихов», эпиграф совпадает с принятым в последней редакции, последовательность циклов несколько изменена, среди основных разделов появляются: «Четверостишия» (6 номеров), «Из стихотворений 30-х годов», «Тайны ремесла», «Античная страничка» (всего 102 номера). Ср. также «Оглавление седьмого сборника стих.» в рабочей тетради конца 1962 г. (ГПБ). В БВ последний большой раздел собрания стихотворений, расположенного автором по сборникам, озаглавлен «Седьмая книга» (с. 291—451). Состав его по сравнению с прежними планами пересмотрен, частью пополнен, частью сокращен, включено несколько новых стихотворений до 1965 г. (всего 146 номеров). Неизменными остаются основные разделы и циклы: «Тайны ремесла» (вынесенный как поэтическая декларация на первое место); «В сороковом году»; «Ветер войны»; группа ташкентских стихов («Луна в зените», «Новоселье» и др.) и стихов, связанных с возвращением в Ленинград («С самолета» и др.); «Вереница четверостиший» (9 номеров, относящихся к разному времени); лирические циклы, частично новые («Cinque»; «Шиповник цветет»; «Из сожженной тетради»; «Трилистник Московский»; «Полночные стихи»), и обширный раздел «Нечет», объединяющий стихи разного содержания и времени, в том числе и последних лет. Непрерывное разрастание творческого материала не могло не привести в этом случае к некоторому ослаблению композиционной строгости целого. Тем не менее, учитывая большую полноту этой части последнего собрания стихотворений и серьезное внимание, которое Ахматова уделяла всегда, но в особенности в последние годы жизни, циклизации и художественному расположению своих стихов, мы считаем возможным восстановить ее последнюю книгу с максимальным вниманием к творческой воле автора, под избранным ею самой заглавием «Седьмая книга». Заглавие это значится и на титульном листе БВ как название последнего из семи перечисленных на нем сборников стихотворений Анны Ахматовой. Мы следуем печатному тексту БВ, с добавлением дополнительного материала из рук. БВ (8 номеров) и нескольких стихотворений, входивших в более ранних собраниях в циклы стихов о войне и победе (№ 366—368, 412—414). Источник эпиграфа к «Седьмой книге» не установлен.

333—342. Мысль объединить в одном цикле группу стихотворений разного времени (1936—1960), посвященных поэтическому творчеству или «ремеслу», возникла у Ахматовой около 1960 г. План «Седьмой книги» в блокноте Ардовых (1960) содержит раздел 6 «Из цикла „Тайны ремесла“», с добавлением в скобках «подумаем»; содержание цикла и число стихотворений не раскрыты. В другом оглавлении того же времени (материалы В. Г. Адмони) перечислены № 336—338, 340, 341 и, по-видимому, № 311, позднее выпавший из цикла. План издания БВ 1962—1963 гг. (материалы Н. Глен) содержит 8 стихотворений (отсутствуют два последних, на первом месте стоит № 301). Взгляд на поэзию как на «высокое ремесло» был подсказан Ахматовой «Цехом поэтов». Стих. № 336 первоначально имело

эпиграф из стих. Каролины Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем. . .»: «Моя напасть, мое богатство, Мое святое ремесло. . .» Ср. № 345: «Наше священное ремесло. . .»

1. ШК, с. 31, без загл.; С 58. Оконч. текст С 61, с. 178.

2. Зв, 1940, № 3-4, с. 75. Оконч. текст С 58, с. 44. *Как лопухи и лебеда* — см. прим. № 322.

3. ЛГ, 1960, 29 октября, в подборке «Из новой книги». Оконч. текст С 61, с. 284.

4. НМ, 1960, № 1, с. 151, в подборке «Новые стихи», без загл.

5. НС, 1966, № 3, с. 179, без строфы 4; С 61. Оконч. текст БВ, с. 295. *Лайм-лайт* — свет рампы (англ.).

6. «Нева», 1960, № 3, с. 55. Оконч. текст С 61, с. 287. Черновой автограф (ЦГАЛИ).

7. ЛГ, 1960, 29 октября. *Биче* — сокращенная форма имени Беатриче, возлюбленной Данте.

8. НС, 1960, № 3, с. 179, без посвящ. Оконч. текст С 61, с. 288. *Нарбут Владимир Иванович* (1888—1938) — поэт, в молодости был членом «Цеха поэтов» и акмеистом. В издании «Цеха» вышла его книга «Аллилуйя» (СПб., 1912), конфискованная царской цензурой. Был редактором стихотворного отдела журнала для студентов «Gaudeamus» (1911), где печатались стихи Ахматовой (см. прим. № 10). Вместе с Михаилом Зенкевичем представлял «натуралистическое» крыло акмеизма. Два автографа (ЦГАЛИ), второй под загл. «Про стихи Нарбута»; оба первоначально имели посвящение Н. И. Х., позднее зачеркнутое (Николаю Ивановичу Харджиеву). Автограф Н 2 (л. 4 об.). Харджиев Н. И. — московский литературовед и критик, друг Ахматовой. По-видимому, он обратил внимание Ахматовой на стихи Нарбута, которыми она ранее мало интересовалась.

9. С 61, с. 289, без посвящ. Посмертная публикация (др. ред.) — «Звезда Востока», 1966, № 6, с. 42. Автограф (др. ред. — ЦГАЛИ). Мифологические образы этого стихотворения могли быть подсказаны Ахматовой художественными впечатлениями предреволюционных лет: оперой Глюка «Орфей», поставленной В. Э. Мейерхольдом в 1911 г. в Мариинском театре (хоровод «Эвридик», кружащихся на «загробном лугу»), и известной картиной В. А. Серова «Похищение Европы» (1910). Ср. те же образы в стихотворениях О. Мандельштама: «Чуть мерцает призрачная сцена, Хоры слабые теней» (и дальше: «Ничего, голубка Эвридика. . .») и «С розовой пеной усталости у мягких губ Яростно волны зеленые роет бык» (там же: «Горько внимает Европа могучий плеск»), в сб. «Tristia», 1922. Это стихотворение в другой редакции и с датой: 1957 (см. «Варианты») предназначалось для цикла «Венок мертвым» (см. прим. № 346). Первая и последняя строфы этой редакции под загл. «Пожелтевшие листья» (ЦГАЛИ) объединены со стихами, посвященными М. Цветаевой и Б. Пастернаку (№ 475) под общим загл. «Из цикла «Милые тени» (Ombrae adoratae)». В последней строфе этой редакции аллюзия на стих. Мандельштама «Еще далеко мне до патриарха. . .». Петербург и Нева занимают в поэзии молодого Мандельштама не менее важное место, чем в поэзии Ахматовой.

10. «Ленинград», 1944, № 10-11, с. 8. Оконч. текст «Антология русской советской поэзии», т. 1, М., 1957, с. 322. Печ. по БВ, с. 299.

343. Зн, 1964, № 10, с. 91, под загл. «Баллада». Оконч. текст БВ, с. 300. Автограф без номера страницы, с датой (Н 1). По размеру и стилю примыкает к одновременно написанным эпическим отрывкам автобиографического характера (№ 633, 634). № 343—346 продолжают тему цикла «Тайны ремесла». Два стих., предназначенные для этого цикла, при жизни Ахматовой не были опубликованы (№ 559, 585).

344. «Ленинград», 1944, № 10-11, с. 8, под загл. «Надпись на книге»; С 58, с. 54, под загл. «Пушкин».

345. Зн, 1945, № 4, с. 50.

346. Зв, 1946, № 1, с. 72, под загл. «Памяти Иннокентия Анненского». Печ. по БВ, с. 304. Автограф (ЦГАЛИ) под загл. «Памяти Иннокентия Анненского» открывает собою цикл «Венок мертвым», посвященный памяти современников, лично или творчески близких Ахматовой. Автограф (Н 2) с подзаг. «(Отрывок из одной из сожженных поэм)» и эпиграфом «В начале века — Гаагский голубь реял над вселенной» (ср. в «Списке утраченных произведений», № 4: «Поэма о начале века («Гаагский голубь реял над вселенной». Из нее уцелела строфа «Учитель» об Анненском). Писала в 1944 г. в Ленинграде» (ГПБ). Гаагский голубь. Имеется в виду пацифистская мирная конференция, созванная великими державами в Гааге в 1907 г. Об Анненском см. прим. № 40. И. Ф. Анненский умер в 1909 г., накануне начинавшейся большой литературной славы, перед выходом в свет уже находившегося в печати сборника «Кипарисовый ларец».

347—351. С 61, с. 191.

1. «Ленинград», 1946, № 1-2, с. 13, под загл. «Август 1940». Написано после захвата Парижа фашистскими войсками.

2. Из 43, с. 12. Оконч. текст С 61, с. 192. Н 1, с. 11, с английским загл. «To the Londoners» и эпиграфом: «И сделалась война на небе. Апокал⟨ипсис⟩». То же в рук. плане сб. «Нечет» (1940—1961). Написано по поводу обстрела Лондона в начале второй мировой войны. *Двадцать четвертая драма Шекспира* — сверх двадцати трех, канонических.

3. ЛГ, 1960, 29 октября, без эпиграфа. С 61, с. 193, под загл. «Тень», без эпиграфа. Эпиграф — цитата из черновой редакции стих. Мандельштама «Соломинка», 1916. Автограф (ЦГАЛИ) под загл. «Современнице» и с посвящ. С. А., без эпиграфа и ст. 5—8. С. А. — Саломея Николаевна Андроникова, в замужестве Гальперн, друг Ахматовой, петербургская красавица, в годы, предшествующие революции, собиравшая в своем салоне поэтов, художников и филологов. После революции поселилась в Англии. В кругу друзей ее называли *Соломинкой* — ласкательное прозвище, которое подхватил в своем стихотворении Мандельштам.

4. «Ленинград», 1944, № 10-11, с. 8, в подборке «Девять стихотворений 1940—1944».

5. Из 43, с. 109; Зв, 1945, № 2, с. 40, с датой: 1942 (?) в цикле «Разрыв». В Н 1—2 в цикле «Pro domo mea» («О своих делах» — лат.), вместе с № 434.

352—368. С 61, с. 201 (в составе 12 стих.). БВ — 14 стих. Расположение стих. по рук. БВ. Н 1, с. 27, под загл. «Ленинградский цикл» (1—7). Стих. 6—7 объединены были под общим номером. В Н 2 весь раздел II сборника получил общее заглавие, вписанное от руки: «Ветер войны».

1. «Ленинград», 1941, № 16, с. 11, без загл.; «Родина зовет». Сб. ленинградских поэтов, вып. 2, Л., 1941, с. 3. Оконч. текст С 61, с. 201.

2. БВ, с. 337.

3. «Красная новь», 1942, № 3-4, с. 56. Печ. по БВ, с. 338. Черновой набросок Н 2.

4. С 61, с. 204. «В конце сентября, уже во время блокады, я вылетела на самолете в Москву» («Коротко о себе», с. 22).

5. «Правда», 1942, 8 марта; Из 43. Оконч. текст С 61, с. 205.

6—7. Сб. «Родной Ленинград», Ташкент, 1942, с. 49, с посвящ. «Памяти мальчика, погибшего во время бомбардировки Ленинграда»; «Ташкентский альманах», 1942, с. 55, с посвящ. «Памяти Вовочки Смирнова, погибшего во время бомбардировки Ленинграда»; «Антология русской советской поэзии», т. 1, М., 1957, с. 321, с посвящ. «Памяти моего соседа, ленинградского мальчика Вали Смирнова»; Из 43, с. 89—90, с посвящ. «Памяти моего соседа, ленинградского мальчика»; С 61, с. 206, только 6, без посвящ. Оконч. текст БВ, с. 341. Смирновы были соседями Ахматовой в Фонтанном Доме. Ахматова очень любила детей Смирновых, мальчиков Валю и Вову. Старший, Валя, погиб во время бомбардировки Ленинграда, когда Ахматова уже находилась в Ташкенте. В ст. 1 *постучись* вм. «постучи» исправлено в соответствии с указанием Ахматовой; во всех текстах (кроме Н 1—2): «постучи».

8. Сб. «Родной Ленинград», Ташкент, 1942, с. 50, с эпиграфом «В Ленинграде многие статуи для сохранности зарыты в землю возле своих пьедесталов». Печ. по БВ, с. 343.

9. «Красноармеец», 1946, май, № 10, с. 2. *«Берты»* — немецкие тяжелые дальнобойные орудия.

10. Зн, 1945, № 4, с. 50; С 58. Оконч. текст С 61, с. 208. *Дюрмень* — дачное место под Ташкентом, где Ахматова находилась в санатории летом 1942 г. (см. прим. № 378—379).

11. Зн, 1945, № 4, с. 50. Оконч. текст БВ, с. 348.

12—16. Оконч. состав цикла с включением в него стих. 1—3 определился в С 61. ⟨1⟩. «Красная новь», 1942, № 3-4, с. 56, под загл. «Наступление»; С 61, без загл. ⟨2⟩. С 58, с. 67, под загл. «У моря». Оконч. текст С 61. ⟨3⟩. «Правда», 1945, 20 мая, под загл. «Победа»; С 58. Оконч. текст С 61, с. 212. ⟨4⟩. «Ленинград», 1944, № 10-11, с. 8. Оконч. текст С 58, с. 67. ⟨5⟩. «Ленинград», 1946, № 1-2, с. 13. Оконч. текст С 58, с. 67.

17. «Ленинград», 1946, № 1-2, с. 13. Печ. по БВ, с. 347. К «Ленинградскому циклу» по теме относятся также № 549, 553.

369—376. Цикл стихотворений, посвященных Ташкенту, создавался постепенно. Состав цикла от сборника к сборнику частично изменялся. С 61 содержит 9 стих.; БВ — 8 стих. Печ. по БВ, с. 349. Под загл. «Луна в зените» Ахматова объединила основную часть своих стихов, написанных в Ташкенте и связанных по теме с Ташкентом

(1942—1944). В 1945 г. в журналах «Звезда», «Ленинград» и др. стали появляться стихи, озаглавленные «Ташкентские наброски», «Из цикла „Ташкентские страницы"», а позднее — «Из Ташкентской тетради». В Н 1 ташкентские стихи образуют раздел III (10 стих. и цикл с подзаг. «Новоселье», 1—4, связанный с ташкентской темой); в Н 2 раздел III озаглавлен «Луна в зените» и имеет общий эпиграф «Этой розы завои. Фет» (из стих. «Моего тот безумства желал, кто смежал...»). Ахматова была эвакуирована в Ташкент в ноябре 1941 г., до мая 1943 г. жила в общежитии московских писателей, потом у Е. С. Булгаковой, вдовы писателя М. А. Булгакова, сперва в *«балахане»* (верхней надстройке узбекского дома), потом в самом доме (на ул. Жуковского). В мае 1944 г. она вылетела из Ташкента в Москву и оттуда в Ленинград.

1. «Ленинград», 1944, № 10-11, с. 8, под загл. «В Ташкенте». *Мангал* — железная печка-жаровня, которой пользуются в Узбекистане для приготовления пищи на открытом воздухе.

2. «Ленинград», 1944, № 10-11, с. 8, в подборке «Из Ленинградского цикла».

3. Зв, 1945, № 2, с. 39, в цикле «Ташкентские наброски», с неправильной датой: 1942. Оконч. текст БВ, с. 350. *Халима* Насырова — узбекская певица, народная артистка СССР.

4. Зв, 1945, № 2, с. 39, в цикле «Ташкентские наброски».

5. «Лит. Москва», сб. 1, М., 1956, с. 537, в цикле «Азия». В качестве эпиграфа использована строфа, позднее вошедшая как заключительная в стих. № 374; С 58, с тем же эпиграфом и с датой: 1944—1956. Оконч. текст С 61, с. 216.

6. С 61, с. 217, без строфы 1. Оконч. текст БВ, с. 351.

7. Зв, 1944, № 7-8, с. 92. Н 1—2 под общим загл. «Явление луны» и с общим посвящ. Ал. К. объединено с № 376. *А. К.* — ташкентский композитор Ал. Козловский. Писал музыку к «Поэме без героя».

8. Зв, 1946, № 1, с. 71. Оконч. текст С 61, с. 217.

377. Зв, 1945, № 2, с. 71, с датой: 1945, под загл. «Вступление» (предпослано «Ташкентским наброскам», № 371 — 372), без ст. 2, ст. 11—15 заменены точками. Н 1—2 под загл. «Вступление к Ташкентской поэме» перед «Ташкентскими набросками». Ст. 11—15 как в окончательном тексте. Печ. по рук. БВ. *Решетки в окнах.* В Ташкенте окна нижних этажей в домах европейской конструкции обычно имеют решетки. *Мамзель Фифи* — в одноименном рассказе Мопассана — прозвище прусского офицера, грубого и жестокого по отношению к побежденным французам, во времена франко-прусской войны 1870 г. *Лютфи* — узбекский классический поэт XV в.; Ахматова, будучи в Ташкенте, участвовала в переводе его стихотворений на русский язык. *Балахана* — см. прим. № 369—376.

378—379. БВ, с. 353. Дил.: август 1942 и общий эпиграф из «Чайльд-Гарольда» Байрона: «My native land, good-bye! Byron» («Мой край родной, прощай!» — англ.). Цитата — неточная; у Байрона: «...good night!» («...доброй ночи!»). В состав цикла первоначально входило третье стихотворение, вполне законченное, хотя и оставшееся при жизни Ахматовой ненапечатанным (№ 550). К циклу по теме примыкают также стих. № 543—544 (оба 1942 г.). 19 августа

1942 г. Ахматова отправилась для лечения в санаторий в дачном месте Дюрмень, недалеко от Ташкента. Вернувшись оттуда в Ташкент, она в начале ноября заболела брюшным тифом и была помещена в больницу Ташкентского медицинского института. В начале декабря 1942 г., как выздоравливающая, она была переведена в специальный стационар. Стих. № 378—379 написаны в Дюрмене, стих. № 550, по-видимому, в стационаре, стих. № 543—544 — в больнице.

380. «Ленинград», 1946, № 1-2, с. 13, под загл. «Вечерняя комната». Оконч. текст БВ, с. 354. Н 1—2, под загл. «Intérieur» (внутренний вид комнаты или сцена из домашней жизни — франц.).

381. НМ, 1965, № 1, с. 89, в подборке «Из цикла „Ташкентские страницы"». Печ. по БВ, с. 315.

382—383. НМ, 1965, № 1, с. 8, в подборке «Из цикла „Ташкентские страницы"», загл. относится только к № 382. Печ. по БВ, с. 356. Черновой набросок под загл. «Из Ташкентской тетради» (ЦГАЛИ). Наброски Н 1, Н 2, Дил. *Баранчук* (узб.) — малыш, ласкательное прозвище мальчика.

384—386. «Огонек», 1950, № 36, с. 23; «Ленинград», 1944, № 10-11, с. 8, под загл. «Возвращение». Оконч. текст С 58, с. 69. Ахматова вернулась из Ташкента в Москву на самолете 15 мая 1944 г.

2. Оконч. текст С 61, с. 227.

387—390. БВ, с. 359. Созданный в Ташкенте в 1943—1944 гг., цикл этот обособился по своей теме от остальных ташкентских стихов, с которыми был первоначально связан (см. прим. № 369—376).

1. Зв, 1946, № 1, с. 70, с подзаг. «Из цикла „Новоселье"». Оконч. текст БВ, с. 359. *Е. С. Булгакова* — см. прим. № 369—376.

2. БВ, с. 360. *Нах хауз* — домой (немецк.).

3. Зв, 1944, № 7—9, с. 92, вне цикла; С 61, в цикле «Луна в зените».

4. БВ, с. 361; Н 1—2, под загл. «Гибель».

391—402. Печ. по рук. БВ. Композиционная форма четверостишия рано получила у Ахматовой значение гномической формулы для выражения общей мысли, моральной сентенции или личного переживания. Такие четверостишия создавались в разное время, но в особенно большом числе — в начале 60-х годов. Их состав в «веренице четверостиший» соответственно изменялся вместе с замыслом автора. В БВ их 9, в рук. БВ — 12, в другой последовательности. В черновых тетрадях (ЦГАЛИ) сохранилось еще несколько четверостиший.

1. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация в кн.: Анна Ахматова, Избранное, М., 1974, с. 464.

2. НМ, 1963, № 1, с. 65, в подборке «Два четверостишия».

3. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ).

4. БВ, с. 362.

5. БВ, с. 363.

6. Юн, 1964, № 4, с. 63, в подборке «Два четверостишия (Из тетради десятых годов)».

7. БВ, с. 364.

8. НС, 1961, с. 134.

9. ЛГ, 1964, 25 июня, под загл. «Четверостишие». Оконч. текст БВ, с. 363.

10. НМ, 1963, № 1, с. 65, в подборке «Два четверостишия».

11. БВ, с. 363. Автограф (ЦГАЛИ), с датой: 31 марта 1963.

12. Юн, 1964, № 4, с. 63, в подборке «Два четверостишия».

403. «Ленинград», 1946, № 1-2, с. 13, с подзаг. «(Отрывок)», без ст. 1—2 и 22—26. Оконч. текст С 61, с. 221.

404. «Ленинград», 1944, № 10-11, с. 8, под загл. «Подмосковное», без посвящ.; НС, 1960, № 3, с. 178, без загл., с датой: 1943, под Коломной; С 61. Оконч. текст БВ, с. 368. С. В. Шервинский (р. 1892) — поэт-переводчик. В Старках у *Шервинских* Ахматова гостила три раза (1936, 1952, 1956). Здесь созданы были некоторые стихотворения из цикла «Шиповник цветет».

405. «Ленинград», 1946, № 1-2, с. 13, под загл. «Возвращение»; С 61. Оконч. текст С 58, с. 47. Во всех трех публикациях — с датой: 1941. Датировка в БВ и загл. «Возвращение» должны подсказать мысль, что темой стихотворения является возвращение в город Пушкин по окончании войны; однако в экземпляре В. В. Иванова (С 58) рукою автора вместо зачеркнутой даты: 1941 вписана дата: 1921, по-видимому, правильная.

406. «Лит. Россия», 1964, 25 января, в цикле «Опять на родине». Автографы (ЦГАЛИ), первый с датой: 1926, второй — 1921.

407. «Вечерний Ленинград», 1946, 4 июля, под загл. «Возвращение на родину». Печ. по БВ, с. 371. Н 1—2, под первоначальным загл. «Вторая годовщина», впоследствии вписано от руки (готическим шрифтом) «Heimkehr» («Возвращение на родину» — нем.), по одному из циклов «Книги песен» Гейне. Дата соответствует второй годовщине возвращения Ахматовой в Ленинград.

408. БВ, с. 372.

409. С 61, с. 251, с посвящ. балерине Т. Вечесловой. *И такая на кровавом блюде* и т. д. Имеется в виду Саломея, падчерица Ирода (см. прим. № 480).

410. «Огонек», 1950, № 36, с. 23, в цикле «Слава миру». Оконч. текст С 58, с. 74. Это и след. стих. посвящены пятилетию Дня Победы.

411. «Ленинградский альманах», кн. 9, 1954, с. 145.

412. «Огонек», 1950, № 36, с. 23, в цикле «Слава миру». Печ. по С 61, с. 254.

413. «Ленинградский альманах», кн. 9, 1954, с. 144, с эпиграфом: «Защищать детей сегодня — значит защищать мир (Из газет)»; «Антология русской советской поэзии», т. 1, М., 1957, с. 327, с подзаг. «В июньские дни». Оконч. текст С 58, с. 77. Печ. по С 61, с. 257.

414. «Огонек», 1950, № 42, с. 20, в цикле «Слава миру», под загл. «В пионерлагере»; С 58. Оконч. текст С 61, с. 292, с эпиграфом и новым загл. «Послесловие» (стихотворение — последнее в сборнике). *Каминская* Анна Генриховна — внучка Н. Н. Пунина, воспитанница Ахматовой.

415—419. «Ленинград», 1946, № 3-4, с. 10, под загл. «Пять стихотворений из цикла „Любовь“», с эпиграфом «Пять роз, обрученных стеблем. Инн. Анненский»; С 58, без эпиграфа, с общей датой: 1945—1946; С 61, с эпиграфом в переводе Ахматовой:

Как ты ему верна, тебе он будет верен
И не изменит до конца.

Бодлер

Эпиграф — заключительные строки стих. Бодлера «Une Martyre» («Мученица»). Оконч. текст БВ, с. 378. Н 1—2, с эпиграфом: «За тебя косой воды напьюсь. О. М.» Эпиграф — неточная цитата из стих. О. Мандельштама «Мастерица виноватых взоров. . .».

4. *Посвященье сожженной драмы* — см. прим. № 640—645.

420—433. С 61, с. 266, в составе 8 стих., с эпиграфом, отнесенным в БВ к № 5. Печ. по БВ, с. 382. Оглавления к собраниям стих. начала 1960-х годов обнаруживают некоторые расхождения в числе и составе стихов. Первые стихотворения цикла (2, 3), созданные в 1946 г., по своей теме являются непосредственным продолжением «Cinque» (№ 415—419) и в Н 1 помещены вслед за ним в конце книги, второе вписано от руки. В карандашном автографе (ГПБ) № 415—419 и 422 объединены в одном списке. Первоначально к ним примыкали № 555 и 556. Вторая большая группа стих. (4—10) написана через десять лет, в 1956 г.; она объединена новыми лирическими темами «таинственной невстречи» и «шиповника Подмосковья». Стих. 11 является, по-видимому, обобщающей реминисценцией этого круга биографических мотивов. Вводное и заключительное стих. и № 1, 12, 13 были написаны в начале 1960-х годов как обрамление. Эпиграф — из поэмы английского поэта-романтика Дж. Китса (1795—1821) «Isabella, or the Pot of Basil», строфа XXXIX.

«Вместо праздничного поздравленья...». БВ, с. 382.

1. Зн, 1963, № 1, с. 144, с датой 1951 (?).

2. С 58, с. 57, в цикле из трех стих., без загл., под общей датой: 1946. С 61, с. 266. Автограф (Н 1) без загл., с датой.

3. С 58, с. 57, без загл. Оконч. текст С 61, с. 267.

4. С 58, с. 89, в подборке «Два стихотворения»; С 61, под загл. «Без названия». Оконч. текст БВ, с. 384.

5. Юн, 1964, № 4, с. 63, в подборке «Два стихотворения из цикла „Шиповник цветет“». Оконч. текст БВ, с. 385. Эпиграф — вариация на тему стих. № 4.

6. «Москва», 1959, № 7, с. 144, без загл., в подборке под общим загл. «Два стихотворения». Оконч. текст С 61, с. 267. Эпиграф — из стих. А. Блока «Шаги командора». *Баховская Чакона* — концертная пьеса, часть сонаты для скрипки соло. Ср. № 648 ст. 2 «Третьего посвящения».

7. «Москва», 1959, № 7, с. 144. Войско Дмитрия *Донского* наступало на татар от Москвы в юго-восточном направлении по Коломенской дороге.

8. НМ, 1960, № 1, с. 153, под загл. «Воспоминание»; С 61. Оконч. текст БВ, с. 387. Автограф (ГПБ).

9. «Литература и жизнь», 1962, 26 октября, в подборке «Из цикла „Шиповник цветет“», без ст. 13—16. Оконч. текст БВ, с. 387. Автограф (ЦГАЛИ).

10. С 58, с. 89, без строф 2, 4, с датой: 1957. Оконч. текст С 61, с. 271. Автограф (ЦГАЛИ). Эпиграф — первая строка стих. И. Анненского.

11. «Литература и жизнь», 1962, 26 октября, в подборке «Из цикла „Шиповник цветет“», под загл. «Говорит Дидона (Сонет-эпилог)». Оконч. текст БВ, с. 389. В автографе (ЦГАЛИ) добавлен карандашом второй эпиграф: «Ромео не было, Эней, конечно, был. А. Ахматова». Как рассказывается в поэме Вергилия, *Эней*, бежавший из Трои, был гостеприимно принят в Карфагене царицей Дидоной, стал ее возлюбленным, но должен был, следуя велению оракула, бросить ее, чтобы отплыть в Италию и там основать Рим; покинутая Дидона сожгла себя на костре.

12. Юн, 1964, № 4, с. 63, в подборке «Два стихотворения из цикла „Шиповник цветет“», под загл. «Эпилог». Автограф (ЦГАЛИ) под загл. «Через много лет», с эпиграфом:

Men che dramma
Di sangue m'è rimaso, che non trèmi

Purg. XXX

(«Меньше, чем на драхму, осталось у меня крови, которая бы не содрогалась». ⟨Данте⟩ «Чистилище», п. XXX ⟨ст. 46—47⟩). Итальянское слово dramma (драхма, частица, крупинка) подсказало Ахматовой русское «ни грамма».

13. БВ, с. 391. В правление *Веспасиана*, римского императора (69—79 н. э.), был разрушен Иерусалим.

434. БВ, с. 392. В Н 1—2 объединено под общим загл. «Pro domo mea» («О своих делах» — лат.) со стих. № 351.

435. С 58, с. 58. Написано на смерть Н. Н. Пунина (см. прим. № 635). В плане цикла «Венок мертвым» под № 11.

436. БВ, с. 394. Автограф (Н 1) под загл. «Без даты».

437. «Литература и жизнь», 1962, 28 октября.

438. НМ, 1964, № 6, с. 173, в подборке вместе с отрывками «Из трагедии „Пролог“».

439—441. «Огонек», 1964, № 10, с. 4. Объединение стихотворений по три в маленькие циклы с заглавием «Трилистник» освящено было для Ахматовой примером И. Анненского (сб. «Кипарисовый ларец»).

1. Оконч. текст БВ, с. 400. Автограф (ЦГАЛИ).

2. Печ. по БВ, с. 400 с восстановлением ст. 5 по автографу и первой публикации. Автограф (ЦГАЛИ) с датой: 12 декабря 1963.

3. Оконч. текст БВ, с. 401. Автограф (ЦГАЛИ) под загл. «Еще тост», с датой: 6 июля 1963. Комарово (утром).

442—450. ДП, М., 1964, с. 61, без стих. 3 и «Вместо послесловия». Оконч. текст БВ, с. 402. В ДП к этому циклу примыкал № 652, связанный с «Поэмой без героя». В черновых тетрадях (ЦГАЛИ) сохранилось неиспользованное «Вступление» (см. № 588).

Вместо посвящения. ЛГ, 1963, 5 октября. Эпиграф — из № 648, с. 372.

1. ЛГ, 1963, 5 октября. Эпиграф — из сонета французского поэта-романтика Жерара де Нерваля (1808—1855) «El Desdichado» («Отверженный» — исп.). В подлиннике: «Ты, которая меня утешала».

2. Зв, 1964, № 3, с. 47. Автограф (ЦГАЛИ).

3. БВ, с. 404. Автограф (ЦГАЛИ) под загл. «Нечто музыкальное», с датой: 4—5 июля 1963. Комарово. Эпиграф — из оды Горация (кн. 3, ода 26) — обращение к богине любви Венере (римск. миф.). *Зазеркалье* — мир по ту сторону зеркала. Образ этот, появляющийся в поэзии Ахматовой в 40-х годах, заимствован из детской книги английского писателя Льюиса Кэррола (1832—1898) «Alice through the looking glass», 1871, перев. 1924), озаглавленной в русском переводе «Алиса в Зазеркалье».

4. ЛГ, 1963, 5 октября.

5. ДП, М., 1964, с. 61, с эпиграфом «Ариозо доленте» и подстрочным пояснением: «Название предпоследней сонаты Бетховена». Оконч. текст БВ, с. 405.

6. Зв, 1964, № 3, с. 47. Автограф (ЦГАЛИ). Эпиграф — начало неизданного стих. Ахматовой. *Антонио Вивальди* (1680—1743) — венецианский композитор.

7. ЛГ, 1963, 5 октября. Автограф (ЦГАЛИ).

Вместо послесловия. БВ, с. 407.

НЕЧЕТ

451. «Литература и жизнь», 1959, 5 апреля, под загл. «Летний сонет»; ДП, Л., 1966, с. 49, в цикле «Стихи, написанные в Комарове», под загл. «Приморский сонет». Автограф (ЦГАЛИ).

452. «Литература и жизнь», 1959, 5 апреля; С 61. Оконч. текст БВ, с. 409. Автографы (ЦГАЛИ) с различными датами: 10 сентября, 31 января 1958 и др. Один автограф без посвящ. под загл. «Из цикла „Музыка“». Посвящено композитору Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу. Вместе с ним Ахматова была эвакуирована во время блокады из Ленинграда в Москву (см. первое окончание «Поэмы без героя» — с. 378).

453. НМ, 1960, № 1, с. 152. В черновом автографе (ГПБ) имеется запись: «Москва, Набережная. 21 июня 1959. Троица (Шуман, «Юмореска», играет Святослав Рихтер)». В другом автографе (ЦГАЛИ) под загл. «Из Московской тетради. Трилистник закрытый».

454. НМ, 1960, № 1, с. 52, в подборке «Из цикла „Белые ночи"». Оконч. текст С 61, с. 278. Автограф (собрание В. Иванова). Ст. 5—6 представляют вариант ст. 1—2 стих. № 628. *А я их под невскою помню водой.* В 1924 г. в Ленинграде было наводнение.

455. БВ, с. 413. Написано на смерть Михаила Михайловича Зощенко (1895—1958). М. М. Зощенко скончался после тяжелой болезни в г. Сестрорецке, где находился в санатории. Похоронен на Сестрорецком кладбище неподалеку от моря.

456. НМ, 1960, № 1, с. 151. Оконч. текст БВ, с. 414. Черновые автографы (ЦГАЛИ).

457—458. С 58, с. 65. Эпиграф — из стих. Пушкина «Чаадаеву» (1821).

1. Зв, 1946, № 1, с. 72, в подборке «Стихи разных лет»; С 58, с. 65. Оконч. текст БВ, с. 415.

2. Автограф (ЦГАЛИ) под загл. «Царскосельская элегия», с эпиграфом «Сады прекрасные, под сумрак ваш священный Вхожу с поникшею главой. Пушкин» из стих. «Воспоминания в Царском Селе» (1829).

459—462. ДП, Л., 1964, с. 22, под загл. «Из цикла „Песенки"». В рукописях Ахматовой (ЦГАЛИ, ГПБ) сохранился ряд неизданных «песенок».

1. ДП, Л., 1964, с. 22. Оконч. текст БВ, с. 417.

2. Зв, 1962, № 7, с. 94.

3. Зв, 1962, № 7, без загл.; ДП, Л., 1964, с. 22. Оконч. текст БВ, с. 418. Черновой автограф (ЦГАЛИ) под загл. «Скромная».

4. ДП, Л., 1964, с. 23, без загл. Оконч. текст БВ, с. 418.

463. «Нева», 1960, № 3, с. 55, под загл. «Из восточной тетради», без ст. 9—12. Оконч. текст БВ, с. 420. *То мог быть Стамбул или даже Багдад* (вариант: «Каир или даже Багдад») перекликается с более ранним неизданным наброском (см. варианты к № 382—383).

464. «Москва», 1960, № 7, с. 148. Карандашный автограф (др. ред.) (ГПБ).

465. НС, 1960, № 3, с. 178, под загл. «Портрет автора в молодости»; С 61, под загл. «Рисунок на первой книге стихов». Автограф (ЦГАЛИ) под загл. «Надпись на книге „Вечер"».

466. Зн, 1963, № 1, с. 144.

467—469. С 61, с. 230.

1. С 58, с. 59, под загл. «Отрывок из дружеского послания», с датой: 1944—1950 и посвящ. Н. И. Игнатовой. *Белый дом на улице Жуковской* — см. прим. № 369—376. *Рогачевское шоссе* соединяет Москву с б. Клинским уездом, где находилось Шахматово, имение семьи Блока. Стих. Блока «Осенняя воля» помечено: «Июль 1905. Рогачевское шоссе».

2. ЛГ, 1960, 29 октября, в подборке «Из новой книги». См.: В. М. Жирмунский, Анна Ахматова и Александр Блок — «Русская литература», 1970, № 3, с. 58.

3. С 58, с. 60, под загл. «Памяти Александра Блока». Под тем же загл. в Н 1, с. 46, с точной датировкой. *Он прав — опять фонарь, аптека* — отклик на стих. Блока «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. . .». *Когда он Пушкинскому Дому* и т. д. Имеется в виду стих. Блока «Пушкинскому Дому» и последнее выступление Блока в 1921 г. с речью «О назначении поэта».

470—471. БВ, с. 428.

1. Зв, 1961, № 5, с. 146. *Легенда* приводится в «Жизнеописании» Софокла и повторяется у ряда античных историков.

2. ЛГ, 1962, 16 января, с подзаг. «Дом поэта». Биографическая легенда гласит, что Александр Македонский, разорив в 335 г. до основания г. Фивы, оставил в неприкосновенности лишь дом древнегреческого поэта Пиндара (ок. 518—442 или 438 до н. э.).

472. Зн, 1963, № 1, с. 143. Оконч. текст БВ, с. 430. Автографы (Н 1, Н 2, ГПБ).

473. Печ. по рук. БВ. Посмертная публикация — «Звезда Востока», 1966, № 6, с. 41. Автограф (ЦГАЛИ). *Кузмин покойный* — поэт Михаил Алексеевич Кузмин (1875—1936). *Богаче всех в Египте* — цитата из «Александрийских песен» Кузмина. О Кузмине и Ахматовой см. в кн.: В. М. Жирмунский, Творчество Анны Ахматовой, Л., 1973, с. 66—70.

474. БВ, с. 431. Это и стих. 475—476, посвященные поэту Борису Пастернаку, объединены в рук. БВ общим посвящ. Б. П.

475—476. Печ. по рук. БВ.

1. БВ, с. 432. Автограф (ЦГАЛИ) под загл. «Прощание», в цикле «Ombrae adoratae» («Любимые тени» — лат.).

2. Посмертная публикация — ДП, М., 1972, с. 246.

477. НМ, 1963, № 1, с. 65, без эпиграфа. Печ. по БВ, с. 433. Автограф (ЦГАЛИ) с подзаг. «(Безымянный переулок — Девяностые годы)» и вторым эпиграфом, ироническим: «Ты поэт местного, царскосельского значения. Н. П.». Описание быта Царского Села в 90-е годы занимает видное место в незаконченных и неопубликованных мемуарах Ахматовой (ГПБ). Семья Горенко в самом начале девятисотых годов жила в доме купеческой вдовы Е. И. Шухардиной на углу Широкой ул. и Безымянного переулка (см. прим. № 322). «По одной стороне этого переулка домов не было, а тянулся, начинаясь (от Шухардинских домов), очень ветхий некрашеный дощатый забор» (ГПБ). *Настоящую оду* — ср. стих. № 334. *Прячу... в кипарисный ларец.* Образ подсказан сборником И. Анненского «Кипарисовый ларец» (см. прим. № 40). *Шагал* Марк Захарович (р. 1887) в ранних картинах изображал свой родной Витебск, объединяя в них повседневно-бытовое с призрачным и фантастическим. *Еще до чугунки* — т. е. до первой в России Царскосельской ж. д. (1837).

478. НМ, 1963, № 1, с. 64. Автограф (ЦГАЛИ). Эпиграф — из стих. № 245 (первая ред.).

479. ЛГ, 1962, 16 января, под загл. «Комаровские кроки», без эпиграфа и строфы 2. Оконч. текст ДП, Л., 1966, с. 48, под загл. «Комаровские наброски», в подборке «Стихи, написанные в Комарове». В автографе (ЦГАЛИ) включено в цикл «Венок мертвым» под загл. «Нас четверо (Комаровские кроки)» («кроки́» исправлено на «наброски»). Тексту предпосланы три эпиграфа из стих., посвященных Анне Ахматовой: «Ужели и гитане гибкой Все муки Данта суждены. О. М.»; «Таким я вижу облик Ваш и взгляд. Б. П.»; «О Муза Плача. М. Ц.».

480. НМ, 1963, № 1, с. 64. Печ. по БВ, с. 439. *Морозова* Феодосья Прокофьевна, в иночестве Феодора, сторонница протопопа Аввакума, была сослана за активное участие в расколе в Боровский монастырь. *Падчерица Ирода* — красавица Саломея (Иродиада). Согласно церковной легенде, в награду за свою пляску испросила у царя Ирода, по наущению своей матери, голову пророка Иоканаана (Иоанна Крестителя). *Дидона* — см. прим. № 431. *Жанна* д'Арк, героическая предводительница французского народного сопротивления английским завоевателям, была сожжена на костре.

481. БВ, с. 440. Автограф (ЦГАЛИ), в разделе «Из стихов последних лет», в цикле «Из Черных песен», с эпиграфом: «Слова, чтоб тебя оскорбить. И. Анненский» из стих. «Дальние руки». В качестве стих. 1 того же цикла в низу страницы добавлено связанное с ним, по-видимому, по содержанию стих. № 583.

482. НМ, 1965, № 1, с. 88. Автограф (ЦГАЛИ). *В. С. Срезневская* — см. прим. № 120.

483. НМ, 1965, № 1, с. 88. Оконч. текст ДП, Л., 1966, с. 49. Автограф (ЦГАЛИ) с датой. Автограф, подаренный О. А. Ладыженской. Стих. посвящено профессору математики Ленинградского университета О. А. Ладыженской и основано на разговоре с ней о поездке в Выборг, куда Ахматова, как и ее собеседница, ездила в конце лета 1964 г. из Комарова. На побережье залива Ладыженской бросились в глаза гранитные ступени, на которых были когда-то установлены крепостные пушки. Весь пейзаж, по словам Ладыженской, напомнил ей Швецию и фиорды Северной Ладоги и Онеги.

484. НМ, 1965, № 1, с. 88, под загл. «В пути»; ДП, Л., 1966, с. 50. Печ. по БВ, с. 451.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

В этом разделе представлены произведения Ахматовой, которые были опубликованы в печати (журналах, альманахах и т. п.), но по разным причинам не вошли в прижизненные сборники, а также неизданные стихотворения, сохранившиеся в рукописи. Провести строгую границу между этими двумя разделами нельзя, потому что после

смерти Ахматовой было опубликовано большое число стихотворений и публикация эта продолжается.

В настоящее собрание включены произведения, представляющие значительный интерес для понимания и оценки творческого пути поэта. Стихотворения расположены в хронологическом порядке. Заключают раздел произведения, время создания которых установить не удалось, их хронологическая последовательность также остается пока неясной.

485. «Sirius», Париж, 1907, № 2, с. 8. Подпись: Анна Г. Первое опубликованное стих. Ахматовой. См.: А. Крюков, О первых публикациях А. А. Ахматовой. — Сб. «Литературоведение», IX, Тарту, 1968, с. 295—296. «Сириус» («Sirius») — «двухнедельный журнал искусства и литературы», издававшийся в Париже в 1907 г. на русском языке; вышло всего 3 номера журнала (имеются в ГПБ). В письме от 13 марта 1907 г. из Киева Ахматова писала об этой литературной затее иронически: «Вы заметили, что сотрудники почти все так же известны и почтенны, как я...» Автограф стихотворения (подпись А. Г., т. е. Анна Горенко) находился в альбоме школьной подруги Ахматовой по киевской Фундуклеевской гимназии, был переписан в 1918—1919 гг. Б. В. Якубским и сообщен в 1938 г. проф. И. Г. Ямпольскому. По рассказу Ахматовой, стихотворение подверглось значительной редакционной обработке.

486. Печ. по автографу (ГПБ). Посмертная публикация — «Простор», 1971, № 2, с. 101.

487. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — НМ, 1969, № 5, с. 53. *Первая*, «Киевская тетрадь» Ахматовой не сохранилась.

488. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — Зв, 1969, № 8, с. 164.

489. Печ. впервые по автографу (Дил.). Другой автограф, более полный, но менее обработанный (ЦГАЛИ). Перекликается со ст. 3—4 стих. № 271.

490. Печ. впервые по автографу (Дил.).

491. Печ. по автографу (ЦГАЛИ. «Из черновых автографов». Порядковый № 112). Посмертная публикация — альм. «Поэзия», № 12, М., 1974, с. 111. *Гамаюн* — в русской народной поэзии «птица смерти» с лицом женщины.

492. А, 1911, № 11, с. 21, в подборке под загл. «Четыре стихотворения». Первая публикация Ахматовой, сделавшая ее имя известным современникам.

493. «Всеобщий журнал», 1911, № 3, с. 151. Обращено к художнице Экстер.

494. Печ. по автографу (ЦГАЛИ. Порядковый № 149). Посмертная публикация — альм. «Поэзия», № 12, М., 1974, с. 112. Судя по последовательности номеров, написано в феврале 1911 г.

495. Печ. по автографу (ЦГАЛИ. Порядковый № 164). На обороте листа под № 165 — стих. «Кукушка» (см. № 42), помеченное: «7 марта 1911, Ц⟨арское⟩ С⟨ело⟩». Отдельные мотивы этих стихотворений совпадают. Посмертная публикация — Юн, 1969, № 6, с. 66.

496. Печ. и датируется по автографу, вероятно восстановленному по памяти (ГПБ). Посмертная публикация — ЛГ, 1971, 15 сентября. В Париже Ахматова была весной 1910 и 1911 г. Сомнение в точности авторской датировки вызывает текстуальное совпадение первой строки со ст. О. Мандельштама: «Старик, похожий на Верлена, теперь твоя пора» из стих. «Старик» (1913).

497. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — ЛГ, 1971, 15 сентября. Ст. 3—4 ср. с вариантами ст. 11—12 стих. № 62.

498. Печ. по автографу (Дил.). Посмертная публикация — Юн, 1969, № 6, с. 66.

499. «Нива», 1912, № 44, с. 873.

500. Печ. по автографу — дарственной надписи Ахматовой на книге В. На той же книге В надпись: «Федору Кузьмичу Сологубу с глубоким уважением. Анна Ахматова. 16 марта 1912. Царское Село». Впервые напечатано М. И. Дикман в примечаниях к кн.: Федор Сологуб, Стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1975, с. 624.

501. Печ. впервые по автографу (Дил.). Посвящено сыну Ахматовой, Л. Н. Гумилеву, ныне профессору-ориенталисту (родился 1 октября 1912 г.).

502. Гиперб, 1913, VIII, с. 6. Черновой автограф (ЦГАЛИ). *Иванов Георгий Васильевич* (1894—1958) — поэт, в то время находился под влиянием М. А. Кузмина, его стилизаций в духе французского XVIII в. Участвовал в «Цехе поэтов». В 1922 г. эмигрировал за границу. Его мемуары, изданные в Париже («Петербургские зимы»), полны литературных сплетен и вызывали большое раздражение Ахматовой, о чем свидетельствуют ее записки.

503. «Нива. Литературное приложение», 1913, № 7, с. 371.

504. «Скрижаль», сб. 1, Пг., 1918, с. 17.

505. «Заветы», 1913, № 5, с. 5. Автограф (ЧТ, ЦГАЛИ). В печатном тексте, по-видимому, опечатка: «Не страшно» вместо «Но страшно».

506. ЕЖ, 1914, № 2, с. 6.

507. ЕЖ, 1914, № 7, с. 3.

508. ЕЖ, 1914, № 12, с. 3.

509. ЕЖ, 1914, № 12, с. 3.

510. Печ. по автографу (ГПБ). Посмертная публикация — «Русская литература», 1970, № 3, с. 82. В рукописном плане собрания стихотворений отнесено по времени создания к Ч. Демонический образ Блока предвещает позднейшие строфы «Поэмы без героя» (№ 648).

511. Печ. впервые по автографу (Дил.). Автограф (ЦГАЛИ) с припиской: «Записано в Свиной книге Бродячей собаки». Свиная книга — альбом стихотворных импровизаций гостей артистического кабаре (см. в кн.: В. Пяст, Встречи, М., 1929, с. 255—256).

512. «Тамаре Платоновне Карсавиной — «Бродячая собака», 26 марта 1914», СПб., с. 12. Книга преподнесена выдающейся русской балерине Т. П. Карсавиной (р. 1885) ко дню ее рождения поэтами и художниками, собиравшимися в кабаре «Бродячая собака». Вечер Карсавиной описан Ахматовой в сценарии балета к «Поэме без героя» (см. с. 521).

513. ЕЖ, 1914, № 7, с. 3. Автограф (ЧТ, ЦГАЛИ).

514. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — НМ, 1969, № 5, с. 53.

515. Печ. впервые и датируется по автографу (ЦГАЛИ). Карандашный автограф (ГПБ).

516. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — ЛГ, 1971, 15 сентября.

517. Печ. по автографу (ЧТ, ЦГАЛИ). Посмертная публикация — Юн, 1969, № 6, с. 66.

518. Печ. по автографу (ЦГАЛИ), где авторская дата сопровождается знаком вопроса. Посмертная публикация — Юн, 1969, № 6, с. 66.

519. СЖ, 1918, № 3-4, с. 15.

520. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ). Это первое в стихотворениях Ахматовой упоминание дворца Шереметевых (Фонтанного Дома). Здесь жил еще до революции В. К. Шилейко в качестве учителя сына тогдашнего владельца дворца, графа Шереметева. (См. о Шилейко прим. № 246—251.)

521. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — Юн, 1969, № 6, с. 66.

522. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — Юн, 1969, № 6, с. 66.

523. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ).

524. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ).

525. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ).

526. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ).

527. Печ. по записи Вл. Орлова со слов автора. Посмертная публикация — «Русская литература», 1970, № 3, с. 82. Автограф в экземпляре «Стихотворений Александра Блока», кн. 2, изд. 3, М., 1916, на белой странице (Библиотека Дома писателей им. Маяковского в Ленинграде). Книга принадлежала другу Ахматовой, композитору Артуру Лурье. Написано на смерть А. Блока.

528. «Москва», 1922, № 6, с. 2.

529. «Свирель Пана», 1923, № 1, с. 1. Автограф (ЦГАЛИ) с эпиграфом из «Фауста» Гёте: «Остановись, мгновенье!», подсказанным сценой заклинания, и датой: 20-е годы.

530. Печ. впервые по записи Вл. Орлова со слов автора.

531. Печ. по автографу (ГПБ). Посмертная публикация — Зв, 1969, № 8, с. 164. Дил. — др. ред. с датой в огл.: 23 августа 1927 г.

532. Печ. впервые по автографу (ГПБ). Загл. «Кавказское» — в рукописном плане книги «Тростник». С поездкой в Кисловодск связано другое «кавказское» стихотворение (№ 303). *Десять лет и год* и т. д. До этого Ахматова была на юге в конце 1916 г. в Крыму.

533. Печ. по автографу (ЧТ, ЦГАЛИ). Посмертная публикация — «Подъем», Воронеж, 1968, № 3, с. 116.

534. Печ. по автографу (ГПБ). Там же еще один автограф с разночтениями. Посмертная публикация — в кн.: Анна Ахматова, Избранное, М., 1974, с. 453. Строка точек в начале стихотворения, по объяснению автора, заменяет забытую первую строфу. Картина *В. Сурикова* (Государственная Третьяковская галерея) изображает боярыню *Морозову* (см. прим. № 480), которую на санях везут в ссылку.

535. Печ. по автографу (ЦГАЛИ), где входило в цикл «Венок мертвым». Другой автограф — мат. Ардовых. Посмертная публикация — ДП, Л., 1966, с. 50. Посвящено памяти писателя М. А. Булгакова (1891—1940).

536. Печ. по автографу (Дил.). Автограф (ГПБ), без ст. 1—3, 11—13. Посмертная публикация — ДП, М., 1971, с. 155. *Китеж* — см. прим. № 647.

537. Печ. по автографу (ЧТ, ЦГАЛИ). Посмертная публикация — «Подъем», Воронеж, 1968, № 3, с. 110.

538. Печ. по автографу (Дил.). Посмертная публикация — Юн 1969, № 6, с. 67.

539. Печ. по автографу (Дил.). Посмертная публикация — ДП, М., 1971, с. 155.

540. Печ. по автографу (Дил.). Посмертная публикация — Юн, 1969, № 6, с. 67.

541. Печ. по записи Вл. Орлова со слов автора. Посмертная публикация двух последних строф — «Лит. Грузия», 1967, № 5, с. 64. Полностью — в кн.: Анна Ахматова, Избранное, М., 1974, с. 459.

542. Печ. впервые по автографу (Дил.).

543. Печ. по автографу (Дил.). Посмертная публикация — Зв, 1969, № 8, с. 164. Написано в дни болезни (см. прим. № 378—379 и стих. № 544).

544. Печ. по автографу (ЦГАЛИ), где следует за циклом стих. «Смерть» (см. № 378—379), с указанием: «Ташми ⟨Ташкентский медицинский институт⟩ (В тифозном бреду)». Посмертная публикация — «Звезда Востока», Ташкент, 1966, № 6, с. 41.

545. Печ. по автографу (ГПБ). Посмертная публикация — НМ, 1969, № 5, с. 55. Датируется по содержанию, как письмо к другу (проф. В. Г. Гаршину — см. прим. № 648), находившемуся в осажденном Ленинграде. *Три фронта* — защитники Ленинграда, блокировавшие город войска фашистов и советские войска, державшие последних в частичном окружении.

546. Печ. по автографу (Дил.). Посмертная публикация — НМ, 1969, № 6, с. 243.

547. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — Юн, 1969, № 6, с. 66.

548. Печ. по автографу (собр. Э. Г. Герштейн). Посмертная публикация — «Лит. Грузия», 1967, № 5, с. 64, под загл. «Надпись на книге». *«Триптих»* — «Поэма без героя» (№ 648).

549. Печ. по автографу (Дил.). Два других послесловия — см. прим. к № 352—368 и стих. № 553. Посмертная публикация — НМ, 1969, № 5, с. 55.

550. Печ. по автографу (ГПБ). Другой автограф (Н 2). Автограф ст. 1—6 (ЦГАЛИ). Посмертная публикация НМ, 1969, № 5, с. 55. Оставшееся в свое время ненапечатанным последнее стихотворение из ташкентского цикла «Смерть» (№ 378—379). По связи с другими стихотворениями на ту же тему авторская датировка вызывает сомнение: более вероятно — январь 1943.

551. Печ. по Н 1, л. 51 об. (карандашный автограф). Другой автограф (ЦГАЛИ) в цикле «Венок мертвым». Посмертная публика-

ция — «Русская литература», 1970, № 3, с. 71. *De profundis*— начало заупокойной католической молитвы.

552. Печ. по автографу (Дил.). Посмертная публикация — Юн, 1969, № 6, с. 67.

553. Печ. по Н 1, с. 31 (автограф). Посмертная публикация — НМ, 1969, № 5, с. 55. Послесловие к «Ленинградскому циклу» (см. стих. и прим. № 352—368 и 549).

554. Печ. по автографу (Дил.). Посмертная публикация — НМ, 1969, № 5, с. 56.

555. Печ. по Н 1, с. 59 (автограф). Посмертная публикация — «Лит. Грузия», 1967, № 5, с. 64. По времени написания и содержанию примыкает к циклу стихотворений № 415—419.

556. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Так же как стих. № 555, примыкает к циклу стихотворений № 415—419. Посмертная публикация — ДП, М., 1973, с. 260.

557. Печ. по автографу (ГПБ). Посмертная публикация — ДП, М., 1973, с. 260.

558. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — НМ, 1969, № 5, с. 56. *Сиятельный дом* — дворец графов Шереметевых, Фонтанный Дом, где Ахматова прожила с перерывами с 1919 г. по 1952 г.

559. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — Юн, 1969, № 6, с. 67. Это четверостишие не было включено в цикл, составившийся из стихотворений, написанных в разное время (см. прим. № 333—342).

560. Печ. по автографу (ГПБ). Посмертная публикация — альм. «Поэзия», № 12, М., 1974, с. 112. По времени написания и по содержанию примыкает к циклу стихотворений № 420—433.

561. Печ. по автографу (ЧТ, ЦГАЛИ). Посмертная публикация— ДП, М., 1972, с. 246.

562. ЛГ, 1964, 25 июня. Автографы (ЦГАЛИ). *Флегетон* — в античной мифологии река, окружающая подземный мир (царство мертвых). *В подвале* (см. «Варианты»). Имеется в виду кабаре «Бродячая собака» (см. прим. № 62).

563. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ).

564. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Там же автограф менее полной редакции с эпиграфом «Не теряйте отчаяния». Автограф отрывка (ГПБ) под загл. «При музыке», с датой и с эпиграфом «Не теряйте отчаяния» и другой автограф. Посмертная публикация ст. 1—4 — «Простор», 1971, № 2, с. 101. Полностью — ЛГ, 1971, 15 сентября.

565. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ). Первые строки намекают, по-видимому, на постановку В. Э. Мейерхольдом «Пиковой

дамы» Чайковского в Малом оперном театре (1935), где в спальню *графини* спускалась крутая винтовая лестница.

566. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ). Мотив Антигоны, которая в одноименной трагедии Софокла хоронит и оплакивает тела своих братьев, павших под стенами Фив.

567. Печ. впервые по автографу (ГПБ). По сообщению Э. Г. Герштейн, записано в плане статьи о прозе Пушкина (1959).

568. Печ. по автографу (ЧТ ЦГАЛИ). Более ранний автограф (ЦГАЛИ). Посмертная публикация (неидентичных текстов) — Юн, 1968, № 3, с. 114 и «Подъем», Воронеж, 1968, № 3, с. 117.

569. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация —ДП, М., 1971, с. 156.

570. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — Юн, 1969, № 6, с. 67.

571. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — Юн, 1969, № 6, с. 67. *Красная Конница* — улица Красной Конницы, где жила Ахматова с 1952 г. по 1961 г.

572. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — НМ, 1969, № 5, с. 56.

573. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — «Москва», 1966, № 6, с. 157. В эпиграфе — цитате из стих. Пушкина «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» — сохранена старинная орфография. Первоначально Царское Село называлось Сарское (от финского «сари» — остров). *Фелица*. Имеется в виду ода Г. Р. Державина (1782), воспевающая Екатерину II.

574. НМ, 1964, № 6, с. 173, в подборке «Стихотворения последних лет». Напечатано в числе отрывков пьесы «Пролог, или Сон во сне» (см. стих. № 640—645), однако, по словам автора, оно не имеет отношения к содержанию этой пьесы, вследствие чего в БВ было исключено из ее состава. Действительно, в автографах пьесы (ГПБ) оно не встречается, но сохранилось в архивных материалах как самостоятельное стихотворение. Два автографа (ЦГАЛИ).

575. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ).

576. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ). Там же автограф черновой редакции. Незаконченный автограф (ГПБ).

577. Печ. по автографу (ГПБ). Там же черновой автограф. Посмертная публикация — Юн, 1971, № 12, с. 64.

578. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — НМ, 1969, № 6, с. 243.

579. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ). *Анта* — приятельница Ахматовой, внучка известного ориенталиста, профессора В. В. Розена.

580. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Там же другой автограф. Посмертная публикация — Юн, 1969, № 6, с. 67.

581. Печ. по автографу (ГПБ). Автограф первой строфы, записанной как самостоятельное стихотворение, с датой (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — НМ, 1969, № 5, с. 57.

582. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — НМ, 1969, № 5, с. 57. *«Бразильская бахиана»* — музыкальное сочинение известного бразильского композитора Э. Вилла-Лобоса, написанное в манере XVIII в. В автографе на соседней странице записано: «Вчера вечером слушала бразильскую бахиану. Пела Вишневская. Я что-то сочиняла, но в темноте не могла запомнить и забыла, кажется». Ст. 9—12 перекликаются со стих. А. Блока «К музе»:

И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой.

583. Печ. по автографу (ЦГАЛИ), где включено в цикл «Из черных песен» вместе со стих. № 481. Весь раздел озаглавлен: «Стихи последних лет», т. е. 1960 и след. Посмертная публикация — ДП, М., 1971, с. 156.

584. Печ. по автографу (ЦГАЛИ).

585. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ). О цикле см. прим. № 333—342.

586. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — Юн, 1969, № 6, с. 67.

587. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ). *Доплясавший свое пред ковчегом* — см. прим. № 95. Ст. 1 варьирует начало «Поэмы без героя» (№ 648).

588. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — НМ, 1969, № 6, с. 243. О цикле см. прим. № 442—450. *Будка* — так называла Ахматова дачу в Комарово (под Ленинградом), куда она выезжала в последние годы жизни.

589. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — НМ, 1969, № 5, с. 57.

590. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — ЛГ, 1971, 15 сентября. Посвящено поэту Дмитрию Бобышеву, подарившему Ахматовой пять роз.

591. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — Юн, 1972, № 12, с. 64.

592. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ).

593. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — Юн, 1971, № 12, с. 64.

594. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — Юн, 1971, № 12, с. 64.

595. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — НМ, 1969, № 5, с. 58.

596. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — Юн, 1971, № 12, с. 64. Как и следующее стихотворение, связано с пребыванием Ахматовой в декабре 1964 г. в Италии в связи с присуждением ей международной поэтической премии Этна-Таормина.

597. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ).

598. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Там же другой автограф. Посмертная публикация — Юн, 1969, № 6, с. 67.

599. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ).

600. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ).

601. Печ. по автографу (ГПБ). Там же черновой набросок. Посмертная публикация — НМ, 1969, № 6, с. 245.

602. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — альм. «Поэзия», № 12, М., 1974, с. 113.

603. Печ. по автографу (ГПБ). Посмертная публикация — ДП, М., 1973, с. 259.

604. Печ. по автографу (ГПБ). Посмертная публикация — ДП, М., 1973, с. 259.

605. Печ. по автографу (ГПБ). Посмертная публикация — альм. «Поэзия», № 12, М., 1974, с. 113.

606. Печ. по автографу (мат. Н. Глен). Посмертная публикация — Юн, 1971, № 12, с. 64.

607. Печ. впервые по автографу (ГПБ).

608. Печ. по автографу (мат. А. Наймана). Посмертная публикация — Юн, 1969, № 6, с. 67.

609. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ).

610. Печ. по автографу. Посмертная публикация — «Лит. Грузия», 1967, № 5, с. 65.

611. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ), где записано как самостоятельное стихотворение. В материалах к драме «Пролог, или Сон во сне» (см. прим. № 640—645) включено в стихотворный диалог героини с героем (ГПБ).

612. Печ. по автографу (мат. А. Наймана). Посмертная публикация — Зв, 1969, № 8, с. 164.

613. Печ. впервые по автографу (мат. А. Наймана).

614. Печ. по автографу (мат. А. Наймана). Посмертная публикация — Юн, 1971, № 12, с. 64.

615. Печ. впервые по автографу (ГПБ).

616. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — Зв, 1969, № 8, с. 164.

617. Печ. по автографу (ГПБ). Посмертная публикация — НМ, 1969, № 5, с. 54.

618. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ). Намек на известную арию *Зибеля* из оперы Ш. Гуно «Фауст» («Расскажите вы ей, цветы мои! ..»).

619. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ).

620. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ).

621. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ).

622. Печ. впервые по автографу (мат. Ардовых, ПД).

623. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — НМ, 1969, № 6, с. 243.

624. Печ. впервые по автографу (ЦГАЛИ).

625. Печ. впервые по автографу (ГПБ).

626. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация — Юн, 1971, № 12, с. 64.

627. Печ. по автографу (мат. Ардовых, ПД). Посмертная публикация — Юн, 1971, № 12, с. 64.

ЭПИЧЕСКИЕ И ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ

Собранные в этом разделе стихотворные произведения распределены в БВ по различным книгам в соответствии с временем написания. В наст. изд. они объединены как оставшиеся незавершенными опыты произведений большого масштаба, выходящих за рамки отдельных лирических стихотворений и лирических циклов.

628. Печ. по автографу (ЦГАЛИ) с датой: 1916 (?); к эпиграфу намечалась выноска с указанием источника (из самой поэмы). Другой автограф (ЦГАЛИ) без ст. 1—2 с прим. в скобках: «Из предвоенной поэмы, 1917 — по-видимому». В «Списке утраченных произведений» (ГПБ) упоминается «Начало Петербургской поэмы». *В городе райского ключаря.* Райский ключарь — апостол Петр; город Петра — Петербург. Ст. 1—2—ср. ст. 5—6 стих. № 454.

629—631. Созданы и публиковались в разное время как самостоятельные фрагменты не получившего завершения художественного целого. Печ. по БВ, с. 224. Эпиграф — из поэмы Б. Анрепа «Человек» (АМ 1916, с. 16. См. прим. № 142).

1. Ч 1, с. 84, под загл. «Отрывок из поэмы». В огл. Дил. и в автографе (ЦГАЛИ) под загл. «Маленькая поэма». ШК без загл.; Из 43 вместе с 2 под общим загл. «Эпические мотивы». *Смуглая* — муза (см. № 114, 122). О теме музы в поэзии Ахматовой см. в кн.: В. М. Жирмунский, Творчество Анны Ахматовой, Л., 1973, с. 126.

2. AD 1, с. 48, вместе с 3, без загл. и ст. 33—34. Оконч. текст ШК, с. 75. Из 43 вместе с 1; С 61 вместе с 3, под общим загл. «Эпические отрывки». *Был переулок снежным и недлинным* — Тучков пер. Васильевского острова, где Ахматова жила в студенческом общежитии «Тучка». Церковь *св. Екатерины* находится в конце Кадетской (ныне Съездовской) линии Васильевского острова, недалеко от Тучкова моста. *Художник милый* — Альтман Натан Исаевич (1889—1970), в то время писавший известный портрет Ахматовой (ныне в Русском музее в Ленинграде). По воспоминаниям Ахматовой, мастерская Альтмана находилась в верхнем этаже «меблированного дома Нью-Йорк», «откуда я выходила через окно 7-го этажа, чтобы видеть снег, Неву и облака, и шла по карнизу навестить Веню и Веру Белкиных» («Набросок», ГПБ, автобиогр. мат.). Однако, по сообщению Н. И. Альтмана, он жил в 1913 г. в меблированных комнатах «Княжий Двор» в том же районе, где находились мастерские студентов Академии художеств.

3. AD 1, с. 50, без ст. 21—28. Оконч. текст С 61, с. 109 вместе с 2.

632. Печ. по рук. БВ. Загл. «Отрывки из Царскосельской поэмы «Русский Трианон» (1925—1935). В Царскосельском парке (Девяностые годы)» неточно по содержанию и датировке. Ст. 1—6 — Зв, 1946, № 1, с. 70, в подборке «Стихи разных лет», под загл. «В парке (девяностые годы)», с датой: 1940. Ст. 7—24 — «Ленинград», 1946, № 1-2, с. 13, в подборке «Стихи разных лет», под загл. «Отрывок из поэмы «Русский Трианон» (Воспоминания о войне 1914—1917 гг.)», с датой: 1923. В Н 2 (ГПБ) заметка автора: «Отрывок из неоконченной пропавшей «Царскосельской поэмы» «Русский Трианон» (1925—1935). Писала ее в Мраморном дворце». См. также «Библиографию» (ГПБ). Автографы начала 1940-х годов позволяют восстановить последовательность реконструкции автором незаконченной поэмы и связь сохранившихся строф. Н 1—2 — ст. 1—6; в Н 1 рукой автора вписано загл.: «В парке» и дата: 1940. Ст. 7—24 в автографе (ЦГАЛИ) под загл. «Эпические отрывки», в другой последовательности строф. В Н 2 (после 1956 г.) на полях приписаны 2 ст. — по-видимому, отброшенный вариант заключительного двустишия строфы 2, который

не был включен автором в текст, чтобы не разрушить строфическую форму. В рук. БВ ошибочно вставлено в основной текст стихотворения. В автографе (ЦГАЛИ) под загл. «Из „Русского Трианона"» отрывки из трех последних строф, за которыми следует примечание автора: «Не на этой ли строфе я спохватилась, что слышится Онегинская интонация, т. е. самое дурное для поэмы 20 в. (как, впрочем, и 19-го), хотя не поручусь, что где-то еще не было про то, что Расп⟨утин⟩

и горе!
Служил обедню в Федровском соборе.

(Царскосельский слух 16-го года).

В 40-х годах я написала еще несколько строф — одна из них — «90-ые годы»...». *Трианон* — загородный дворец королевы Марии-Антуанетты, жены Людовика XVI, в дворцовом парке французских королей в Версале. Заглавие «Русский Трианон» намечает историческую тему поэмы: время на пороге революции, крушение царского режима. См. в кн.: В. М. Жирмунский, Творчество Анны Ахматовой, Л., 1973, с. 131. *Боскеты* (франц.) — подстриженные кусты французского парка. *Канотье* (франц.) — летняя плоская соломенная шляпа. *Жип* (псевдоним графини де Мартель, 1850—1932) — французская писательница, автор пользовавшихся широким успехом светских романов. *Бурже* Поль (1852—1935) — французский писатель, известный широкому читателю главным образом своими «проблемными» психологическими романами. Увлечение Жип и Бурже характерно для вкусов русского дворянско-буржуазного общества конца XIX в. Взятие русскими войсками турецкой крепости *Эрзерум* в Малой Азии и высадка англичан и французов у *Дарданелл* с целью форсирования проливов (1915—1916) были значительными событиями первой мировой войны. *Дредноуты* — броненосцы, представлявшие последнее слово военно-морской техники того времени; не были защищены против действия подводных мин, вследствие чего неоднократно взрывались и перевертывались вместе с экипажем. *Белая башня* — самая высокая точка Александровского парка в Царском Селе, откуда просматривалась вся окрестность; пулемет на Белой башне во время войны охранял царский дворец. *Тень Его* — т. е. Пушкина. По его собственному признанию, Пушкин, учась в царскосельском Лицее, «читал охотно *Апулея*, а Цицерона не читал». *А тезка мне* (см. «Варианты») — Анна Александровна Вырубова, придворная дама и интимный друг императрицы Александры Федоровны, поклонница Распутина, сыгравшая активную роль в укреплении его влияния на Николая II и двор. В незаконченных мемуарах Ахматовой содержится описание Царского Села в конце 1890-х — начале 1900-х годов, близко напоминающее «царскосельскую поэму» (ГПБ): «А иногда по этой самой Широкой ⟨улица, где жила семья Ахматовой⟩ от вокзала или к вокзалу проходила похоронная процессия невероятной пышности: хор (мальчики) пел ангельскими голосами, гроб не было видно из-под живой зелени и умирающих на морозе цветов ⟨...⟩ несли зажженные фонари, священники кадили, маскированные лошади ступали медленно и торжественно. За гробом шли гвардейские офицеры, чем-то напоминающие брата Вронского, т. е. с пьяными открытыми лицами, и господа в цилиндрах ⟨...⟩ И мне (потом, когда я вспоминала это зрелище) всегда казалось, что они

были частью огромных похорон всего 19 в. Так хоронили в 90-ых годах последних младших современников П⟨ушки⟩на. Это зрелище при ослепительном снеге и ярком царскосельском солнце было великолепным, оно же, при тогдашнем желтом электрическом свете и пустой тьме, которая сочилась отовсюду, бывало страшным и даже как бы инфернальным».

633. «Ленинградский альманах», 1945, с. 210, в подборке под общим загл. «Шаг времени» вместе с № 634, 323 и отрывком из 1-й части «Поэмы без героя», печатавшимся как отдельное стихотворение; С 61 без ст. 1—2. Оконч. текст БВ, с. 367. Отрывок входил, по-видимому, в более широкий замысел поэмы, описывающей, как и № 632, годы детства и ранней юности Ахматовой, конец XIX и начало XX века, — замысел исторической и социальной живописи и общественной критики, до известной степени перекликающийся с поэмой А. Блока «Возмездие». По теме и стилю он близко связан с № 634, хотя и отличается от него наличием рифмы. *Донон* — модный ресторан в дореволюционном Петербурге. *Восток... громыхал вдали.* Имеется в виду русско-японская война 1903—1905 гг. *Викторианское чванство.* Речь идет о временах королевы Виктории в Англии (1837—1901), с характерным для этой эпохи высокомерием и кастовой замкнутостью господствующих классов. *Канкан* — модный эстрадный танец, ставший в конце XIX в. синонимом нравственной распущенности.

634—639. ⟨1⟩ — ⟨4⟩. Печ. по БВ, с. 441. История создания цикла рассказана Ахматовой в «Предисловии» к оставшейся незаконченной «Седьмой элегии» (ЦГАЛИ): «Вскоре после окончания войны я написала два длинные стихотворения белыми стихами ⟨по-видимому, III и IV⟩ и окрестила их «Ленинградскими элегиями». Затем я присоединила к ним еще два стихотворения («Россия Достоевского», 1940—42 и «В том доме», 1921) ⟨см. № 639⟩, дав им новые заглавия — «Предыстория» и «Первая Ленинградская». Остальные — их было задумано семь — жили во мне в разной степени готовности, особенно одно («Седьмая, или Последняя Ленинградская элегия») было додумано до конца, и, как всегда, что-то записано, что-то потеряно, что-то забыто, что-то вспомнено, когда вдруг оказалось, что я их любила за их единодушие, за полную готовность присудить меня ⟨нрзб.⟩ к чему угодно». Общее число задуманных Ахматовой элегий во всех свидетельствах остается семь. Ср. неопубликованное четверостишие на рукописной обложке (автограф ГПБ):

> Их будет семь — я так решила,
> Пора испытывать судьбу,
> И первая уж совершила
> Свой путь к позорному столбу...

«Седьмая, или Последняя Ленинградская элегия» имеется в нескольких недоработанных черновиках (ЦГАЛИ). «Первая Ленинградская» (№ 639), помеченная в одном из списков III, отражает семейную жизнь поэтессы в 1912—1914 гг. Отсутствует еще одна элегия, тема и место которой в цикле не указаны. Однако в черновых автографах

сохранился набросок «Ленинградской элегии» с подзаголовком «О десятых годах» и порядковым номером II (№ 638). Таким образом, элегии располагаются в следующей историко-биографической последовательности: I. Предыстория; II. Десятые годы (Детство и юность); III. Царское Село (1912—1914); IV. Фонтанный Дом (1938); V—VI. Послевоенные годы; VII. Эпилог (после 1946 г.). Однако последующие звенья рассказа все более приобретают характер лирико-дидактического монолога, который автор обозначил жанровым термином «элегии». В Н 1 № 637 и 636 помещены были в цикле «Из Ленинградских элегий» с посв. Н. А. Ольшевской (близкий друг Ахматовой, артистка, жена писателя В. Е. Ардова), № 634 и 635 — вне цикла. Машинописное оглавл. сб. «Нечет», 1940—1961 (ГПБ) содержит под загл. «Ленинградские элегии» № 634, 639, 636, 637, 635 и еще две («Шестая» и «Седьмая») с общим эпиграфом из Пушкина. В рабочей тетради начала 60-х годов (ЦГАЛИ), содержащей материалы для БВ, к циклу «Северные элегии» (№ 634, 637) добавлена «Пятая (Среднеазиатская)». Эпиграф — первая строка стих. Пушкина.

⟨1⟩. Первая. «Ленинградский альманах», 1945, с. 209, в подборке под общим загл. «Шаг времени». В своих незаконченных рукописных мемуарах Ахматова описывает Петербург, каким она его застала (ГПБ, «Дневник», 1962): «Первый (нижний) пласт для меня — Петербург 90-ых годов, Петербург Достоевского. Он был с ног до головы в безвкусных вывесках — белье, корсеты, шляпы, совсем без зелени, без травы, без цветов, весь в барабанном бое, так всегда напоминающем смертную казнь, в хорошем столичном французском языке, в грандиозных похоронных процессиях и описанных Мандельштамом высочайших проездах». См. также статью К. И. Чуковского «Ахматова» (Собр. соч., т. 5, М., 1967, с. 740). Эпиграф — из «Домика в Коломне». *Еще не опозоренный модерном* — в начале XX в. по нечетной стороне Литейного проспекта было построено несколько домов в модном накануне первой мировой войны стиле «модерн». Они заслонили тыловую часть Шереметевского дворца (Фонтанного Дома) от Литейного и от домов по его четной стороне, где когда-то жили Некрасов и Салтыков-Щедрин. *Старая Русса* — место действия романа «Братья Карамазовы». *Оптина* пустынь (б. Козельский уезд Калужской губ.), связанная с именем старца Серафима Саровского, стала с последней трети XIX века местом паломничества религиозно настроенной интеллигенции. Здесь побывал и Достоевский, которому встреча с Серафимом Саровским подсказала образ старца Зосимы в «Братьях Карамазовых». *В Бадене рулетка* — подразумевается Баден-Баден, модный курорт, в то время охотно посещавшийся русским «высшим светом» (ср. «Дым» Тургенева, «Игрок» Достоевского). *Женщина... с редчайшим именем* — мать Ахматовой, Инна Эразмовна Горенко. *Омский каторжанин* — Ф. М. Достоевский. *Семеновский плац* — место его гражданской казни в 1849 г., перед отправлением на каторгу. В рукописном наброске, посвященном старому Петербургу, среди страшных мест, сохранившихся с юных лет в ее памяти, Ахматова вспоминает «Семеновские казармы и семеновский плац, где ждал смерти Достоевский», и «ворота, откуда вывозили на казнь народовольцев».

⟨2⟩. Вторая. Зв, 1946, с. 71, под загл. «Вроде монолога»; С. 61, в цикле «Северные элегии» вместе с № 637 и 435, связанными

с элегией по содержанию, с общей датой: 1943—1953. Оконч. текст БВ, с. 444. *Называй Морской царевной.* Подразумевается стих. Лермонтова «Морская царевна». Ср. № 650 и прим. *Серебряная свадьба* — пятнадцать лет, прожитые Ахматовой в Фонтанном Доме с Н. Н. Пуниным, который разошелся с ней в 1938 г. (см. № 327—329).

⟨3⟩. Третья. «Литературная Россия», 1964, 24 января, с. 15, под загл. «Из Ленинградских элегий», без ст. 14—20. Первоначальная ред. без ст. 18—20 — Н 1 (см. «Варианты»). Оконч. текст БВ, с. 445. *А я один на свете город знаю* — Ленинград.

⟨4⟩. Четвертая. ДП, М., 1956, с. 9. С 61, в цикле «Северные элегии» вместе с № 635 и 435. Автограф (ГПБ) с эпиграфом «Последний ключ — холодный ключ забвенья. Он слаще всех жар сердца утолит. Пушкин» (из стих. «Три ключа»).

⟨ДОПОЛНЕНИЯ⟩

⟨5⟩. Печ по автографу (ГПБ). Другой автограф (черновой, неоконченный — ГПБ). Посмертная публикация — НМ, 1969, № 5, с. 54. Первоначальный черновой набросок (ГПБ) в конверте материалов к драме «Пролог, или Сон во сне», с которой он связан заключенной в скобки ремаркой сценария: героиня, «засыпая, диктует, орел пишет». В последующих редакциях эти патологические черты пробуждающегося детского сознания значительно ослаблены. Из рассказа героини драмы о своем детстве вырастает «элегия» как страница автобиографии поэтессы. Картина ее головокружительных успехов в 1910-х годах, при первом вступлении в жизнь и в литературу, на которую переносится центр тяжести, становится как бы прелюдией к последующим, трагическим этапам ее биографии. Но и этот замысел остался, по-видимому, неосуществленным. *Прозерпина,* дочь богини Цереры (Деметры), согласно античному мифу, была похищена богом Плутоном, властителем подземного мира, во время весенних плясок с подругами на цветущем лугу.

⟨6⟩. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Автограф (ГПБ) под загл. «Ленинградские элегии» имеет два эпиграфа без имени авторов, первый: «Всё в жертву памяти твоей» (зачеркнут) и «Ты — победительница жизни, И я — товарищ [верный] вольный твой». Посмертная публикация — ДП, М., 1973, с. 259.

———

640—645. ⟨1—4⟩. НМ, 1964, № 6, с. 172, под загл. «Из трагедии „Пролог“, или „Сон во сне“». Печ. по БВ, с. 397.

⟨ДОПОЛНЕНИЯ⟩

⟨5⟩. Печ. по автографу (ГПБ). Посмертная публикация — «Простор», 1971, № 2, с. 101. История работы Ахматовой над пьесой, оставшейся незаконченной, восстанавливается по черновикам в рабочих тетрадях. В «Списке утраченных произведений» (ГПБ) упоминается: «Драма Энума элиш, в 3-х частях: 1) На лестнице; 2) Пролог; 3) Под лестницей (сожжена 11 июля 1944 в Фонт⟨анном⟩ Доме, написана в Ташкенте 1943—1944)». Более подробно (ЦГАЛИ): «Вместо предисловия. Когда после брюшного тифа в Таш-

кенте, в конце 1942 г., я вышла из больницы, все почему-то стало мне казаться родом драматического действия, и я написала Энума элиш. I-ое и III-е действия были совершенно готовы. Оставался «Пролог», т. е. II действие. Он должен был быть в стихах и представлял собою кусок пьесы героини Энума элиш — X. В этой пьесе роль сомнамбулы исполняла сама X. Она спускалась по освещенной луной, почти отвесной стене своей пещеры — после каких-то темных блужданий, не просыпаясь молилась богу и ложилась на козьи шкуры, служившие ей ложем. Гость из будущего под лунным лучом проступал на задымленной кострами стене пещеры. Их диалог. . .» В цикле «Cinque» (4), связанном с образом «гостя из будущего», упоминается «посвященье сожженной драмы, от которой и пепла нет». Значительно позже, в начале 60-х годов, как сообщает поэтесса, «она вздумала возвращаться ко мне» (ЦГАЛИ). Ахматова пыталась восстановить или точнее — заново воссоздать утраченный текст. Большая часть написанного собрана ею незадолго до смерти в конверте с надписью: «А. А. Ахматова. Пролог (Сон во сне), 1965» (ГПБ). Отдельные наброски в других тетрадях (ЦГАЛИ). Общее заглавие остается «Энума элиш», с которым конкурирует более понятное: «Пролог, или Сон во сне», представляющее, в сущности, название средней, стихотворной части произведения — пьесы внутри пьесы. «Энума элиш» — древневавилонская теогоническая поэма (о сотворении мира и поколениях богов), которая входила в новогодний праздничный ритуал. Заглавие (по первому стиху) обозначает: «Когда вверху. . .» (в переводе Ахматовой: «Там вверху. . .»). Поэму переводил на русский язык В. К. Шилейко для задуманного им цикла древневавилонских поэтических текстов. Неясна связь названия драмы Ахматовой с ее содержанием. Фрагментарный и незаконченный характер рукописного материала не позволяет восстановить произведение как целое, но общие линии замысла воссоздаются достаточно ясно. Сохраняется деление на три части и заголовки частей. С этим делением связана романтическая двуплановость пьесы, по мысли автора — «одновременно шутовской и пророческой» (ЦГАЛИ). Прозаические части, обрамляющие стихотворную, переносят нас со сцены за кулисы и в зрительный зал, и имеют характер гротескной бытовой и общественной сатиры, обращенной к «реальному миру», к враждебной поэту обывательской публике. Центральная часть — «Сон во сне» — представляет стихотворную лирическую драму, в которой героиней является автор пьесы, одновременно поэтесса и актриса, исполняющая в пьесе главную роль. В первой части действие происходит за кулисами, в театральной уборной: героиню перед выходом на сцену гримирует ее камеристка Фрося. Актриса в отчаянии — она не успела дописать пьесу и боится провала. Входит высокая женщина, с лицом, закрытым паранджой, и с корзиной фиалок: это «двойник» героини, «ей ведомы начала и концы». Переодетая в паранджу́, примадонна «идет в сквер продавать фиалки», оставляя вместо себя свою заместительницу. Тема эта дальнейшего развития, по-видимому, не получила. Вторая часть, пьеса «Пролог», которая разыгрывается на сцене перед зрителями, состоит из любовного диалога, в основном стихотворного, — переклички двух голосов — героини, погруженной в сомнамбулический любовный сон, и ее возлюбленного, «гостя из будущего». Сохранившиеся образцы публи-

куются здесь только частично: основная часть их осталась недоработанной. В диалогические партии героини в ряде случаев включены и некоторые четверостишия, встречающиеся в тетрадях или публикациях Ахматовой как самостоятельные стихотворения. Прозаические партии в этой части имеют характер скупых сценических указаний, частично также — диалога, дополняющего недосказанное в стихах. Пьесу перебивают разговоры в зрительном зале и бытовые сцены за кулисами между директором театра и помощником режиссера, предвидящими неизбежный провал спектакля (обычный прием разрушения сценической иллюзии в романтической драме). Третья, заключительная часть, опять прозаическая, изображает суд над героиней после провала ее пьесы, который заканчивается ее гражданской и физической смертью. Гротескные формы судебного разбирательства и реакция на него публики несколько напоминают «Процесс» Кафки, однако без того, чтобы можно было говорить о зависимости. С темой процесса связана, по-видимому, оставшаяся незаконченной «Седьмая элегия». Задумано было и прозаическое обрамление к пьесе: рассказ об обнаружении рукописи через много лет после рассказанных в ней происшествий («рукопись в бутылке») и о различных ученых рассуждениях и догадках по поводу ее содержания и обстоятельств написания: «Место действия, по-видимому, Ташкент, время — вторая мировая война 20 века»; «В фойе театра до сих пор висит (в ночной рубашке, с распущенными волосами, босая) ее портрет в роли сомнамбулы во время генеральной репетиции» (ГПБ).

⟨6⟩. Печ. впервые по автографу (приписано на последней белой странице оттиска публикации НМ, 1964, № 6, с. 172, подаренного Н. А. Ольшевской).

ПОЭМЫ

646. А, 1915, № 3, с. 25. Печ. по отд. изданию (Пб., «Алконост», 1921) с восст. пропущенного ст. 234. Ст. 1—24 под загл. «Из поэмы „У самого моря“» — С 61. То же — БВ, с. 166. Об автобиографической основе поэмы см. в кн.: В. М. Жирмунский, Творчество Анны Ахматовой, Л., 1973, с. 127 и след. Первые строки, представляющие музыкальный ключ к поэме, Ахматова связывает в своих записях со смутным воспоминанием о стихотворении Блока из цикла «Итальянские стихи» («Венеция», 1): «А не было ли в «Русской мысли» 1914 стихов Блока. Что-то вроде:

С ней уходил я в море,
С ней забывал я берег

О... парус в дали Идет... от вечери нет в сердце крови...
Стеклярус... на шали. Но я услышала:

Бухты изрезали
Все паруса убежали в море

Это было в Слепневе в 1914 в моей комнате. И это значило, что я простилась с моей херсонесской юностью, с «дикой девочкой» начала

века и почуяла железный шаг войны... Так пришла ко мне поэма «У самого моря». В Слепневе я сразу сочинила 150 стихов, остальные дописала в Царском Селе» (ЦГАЛИ).

647. Ст. 33—52 — ШК, с. 20, в цикле «Шестнадцатый год»; ст. 1—32, 45—64 — НС, 1961, № 6, с. 138, под загл. «Ночные видения. Из тетради военных лет», с датой: 1942, относящей изображаемые события ко времени второй мировой войны; ст. 105—132 — Зн, 1963, № 1, с. 146, под загл. «Ночные видения. Отрывок»; сокращенная (без ст. 65—104 и 133—144) публикация — ДП, М.—Л., 1963, с. 47; ст. 93—104 — «Лит. Россия», 1964, 24 января, с. 15, в цикле «Опять на родине». Полностью — БВ, с. 283. Чистовой автограф (Н 1), автографы (ГПБ, ЦГАЛИ, Дил.). По принятой Ахматовой жанровой классификации это произведение относится к числу ее «маленьких поэм». В качестве заглавия конкурирует «Китежанка». В собр. Дил. сообщается история создания «Китежанки»:

«Из письма к*** (в м е с т о п р е д и с л о в и я)

В первой половине марта 1940 года на полях моих черновиков стали появляться ни с чем не связанные строки. Это в особенности относится к черновику стихотворения «Видение», которое я написала в ночь штурма Выборга и объявления перемирия.

Смысл этих строк казался мне тогда темным и, если хотите, даже странным, они довольно долго не обещали превратиться в нечто целое и как будто были обычными бродячими строчками, пока не пробил их час и они не попали в тот горн, откуда вышли такими, какими вы видите их здесь.

Осенью этого же года я написала еще 3 не лирические вещи, сначала хотела присоединить их к «Китежанке», написать книгу «Маленькие поэмы», но одна из них, «Поэма без героя», вырвалась, перестала быть маленькой, а главное, не терпит никакого соседства; две другие, «Россия Достоевского» ⟨№ 634⟩ и «Пятнадцатилетние руки» ⟨№ 323⟩, претерпели иную судьбу: они, по-видимому, погибли в осажденном Ленинграде, и то, что я восстановила по памяти уже здесь в Ташкенте, безнадежно фрагментарно. Поэтому «Китежанка» осталась в гордом одиночестве, как говорили наши отцы».

Ахматова выделяла эту поэму как важный рубеж в своем творчестве, наметившийся около 1940 г.: «большая панихида по самой себе» (15.III.1963 — ЦГАЛИ). Эпиграф — контаминация цитат из «Книги Царств» («Вот я отхожу в путь всей земли...» — кн. 3, гл. 2, ст. 2) и «Поучения Владимира Мономаха» («...Стоя на саняхъ я помыслихъ въ души своей и похвалихъ бога...»). В Н 1 — второй эпиграф: «И Ангел поклялся живущим, что времени больше не будет. Апокал⟨ипсис, гл. 10, ст. 6⟩».

Китежанка. Согласно древней народной легенде, город Китеж во время нашествия Батыя был чудесным образом спасен от уничтожения татарами, погрузившись в воды озера Светлояр. Озеро Светлояр (в б. Макарьевском уезде Нижегородской губ.) в дореволюционное время было центром паломничества, в особенности старообрядцев (см.: В. Л. Комарович, Китежская легенда, М.—Л., 1936). Сказание о граде Китеже послужило сюжетом известной оперы Н. А. Римского-Корсакова (1907), постановка которой в Мариинском театре (ныне Театре оперы и балета им. С. М. Кирова) представ-

ляла выдающееся событие художественной жизни в годы молодости Ахматовой. Автор отождествляет себя с героиней оперы девой Февронией; см. также одновременно написанное стих. № 536. *От старой Европы Остался лоскут*. Подразумеваются итоги первой мировой войны 1914 г. *И вот уже Крыма Темнеет гряда*. В Крыму Ахматова в последний раз была в самом конце 1916 г., накануне революции (см. прим. № 190). *Гофман* Э. Т. А. (1776—1822) — немецкий романтик, в произведениях которого изображение реальной действительности тесно сплетается с фантастикой. В бою у о. *Цусима* русская эскадра, отправленная для освобождения Порт-Артура, была уничтожена японцами (1905). Это трагическое событие глубоко потрясло Ахматову. См. «Дневник» (ГПБ): «Непременно 9 янв⟨аря⟩ и Цусима — потрясение на всю жизнь, и так как первое, то особенно страшное». Ср. также: «Невольно сжимается сердце от воспоминаний о Цусиме» (ЦГАЛИ). Мотив Цусимы введен также в стих. № 323 и «Поэму без героя», ст. 304--305. Крейсер *«Варяг»* и канонерская лодка *«Кореец»* героически погибли в неравном бою с окружившим их японским флотом (1904). Бой этот представляет один из наиболее памятных эпизодов русско-японской войны 1903—1906 гг., послужившей началом крушения царского режима. *Форт Шаброль*. Намек на дело Дрейфуса, французского офицера, по происхождению еврея, несправедливо осужденного (1894—1906) по обвинению в шпионаже в пользу немцев. Борьба за реабилитацию Дрейфуса объединила передовых людей во Франции и во всей Европе. В доме на улице Шаброль в Париже собирались противники Дрейфуса, члены реакционной антисемитской лиги, в том числе группа офицеров, виновников осуждения Дрейфуса, которые бурно протестовали против пересмотра дела. Насмешливое прозвище «форт» дом этот получил после того, как осенью 1899 г. в нем заперлись главари лиги, в течение 35 дней с оружием в руках сопротивлявшиеся попыткам полиции арестовать виновных. *Буры*. Речь идет об англо-бурской войне (1899—1902). Симпатии передового русского общества были на стороне буров, отстаивавших свою независимость против колониальной агрессии англичан. Все эти исторические события являются симптомами кризиса старого европейского общества на границе двух веков — в преддверии революции.

648. Ст. 614—634, 672—680 — «Ленинград», 1944, № 10—11, с. 8, под загл. «Отрывок». Ст. 268—285, 393—402, 415—420 — «Ленинградский альманах», 1945, с. 211, под загл. «Тысяча девятьсот тринадцатый», в цикле «Шаг времени». Ст. 292—305, 421—426 — «Литературная Москва», сб. 1, М., 1956, с. 537, под загл. «Петроград. 1916». Ст. 272—285, 292—305, 421—426, 614—643, 675—680 и 6 ст. из 28 «примечания редактора» — «Антология русской советской поэзии», т. 1, М., 1957, под загл. «Отрывки из поэмы». Сокращенный вариант «Эпилога» (без ст. 632—644, 657—662, 669—674, 681—693) с включением 6 ст. из 28 «примечания редактора» — С 58, с. 90, под загл. «Отрывок». Ст. 19—24, 393—426, 427—438 — «Москва», 1959, № 7, с. 143, под общим загл. «Из поэмы «Триптих» (1. Посвящение, 2. Петербург в тысяча девятьсот тринадцатом году, 3. Лирическое отступление)». Ст. 272—329, 393—426 и сокращенный вариант «Эпилога» без ст. 632—643, 669—674, 687—692 с включением 6 ст. из 28 «примечания

редактора» — С 61, с. 236, под загл. «1913 год (Три фрагмента из поэмы)». Ст. 40—51 — там же, с. 270, в цикле «Шиповник цветет», под загл. «Лирическое отступление». Ст. 497—538 — ДП, М., 1962, с. 43, под загл. «К поэме». Ст. 58—102, 113—126, 128—145 — ДП, Л., 1962, с. 26, под загл. «Тысяча девятьсот тринадцатый год. Петербургская повесть». Глава I». Сокращенная публикация первой части (др. ред.) — ДП, М., 1963, с. 84, под загл. «Поэма без героя» (триптих). 1940—1962». Наиболее полная прижизненная публикация первой части в ред. 1962 г. — БВ, с. 309. Все три части — Анна Ахматова, Избранное, М., 1974, с. 413. Печ. по авторизованной машинописи 1963 года, подписанной автором и подаренной В. М. Жирмунскому с устным указанием, что этот текст — последний и окончательный.

Заглавие «триптиха» — «Поэма без героя» — могло быть подсказано Ахматовой началом «Дон Жуана» Байрона: «I want a hero...» («Мне нужен герой...»). Байрон сетует на то, что в современности нет героев для поэмы. *Deus conservat omnia* — девиз в гербе на воротах дворца Шереметевых, где Ахматова начала писать поэму (1940—1941).

Вместо предисловия. Эпиграф — из «Евгения Онегина», гл. VIII, строфа LI.

Посвящение. В БВ и ряде авторизованных списков посвящено Вс. К⟨нязеву⟩, молодому поэту, гусарскому (в поэме — драгунскому) корнету (см. прим. № 79). Его самоубийство из-за любви к О. А. Глебовой-Судейкиной подсказало Ахматовой сюжет «Петербургской повести». Однако слова *«Я на твоем пишу черновике»* (в 1940 г.!) и *«темные ресницы Антиноя»* не могут относиться к Князеву.

Второе посвящение. *О. С.* — О. А. Глебова-Судейкина. Написано под впечатлением известия о смерти Глебовой (скончалась 20 января 1945 г. в Париже). *Путаница* и *Психея* — роли, которые О. Глебова исполняла в 1913 г. в пьесах Юрия Беляева в Драматическом театре А. Суворина (см.: Юрий Беляев, Путаница, или 1840 год. Святочная шутка в 1 д. с прологом, СПб., «Театральный день», 1910; Псиша. Пьеса в 4 д. с прологом, СПб., Б-ка «Вечернего времени», изд. Б. А. Суворина, 1914). «Псиша» — драма о судьбе крепостной актрисы (XVIII в.). В советское время перепечатана изд-вом «Новая Москва», 1923. Ставилась на сцене под загл. «Лиза Огонькова» в переработке Е. Корсаковой (Жановской), с усилением социальных мотивов и трагической развязкой (М., 1936 и 1940).

Третье и последнее. Перекликается с темой «Гостя из будущего» (ст. 134—145) и с лирическим циклом «Cinque» (№ 415—419 и прим.). Эпиграф — первая строка баллады Жуковского «Светлана». *Чакона Баха* — см. № 425 и прим.

Часть первая. *Петербургская повесть* — подзаголовок «Медного всадника» А. С. Пушкина. Эпиграф — из оперы Моцарта «Дон Жуан» — слова, намекающие на приход Командора и близкую гибель героя.

Глава первая. Эпиграф — см. № 63. Второй эпиграф — из «Евгения Онегина», гл. V, строфа XI. *Дапертутто* — волшебный доктор из сказки Гофмана «Приключение накануне Нового года». Под этим псевдонимом Вс. Э. Мейерхольд издавал журнал «Любовь к трем апельсинам» (1914—1916). Образы пророка *Иоканаана* и *Са-*

ломеи подсказаны пьесой Оскара Уайльда «Саломея» (1893) и оперой Рихарда Штрауса на ее текст (1905). См. прим. № 480. *Глан* — герой романа «Пан» (1894) норвежского писателя Кнута Гамсуна (1859—1952). В своих записках Ахматова сообщает, что на нее «большое влияние... оказал тогдашний властитель дум Кнут Гамсун («Пан», «Виктория»)» (ГПБ). *Дориан* — герой романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1890). *Гамлетовы подвязки.* По словам Офелии (д. II, сц. 1), безумный Гамлет появляется во дворце «в чулках без подвязок, испачканных и спускающихся до лодыжек». *Железная Маска* — легендарный узник Бастилии, осужденный на пожизненное заключение. *Владыка Мрака* — Мефистофель, в «Фаусте» Гёте появляется в изящном модном костюме, прихрамывая на одну ногу. *Гойя* Франсиско (1746—1828) — выдающийся испанский художник, картины которого отличаются мрачным колоритом и экспрессивной манерой. *Общий баловень и насмешник* — под этой маской, по-видимому, изображен поэт М. А. Кузмин. *Кружевная шаль* — шаль, которую носила в молодости Ахматова; воспета Блоком (стих. «Анне Ахматовой», 1914) и Мандельштамом («Вполоборота, о печаль...», 1914) (см. «Варианты»). *В ожерелье черных агатов* — такой изображена Ахматова на портрете (ср. стих. № 232). ...*Сигары синий дымок. И во всех зеркалах отразился* — текстуальная перекличка с № 422. *Гость из будущего* обозначает героя из другого, более позднего временного плана, чем остальные гости святочного маскарада, происходящего в 1913 г.; он, как и сама поэтесса, единственный «живой» среди призраков. *«Без лица и названья»* повторяется в гл. IV, ст. 458. Источник цитаты не установлен. Возможно, контаминация разных стих. Блока (ср.: В. Н. Топоров, «Без лица и названья» (к реминисценции символистского образа). Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам, Тарту, 1970). *Ту полночную Гофманиану* — см. прим. № 647. В своих заметках к поэме (ЦГАЛИ) Ахматова говорит о «ее связи с петербургской гофманианой» (подразумеваются петербургские повести Гоголя, «Двойник» Достоевского, «Петербург» Андрея Белого). Граф *Калиостро* (Джузеппе Бальзамо, 1743—1795) — известный авантюрист и шарлатан, прославившийся накануне французской буржуазной революции 1789 г. своими мнимыми чудесами и пророчествами (здесь соотносится со ст. 129 «лжепророки»). *Хамураби* — вавилонский царь (1792—1750 до н. э.). *Ликург* и *Солон* — полулегендарные древнегреческие законодатели в Спарте и Афинах (IX в. до н. э. и VI в. до н. э.). *Ковчег Завета* — в Библии переносный храм-алтарь, сопровождавший евреев в их войнах и переселениях; перед ним совершались священные пляски. Ср. стих. № 587. *Крик петуший нам только снится* — реминисценция стихотворения Блока «Шаги Командора» («слышно пенье петуха») и «На поле Куликовом» («покой нам только снится»).

Через площадку. Впервые в законч. ред. ст. 224—229 и 241—248 в Г 56 и Ц 59 были помещены в прим. к ст. 184 «маскарадная болтовня» с ироническими пояснениями автора: 1) «По совершенно непроверенным слухам в рукописи за этим стихом шла следующая строфа». 2) «Еще менее достоверно». *Signor Casanova* — Джованни Джакомо ди Казанова (1725—1798), итальянский авантюрист. Прославился в особенности своими многочисленными любов-

ными приключениями. Оставил многотомные «Мемуары» (1822—1828). Образ «аморалиста» Казановы и его блестяще написанные мемуары пользовались большим успехом в западноевропейских и русских модернистских кругах начала XX в. Патриарх *Лот* — по библейскому сказанию, единственный праведник, которому бог сохранил жизнь при уничтожении грешного города Содома. *Афродита* (греч. миф.) — богиня любви и красоты, родившаяся из морской пены; *Елена* — прекраснейшая из женщин, похищение которой, согласно преданию, послужило причиной похода греков на Трою. Употребление этих имен в нарицательном значении применительно к красавицам «девятьсот тринадцатого года» имеет снижающий смысл. *Козлоногая* — роль, которую исполняла О. А. Глебова в балете И. Саца «Пляс козлоногих» в Театре миниатюр в Петербурге. *Голова Madame de Lamballe.* Имеется в виду красавица герцогиня Мария Тереза де Ламбаль (1749—1792), любимая придворная дама королевы Марии-Антуанетты. Народ считал ее активной вдохновительницей контрреволюционных интриг королевского двора. В дни сентябрьского восстания 1792 г. она была растерзана толпой; голова ее была поднесена на пике к окнам Тампля, где находилось в заключении королевское семейство. *Que me veut mon Prince Carnaval?* Во время карнавала во Франции народ выбирал короля и королеву праздничного торжества.

⟨Проза⟩. *На вершине Гетевского Брокена.* На шабаше ведьм, происходящем, по немецкому народному преданию, на горе Брокен в Гарце, Фауст (в трагедии Гёте) видит призрак покинутой им Гретхен в белом саване, предвещающем ее близкую смерть. *Чернофигурная ваза* — античная терракотовая ваза с черными фигурами на коричневом фоне. *Так парадно обнажена* варьирует последнюю строку стих. № 149 (см. «Варианты»). *Ты, Иванушка древней сказки,* — т. е. Иванушка-дурачок. Драгунский корнет, влюбленный в Коломбину, видит в своей любимой не «Травиату» (см. «Варианты»), а сказочную царевну.

Глава вторая. Эпиграф — из стих. Баратынского «Всегда и в пурпуре и в злате...». В БВ — эпиграф из стих. Ахматовой № 79.

⟨Проза⟩. «Шаги Командора» — стих. А. Блока (1912), в котором гибель Дон Жуана является символом трагической развязки, ожидающей самого поэта. В материалах к балетному сценарию: «Блок ждал командора» (ГПБ).

Мейерхольдовы арапчата. В «Дон Жуане» Мольера, поставленном Вс. Э. Мейерхольдом в 1910 г. в Александринском театре в Петербурге, «слуги просцениума», костюмированные арапчатами, раздвигали и сдвигали занавес и переносили театральные реквизиты. *Город Питер, что народу бока повытер* — старинная поговорка, восходящая ко времени строительства Петербурга при Петре I. *Prima* (итал.) — примадонна; знаменитая русская балерина Анна Павлова (1881—1931); исполнение «Умирающего лебедя», поставленного М. М. Фокиным на музыку Сен-Санса (1907), считалось высшим образцом ее искусства и запечатлено на картине В. А. Серова (1910). *Тот голос знакомый* — голос Ф. И. Шаляпина, гастроли которого в Мариинском театре были одним из выдающихся событий художественной жизни тех лет. *Вкруг костров кучерская пляска.* При сильных морозах в дореволюционное время на улицах Петербурга

зажигались костры, у которых, среди других, обычно грелись кучера, дожидавшиеся своих господ. «Пляска кучеров» в балете Стравинского «Петрушка» (1913) — одна из сценок праздничного гулянья в гротескном изображении народного спектакля. *Черно-желтый стяг* поднимался над Зимним дворцом, когда в нем находился царь. *Пьяный... моряк* ассоциируется у Ахматовой с воспоминаниями о гибели русского флота в Цусимском бою (см. с. 512): «А матрос (пьяный) всегда был Цусимой... этим тоже первым ужасом моего поколения (что поет моряк? — Поискать и чего я не сумела выразить в поэме «У самого моря»)» (ЦГАЛИ). *Он там один* и т. д. Подразумевается Александр Блок. В своих заметках Ахматова в конце жизни писала: «Блока я считаю не только величайшим поэтом первой четверти XX века, но и человеком-эпохой, т. е. самым характерным представителем своего времени...» (ЦГАЛИ). Черты романтического демонизма и трагической обреченности, которыми наделен образ Блока в поэме, во многом напоминают стих. № 510. Подробнее см. в кн.: В. М. Жирмунский, Творчество Анны Ахматовой, с. 54 и след., 161—163. *Это он в переполненном зале* и т. д. — реминисценция стих. Блока «В ресторане» (1910). *Встретился с Командором* — намек на стих. «Шаги Командора». *Как вы были в пространстве новом* и т. д. — реминисценция стих. Блока «Милый брат. Завечерело...». *Дивного мэтра,* т. е. маэстро, дирижера. *Вижу танец придворных костей.* Ср. у Блока: «То кости лязгают о кости» («Пляски смерти», 1912). *«Поцелуйные плечи»* — ср. «Поцелуйные руки и плечи» в стих. Вс. Князева «1 января 1913 г.». *Скобарь.* О. А. Глебова была уроженкой б. Псковской губ. Дед ее был крепостным крестьянином. *«Весна» Боттичелли* изображает аллегорическую женскую фигуру в платье, усыпанном цветами. Увлечение живописью Боттичелли и таких его последователей, как английский прерафаэлит Берн-Джонс, было характерно для модернизма начала XX в. *Гороскоп* — средневековый астрологический термин, предсказание судьбы человека по звездам.

Глава третья. Эпиграфы: первый — из стих. № 101, второй — первые строки стих. О. Мандельштама, третий — первая строка стих. М. Лозинского (сб. «Горный ключ», Пг., 1916).

⟨Проза⟩. *Последнее воспоминание о Царском Селе* — ср. стих. Пушкина «Воспоминания в Царском Селе» (1829).

И валились с мостов кареты. Как объяснил К. И. Чуковский, лошади скользили, въезжая на обледенелые мосты. *Серебряным веком* русской поэзии называли начало XX в. в отличие от «золотого века» пушкинской эпохи. Согласно распространенной исторической легенде, *царица Авдотья* (Евдокия Лопухина), первая жена Петра, отстраненная от престола и насильно постриженная в монахини, прокляла новую столицу Петербург. В материалах к поэме, связанных с балетным сценарием (см. ниже, с. 521), сохранился план лирического отступления на эту тему: «Суздаль, Успенский монастырь. Покои царицы Евдокии Федоровны Лопухиной. Странницы — тени казненных. Ей гадают. Глебов. Любовь. Она перед домашним иконостасом проклинает Петербург. „Быть пусту месту сему“» (ЦГАЛИ, 27 декабря 1959); ср. эпиграф к ч. III. О Петербурге как о городе *Достоевского* см. № 634 и прим. *Как пред казнью бил барабан,* см. с. 507. *Камеронова галерея* в Царском Селе была пристроена

к Екатерининскому дворцу по проекту шотландского архитектора Чарльза Камерона (1783—1786). О теме «отступления» см. прим. № 127 (Н. В. Недоброво).

Глава четвертая и последняя. Эпиграф — из стих. Вс. Князева «И нет напевов, нет созвучий. . .».

⟨Проза⟩. *Угол Марсова Поля.* Ср. «Наброски» в материалах к поэме: «. . .и угол Марсова Поля, откуда не хочет и не может уйти моя поэма» (ГПБ, 19 апреля 1962). *Спас на Крови*—см. прим. № 313.

«Палевый локон» — из стих. Вс. Князева «Сколько раз проходил мимо окон. . .» (июнь 1911): «Сколько раз видел палевый локон, Когда ветер им нежно играл. . .» *И невидимых звон копыт* — подразумевается призрак Медного всадника. *На... «пути из Дамаска».* Согласно евангельской легенде («Деяния апостолов», IX), язычник Савл на пути в Дамаск услышал голос Иисуса, обратился в новую веру и стал проповедовать христианство под именем апостола Павла. В стих. В. Брюсова «В Дамаск» чувственная страсть уподобляется такому чудесному экстазу:

Водоворотом мы схвачены
Последних ласк.
Вот он, от века назначенный,
Наш путь в Дамаск.

Образ этот повторен в стихах Вс. Князева, обращенных к возлюбленной в январе 1913 г., незадолго до самоубийства:

Я целовал «врата Дамаска»,
Врата с щитом, увитым в мех,
И пусть теперь надета маска
На мне, счастливейшем из всех!

По рассказам современников, Глебова участвовала в постановке в «Бродячей собаке» миракля «Путь из Дамаска», стилизованного под старинный театр. Ср. мадригал Ф. Сологуба Глебовой-Судейкиной (ПД):

И если жаркие персты
Тебе сулят любовь и ласку,
Глаза легко опустишь ты
К благоуханному Дамаску.

В Мазурских болотах в августе 1914 г. погибла значительная группа русских войск; бои против Австрии в Карпатах (1914—1916) также стоили больших человеческих жертв.

Часть вторая. *Решка* — оборотная сторона медали или монеты. В детской азартной игре «орел или решка?» бросают монету в воздух, гадая, какой стороной она упадет. Отсюда в переносном значении: решка — неудача, несчастье. Эпиграфы: первый — из «Домика в Коломне» Пушкина, строфа XII. Второй — из стих. английского поэта Т. С. Элиота (1888—1965). Третий — из стих. Н. Клюева,

посвященного Ахматовой: «Я гневаюсь на вас и горестно браню...» («лучшее, что сказано о моих стихах», ЦГАЛИ). Цитируется неточно и с пропуском; в оригинале: «Ахматова — жасминный куст, Обложенный асфальтом серым. Тропу утратила ль к пещерам, Где Данте шел и воздух густ». *Я пишу для кого-то либретто.* Имеется в виду либретто балета на текст «Снежной маски» Блока для композитора Артура Лурье (см. прим. № 291). *«Синяя птица»* — сказочная драма бельгийского символиста Мориса Метерлинка (1862—1949); мальчик Тильтиль и девочка Митиль в поисках чудесной птицы попадают в царство снов. «Синяя птица» пользовалась большой популярностью в постановке МХТ (с 1909 г.). На *террасе* королевского дворца в *Эльсиноре* Гамлету является призрак его убитого отца. *Напев Херувимской.* Херувимская песня в православной церковной службе составляет часть литургии; получила название от начальных слов «Иже херувимы...». В трагедиях *Софокла* судьба героя определяется велением рока. *Тройное дно.* В своих заметках к поэме Ахматова говорит: «Работает подтекст... Ничто не сказано в лоб. Сложные и глубокие вещи изложены не на десятках страниц, как они привычны, а в двух строках, но для всех понятных» (ЦГАЛИ). Под *столетней чаровницей* подразумевается русская романтическая поэма Пушкина и его продолжателей. Ср. прозу к «Решке» в вариантах Г 56: «Автор говорит о поэме «1913 год» и о многом другом — в частности, о романтической поэме начала XIX века, которую он называет «столетней чаровницей». Автор ошибочно полагал, что дух этой поэмы ожил в его „Петербургской повести“». *И брюлловским манит плечом.* Красавицы времен Пушкина и «романтической поэмы» изображены на портретах К. Брюллова (1799—1852) по тогдашней моде с пышными декольтированными плечами. *Манфредовы ели.* В лирической трагедии Байрона «Манфред» (1817) герой поднимается на альпийскую вершину, поросшую мрачным еловым лесом. *Шелли* Перси Биши (1792—1822) — английский поэт-романтик. Утонул в море, катаясь на яхте близ Виареджо в Италии. Байрон вместе с другими друзьями поэта сжег его тело на костре на морском берегу. *Клара Газуль* — имя вымышленной испанской актрисы, под которым французский писатель Проспер Мериме (1803—1870) выпустил собрание своих ранних романтических пьес («Театр Клары Газуль», 1825).

Часть третья. Эпилог. Первый эпиграф — см. с. 516. Второй — из стих. Ин. Анненского «Петербург». Третий — из «Медного всадника» Пушкина. *Моему городу.* В Т — «Городу и другу» — В. Г. Гаршину, которому в Т была посвящена и «Решка». Гаршин Владимир Георгиевич (1887—1956) — профессор Военно-медицинской академии, друг Ахматовой. Во время блокады оставался в Ленинграде (см. стих. № 545 и прим.). После возвращения Ахматовой из эвакуации она и Гаршин разошлись и посвящение было снято, а ст. 632—637 соответственно изменены.

⟨Проза⟩. *За семь тысяч километров* — в Ташкенте. Под *Тобруком* происходили в 1942 г. бои между фашистскими войсками и высадившейся в северной Африке армией союзников под командой генерала Монтгомери. *Стоит мой Город «зашитый».* Окна Ленинграда во время блокады были забиты досками. По немецкой народной легенде, на горе *Брокен* в Гарце в Вальпургиеву ночь (накануне

1 мая) слетаются ведьмы. *Quo vadis?* (лат.) — «Куда идешь?» («Камо грядеши?» — слав.). Согласно католической легенде, этот вопрос был задан апостолом Петром Христу, которого он встречает на своем пути, спасаясь бегством из Рима. Ср. исторический роман польского писателя Генриха Сенкевича «Камо грядеши?» (1894—1896), сделавший эту легенду популярной в литературе нового времени.

«Примечания редактора» позади текста и подстрочные выноски, приписываемые «автору», отсутствовали в Т, а в дальнейшем (начиная с Г 56) менялись по своему составу. Они представляют, как и начало «Решки», ироническую игру с иллюзией реальности сюжета романтической поэмы «Девятьсот тринадцатый год»; они разрушают эту жизненную реальность показом автора, дающего пояснение к своему художественному произведению (в духе Стерна и немецких романтиков, «Балаганчика» Блока, а также примечаний к «Евгению Онегину» и к «Дон Жуану» Байрона). Ахматова пишет об этом: «Предисловие к примечаниям автора. В отличие от примечаний редактора, которые будут до смешного правдивы, примечания автора не содержат ни одного слова истины, там будут шутки умные и глупые, намеки понятные и непонятные, ничего не доказывающие ссылки на великие имена (Пушкин) и вообще все, что бывает в жизни, главным же образом строфы, не вошедшие в окончательный текст» (ЦГАЛИ). В качестве примера приводится «блуждающая в списке 55 года строфа» (см. № 650). «При этих строфах будет написано невесть что ...читатели должны верить, что она ⟨поэма⟩, как опытная космонавтка, так вот и спустилась с неба, никогда другой и не была, никогда другой и не будет» (ЦГАЛИ).

Параллельно с работой над расширением и завершением «Триптиха» у Ахматовой к концу 50-х годов рождается новый творческий замысел — переработать первую, сюжетную часть поэмы в сценарий для балета или для кино. Замысел этот предшествовал по времени окончательной редакции «повести» и частично был использован в ней, частично вносит в нее дополнительные черты, полнее раскрывающие художественные намерения автора. В «Списке утраченных произведений» (ГПБ) под № 9 отмечено «Либретто к «Поэме без героя» (интермедия — биография Коломбины. . .)». В записях «О поэме» (июнь 1958 г.) Ахматова сообщает: «Сегодня ночью я увидела (или услышала) во сне мою поэму как трагический балет. Это второй раз, первый раз это случилось в 1944 г. ...Я помню все: и музыку, и декорацию, и костюмы, и большие часы (справа, кот⟨орые⟩ били новогоднюю полночь... Ольга танцевала la danse russe rêvée par Debussi ⟨русскую пляску, преображенную фантазией Дебюсси — франц.⟩, как сказал о ней в 13 г. К. В., и исполняла пляску козлоногой и какой-то танец в шубке, с большой муфтой, как на портрете Судейкина, и в меховых сапожках. Потом сбросила все и оказалась Психеей с крылышками и в густом теплом желтом сиянии. Кучера плясали, как в «Петрушке» Стравинского, Павлова летела над Мариинской сценой (последний танец Нижинского), голуби ворковали в середине Гостиного двора, перед угловыми колоннами в зол⟨отых⟩ окладах горели неугасимые лампады... Блок ждал Командора... Бил барабан...» (ЦГАЛИ). Нижинский — постоянный партнер

Анны Павловой, считался лучшим балетным актером своего времени. Драма начинается с пролога (картина I). Канун Нового года. Поэтесса «в длинной черной шали» (вариант «в воспетой шали») ждет непришедшего гостя. Звонок. Появляется толпа ряженых в масках. «Все танцуют: Демон, Дон Жуан (с окутанной трауром Донной Анной), Фауст (старый) с мертвой Гретхен. Верстовой столб (один). Козлоногая ведет вакхическое шествие, как на ⟨нрзб.⟩ вазе. «Гость из будущего» выходит из одного зеркала, traverse la scène ⟨пересекает сцену — франц.⟩ и входит в другое. Все в ужасе». «Банальный танец Коломбины, Арлекина и Пьеро». Появляется драгун в черном плаще и маске. После ряд неразработанных эпизодов — «видение: мертвый драгун „между печкой и шкафом“». Действие открывается сценой у Коломбины (картина II), которую одевает и убирает «Верка», ее «маленькая камеристка». Приезжает драгун. «Интимный завтрак». Сцена ревности. Она клянется ему в верности, дает ему «палевый локон». Звучит Requiem Моцарта. Опять спальня. «Драгун уже забыт...» «Ольга, лежа в кружевном чепчике и ночной рубашке, принимает гостей. Ряд сцен между гостями, Коломбиной и драгуном. Открывается вид на ночной Петербург». «Они на улице. Таврический сад в снегу, вьюга. Призраки в вьюге (может быть, даже — двенадцать Блока, но вдалеке и не реально)». Сцена в комнате Коломбины. Картина II имеет другой вариант: «Легкий (белый в мушку) занавес, неконченный портрет Коломбины-Путаницы на мольберте. С него сходит О. в шубке, которую она сбрасывает на руку одному из арапчат, кот⟨орые⟩ вертятся вокруг. X ⟨этой буквой обычно обозначает себя поэтесса⟩ берет с подноса бокал с вином, чокается с О. и показывает ей на что-то вдали. Арапчата раздвигают занавес, и... вокруг «старый город Питер». Новогодняя, почти андерсеновская, метель. Сквозь нее — видения (можно из «Снежной маски»). Вереница экипажей: кареты, сани. Книжный Литейный — горбатые, бородатые букинисты и чудаки-книголюбы, ночная служба в церквах (барабанный бой — солдатская песня — кусок парада — гвардия под ружьем на льду Невы, Крещение). Вяземская лавра — «дно». Коломбина вместе с 5-ю другими коломбинами пляшет русскую в Царскосельском дворце К. В. ...Танец с двойниками (все в масках)...» Продолжение действия переносится в «Бродячую собаку». «Вечер Карсавиной — она танцует (на зеркале). Маскарад — топится большой камин». Здесь, по-видимому, центральное место должна была занимать сцена гадания. «Маг ⟨вариант: шарманщик⟩ предлагает всем, чтобы узнать свое будущее, стучать в страшную дверь. Первый стучит Фауст — дверь открывается, выходит Мефистофель и уводит Фауста по лестнице вниз — страшная музыка. Стучит Дон Жуан, выходит Командор, и они вместе проваливаются. Больше никто не хочет стучать. Только драгун осмеливается — дверь распахивается, там на пьедестале — ожившая Психея, которую он принимает за Коломбину, бросается к ней, дверь с грохотом захлопывается. Траурная музыка...». Действие переносится опять на улицы «ночного Петербурга». Картина III происходит на Марсовом поле. Она также имеет несколько вариантов. «Драгун у фонаря...» «Шум времени. Метель. Все переплетается, как во сне». «Драгун сочиняет стихи под фонарем». В другом варианте: «Он старается вызвать «милые тени», мать, сестер — вместо них погубленные им не-

веста — институтка — монахиня и цыганка, мертвая. Круг все уже...» Затем следует заключительный эпизод — самоубийство: «В глубине сцены взлетает второй занавес — страшная лестница, освещенная газом (синий свет)... С маскарада возвращается О., с ней неизвестный... Сцена перед дверью. Драгун в нише. Их прощанье, не оставляющее никаких сомнений. Поцелуй. О. входит к себе. Самоубийство драгуна. Выстрел. Гаснет свет. Панихида в музыке». Финал также имеет разные варианты. В одном из них, озаглавленном «Finale из балета», «из дверей выходит Коломбина в черной венецианской шали, становится на колени у тела, поднимает принесенную ей драгуном белую розу и кладет ее ему на грудь. Двери Кол⟨омбины⟩ вырастают и распахиваются. Виден огромный пожар. Пылает *не только* дом Адамини». В процессе работы над сценарием рамки его оказались еще эластичнее, чем рамки поэмы: они легко раздвигались включением все новых персонажей и эпизодов, расширивших романтическую любовную повесть как типический случай до масштабов исторической картины века и представлявших этот век людей. Такими новыми эпизодами, которые остались неразработанными, могли явиться: картина призрачного парада царских войск на Марсовом поле («военный Петербург» — «барабанный бой») или столкновение влюбленного корнета с генералом, который сажает его под арест за то, что он не отдал ему чести («сон корнета» — реминисценция сцены в казарме в «Пиковой даме» Чайковского); отношения корнета к его невесте, «институтке», и к цыганке (см. № 655 и прим.). Намечалась сцена в Суздале (см. выше, с. 516), в одном из примечаний взвешивалась возможность включить Настасью Филипповну Достоевского в число литературных персонажей маскарада («призрак Настасьи Филипповны»). Имеется набросок (ЦГАЛИ) сцены в художественном «Бюро Добычиной», где продавались в те годы картины модных художников «Мира искусств». Оживают развешанные по стенам известные их портреты: Шаляпин — «в шубе», Мейерхольд, Павлова — лебедь, Тамара Карсавина, Саломея Андроникова (см. прим. № 349), Ахматова, Лурье, Кузмин, Мандельштам, Блок, молодой Стравинский, Хлебников, «Маяковский на мосту» (подразумевается, вероятно, поэма «Человек», ст. 772—780); «видно, как Городецкий, Есенин... Клычков пляшут «русскую»; там «Башня» Вяч. Иванова, будущая bienheureuse Marie ⟨блаженная Мария — франц., — см. прим. № 147⟩ Лиза Караваева читает «Скифские черепки». Все смутно, отдаленно, еще случилось ⟨нрзб.⟩, но в музыке еще все живет». В сцене гадания шарманщика, по замечанию автора, «читатель и зрители могут, по желанию, включить в это избранное общество, кого захотят. Например, Распутина, Вырубову, дипломатов того времени, себя самих, если они достаточно стары...» «Плохо, конечно, что в таком виде число этих персонажей ничем не ограничено. Каждый может почудиться прохожему в оснеженном волшебном новогоднем окне» (7 декабря 1961). Ахматова говорила о «Другой» — неосуществленной «трагической поэме», «обломки которой сохранились в Триптихе» (ЦГАЛИ). Этот исторический фон поэмы, оставшийся художественно нереализованным, служит очень важным комментарием к поэтическому замыслу автора.

⟨ДОПОЛНЕНИЯ

Строфы, не вошедшие в текст «Поэмы без героя»⟩

Строфы, которые Ахматова «не пустила» в окончательный текст поэмы, она предполагала частично сохранить в «Примечаниях редактора», как это сделано с первым окончанием «Эпилога»: «Я уверена, что из текста я их выну, но в каком-то применении они уцелеют. А еще вернее, что уцелеют в «Прозе к поэме», если только я найду подобающий прием, чтобы их в каком-нибудь виде оставить» (ЦГАЛИ). Сохранилось довольно большое число таких строф, в разной степени законченных. Принадлежность их к «Поэме без героя» доказывается содержанием и характерной формой «ахматовской строфы». Здесь они печатаются в том установленном на основании изучения рукописных материалов порядке, в каком должны были следовать в поэме.

649. НМ, 1963, № 1, с. 89, в подборке «Лирические стихотворения». Печ. по БВ, с. 436. Автограф с разночтениями и черновой автограф (ЦГАЛИ) в составе первой части поэмы. *Паровик идет до Скорбящей*, т. е. до часовни «Божьей матери всех скорбящих радости» при Императорском стеклянном заводе на Шлиссельбургском тракте (ныне Ломоносовский фарфоровый завод). Рабочий район за Невской заставой был соединен с нынешней площадью Восстания «паровой конной». *Горячее Поле* — пустырь за Невской заставой, в прошлом место мусорной свалки, где находили убежище преступные элементы старого Петербурга. *Шарманщик* и *цыганка* получили важную сюжетную роль в балетном сценарии к «Поэме без героя».

650. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Другие автографы с разночтениями (ЦГАЛИ): первый под загл. «Из „Решки“»; второй под загл. «Пропущенные строфы» поэмы. VIII[a]», с датой: 1958. В примечаниях к автографам — указание Ахматовой на источник образа: «стих. Лермонтова «Едет царевич» («Пусть он помнит про царскую дочь»)». Имеется в виду ст. «Будет он помнить про царскую дочь» из стих. «Морская царевна». По теме и центральному образу связано с стих. № 635 и с циклом стих. № 327—329.

651. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация в кн.: В. М. Жирмунский, Творчество Анны Ахматовой, Л., 1973, с. 168. Уже после окончания работы над первой редакцией «Поэмы без героя» Ахматова сделала попытку расширить прозу к «Решке», введя в нее, в связи с упоминанием «белого зала» Шереметевского дворца, где происходит святочный маскарад, эпизод, посвященный Параше Жемчуговой, крепостной актрисе, возлюбленной одного из графов Шереметевых: «5 января 1941 г. Фонтанный Дом. Окно комнаты выходит в сад, который старше Петербурга, как видно по срезам дубов. При шведах здесь была мыза. Петр подарил это место Шереметеву за победы. Когда Параша Жемчугова мучалась в родах, здесь строили какие-то свадебные трибуны для предстоящих торжеств ее свадьбы — Параша, как известно, умерла в родах, и состоялись совсем другие торжества. Рядом с комнатами автора — знаменитый

«белый зал» работы Кваренги (где когда-то за зеркалом прятался Павел I и подслушивал, что о нем говорили бальные гости Шереметевых). В этом зале пела Параша для государя, и он пожаловал ей за ее пение какие-то неслыханные жемчуга. Автор прожил в этом доме 35 лет ⟨см. № 558 и прим.⟩ и все про него знает. Он думает, что самое главное еще впереди. Посмотрим» (ЦГАЛИ). Ахматова колебалась, не использовать ли этот материал в примечаниях к поэме. На полях приписано: «В примеч. к слову „Белый зал"».

652. ДП, М., 1964, с. 62, в цикле «Полночные стихи». Список (мат. В. М. Жирмунского) — в составе «Решки». *Эль-Греко* (1541—1614) — испанский художник-маньерист.

653. Печ. по Ц 59. Строфа предназначалась для «Решки». В Ц 59 приводится в «Примечаниях редактора» как не вошедшая в текст строфа V-а.

654. Печ. по автографу из «Записной книжки Ардовых» (ПД). Положение строфы в составе «Поэмы без героя» неясно.

655. Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Посмертная публикация в кн.: В. М. Жирмунский, Творчество Анны Ахматовой, Л., 1973, с. 167. Сюжетно связано с балетным сценарием: «Его собственные воспоминания. Две тени. Кузина — невеста-смолянка (институтский бал и т. д.). Из-за Коломбины он охладевает. Она идет в монастырь. Цыганка — табор, ее смертный танец. Смерть».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

*

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Фотография начала 1920-х годов.
2. *С. 33.* Обложка книги «Вечер» (СПб., 1912) работы С. М. Городецкого.
3. *С. 65.* Обложка книги «Четки» (СПб., 1914).
4. *С. 103.* Обложка книги «Белая стая» (Пг., 1917).
5. *С. 141.* Обложка книги «Подорожник» (Пг., 1921) работы М. В. Добужинского.
6. *Между с. 144 и 145.* Фотография 1920-х годов работы М. С. Наппельбаума.
7. *На обороте.* Фотография середины 1920-х годов.
8. *С. 161.* Обложка книги «Anno Domini» (Пг., 1922. На титуле — 1921).
9. *Между с. 176 и 177.* Портрет работы Н. А. Тырсы (1928). Государственный Русский музей.
10. *На обороте.* Фотография конца 1930-х годов. Собрание М. А. Балцвинника.
11. *С. 189.* Титульный лист книги «Ива» в сборнике «Из шести книг» (Л., 1940). Рукой А. А. Ахматовой название «Ива» заменено на «Тростник». Экземпляр из собрания З. Б. Томашевской.
12. *С. 223.* Автограф из собрания В. Г. Адмони и Т. И. Сильман.
13. *Между с. 272 и 273.* Фотография конца 1930-х годов из собрания В. Г. Адмони и Т. И. Сильман.
14. *На обороте.* Фотография (начало 1946 г.). Слева направо: П. Г. Антокольский, О. Ф. Берггольц, М. А. Дудин, А. А. Ахматова, Н. С. Тихонов.
15. *Между с. 304 и 305.* Рисунок А. Г. Тышлера (Ташкент, 1943) из собрания Л. Я. Гинзбург.
16. *На обороте.* Фотография конца 1950-х годов работы Л. Я. Гинзбург.

СОДЕРЖАНИЕ *

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВЕЧЕР
1912

I

II

---

* Стихотворения, отмеченные звездочкой, печатаются впервые.

III

⟨ДОПОЛНЕНИЯ⟩

ЧЕТКИ

1914

I

II

III

IV

⟨*ДОПОЛНЕНИЯ*⟩

БЕЛАЯ СТАЯ

1917

I

II

III

IV

⟨ДОПОЛНЕНИЯ⟩

ПОДОРОЖНИК

1921

⟨ДОПОЛНЕНИЕ⟩

ANNO DOMINI

1921—1922

I. ПОСЛЕ ВСЕГО

II. MCMXXI

III. ГОЛОС ПАМЯТИ

ТРОСТНИК

1924—1940

СЕДЬМАЯ КНИГА

‹1936—1964›

НЕЧЕТ

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

ЭПИЧЕСКИЕ И ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ

ПОЭМЫ

Анна Андреевна Ахматова

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1976,
560 стр.
План выпуска 1975 г. № 354

Редактор *Л. С. Гейро*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Ф. Н. Аврунина*

Сдано в набор 15/X 1976 г. Подписано к печати 13/XII 1976 г. М 19293. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бумага типогр. № 1. Печ. л. $17^1/_2+5$ вкл. Усл. печ. л. 29,9. Уч.-изд. л. 25,94. Тираж 40 000 экз. Заказ № 998.
Цена 2 р. 52 к.

Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.